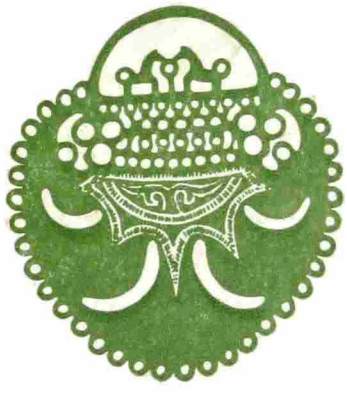
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



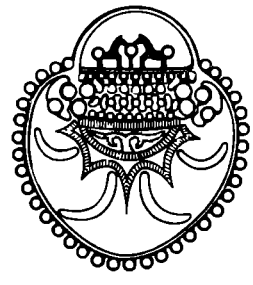
2

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

Н. Ф. БОГОСЛОВСКАЯ

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖЕНИЯ ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Халафская культура знаменует третью ступень производящего хозяйства северной Месопотамии. Она охватывает период примерно с конца VI до третьей четверти V тысячелетия до н. э. Памятники халафской культуры и отдельные находки халафской керамики встречены на огромной территории от гор Тавра на севере до среднего Двуречья на юге и от Средиземного моря на западе до гор Загроса на востоке. Ее влияние прослеживается на ряде раннеземледельческих культур, в том числе у нас на Кавказе. Люди халафской культуры были земледельцами, возделывавшими ячмень и пшеницу-двузернянку и разводившими крупный и мелкий рогатый скот. Охота играла еще значительную роль. В это время уже используется металл, но орудия изготовляли из кремния и обсидиана. Из камня вырезали амулеты, подвески, бусы. Пластика представлена глиняными женскими статуэтками и фигурками животных. О поселениях и жилой архитектуре известно пока немного. В Арпачии, на верхнем Тигре, открыты мощенные булыжником улицы, соединяющие дома. Интересны круглые куполообразные сооружения, так называемые толосы. Они возводились из глины на каменном основании диаметром от 4 до 10 *м*. Иногда к ним примыкает длинная прямоугольная комната. До сих пор неизвестно, были ли это жилые дома или культовые помещения.

Ярче всего халафская культура представлена своей роскошной расписной керамикой. Сделанная от руки, она поражает разнообразием и изяществом форм. Это светлоглиняная тонкостенная посуда, обычно покрытая блестящим ангобом и расписанная красной, коричневой, черной и белой красками.

Известные в настоящее время коллекции халафской керамики можно разделить на две группы — западную и восточную — соответственно двум географическим районам распространения халафа. Западные памятники сосредоточены в районе верхнего Евфрата и его притоков — Хабура и Балиха, восточные — в районе Мосула на верхнем Тигре. На существование двух вариантов халафской керамики указывал ряд исследователей [1], не обосновывая, однако, такого выделения фактическим материалом. Между тем, четкая характеристика двух вариантов халафской культуры, стратиграфическое сопоставление их с материальной культурой соседних халафу областей позволит вплотную подойти к решению вопроса о месте сложения халафской культуры, который до сих пор остается открытым. Для выделения западной и восточной группы халафской керамики по формам сосудов и их орнаментации взяты наиболее полные коллекции из Тель-Ха-

[1] A. L. Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957, стр. 43—45; J. Mellaart. Earliest Civilizations in the Near East. London, 1965, стр. 119, 120; B. L. Goff. Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven and London, 1963, стр. 10; Takey Dabbagh. Halaf Pottery. Sumer, XXII, Baghdad, 1966, стр. 26.

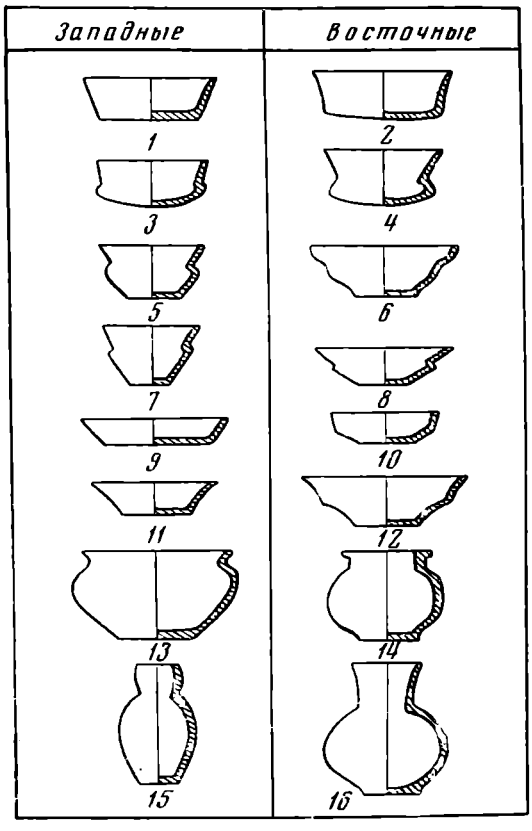


Рис. 1. Сравнение форм сосудов западной и восточной халафской группы

лафа, Кархемыша, Чагар-Базара и Брака [2] для западного района, а для восточного — коллекции из Арпачии, Гавры, Ниневии и Хассуны [3].

Чагар-Базар на западе и Арпачия на востоке дали хорошо стратифицированный материал, который делится на три фазы: раннюю, среднюю и позднюю. В 1959 г. Советской археологической экспедицией в Ираке начаты раскопки халафского памятника Ярым-Тепе II, расположенного в Синджарской долине на пути из западного района халафской культуры в восточный. Предварительные раскопки ступенями по склону холма дали богатую коллекцию керамики с четкой стратиграфией. Памятник имеет западные и восточные черты, но более тяготеет к западному халафскому варианту [4].

Следует сразу подчеркнуть, что сходство двух вариантов халафской керамики существеннее различия. Для обоих вариантов характерны общие группы форм (1 — чаши плоскодонные с прямыми и круглыми стенками, 2 — чаши с резким изломом в профиле и выступом ниже линии излома, 3 — тарелки, 4 — горшки, 5 — кувшины), а также общие группы орнаментов: 1 — геометрический линейный орнамент, 2 — витой орнамент, 3 — пунктирный, точечный и круговой, 4 — орнамент «бабочка» или «двойной топор», 5 — четырехлепестковый, 6 — клетчатый, 7 — розетки и кресты, 8 — мотив букрании, 9 — растительные, 10 — зооморфные орнаменты. В каждом варианте отдается предпочтение отдельным формам и орнаментам, сходные по форме сосуды имеют различную композицию росписи, есть совершенно одинаковые изделия в западных и восточных коллекциях. Общая сводка форм и орнаментов халафской керамики дана в статье Даббаха Тэкея «Халафская керамика» [5]. Для выделения двух вариантов сравниваются наиболее характерные признаки в каждой группе форм и орнаментов.

Формы керамики (рис. 1). Плоскодонные чаши с прямыми расходящимися вверх стенками, многочисленные в западных коллекциях, почти не найдены на востоке. Здесь им соответствуют чаши со слегка вогнутыми

[2] M. Oppenheim. Tell Halaf. Berlin, 1943; L. Wooley. The Prehistoric Pottery of Carhemish. «Iraq», I, 2, London, 1934, стр. 146—162; M. E. L. Mallowan. The Excavations at Tall Chagar Bazar, and an Archaeological Survey of the Habur Region. «Iraq», III, 1, London, 1936, стр. 1—87; M. E. L. Mallowan. Excavations at Brak and Chagar Bazar. «Iraq», IX, 1—2, London, 1947.

[3] M. E. L. Mallowan. Excavations at Tall Arpachiyah. «Iraq», II, 1, London, 1935; A. Tobler. Excavations at Tepe Gawra, II, Philadelphia, 1950; S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944. JNES, IV, 4, Chicago, 1945, стр. 255—284; R. C. Thompson and M. E. L. Mallowan. The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—1932. AAA, XX, Liverpool, 1933, стр. 71—187.

[4] Подробный отчет о раскопках еще не опубликован. Предварительные сообщения даны. Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт. Советская археологическая экспедиция в Ираке. ВАН, 1969, 9, стр. 96—104. Мной изучена керамика из Ярым-Тепе II; полученные наблюдения будут использованы в этой статье.

[5] Takey Dabbagh. Halaf Pottery, Sumer, XXII, 1965, стр. 23—43.

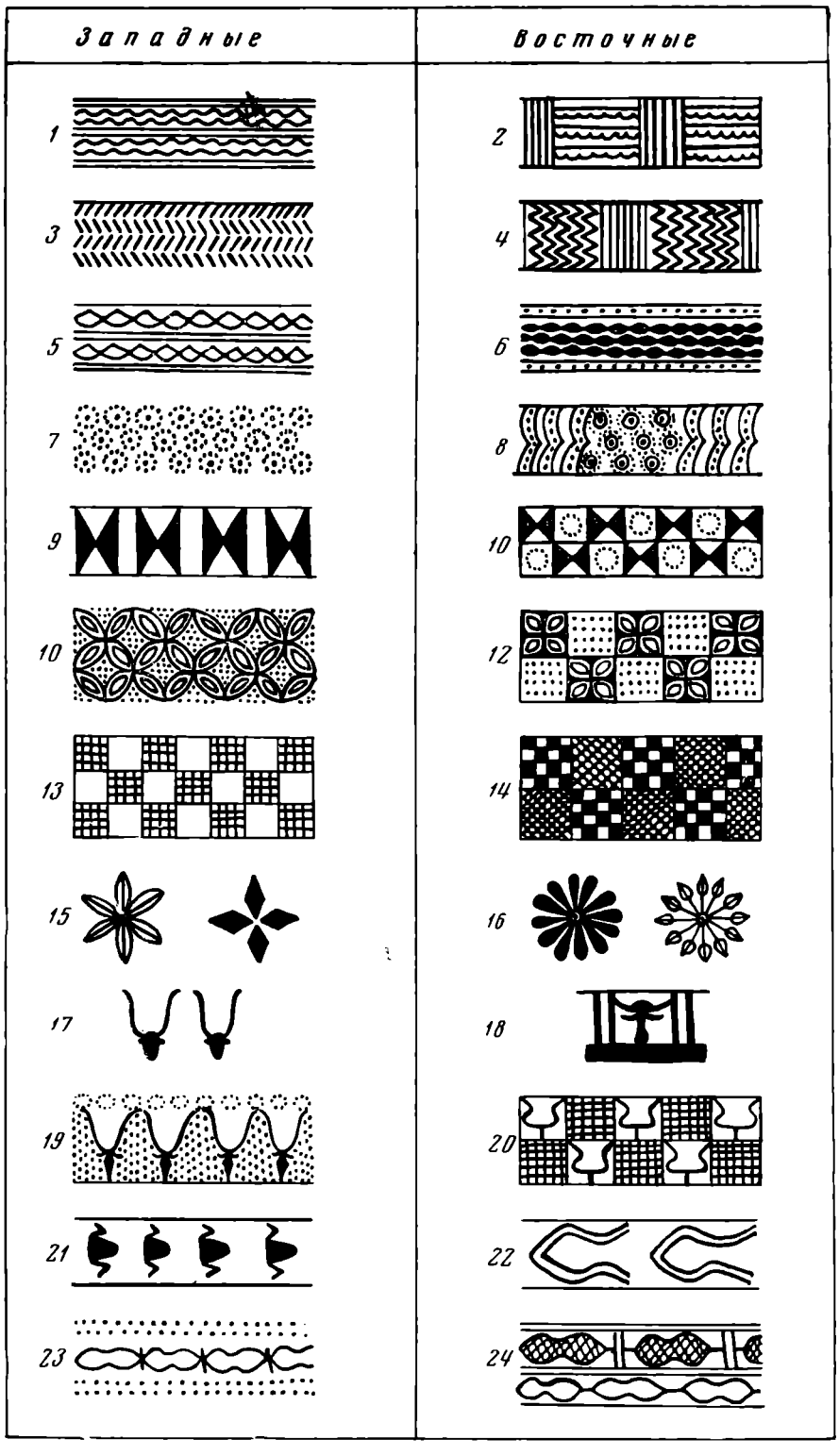


Рис. 2. Сравнение западных и восточных халафских орнаментов

стенками, обычно на выпуклом основании[6] (рис. 1, *1*, *2*). Чаши с резким изломом в профиле, так называемые «cream-bowe», характерные для Арпачии, не встречены в западном районе. В Тель-Халафе с ними можно сравнить чашц с выступом у основания[7] (рис. 1, *3*, *4*). Очень популярны и, пожалуй, наиболее характерны для западного варианта глубокие чаши с изломом в профиле, примерно на середине высоты и круглым выступом

[6] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. X, *26—32*; «Iraq», III, 1, 1936; рис. 21, *1*; 25, *1*, *3*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 69—72.

[7] «Iraq», II, 1935, рис. 62, 63; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VII *3*, *8*; X, *13—15*, *20—21*.

ниже линии излома. Только две такие найдены в Арпачии и одна в Гавре. Интересно, что они имеют орнамент только на верхней части сосуда, как такие же чаши из Тель-Халафа. Близкие им по форме глубокие тарелки из Арпачии имеют роспись снаружи и внутри по всей поверхности[8] (рис. 1, *5*, *7*, *6*, *8*).

Тарелки и блюдца — лучшие образцы восточной халафской керамики. В Арпачии и Гавре много глубоких тарелок сложных профилей, которые

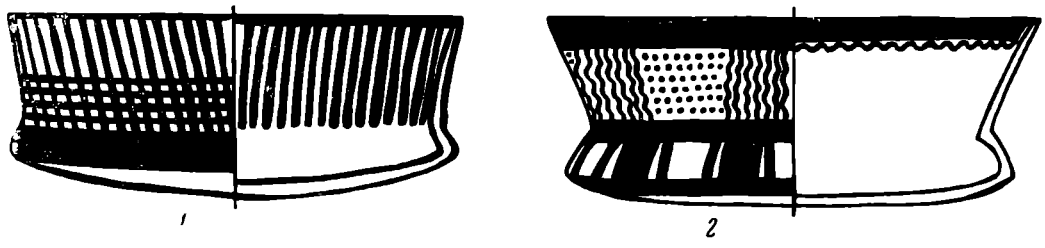


Рис. 3. Чаши из Тель-Халафа (*1*) и Арпачии (*2*)

совсем не известны в западных коллекциях, где преобладают мелкие тарелки с прямыми или вогнутыми стенками, иногда с отогнутым наружу краем[9] (рис. 1, *9*, *10*, *11*, *12*).

Горшкам с раздутым туловом и коротким широким устьем, многочисленным в западном районе, на востоке соответствуют приземистые кувшины с прямым горлом, иногда с отогнутым наружу воротничком[10] (рис. 1, *13*, *14*).

Высокие кувшины с прямым горлом, характерные для восточной группы, редки на западе. Кувшины с раздутым горлом есть только в Тель-Халафе[11] (рис. 1, *15*, *16*).

Орнаменты (рис. 2). Геометрический линейный орнамент часто используется на западных халафских сосудах. Ряды параллельных прямых, волнистых и зигзагообразных линий, косых черточек, шевронов, ромбов и треугольников, решетчатый и чешуйчатый орнаменты широкой полосой покрывают выпуклую поверхность сосудов[12]. На востоке такой орнамент встречен на керамике из нижних слоев Арпачии. Чаще он разделен на метопы из прямых, волнистых и зигзагообразных линий, чередующихся с рядами точек, витым орнаментом и др.[13] (ср. рис. 2, *1*, *3*; 2, *4*, и сосуды на рис. 3).

Витой орнамент в западной халафской группе образован рядами соединенных ромбов с округленными углами. Очень популярен на горшках и чашах[14] орнамент из нескольких рядов маленьких ромбиков. На востоке витой орнамент в виде переплетенной веревочки используется на тарелках и блюдцах[15] (ср. рис. 2, *5*, *6*). Пунктирный, точечный и круговой орнамент известен в обоих вариантах. Характерные для Арпачии кувшины с таким орнаментом на западе встречены только в Чагар-Базаре, что, возможно,

---

[8] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. XXI, *5*, *8—10*; VII, *1—2*, *12—13*; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 21, *2*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 66, *5*; 58, *3*; 54, *4*, фронтиспис; A. Tobler. ...Tepe Gawra, рис. 9.

[9] «Iraq», II, 1, 1935, табл. XIII—XVIII; A. Tobler. ...Tepe Gawra, рис. 13—16; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. XXII; «Iraq», I, 2, 1934, рис. 3, *1*; «Iraq», III, 2, 1936, рис. 25. *2*.

[10] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. XII, XIII; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 24, *7*; 25, *5*; «Iraq», I, 2, 1934, рис. 3, *8*, *13*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 59, *1—6*; 64, *7* и *9*.

[11] «Iraq», II, 1, 1935, рис. 67—68; A. Tobler. ...Tepe Gawra, рис. 55—58, 61—62; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VI, *2*; XV, *3*; XIV—XV и др.

[12] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VII, *12*; VIII, *5*, *9*; IX, *14*, *16*; X, XX и др.

[13] «Iraq», II, 1935, рис. 70, *1*, *3—5*; 71, *5—6* и др.

[14] «Iraq», III, 1, 1936, рис. 23, *2*, *4*; 24, *5*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VII, *13* и *15*; XII *1*; LXIV, *3*; LXXVI, *2* и др.

[15] «Iraq», II, 1935, табл. XIV, XVIII, рис. 61 и др.

объясняется близостью этого памятника к восточной группе [16]. На востоке орнамент из рядов точек, чередующихся с рядами линий, часто используется на чашах и кувшинах [17]. В орнаменте западных халафских сосудов характерны ряды точек, разделяющие полосы линейного орнамента, крестов, звезд, угольников; точки, заполняющие фон четырехлепесткового орнамента и букраниев; нарисованные точками круги, покрывающие поверхность сосуда [18] (рис. 2, *7*, *8*, *11*, *19*, *23*).

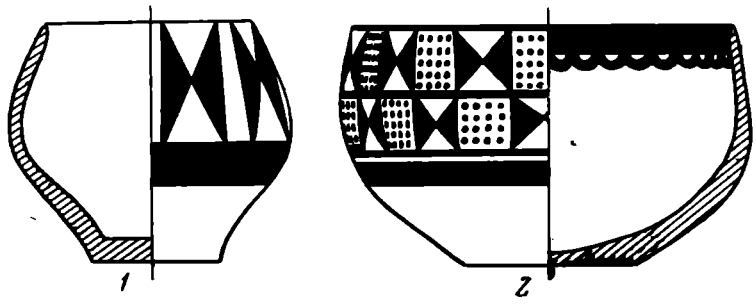


Рис. 4. Чаши из Тель-Халафа (*1*) и Арпачии (*2*)

Орнамент «бабочка» или «двойной топор». В западной группе расположенные в один ряд крупные элементы такого орнамента покрывают выпуклую поверхность сосуда. Помещенный в метопу, он в сочетании с мелким клетчатым или линейным орнаментом наносится на кувшин [19]. На востоке он входит в популярный там клетчатый орнамент. Интересно сравнить использование этого орнамента на сходных по форме сосудах из Тель-Халафа и Арпачи [20] (ср. рис. 2, *9*, *10* и рис. 4).

Четырехлепестковый орнамент распространен на западе, где известен на глубоких чашах с круглыми стенками. Часто он исполнен в двух-трех красках. Внутри лепестков — точки, кресты, глазки [21]. На востоке орнамент «бабочка», или «двойной топор», встречается редко, обычно как составной элемент сложного клетчатого орнамента и никогда не бывает двухцветным [22] (рис. 2, *11*, *12*).

Клетчатый орнамент. В западной группе халафской керамики шашечный и клетчатый орнамент из заштрихованных или заполненных крестами клеток используется на тарелках, чашах и горшках [23]. На востоке это один из самых излюбленных мотивов, особенно на поздних сосудах. Преобладает сложный клетчатый орнамент: внутри клеток — кресты, «бабочка», четырехлистник, мотив букрании. Интересен орнамент 14 (рис. 2), где внутри клетчатого помещен мелкий шашечный рисунок [24] (ср. рис. 2, *10*, *12*, *13*, *14*, *20*).

На восточных халафских тарелках и блюдцах часто изображены розетки и кресты. Исполненные в двух красках, они имеют сложный рисунок и в сочетании с линейным, витым, пунктирным и клетчатым орнаментами образуют сложные композиции росписи [25]. На западных сосудах известны очень простые розетки. Для сравнения можно привести тарелки из Тель-

---

[16] «Iraq», II, 1935, рис. 64, *7* и *9*; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 24, *6*.

[17] «Iraq», II, рис. 62, *1—3*; 69, *1*; *6* и *8*; AAA, XX, 1933, табл. XLVIII, *4* и др.

[18] «Iraq», I, 2, 1934, табл. XIXa; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. IX, *13*; V, *2* и др.

[19] M. Oppenheim. Tell Halaf, VIII, *6*, *16*; XXVIII, *8*; XXI, *3*.

[20] «Iraq», II, 1935, рис. 64, *1*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VIII, *6*.

[21] «Iraq», IX, 1947, табл. LXXX, *11*, *13*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. LI и др.

[22] «Iraq», II, 1, 1935, рис. 60, *3*; 66, *6* и *7* и др.

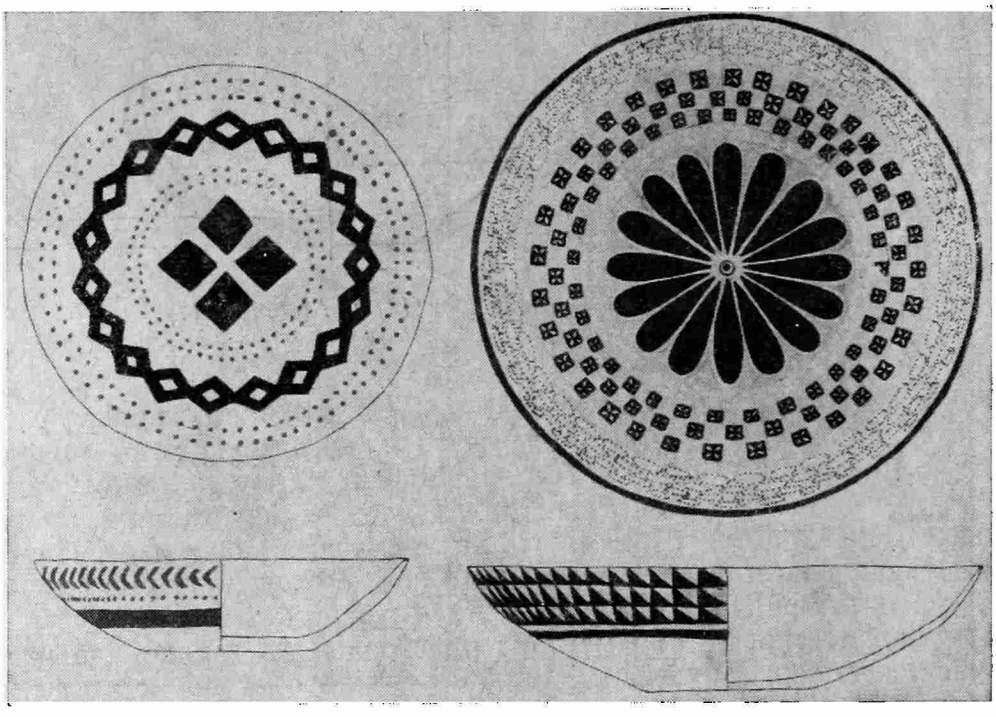
[23] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. X, *12*; XV, *6*; «Iraq», IX, 1947, табл. LXXIX, *4*.

[24] «Iraq», II, 1, 1935, рис. 78, *6—10*, *23*, *28—32*.

[25] «Iraq», II, табл. XIV—XVIII; A. Tobler. ...Tepe Gawra, рис. 12—24.

Халафа и Арпачии (рис. 5 и рис. 2, *15*, *16*). Только здесь расположенные в ряд кресты и розетки используются на тулове сосудов [26].

Мотив букрании — самый характерный для халафской керамики орнамент. В западном варианте преобладают реалистические изображения головы и рогов быка. Фон такого рисунка часто заполнен точками или звездочками [27]. Такие изображения встречены и на сосудах из ранней Арпачии, где они обычно заключены в метопу, что является уже восточной



2 *1*

Рис. 5. Тарелки из Тель-Халафа (*1*) и Арпачии (*2*)

чертой. Мотив букрании входит в популярный на востоке клетчатый орнамент и образует розетку. На восточных халафских изделиях распространены более схематичные изображения в виде овальной фигуры из соединенных пар рогов [28] (рис. 2, *15—24*). Интересно сравнить использование орнамента букрании на сходных по форме кувшинах из Тель-Халафа и Арпачии [29] (рис. 6).

Растительные орнаменты, многочисленные на западной керамике, редки на востоке [30]. Изобразительные мотивы есть на керамике из Тель-Халафа, Кархемыша и Чагар-Базара, но они редки в восточном варианте. На двух великолепных кувшинах из Гавры изображения птиц чередуются в метопах с линейным геометрическим орнаментом [31].

Сравнение двух вариантов, западного и восточного, приводит к следующим наблюдениям.

Геометрический, линейный, витой, пунктирный, круговой и четырехлепестковый орнаменты широкой полосой покрывают выпуклую поверх-

[26] «Iraq», III, 1, 1936, табл. II, *7*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. XXII, *1*, *17*; XXIV, *2*, *6*, *9* и VIII, *8*, LV, *5*, *8*, *9*.

[27] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VI, *2*; VII, *1—2*; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 26, *1—9*, табл. XX.

[28] «Iraq», II, 1, 1935, стр. 154, 156, рис. 71, *2*; 74, *1—16*; 75, *6—8*; 56, *1*, *2*.

[29] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VI, *2*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 68, *2*.

[30] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. LXI; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 27, *14—16*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 77, *10*, *17*.

[31] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. LVI—LVIII, LX; «Iraq», I, 2, 1934, табл. XX—*a* — *e*; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 27, *1*, *3*, *6*, *11*, *22*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 77, *1—5*, *8*, *9*; A. Tobler, ...Tepe Gawra, рис. 61—62.

ность сосуда на западных халафских изделиях, тогда как для восточных сосудов характерно сочетание нескольких видов орнамента, разделенного на метопы и расположенного поясами. На западе используются простой клетчатый и шашечный орнаменты, а на востоке преобладает сложный клетчатый, составными элементами которого являются почти все виды орнаментов. Розетки, редкие и простые по рисунку на западных тарелках, распространены на востоке, где имеют сложный узор, со-

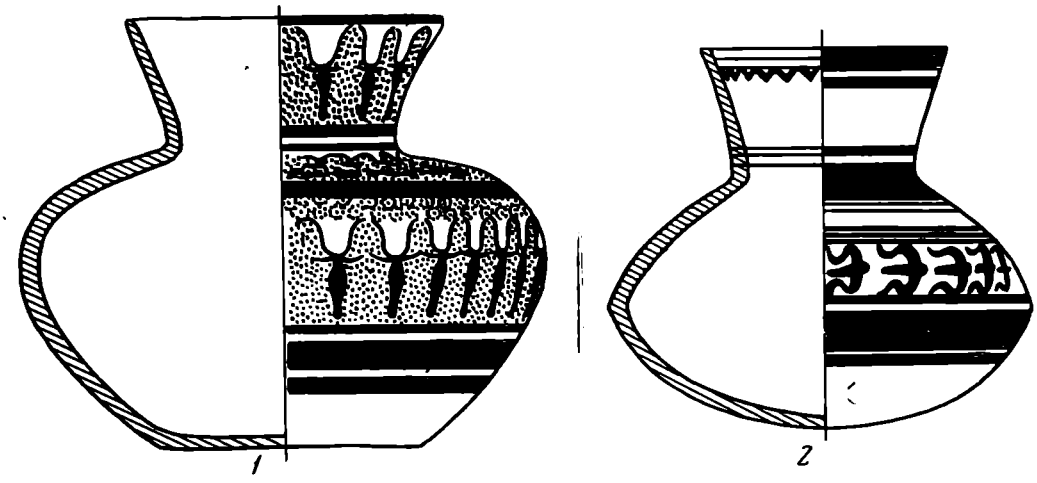


Рис. 6. Кувшины из Тель-Халафа (*1*) и Арпачии (*2*)

ставляя в сочетании с горизонтальными полосами линейного, витого, пунктирного и клетчатого орнаментов сложные композиции росписи. Формы сосудов восточной группы четкие и изысканные (рис. 1). Разделение частей подчеркнуто различной орнаментацией. Очертания профилей западных сосудов смягчены, лента одинакового орнамента покрывает большую часть поверхности. Сложные композиции росписи из нескольких видов орнамента известны в западной группе только на кувшинах, а в восточных коллекциях — на сосудах всех форм.

Реалистически исполненный мотив букрании, преобладающий в западном варианте керамики, на востоке превращен в орнаментальную схему, иногда очень отдаленно напоминающую изображения рогов. Зооморфные и растительные орнаменты, многочисленные на западе, редки в восточной группе.

Женские статуэтки в западной халафской группе всегда изображают женщину в сидячей позе, с подогнутыми ногами и согнутыми руками, поддерживающими тяжелые груди. Голова превращена в бесформенный обрубок, но тело передано натуралистично. На востоке преобладают более условные изображения, есть скрипкообразные фигуры, на которых намечены женские признаки[32] (рис. 7, *2*, *3*). Учитывая, что геометрические орнаменты развиваются от простых к сложным, а изображения от реалистических к более обобщенным и затем к очень условным, можно предположить, что западные халафские памятники являются более ранними, а восточные — более поздними, т. е. что халафская культура сложилась в западном ее районе. Оттуда она распространилась на восток. Такая точка зрения была выдвинута Дж. Меллартом[33]. А. Перкинс, вслед за ней Т. Даббах считают восточный район Халафа, район Мосула на верхнем Тигре, родиной халафской культуры[34]. Обе гипотезы не были обоснованы конкретными археологическими примерами.

На какой же основе сложилась халафская культура? Сравнение за-

---

[32] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. CV; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 5, *1—8*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 45, 46, *5—6*.

[33] J. Mellaart. Earliest Civilizations in the Near East. London, 1965, стр. 119.

[34] A. L. Perkins. The Comparative Archeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957, стр. 44; T. Dabbagh. Halaf Pottery. Sumer, XXII, Baghdad, 1966, стр. 26.

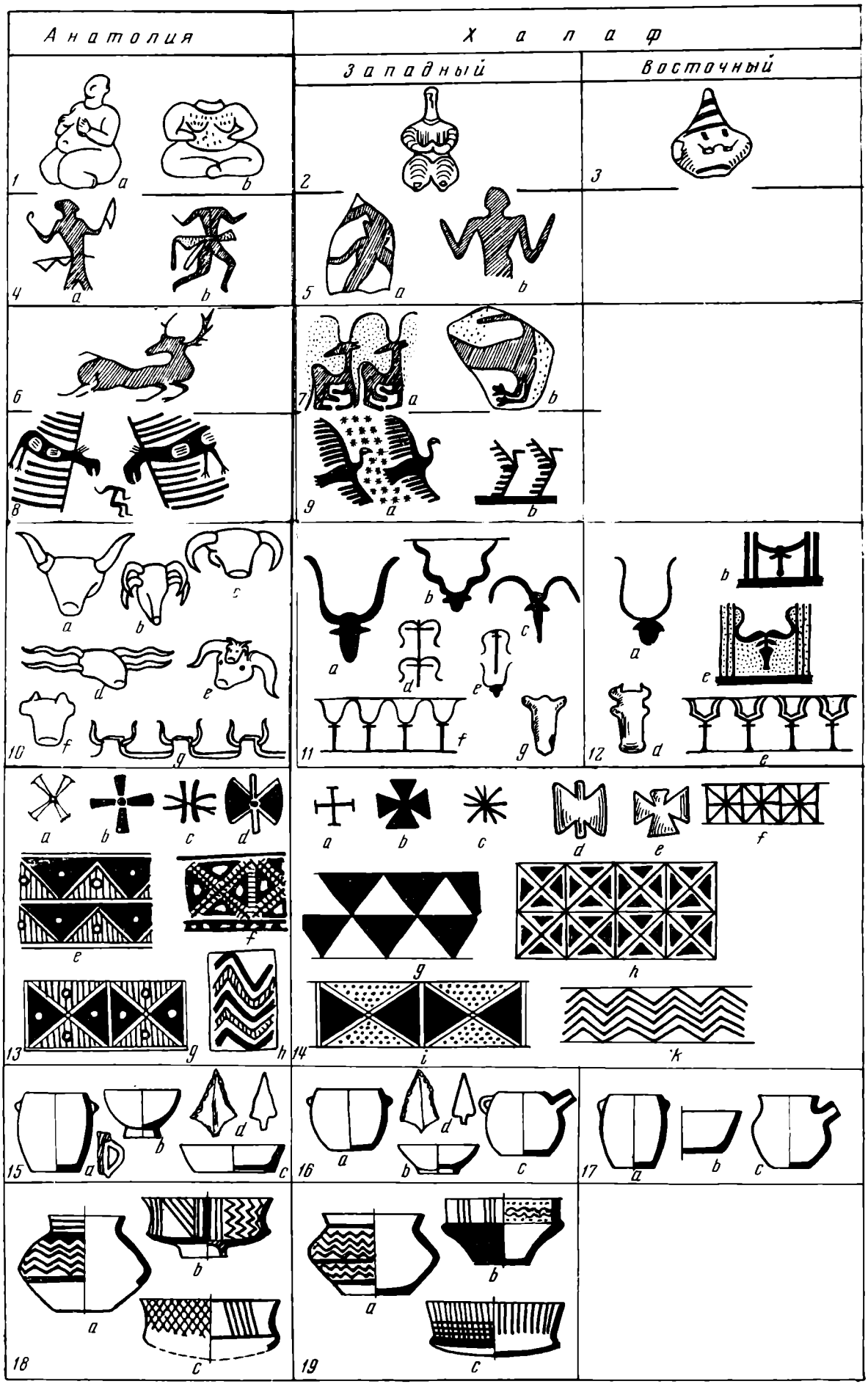


Рис. 7. Сравнение халафской культуры с культурами южной Анатолии

падной и восточной групп халафских памятников с предшествующими халафской культурами неолита и халколита южной Анатолии, Сирии и северной Месопотамии позволяет говорить о происхождении халафской культуры с достаточной определенностью.

Обратимся к западной группе халафских памятников. Последние открытия в Анатолии (раскопки Дж. Мелларта в Чатал-Гуюке) [35] показывают большее сходство ранней халафской культуры с неолитом и ранним халколитом Анатолии, чем с культурами Хассуны и Самарры в Месопотамии. Как замечает Дж. Мелларт, особое почитание быка, леопарда, изображения птиц, статуэтки богини-матери, преобладание обсидиана в халафских памятниках, крест святого Андрея и мотив «двойной топор» в керамике и камне, высокое качество лощения и блестящая краска на халафской керамике указывают на сходство с неолитом Анатолии VII тысячелетия до н. э. «Можно ожидать,— пишет Мелларт,— что люди, создавшие халафскую культуру, были знакомы с культурой их западных соседей с южно-анатолийского плато». Многие росписи на халафской керамике кажутся автору неуместными на ней и, по аналогии с Анатолией, как бы скопированными с настенных росписей, еще не открытых в Халафе [36].

Обратимся к конкретным примерам. Необычайная популярность мотива букрании на халафской расписной керамике уводит нас в неолитический восточный Чатал-Гуюк с его многочисленными святилищами. Сравните рисунки рогов и композицию изображений на халафской керамике со скульптурными изображениями из Чатал-Гуюка [37]: длинные, поднятые вверх, сильно изогнутые рога, расходящиеся вверх и в стороны извилистые рога, горизонтальные и вертикальные ряды рогов (рис. 7, *10*, *11*). Такие орнаменты, характерные для западного варианта халафской керамики, найдены в Кархемыше, Тель-Халафе, нижних слоях Чагар-Базара. К этому можно добавить находку амулета в виде вырезанной из мрамора головы коровы из самых нижних слоев Чагар-Базара [38] (рис. 7, *11*).

Изображения оленей с подогнутыми ногами и повернутой назад головой с высокими рогами на керамике из Кархемыша и Тель-Халафа напоминают изображения с настенных росписей Чатал-Гуюка [39] (рис. 7, *6* и *7*). Последние более выразительны и динамичны, что можно объяснить различной спецификой употребления одного и того же сюжета: орнаментальная роспись на халафской керамике и сюжетная настенная роспись в Чатал-Гуюке. Изображения оленей помещены на кувшине вместе с изображением головы быка, характерным для нижних слоев Чагар-Базара [40], и поэтому должны быть отнесены к раннему халафу. Менее сходны изображения птиц из Чатал-Гуюка и Тель-Халафа, но схема рисунка — длинные крылья с параллельными полосами, изображающими перья,— одинакова [41] (рис. 7, *8*, *9*). Точно такие же изображения птиц найдены в нижних слоях Ярым-Тепе II. Изображение леопарда есть на рельефах из Чатал-Гуюка и на черепке из 15 слоя Чагар-Базара. Орнаменты (кресты, точки, круги, «скобки»), покрывающие эти рельефы

[35] J. Mellaart. Catal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967.

[36] J. Mellaart. The Earliest Settlements in Western Asia (from 9-th to the End of 5-th m 1n. B. C.). Cambridge, 1967, стр. 35—36; его же. Earliest Civilizations..., стр. 124.

[37] J. Mellaart. Catal Hüyük, рис. 14—15, 20, 32, 36; его же. Excavations at Catal Hüyük. The Second Preliminary Report. AS, 13, London, 1963, рис. 8; M. Oppenheim. Tell Halaf. Berlin, 1943, табл. XC, *4—5*; VI, *2*; «Iraq», III, 1936, рис. 26, *1*, *7*; рис. 20, *10*; «Iraq», I, 2, 1934, табл. 20.

[38] «Iraq», III, 1, 1936, рис. 7, *33*.

[39] «Iraq», I, 2, табл. 20, *a* — *c*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. V, *2*; J. Mellaart. Catal Hüyük, табл. 54.

[40] «Iraq», III, 1936, рис. 26, *4*, *8*.

[41] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. LVII, II; J. Mellaart. Catal Hüyük, табл. 49.

в Чатал-Гуюке, используются на керамике из Тель-Халафа [42]. Изображения человеческой фигуры встречены только на керамике в Тель-Халафе и Кархемыше. Повернутая в профиль голова, фронтальное положение торса с поднятыми руками, рисунок одежды очень сходны с изображениями на росписях из Чатал-Гуюка [43] (ср. 7, *4*, *5*). Статуэтки богини-матери, расписанные полосами, точками, крестами, изображающие женщину в сидячей позе с подогнутыми ногами и согнутыми руками, поддерживающими тяжелые груди, очень популярные в Тель-Халафе и Чагар-Базаре, возможно, происходят из Анатолии [44] (ср. рис. 7, *1* и *2*).

Только в Тель-Халафе найдены мужские статуэтки, подобные статуэткам из Чатал-Гуюка [45]. Почти все геометрические орнаменты с настенных росписей Чатал-Гуюка повторены на халафской расписной керамике [46] (рис. 7, *13*, *14*). Орнамент «двойной топор», распространенный на халафской керамике есть в росписях Чатал-Гуюка. Орнамент на рис. 7, *13 g* повторен почти без изменения на сосуде из Тель-Халафа (рис. 7, *14*). Амулеты и бусы в форме двойного топора найдены в Анатолии и во многих местах, давших халафскую керамику [47].

На халафских памятниках отмечены многочисленные находки орудий из черного анатолийского обсидиана. Среди них особенно интересны наконечники стрел, имеющие характерную для неолита южной Анатолии форму. Они найдены в самых нижних слоях Тель-Халафа вплоть до материка [48] и попадаются там вместе с керамикой в старой монохромной технике, которая в своих самых характерных признаках сходна с керамикой из Чатал-Гуюка. Это круглые банки с сужающимися кверху стенками и выступающими налепными ручками, чаши и миски на дисковидном и кольцевом основании (рис. 7, *15*, *16*). В Чатал-Гуюке и в Тель-Халафе эта керамика сделана из темной глины, сосуды часто лощеные, сходны простые орнаменты из нескольких горизонтальных и косых линий или треугольников по краю сосуда [49]. Интересно, что в самых нижних слоях Тель-Халафа найдена только керамика в старой монохромной технике, затем она встречается вместе с расписной и в верхних слоях совсем вытесняется расписными халафскими сосудами. Исчезают и наконечники стрел [50].

Как известно, во второй половине VI тысячелетия до н. э. восточный Чатал-Гуюк был покинут и поселение перенесено на западный склон холма [51]. Западный Чатал-Гуюк и расположенный к югу от него Кэн-Гассан дали основной материал эпохи раннего халколита южной Анатолии, который по хронологии Дж. Мелларта предшествует и частично совпадает по времени с появлением халафской культуры [52]. В керамике западного Чатал-Гуюка появляется много расписных изделий. Наиболее характерными формами являются круглодонные чаши с вогнутыми

---

[42] «Iraq», III, 1936, рис. 27, *1*; M. Oppenheim, Tell Halaf, табл. XLVIII, *6*; J. Mellaart. Catal Hüyük, табл. 18; AS, XVI, 1966, табл. 38.

[43] «Iraq», I, 2, 1934, табл. 20, *d*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. LX; J. Mellaart. Catal Hüyük, табл. 52—54.

[44] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. CV, *1—2*; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 5, *3—4*; J. Mellaart. Catal Hüyük, рис. 61.

[45] M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. CVIII, *2*; AS, XIII, 1963, табл. XXI, *c*; XXII, *c*.

[46] J. Mellaart. Catal Hüyük, табл. 30—31, 33, 36, 40; «Iraq», I, 2, табл. 20; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 27, *2*; 24, *4*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VIII, *5*, *8*; X, *22*; LIV, *5—7*, LV, *1—4*.

[47] AS, XIII, 1963, табл. VIII, *b*; AS, XIV, 1964, табл. XXV, *d*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. X, *15*; «Iraq», II, 1, 1935, рис. 51, *5*; «Iraq», III, 1, 1936, рис. 7, *11*, *30—31*.

[48] Perry A. Bialor. The Chipped Stone Industry of Catal Hüyük. AS, XII, London, 1962, стр. 67—110; M. Oppenheim. Tell Halaf, стр. 122, табл. XXXIV, *21*, *24*.

[49] M. Oppenheim. Tell Halaf, стр. 25—31, табл. I—III; AS, XII, 1962, стр. 53, рис. 9; AS, XI, 1961, рис. 4, *1—6*, стр. 162.

[50] M. Oppenheim. Tell Halaf, стр. 25, 26, 122.

[51] J. Mellaart. Catal Hüyük, стр. 53.

[52] J. Mellaart. Earliest Civilizations..., табл. I, стр. 12.

стенками и выступом у основания, чаши на полой подставке и невысокие горшки с резко отогнутым коротким горлом (рис. 7, *18*). Для них типичны следующие орнаменты: параллельные, горизонтальные и вертикальные линии и зигзаги, шевроны, сетка, заполненные точками или закрашенные треугольники[53]. С ними сходны характерные для западного варианта халафской керамики круглодонные и плоскодонные с изломом в профиле и круглым выступом ниже линии излома и столь многочисленные в Тель-Халафе горшки с широким устьем (рис. 7, *19*). Интересно, что на чашах с круглым выступом часто используется орнамент букрании. Такие чаши есть в нижних слоях Чагар-Базара и Ярым-Тепе II, их много в Тель-Халафе[54]. Цвет росписи — красно-коричневый по кремовому фону и коричневый по желто-коричневому и абрикосовому — одинаков в западном Чатал-Гуюке и на халафских сосудах. В целом сходство халафской керамики с керамикой неолита и раннего халколита южной Анатолии не так ярко выражено, как сходство с изображениями из восточной и южной Анатолии. Таким образом, похожие характерные формы сосудов, орнаменты, цвет росписи, качество обработки поверхности позволяют предполагать существование общих традиций в производстве керамики эпохи неолита и раннего халколита южной Анатолии и халафской керамики.

Как видим, западный вариант халафской культуры в своих наиболее ярких чертах обнаруживает сходство с культурами неолита и раннего халколита южной Анатолии. Географически эти сходные признаки убывают с запада на восток: больше всего сходства обнаруживают Кархемыш и Тель-Халаф, затем Чагар-Базар и Брак, меньше всего Ярым-Тепе II. Стратиграфические черты сходства отмечены в самых нижних слоях Тель-Халафа, Чагар-Базара, Ярым-Тепе II и в самых нижних слоях Арпачии — центра восточного района халафской культуры.

Вывод А. Перкинс о сложении халафской культуры в восточном районе ее распространения, в Мосуле на верхнем Тигре, основан на следующих наблюдениях: 1 — материал западных коллекций не так последователен, как восточный. Керамика из Арпачии, Гавры, Ниневии и Хассуны дает меньше вариаций в пределах этих памятников, чем керамика западной халафской группы; 2 — восточные коллекции яснее показывают развитие в технике изготовления и росписи керамики от ранней стадии к поздней, чем западные; 3 — восточные коллекции располагают самыми лучшими образцами халафской полихромной керамики. Нигде на западе нет ничего сравнимого с полихромными тарелками из поздней Арпачии. И поэтому логически северный Ирак является родиной халафской культуры, и из этого района ее влияние распространилось в нескольких направлениях[55]. Вывод, как видим, чисто логический, и к тому же каждое из этих утверждений спорно.

Полная и яркая коллекция халафской керамики на востоке есть только в Арпачии. В Гавре представлен поздний период. Ниневия и Хассуна дали немного халафского материала. Меньшие различия в восточных коллекциях можно объяснить географической близостью этих памятников, тогда как пункты с находками западной халафской керамики находились значительно дальше один от другого и распространены на гораздо более обширной территории. Лучшие образцы восточной халафской керамики — полихромные тарелки — относятся к позднему периоду, периоду расцвета халафской культуры, и свидетельствуют не о ее начале и уж, конечно, не о ее происхождении.

---

[53] J. Mellaart. Earliest Cultures of the South Anatolian Platean. AS, XI, 1961, стр. 181—184, рис. 11—14; его же. Catal Hüyük West. AS, XV, 1965, стр. 135—153, рис. 5, 7.

[54] «Iraq», III, 1, 1936, рис. 21, *2*; 25, *5*; «Iraq», I, 2, 1934, стр. 157, рис. 3, *10—11*; M. Oppenheim. Tell Halaf, табл. VII и др.

[55] A. L. Perkins. The Comparative Archeology..., стр. 44.

Рассмотрим керамику ранней фазы Арпачии. Изобразительные орнаменты, реалистически исполненный мотив букрания найдены на черепках из самых нижних слоев. Изображение леопарда, точно такое, как на черепке из 15-го слоя Чагар-Базара, найдено в Арпачии прямо на материковом слое, изображения птиц — на черепках из раннего периода. Изображение головы быка с высокими изогнутыми рогами, орнамент, характерный для западного варианта халафской керамики, есть на черепке из нижних слоев Арпачии. Стратиграфически за ним следует мотив букрании, тоже в реалистической манере, но помещенный в метопу [56]. Фон этого орнамента заполнен точками, как на сосудах из Тель-Халафа и Чагар-Базара. В нижних слоях над материком найден амулет из серого камня с изображением головы быка [57] (рис. 7, *11, 12*). Нерасписная керамика Арпачии, соответствующая ранней фазе, сходна с керамикой в старой монохромной технике из Тель-Халафа. Особенно надо отметить выступающие налепные и круглые ручки и сосуд с носиком [58] (рис. 7, *16, 17*).

Таким образом, находки из нижних слоев Арпачии имеют те же анатолийские черты, которые отмечены в западном халафском варианте, что подтверждает предположение о западном происхождении халафской культуры. Этому выводу как будто противоречит тот факт, что в Халафе известна главным образом круглоплановая архитектура, толосы, совсем не найденные в исследуемый период в Анатолии. Неизвестно, откуда была принесена традиция строить круглые дома. Интересно, что толосы найдены в восточном халафском районе, в Арпачии и Гавре, и относятся к среднему и позднему халафскому периоду. Есть они в Ярым-Тепе II. Ни одно сооружение на рассматриваемых здесь западных халафских памятниках не может быть с определенностью отнесено к толосам. Остатки строительных сооружений в Тель-Халафе, Кархемыше и Чагар-Базаре имеют прямые стены. Только в одном из 10 строительных горизонтов, относящихся к халафскому периоду в Чагар-Базаре, есть остатки круглой стены, может быть толоса. В Тель-Асваде на Балихе к халафскому периоду относят прямоугольное в плане помещение из сырцового кирпича, в основании стены которого найден череп и рога быка. Каменный инвентарь из Тель-Асвада близок к анатолийскому [59].

Керамические печи из Кархемыша в плане и по размерам близки толосам из Арпачии. Имеется упоминание о толосах в Тель-Турлу (Сирия), где они были жилыми домами [60]. Возможно, с запада, а не из Анатолии была принесена в халафскую культуру круглоплановая архитектурная традиция. К сожалению, сведения об архитектуре на территории Сирии и в западном халафском районе очень отрывочны и не могут быть использованы для окончательных выводов. Взаимодействие культур северной Месопотамии с культурами сиро-киликийского неолита и халколита засвидетельствовано следующими находками. Группа сосудов из Арпачии имеет орнаменты из прямых, волнистых и зигзагообразных линий и сетки. М. Мэллоуэн считает, что некоторые из этих орнаментов были скопированы ранними халафскими мастерами с сосудов, имеющих орнамент, нанесенный лощением (pattern burnish ware), из Малой Азии, Мерсина, Сакче-Гези и Угарита и видит здесь доказательство непрерывности развития в керамике [61]. Такая керамика предшествует появлению халафской и сосуществует с ней в Антиохии, Мерсине и Сакче-Гези. Формы сосудов

[56] «Iraq», II, 1, 1935, стр. 163—164, рис. 77, *3—9*; 73; 74, *1*.

[57] «Iraq», II, 1, 1935, стр. 96, табл. VI, *a*.

[58] «Iraq», II, 1, 1935, стр. 172, рис. 79, *1, 3—6*.

[59] A. Perkins. The Comparative Archeology..., стр. 26; «Iraq», VIII, 2, 1946, стр. 123—126, рис. 2 и 13, *9—18*.

[60] «Iraq», I, 2, 1934, стр. 146—150, рис. 1; J. Mellaart. Earliest Civilisations..., стр. 121.

[61] M. E. Mallowan. Twenty-Five Years of Mesopotamian Discovery (1932—1956), London, 1956, стр. 12, 13.

сходны в обоих районах[62]. Такие формы и орнаменты характерны для керамики из нижних слоев Чагар-Базара и Ярым-Тепе II.

Вероятно, из Сирии происходят печати-штампы пуговицеобразной формы с петлей на обратной стороне[63], многочисленные в Гавре и Арпачии, редкие в Чагар-Базаре и Тель-Халафе. Они появляются в фазе Амук А задолго до появления их в Халафе, в фазах Амук В—С они совершенно сходны с найденными на халафских памятниках[64].

Некоторое сходство, отмеченное между халафской керамикой и хронологически предшествующей ей в Месопотамии керамикой Хассуны, возможно, объясняется тем фактом, что все эти памятники входили в зону влияния сиро-киликийского неолита. Находки темной лощеной керамики из Сирии засвидетельствованы в самых нижних слоях Кархемыша, Тель-Халафа, Чагар-Базара, Арпачии и Хассуны[65]. Архаическую расписную керамику из ранних слоев Хассуны считают происходящей из Сирии и Палестины[66].

Характерные для поздней Хассуны сосуды, имеющие роспись в сочетании с нарезным орнаментом, не имеют аналогий в халафской керамике. Фрагменты сосудов с таким орнаментом найдены в Арпачии в слоях, соответствующих средней и поздней халафским фазам, а не ранней, как следовало ожидать, вместе с самаррской керамикой, которая тоже не появляется в Арпачии раньше халафской[67]. Для поздней халафской керамики Арпачии и для самаррской характерно соединение горизонтальных полос мелкого, тесно расположенного орнамента, покрывающего большую часть поверхности сосуда, но сами орнаменты и композиция росписи на сходных по форме сосудах различны[68]. Таким образом, сходство халафской керамики с хассунской и самаррской наблюдается лишь в самых простых формах и орнаментах, не специфичных ни для одной из этих культур. Цвет росписи, глина, способ обработки поверхности сосудов совершенно различны для каждой керамической группы.

Относительная хронология Халафа в рамках месопотамских культур определяется находками халафской керамики над хассунской и самаррской в слоях VII—IX Хассуны и в слое 2с Ниневии. Причем халафская керамика, найденная в Хассуне, имеет орнаменты, преобладающие в средней и поздней фазе Арпачии, а не в ранней[69], а в Арпачии, как уже было отмечено, хассунская керамика появляется не раньше халафской. Учитывая стратиграфическое соотношение этих находок, можно говорить о каком-то периоде сосуществования хассунской и халафской культур в районе верхнего Тигра. По-видимому, следует отказаться от гипотезы сложения халафской культуры в восточном ее районе на основе хассунской и самаррской культур. Самый ранний материал из Арпачии имеет те же анатолийские черты, что и западные халафские памятники. Это не противоречит общему выводу о возникновении халафской культуры в районе верхнего Евфрата и его притоков Хабура и Балиха на основе культур неолита и раннего халколита южной Анатолии.

---

[62] R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch. Chicago, 1960, стр. 77, рис. 51; стр. 104, рис. 81; Taylor Plat, Williams, M. V. Seton. The Excavations at Sakce Gözü. «Iraq», XII, 2, London, 1950, стр. 84, рис. 12, *5*; стр. 90, рис. 15, *6*; J. Gatstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1957, рис. 53.

[63] Ed. Porada. The Relative Chronology of Mesopotamia. Chronologies in Old World Archaeology. Chicago — London, 1965, стр. 140.

[64] R. J. Braidwood... Excavations..., стр. 501, рис. 37; стр. 94, рис. 68; стр. 129—130, рис. 101; «Iraq», II, 1, 1935, стр. 92, рис. 50, *14—17*; «Iraq», III, 1, 1936, стр. 25, рис. 7, *4—5*.

[65] M. Oppenheim. Tell Halaf, стр. 25—31; «Iraq», I, 2, 1934, стр. 158—160; «Iraq», III, 1, 1936, стр. 11; «Iraq», II, 1, 1935, стр. 177; S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna..., JNES, IV, 4, Chicago, 1945, стр. 278, рис. 7.

[66] G. Roux. Ancient Iraq. London, 1964, стр. 57.

[67] «Iraq», II, 1, 1935, стр. 177.

[68] Там же, рис. 60, *5*; 61, *1*; JNES, IV, 4, 1945, рис. 1, *4*, *10*.

[69] A. Perkins. The Comparative Archeology..., стр. 42.

N. F. Bogoslovskaïa

SUR LE PROBLÈME DE LA FORMATION DE LA CULTURE DE HALAF

Résumé

La comparaison des deux variantes de la culture de Halaf montre l'évolution de la décoration des récipients à partir des ornements géométriques simples et des images réalistes propres au groupe occidental jusqu' aux composition picturales complexes et aux images conventionnelles que l'on signale dans le groupe oriental. Cela permet de supposer que des monuments occidentaux de Halaf sont plus vieux que ceux orientaux. La variante occidentale de la culture de Halaf révèle, dans ses traits généraux, l'affinité à culture du Néolithique et de l'ancien Chalcolitique de l'Anatolie du sud. Géographiquement, ces indices deviennent du moins au moins perceptibles dans la direction de l'ouest à l'est. Stratigraphiquement, ils sont signalés dans les couches les plus inférieures des monuments halafiens occidentaux et orientaux. Cela donne lieu à conclure également que la culture de Halaf se forma dans la partie occidentale de cette région et ce fut à partir de là qu'elle se repandit vers l'est. L'influence des culture néolithique syro-cilicienne que l'on signale dans des anciens monuments de Hassuna et de Halaf, l'existence des cultures de Halaf, Hassuna et Samarra dans la région du cours supérieur du Tigre ont contribué à la naissance de la variante orientale de la culture de Halaf.

Е. В. АНТОНОВА

АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ. КУЛЬТУРЫ ДЖАРМО И ХАССУНА

(конец VII—VI тысячелетия до н. э.)

Изучение антропоморфной пластики древних земледельцев Ближнего Востока представляет значительный интерес для исследования ряда как общеисторических, так и специфически археологических проблем. Будучи одним из немногих материальных свидетельств духовной культуры дописьменной эпохи, антропоморфная пластика может дать ключ к выяснению религиозных культов, их генезиса и логики развития. Время появления фигурок антропоморфных существ, их форма, область распространения, причины развития или деградации отдельных их элементов — все эти и многие другие вопросы, выясняемые при помощи данных таких наук, как этнография, фольклористика, лингвистика, могут пролить свет на наиболее сложную и труднодоступную для исследователя область деятельности древних — их духовную культуру.

Пластика древнего Ближнего Востока, в том числе и наиболее полно изученной области — Месопотамии — до сих пор не получила соответствующего своему значению освещения в литературе [1]. Немногочисленные существующие монографии, специально посвященные этому сюжету, уделяют небольшое внимание пластике дописьменного периода. Сводная работа Дейлса, его докторская диссертация, до сих пор не опубликована и хранится в Пеннсильванском университете [2]. Большой интерес представляет вышедшее недавно обширное исследование М.-Т. Барреле «Терракотовые статуэтки и рельефы древней Месопотамии» [3], основанное главным образом на луврских коллекциях. Антропоморфная пластика рассматривается здесь в комплексе с керамическими изделиями вообще, поскольку изготовление всех предметов из глины находилось в руках одних и тех же людей. Этот подход, отмеченный влиянием структурного анализа, позволяет автору предложить решения некоторых давно поставленных вопросов развития антропоморфной пластики (в частности, пресловутого хиатуса в ее производстве в период ранней бронзы).

Являясь для отдельных эпох массовым материалом, пластика свидетельствует о непрерывности культурной традиции на памятнике или

---

[1] Антропоморфная пластика дописьменной Месопотамии рассматриваемого периода нашла отражение в следующих общих работах: R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960; H. Frankfort. The Art and Architecture of the Ancient Orient. Baltimore, 1955; B. L. Goff. Simbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven — London, 1963; A. Parrot. Archeologie mésopotamienne. Paris, 1953; A. L. Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949, и т. д. Специально пластике, в частности культур Джармо и Хассуны, посвящены исследования В. Л. Бромэн, Дж. Отс, Дейлса (см. ниже).

[2] G. F. Dales. Jr. Mesopotamian and Related Female Figurines; their Chronology, Diffusion and Cultural Function. Ph. D. Dissertation, University of Pennsilvania, 1960.

[3] M.-Th. Barrelet. Figurines et reliefs enterre cuite de la Mesopotamie antique, 1. Paris, 1968.

в пределах культуры, о возможных перерывах в ней, о влияниях со стороны соседей или об инфильтрации чужого населения. Статуэтки говорят об уровне развития изобразительного искусства, тем самым косвенно указывая и на уровень экономического развития, хотя прямой связи здесь ожидать не приходится. Тем не менее такой важный для выяснения хозяйственного развития фактор, как резерв свободного времени, может прослеживаться и на основании развития искусства. Технические характеристики статуэток — характер глины, наличие примесей, обмазки, качество обжига, роспись, лепка руками или тиснение в формах — все это вливается в общую картину развития культуры, демонстрируя закономерности, присущие керамическому производству рассматриваемого периода или культуры.

При исследовании хронологических или стадиальных аналогий памятникам древней пластики, их явных или гипотетических прототипов и для характеристики комплексов отдельных памятников первостепенное значение имеет установление критериев сходства и различия. Исследователи неоднократно отмечали несходство синхронных изображений даже в пределах одного поселения. Еще более разнообразны бывают статуэтки, входящие в комплекс целой культуры. Различие поз, элементов фигур, сосуществование разностильных изображений («натуралистичных» и «схематичных») ставит в тупик, заставляя исследователей практически отказываться от классификации, считать каждое изображение, обладающее своеобразными чертами, отдельным типом. Так поступает исследователь уруксих терракот Ш. Циглер[4]. В свое время Т. С. Пассек, останавливаясь на методике сравнения памятников материальной культуры, отмечала недостаточность при классифицировании применения формального метода с точки зрения диалектической методологии[5]. Она говорила о необходимости такого сравнения, «которое основано на тщательном изучении внешних особенностей вещи с их назначением, функцией, т. е., следовательно, с историей общества, в конечном счете объясняющей формальные изменения вещи». При таком направлении исследования вещь не остается замкнутой в себе, а получает объяснение при помощи других элементов культуры, материальных или нематериальных, которые приходится реконструировать с той или иной долей вероятности. Особенно важно для возможно более полного изучения вещи, служащего в конечном счете целям более широким, положение Т. С. Пассек о том, что «можно сравнивать процессы, а не отдельные изолированные факты, т. е. отрывки таких процессов, явившихся в материальных памятниках отражением тех изменений, которые происходили в создавшем их обществе»[6].

Антропоморфная пластика, как вообще все памятники, особенно первобытной эпохи, не может объясняться сама из себя. При попытке объяснить ее формальные особенности и раскрыть семантику приходится выходить за пределы изучения самих статуэток, пытаться представить духовный мир создавших ее людей. В дописьменный период истории человечества, равно как и в народном искусстве нового времени, не существовало четко обособленной области в производстве материальных предметов, относящейся к компетенции особой области искусства. Все представлено в малорасчлененном виде.

В дописьменную эпоху позднейшим литературным произведениям функционально соответствовала устная традиция, устное народное твор-

---

[4] Ch. Ziegler. Die Terrakotten von Warka. Berlin, 1962.

[5] Здесь и ниже: Т. С. Пассек. К вопросу о приеме сравнения в истории материальной культуры. ИГАИМК, 1933, 45, стр. 329—341.

[6] Последовательное применение диалектического метода в изучении памятников материальной культуры позволило последователям структурализма выявить и объяснить ряд весьма важных закономерностей развития современных «примитивных» и древних обществ Америки и Океании. См. по этому поводу: C. Lévi-Strauss. Structural Anthropology. New York, 1967, особенно: Part IV, Art.

чество. Трудами фольклористов установлено, что одной из главных характеристик фольклора является его структурность, подчиненность определенным законам построения произведения. Эта особенность вообще присуща всему народному творчеству: она вытекает из характера порождающей это искусство социальной среды. Относительная замкнутость коллективов, необходимость передачи в неприкосновенности традиций предков — залога продолжения жизни коллектива, отсутствие письменной фиксации коллективного опыта, наконец, простота («примитивность» в противоположность сложности, «комплексности») этих общностей, отсутствие дифференцированности почти любого рода — вот некоторые причины устойчивости традиций в архаичных обществах. Уровень развития лишь в малой степени предполагает разделение труда. Любой член коллектива после некоторой выучки мог быть создателем тех или иных вещей, и в первую очередь нужных ему в быту. Делая орудия труда или являясь певцом-сказителем (и чаще всего будучи и тем и другим вместе), человек вносил некоторые изменения в свои произведения в зависимости от умелости, художественного вкуса и жизненного опыта. Но и внося изменения, он оставался верен законам строения произведения, его структуре, установленной обычаем. «Главная суть фольклорно-эпического стиля,— говорит Е. И. Мелетинский,— состоит вовсе не в том, что поэзия полна неизменных закостенелых законченных фрагментов словесной ткани, заслуживающих названия общих мест, формул и т. п., а в том, что более или менее сходные выражения строятся по определенным образцам-моделям: тематическим, лексическим, синтаксическим» [7]. Совершенно аналогичная картина предстает перед исследователями, изучающими материальную культуру. Очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с универсальным законом развития всех форм деятельности людей архаических или «примитивных» обществ (понимая под ними те общества, в которых не произошло разделение труда, не выделилось ремесло. Развитие его способствовало, с одной стороны, унификации вещей, а с другой — открывало возможности развития особого почерка отдельных мастеров и появления искусства как такового. В этих условиях меняется характер структурности, он становится более дробным и многоступенчатым). Комплексы статуэток периода, предшествующего времени широкого распространения гончарного круга, не обладают идентичностью. Различны позы, положение рук и ног, форма глаз и головных уборов. В то же время структура их производит впечатление примитивности: это почти исключительно женские изображения, сидячие (чаще всего) или стоячие, вылепленные натуралистично. С появлением гончарного круга — первой ласточки ремесленного производства — пластика становится унифицированной. Типы статуэток отличаются дотоле небывалым разнообразием: изображаются различные божества с их атрибутами, адоранты, мифические чудовища обоего пола. Позы фигурок разнообразны, хотя, кончено, существуют преобладающие. Если в древнейшую эпоху простота структур комплексов статуэток позволяет предполагать простоту их смысловой и функциональной сторон, то в «ремесленный» период и содержание комплексов, и их назначение становятся весьма разнообразными, о чем свидетельствуют и письменные источники [8]. Указанные связи пластики с развитием ремесленного производства не ограничивают влияния на антропоморфную пластику других форм и проявлений общественной жизни. Она развивается в теснейшей связи с религией и вообще идеологией своей эпохи.

Предмет предлагаемой статьи — антропоморфная пластика двух культур дописьменного периода истории Месопотамии — Джармо и Хассуны.

---

[7] Е. И. Мелетинский. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968, стр. 110.

[8] O. R. Gurney. Babylonian Prophilactic Figurines and their Rituals. AAA, 1935, XXII, Liverpool.

Эти первые культуры оседлых земледельцев севера Двуречья изучены в целом еще недостаточно, что не может не отражаться на исследовании отдельных категорий предметов. Поэтому настоящая статья должна рассматриваться как попытка первого обобщения известного в настоящее время материала, не претендующая на окончательность.

Несколько слов по поводу применяемой терминологии. Сложность изучаемого материала, его разнообразие требуют разработанной системы терминов, что в значительной степени остается делом будущего. При характеристике стиля изображений мы применяем два понятия: натуралистичный и схематичный. Признавая условность такого деления, мы все же считаем возможным называть натуралистичными статуэтки, обладающие нормальным или близким к нормальному набором элементов фигуры. Схематичные изображения сводятся к набору элементов меньше нормы, однако, по-видимому, достаточному для правильного опознания смысла изображения. Статуэтки обоих стилей могут быть круглыми или плоскостными — эти признаки важны хронологически.

Отдельно необходимо остановиться на методике описания статуэток. Описание должно отвечать ряду требований. Главное требование описания и классификации — обоснованный отбор признаков. В нашем случае выделение признаков из-за дефектности материала делается возможным лишь при рассмотрении предмета исследования на широком территориальном и временно́м фоне. Двумя другими можно считать ясность терминологии и краткость.

При отборе главных признаков существенное значение могут иметь схематичные изображения, имеющие минимум элементов, по-видимому, позволявший современникам считать изображения антропоморфными и никакими иными. В дописьменной истории Месопотамии схематичные изображения чаще всего сводятся к сочетанию «голова — ноги» — у них отсутствуют все или почти все детали, кроме головы и ног, форма которых придает фигуре определенное — сидячее или стоячее — положение. Поза изображений антропоморфных существ на протяжении всей их истории характеризуется постоянством и, очевидно, обладает важной смысловой нагрузкой, хотя и здесь, конечно, возможны исключения. Таким образом, из двух указанных признаков первым мы считаем позу изображения и положение ног, затем голову с прической или шапочкой и трактовкой черт лица. Особое внимание уделялось трактовке глаз, так как для Месопотамии всегда было характерно небезразличное к ним отношение. Об этом свидетельствует существование изображений с преувеличенными глазами уже в дописьменную эпоху. В дальнейшем появляются изображения божеств, глаза которых могут занимать чуть ли не половину лица [9], и «глазчатых» идолов [10].

К второстепенным признакам относится роспись и налепные детали, хотя для отдельных эпох они могли иметь важное смысловое значение.

В общем виде описание статуэток и их групп (типов) приобретает следующий вид:

стиль изображения — натуралистичный или схематичный;

манера изображения — объемная или плоскостная;

поза и положение ног — сидячая или стоячая, ноги вытянуты, скрещены и т. д.;

голова — головной убор или прическа, глаза, трактовка черт лица; положение рук;

роспись и налепные детали.

При рассмотрении целых или почти целых экземпляров удается установить, что размеры отдельных их частей находятся во взаимной связи.

[9] H. Frankfort. Sculpture of the third Millenium B. C. from Tell Asmar and Khafajah. Chicago, 1939.

[10] O. G. S. Crowford. The Eye Goddess. New York, 1957.

Уменьшение или увеличение одних влечет соответствующие изменения других, при этом отношение их остается внутри данного комплекса постоянным. Иными словами, отдельная статуэтка являет собой микросистему, если комплекс в целом мы рассматриваем как систему (для одного памятника) или макросистему (для культуры в целом). Для восстановления размера фигурки важно отношение максимальной ширины (в бедрах или плечах) к общей высоте. Оно определяется для статуэток каждой отдельной культуры отдельно на основании малоповрежденных экземпляров и условно именуется «показателем». Он высчитывается соотнесением принимаемой за единицу максимальной ширины и высоты. «Показателем» считается цифра, показывающая, во сколько раз ширина меньше высоты. Например, для статуэток Джармо «показатель» будет 1,5, для хассунских фигурок — от 1 (у сидячих) до 4 (у стоячих).

Антропоморфная пластика культуры Джармо

Древнейшими находками антропоморфных изображений сейчас можно считать схематичные объемные фигурки из докерамических слоев Карим-Шахира, найденные Р. Брэйдвудом [11]. Видимо, это изображения сидящих женщин (рис. 1, *1, 2,*), хотя и то и другое приходится реконструировать путем сопоставления с более развитой пластикой Джармо. Головы несколько вытянуты, черты лица не проработаны совершенно. Руки отсутствуют. Обе фигуры сделаны из необожженной глины. В целом изображения характерны для пластики дописьменной Месопотамии, сводясь к схеме «голова — ноги».

Первая большая серия статуэток была найдена в Джармо, почти вся в верхних слоях поселения (так называемая «неолитическая керамика Джармо»). Общее число фрагментов антропо- и зооморфных изображений и предметов неизвестного назначения из глины достигает почти 5000, но опубликованы из них только наиболее выразительные [12].

На основании опубликованных экземпляров и указаний знакомых с коллекцией авторов можно сделать вывод о преобладающем облике этих статуэток. Большинство их было, видимо, сидячими, хотя несколько фрагментированных экземпляров, возможно, являлось стоячими (рис. 1, *3*, *6*). Ноги сидячих вытянуты вперед и иногда согнуты в коленях. Один экземпляр имеет скрещенные ноги (правая поверх левой — рис. 1, *5*). Разнообразие пластики Джармо особенно заметно при рассмотрении трактовки голов. Почти всегда они венчаются прической или головным убором, удлиненным (рис. 1, *10, 11, 13*) или с поперечными складками (рис. 1, *7*). Глаза бывают налепные — круглые (рис. 1, *7*), удлиненные (рис. 1, *13*) или с углубленным зрачком (рис. 1, *11*); углубленные — круглые (рис. 1, *12*) или узкие щелевидные (рис. 1, *9*, *10*, *14*). На лице всегда проработан лишь нос, рот может отсутствовать. Руки свободно висят по сторонам тела или сложены под грудью. Материал всех изображений — глина, лишь треть их подвергнута слабому обжигу. Размеры варьируют. Если считать показателем» 1,5, то окажется, что общая высота колеблется от 3 до 9—10 *см*, максимальная ширина (в бедрах) — от 1,5 до 6—6,5 *см*.

Среди статуэток Джармо отмечают большое количество схематичных фигурок, называемых в англо-американской литературе (foot-shaped»

---

[11] R. J. Braidwood. From Cave to Village in Prehistoric Iraq. BASOR, 1951, 124, рис. 15.

[12] Статуэтки Джармо упоминаются в следующих работах: R. J. Braidwood, H. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960; R. J. Braidwood, L. Braidwood. Jarmo: A Village of Early Farmers in Iraq. Antiquity, 1950, 24; R. J. Braidwood, V. L. Broman. The Iraq — Jarmo Project of the Oriental Institute of the University of Chicago. Sumer, 1955, 10, 2; V. L. Broman. Jarmo Figurines. Radcliff College, 1958.

(«ногообразные») [13]. Они имеют непосредственную связь с натуралистичными экземплярами, сидячими с вытянутыми вперед ногами (рис. 1, *15*).

Для классификации такого малоунифицированного комплекса, каким являются статуэтки Джармо, необходимо располагать как можно большим материалом, поэтому на данном этапе она представляется невозможной.

Ряд исследователей предполагают, что влияние культуры Джармо простиралось на восток, в район Загроса. Комплекс памятников, родствен-

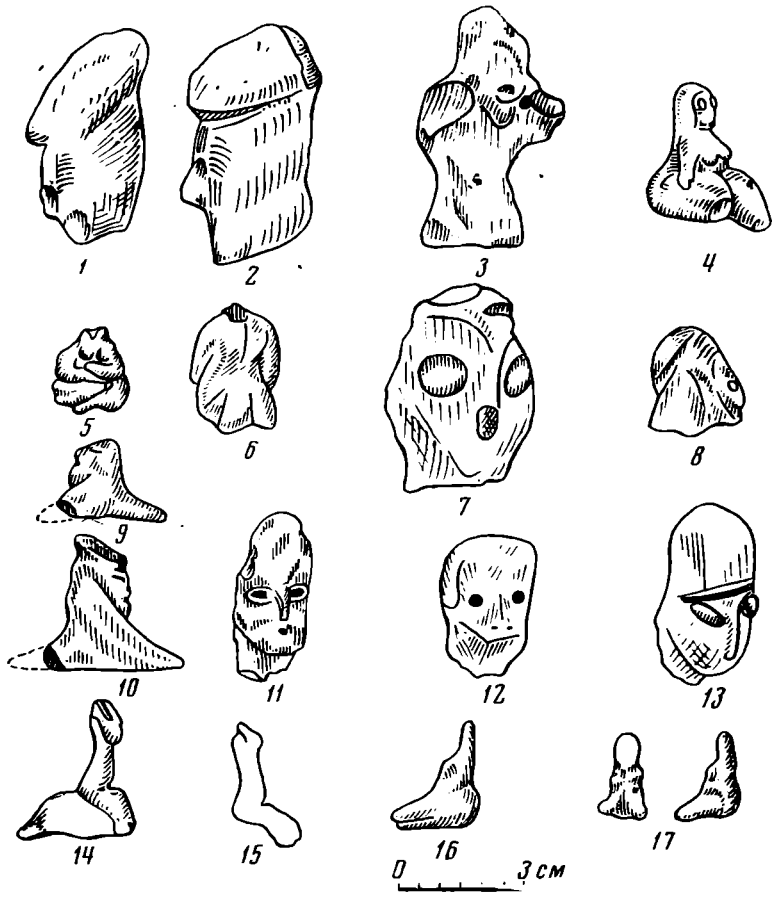


Рис. 1. Статуэтки из Карим-Шахира (*1*, *2*) и Джармо (*3—17*) (по Р. Брэйдвуду)

ных Джармо — Тепе-Сараб, Тепе-Гуран, Али-Кош, Али-Ага, дает наряду со сходной керамикой и аналогичные статуэтки, натуралистично выполненные, сидячие. Встречаются здесь и схематичные фигурки, похожие на «foot-shaped» Джармо [14]. Если дальнейшие исследования не изменят этого положения, то, по-видимому, можно считать установленным, что в конце VII — начале VI тысячелетий до н. э. по крайней мере часть северной Месопотамии в своих связях ориентировалась на восток, в Западный Иран.

Особенности пластики Джармо дают основание предполагать преемственность в развитии от нее к пластике хассунской культуры. К ним относятся поза (сидячая), положение рук, скрещенные ноги, головной убор или высокая прическа, круглая форма глаз, трактовка черт лица (отсутствие рта).

---

[13] M.-Th. Barrelet. Ук. соч., стр. 55.

[14] E. Porada. The Relative Chronology of Mesopotamia. In: Chronologies in Old Warld Archaeology, ed. by R. Ehrich. Chicago — London, 1965, стр. 120; J. Mellaart. Earliest Civilizations of the Near East, London, 1965, стр. 51.

Антропоморфная пластика хассунской культуры

До недавнего времени данные о пластике хассунской культуры исчерпывались несколькими фигурками из эпонимного памятника [15], Матарры [16] и Телль-Халафа [17]. Исследования Телль эс-Саввана, «наиболее важного доисторического памятника из когда-либо раскапывавшихся в Ираке» [18], дали обширную коллекцию статуэток. Большой материал получен и во время раскопок холма Ярым-Тепе, проводившихся советской экспедицией [19].

Именно материал Ярым-Тепе наметил возможности осмысления пластики хассунской культуры, поскольку здесь найдено большое количество глиняных, а не каменных, как в Телль эс-Савване, фигурок. Глиняная пластика более традиционна, поэтому позволяет выяснить именно местную линию развития. В течение двух сезонов на холме Ярым-Тепе I найдено свыше 20 фигурок хассунского времени. Почти все они происходят из завалов построек горизонта 5. Фигурки довольно однообразны (рис. 2, *1, 2*): это натуралистичные с тенденцией к схематизму стоячие изображения с вытянутой прической и косо поставленными, иногда налепными, глазами. Схематическая тенденция проявляется в трактовке рук в виде выступов, иногда — в отсутствии груди (несмотря на то, что все фигурки женские), в превращении нижней части статуэтки в коническую базу, при отсутствии моделированных ног. Лишь немногие экземпляры имеют подчеркнутые и хорошо моделированные бедра и грудь. Обычно ниже груди или талии они украшены горизонтальными или косыми резными лентами и иногда росписью такого же типа. Авторы раскопок отмечают на лице одной фигурки след от вмазанного зерна. Глина коричневая или розово-коричневая, подлощенная, обжиг средний. Размер — от 3,5 до 10 *см*. Показатель удалось определить для 16 экземпляров: у четырех он — 1,5, у шести — около 2, у шести — между 2 и 3. Бедра у всех шире плеч [20].

Внешняя связь этих почти без исключения стоячих изображений с пластикой Джармо ограничивается маленькой сидящей с поджатыми ногами фигуркой из горизонта 2. Она представляет собой малорасчлененный конус. Голова удлиненная (видимо, прическа или шапка) и косо прочерченные глаза. Руки не показаны. В нижней части впереди проделано отверстие; видимо, по замыслу оно должно было соединяться с отверстием в плоскости основания фигурки. По пропорциям, скрещенным ногам, головному убору статуэтка очень напоминает сидячие фигурки Джармо, особенно одну из них (рис. 1, *5*). Однако при ближайшем рассмотрении ярымских статуэток круг аналогий с предшествующим хронологически комплексом может быть расширен. Так, почти все фигурки отмечены одной своеобразной деталью — разрезом в нижней части. Этот неглубокий разрез нельзя считать разделяющей ноги линией, ибо иногда он помещается несколько выше края основания. В этих случаях не остается сомнений в его значении — это признак пола. Таким образом, становится ясно, что низ ярымских статуэток является собственно не низом фигуры, а ее серединой, причем ноги не изображаются вовсе или изображаются в виде рудиментарных отростков [21]. Следовательно, все статуэтки Ярым-Тепе I

---

[15] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, 1945, 4, No. 4.

[16] R. J. Braidwood and oth. Matarrah. JNES, 1952, 11.

[17] M. von Oppenheim. Tell Halaf. 1, Berlin, 1943.

[18] J. Oates. The Baked Clay Figurines from Telles-Sawan. Iraq, 1966, XXVIII, стр. 2.

[19] Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт. Советская археологическая экспедиция в Ираке, ВАН СССР, 1969, 9, стр. 100.

[20] Знакомство с пластикой Ярым-Тепе сделал для меня возможным Н. Я. Мерперт, которому я приношу глубокую благодарность.

[21] Интересно, что аналогичный прием трансформации сидячих изображений в стоячие применен в пластике анауской культуры периода Намазга V: согнутые ноги статуэток превращены в расположенное под прямым углом треугольное основание с нанесенным на него признаком пола. Как и в ярымских статуэтках, основанием здесь становится самая широкая часть фигурки — область бедер. Ноги редуцируются или атрофируются совершенно.

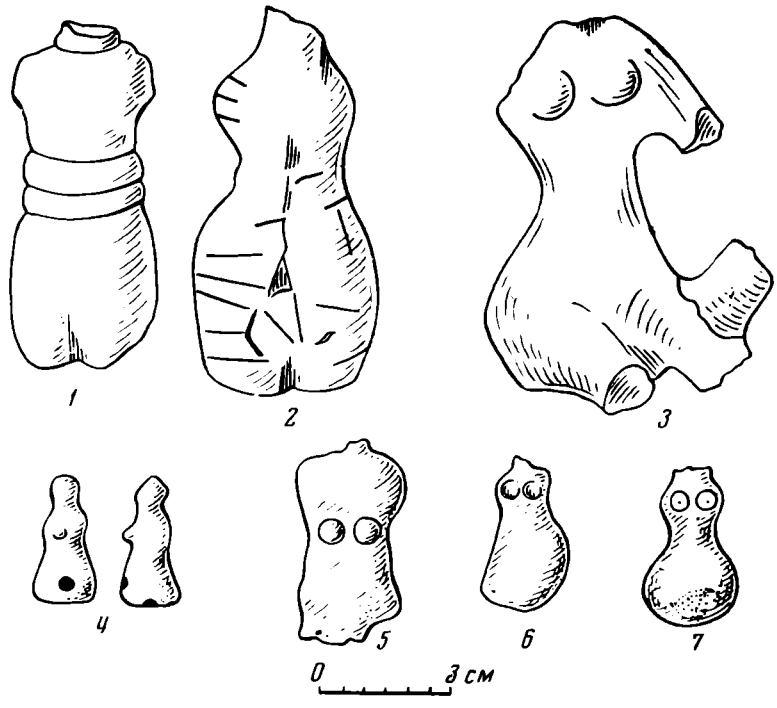


Рис. 2. Статуэтки хассунской культуры:

1, 2 — Ярым-Тепе; *3, 5—7* — Хассуна; *4* — Матарра (по Н. Я. Мерперту и Р. М. Мунчаеву, С. Ллойду и Ф. Сафару, Р. Брэйдвуду)

независимо от «показателя» по происхождению сидячие, но переосмысленные как стоячие. Со стремлением изобразить стоячие фигурки связано увеличение «показателя», необычно большого для сидячих изображений — 3. Традиция «приземистых» статуэток типа Джармо получает здесь развитие. Несмотря на наблюдаемую преемственность развития между пластикой типа Джармо и ярымской, есть ряд моментов, не находящих объяснения, если исходить только из месопотамского материала. Орнамент, лощение статуэток, удлиненные прически — все это указывает на памятники древней Анатолии. Связь с нею еще более сказалась на пластике Телль эс-Саввана.

Большая часть найденных в Телль эс-Савване[22] статуэток изготовлена из алебастра. Число их превосходит сейчас три десятка и увеличивается с каждым сезоном. Все они выполнены в натуралистичном стиле

Таблица 1

Поза	Положение рук				Глаза
	на животе	правая опущена, левая на животе	правая опущена, левая на груди	под грудью	
Сидячая	5	—	—	—	Неинкрустированы
	1	—	—	—	Инкрустированы
Стоячая	9	7	—	1	Неинкрустированы
	2	5	2	—	Инкрустированы

объемно, преобладают стоячие с разделенными ногами. Головы почти всегда увенчаны более или менее высоким головным убором или прической, иногда из битума. Черты лица проработаны, но рот изображается редко. Глаза подчеркнуто велики, круглые, узкие щелевидные или инкрустированные раковиной, с нанесенным краской черным зрачком. Положение рук варьирует. Характеристики алебастровых статуэток занесены в табл. 1 (на основании публикации Фейсала эль-Вейли и Абу эс-Суфа).

[22] Faisal El-Wailly and Abu es-Soof. The Excavations at Tell es-Sawwan, First preliminary report. Sumer, 1964, XXI; Summer, 1963, XIX.

Рис. 3. Каменные статуэтки из Телль эс-Саввана

Размеры: *1* — 9,7 *см*; *2* — 8,9 *см*; *3* — 9,5 *см*; *4* — 7,1 *см*; *5* — 5,1 *см*; *6* — 6,8 *см* (по Фейсалу эль-Вейли и Бехнаму Абу эс-Суфу)

Алебастровые сидячие фигурки представлены незначительным количеством экземпляров; положение рук у всех одинаковое (рис. 3, *2*; рис. 4, *4*). Большинство стоячих держат руки на животе (рис. 3). «Показатель» стоячих фигурок колеблется от 2 до 4 с преобладающим 3. Их размер — от 4 до 11 *см*. Ширина бедер, как правило, не превышает ширины плеч, обычно они равны. «Показатель» сидячих фигурок близок к 2.

Глиняная скульптура несколько отличается от каменной. Большая часть статуэток — сидячие, некоторые из них (Дж. Отс отмечает три такие фигурки — рис. 4, *5*) сидят, скрестив перед собой условно трактованные ноги. Головы ни у одной из таких фигурок не сохранились. Прочерченные пальцы ног указывают на то, что одна нога (правая) располагается вертикально с поднятым коленом. Другая лежит таким образом, что ее ступня приходится перпендикулярно ступне правой ноги. В целом нижняя часть представляет малорасчлененное цилиндрическое основание. Руки расположены или на животе, или правая — на правом колене, левая — на животе. Врезами изображены ленты на ногах. На спине одной из фигур прочерчены идущие от плеч диагональные линии [23].

[23] J. O a t e s. The Baked Clay Figurines..., табл. XL, *c* — *d*.

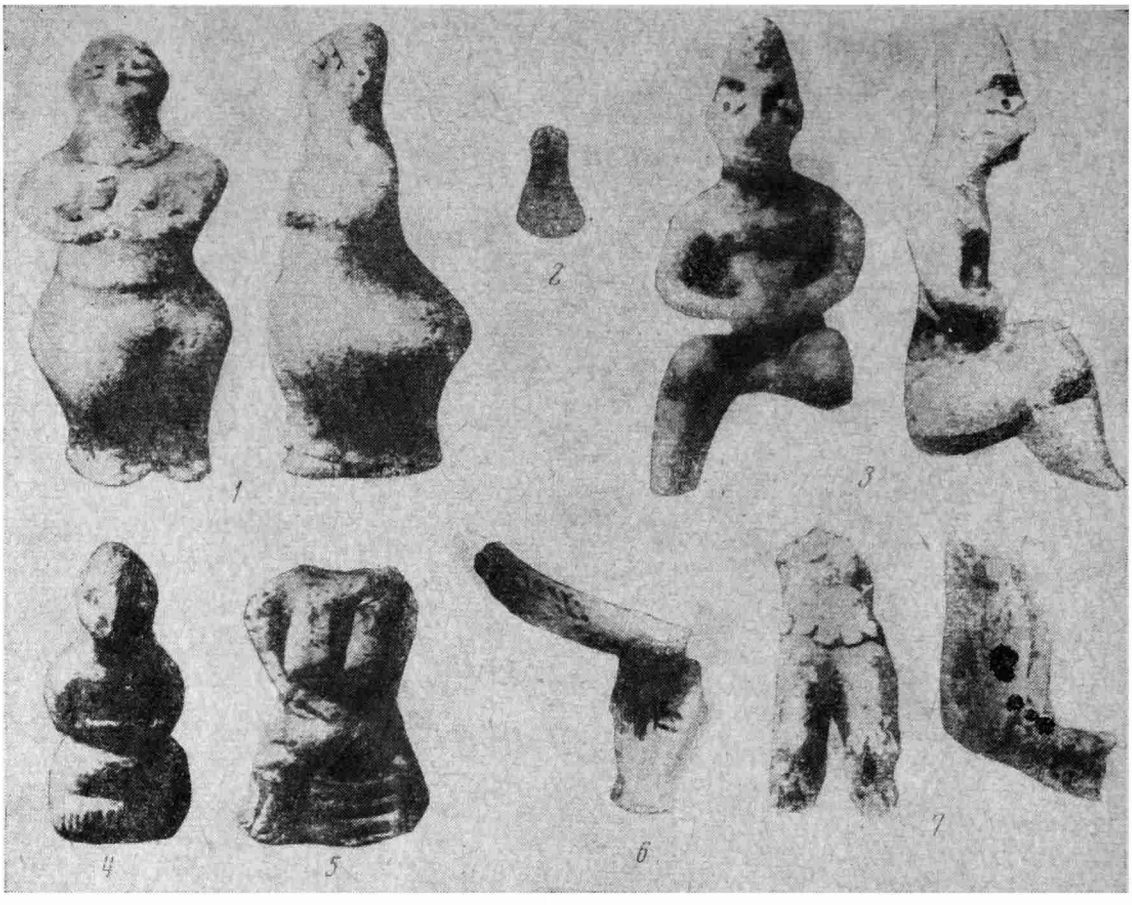


Рис. 4. Статуэтки из Телль эс-Саввана

Размеры: *1* — 11,5 *см*; *2* — 2,9 *см*; *3* — 6,7 *см*; *4* — 5,3 *см*; *5* — 4 *см*; *6* — 5 *см*; *7* — 3,5 *см*; *4* — камень, остальные — глина. *1, 7* — из II слоя; *2—5* — из I слоя; *6* — из III слоя (по Дж. Отс)

Сидячим является единственное безусловно мужское изображение (рис. 4, *3*). Его колени подняты и раздвинуты, голова увенчана высокой прической. Глаза инкрустированы раковиной, лицо проработано, но рот отсутствует. Руки лежат на животе, как и у женских изображений. Брови, зрачки, ленты на коленях и голове нанесены коричневой краской, «ожерелье» и пояс — светло-желтой.

К сидячим статуэткам тяготеет и единственный экземпляр, выполненный из гипса [24]. Возможно, такого типа были статуэтки, от которых дошло только два фрагмента верхних частей: у всех этих фигурок руки поддерживают груди [25]. Отличаясь положением рук от вышеописанных статуэток с подогнутыми ногами, гипсовая имеет аналогично расположенные ноги: левая охватывает правую, которая, однако, не стоит, а также подогнута. В противоположность схематично трактованным ногам глиняных статуэток, гипсовая и, возможно, указанные фрагменты глиняных имели объемные ноги.

Единственная глиняная стоячая статуэтка напоминает обликом каменные (рис. 4, *1*), но трактована более обобщенно, чем они (рис. 3, *1, 3—6*). Как и у каменных, ноги ее кажутся несколько согнутыми в коленях. Голова в шапочке или с прической, глаза в виде «кофейных зерен» (понятие, употребляемое Дж. Отс). Руки лежат под грудью. Глаза, ожерелье и груди налепные.

Два фрагмента нижних частей сидячих фигурок — одна с налепным поясом из шариков (рис. 4, *7*), с раздвинутыми коленями — Отс сравнивает с каменной сидячей фигуркой с таким же расположением ног

[24] J. Oates. The Baked Clay Figurines..., табл. XLI, *c*.
[25] Там же, табл. XLI. *e*.

(рис. 3, *2*). Руки ее сложены под грудью, что позволяет предполагать подобное расположение их и у фрагментарных глиняных статуэток.

Среди глиняных фигурок Телль эс-Саввана найдено три схематичных (рис. 4, *2*), явившихся результатом развития статуэток с прочерченными пальцами.

«Показатель» глиняных сидячих статуэток такой же, как у каменных со сходной трактовкой ног,— он близок к 2, бедра несколько превосходят по ширине плечи. Гипсовая статуэтка имеет «показатель» около 1,5, видимо, как и фрагменты верхних частей статуэток с руками, сложенными под грудью. Бедра у нее немного у́же плеч. Стоячая глиняная статуэтка отличается от подобных ей каменных меньшим «показателем» — он близок 2,5, т. е. она более приземиста, чем каменные.

Глина статуэток имеет цвет от коричнево-серого и светло-коричневого до темно-коричневого. В двух случаях отмечена розовая обмазка. Детали фигур и украшения нанесены черной, коричневой или светло-желтой краской.

Пластику Телль эс-Саввана, как алебастровую, так и глиняную, исходя из позы, можно разделить на те же два типа: сидячие и стоячие. Сидячие в зависимости от положения ног делятся на два подтипа: с поднятыми коленями (рис. 4, *3*, *7*) и со скращенными ногами (рис. 4, *5*). Для выделения каких-либо иных, присущих отдельным типам признаков материала пока недостаточно.

Каменные статуэтки при всем их сходстве с глиняными имеют специфические отличия, причина которых отчасти кроется в самом материале. Хотя техникой обработки камня владели прекрасно, все же статуэтки отличаются некоторой жесткостью и угловатостью исполнения, подчеркнутыми «складками» на ногах. Некоторые алебастровые фигурки в то же время поражают своей пластичностью (рис. 3, *5—6*).

Статуэтки происходят главным образом из I слоя Телль эс-Саввана, но есть и в других. Ниже приводится табл. 2 их распределения по слоям вместе с некоторой характеристикой последних (на основании опубликованных Дж. Отс данных).

Таблица 2

Материал	I слой. Браслеты из камня, напоминающие Джармо	II слой. Резная и расписная хассунская керамика	III и IV слои. Резная и расписная самаррская керамика
Камень	Все найдены здесь: в погребениях — 28; в помещениях — 2	—	—
Глина и гипс	2 — пол помещения 8; все с поджатыми ногами; мужская	2 схематичные; 2 сидячие с поднятыми коленями; стоячая; гипсовая и подобные ей	2 фрагмента головы

В Телль эс-Савване найден фрагмент глиняного антропоморфного сосуда (рис. 4, *6*). Дж. Отс сравнивает его с известным самаррским антропоморфным сосудом из Хассуны [26]. Лицо, изображенное на его цилиндрическом горле, имеет рельефные налепные глаза и нос. Брови, прорези глаз, губы, вертикальные полосы на щеках, как и орнамент сосуда, выполнены краской. Сходство между этим сосудом и найденным в Хассуне весьма значительное, нос, глаза и брови трактованы почти идентично.

[26] J. Oates. The Baked Clay Figurines..., табл. XLIII, p. *149*.

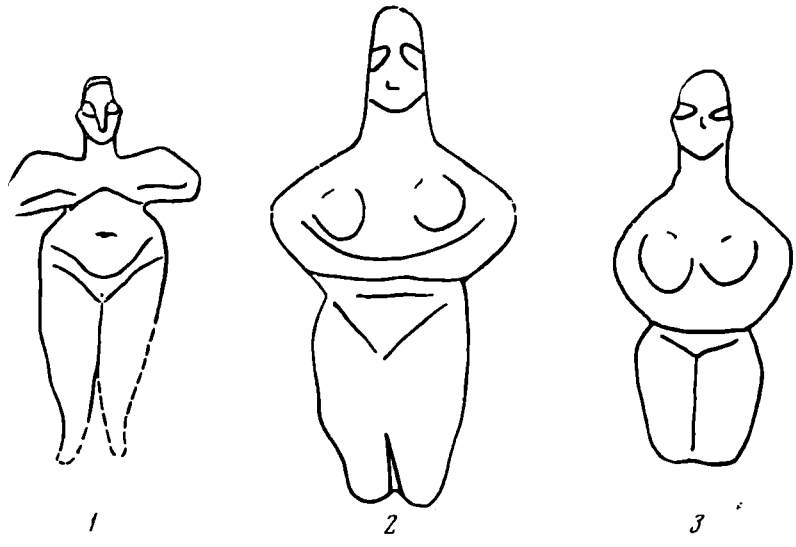


Рис. 5. Статуэтки из Хаджиляра

Размеры: *1* — 10,2 *см* (без нижней части ног); *2* — 16,9 *см*; *3* — около 14 *см* (по У. Бахадир Алкиму и Дж. Меллаарту)

Находками в Ярым-Тепе и Телль эс-Савване почти исчерпывается известная сейчас хассунская пластика. Из соответствующего этому времени слоя Халафа [27] происходит интересная рельефная женская фигурка, прилепленная к горлу сосуда. Она сидячая, ноги раздвинуты в стороны, правая рука лежит на животе, левая поднята вверх. А. Перкинс сомневается в столь раннем возрасте этого изображения [28]. Видимо, ее сомнения не лишены основания. М. Оппенгейм относит к хассунскому периоду также три из четырех фрагментов глиняных конусов, которые он называет «основаниями идолов» [29]. Одна фигурка более антропоморфна, чем прочие, — у нее намечены руки. Возможно, это схематичные изображения, подобные савванским (рис. 4, *2*), но вылепленные еще более условно, без голов. В Матарре также найдена схематичная статуэтка на коническом основании (рис. 2, *4*). Сохранилась одна грудь, вторая отбита. Спереди в нижней части основания проделано круглое отверстие, соединенное с таким же отверстием в плоскости основания. Как уже говорилось выше, подобный мотив встречается на одной статуэтке из Ярым-Тепе I.

Телль-Хассуна дала один маловыразительный фрагмент натуралистично выполненной статуэтки (рис. 2, *3*) и четыре схематичных, напоминающих матаррскую (рис. 2, *5*—*7*). Принцип схематизации здесь тот же, что в пластике Ярым-Тепе: ноги редуцируются, низ имеет закругленную форму — след прежнего сидячего положения фигурки. Единственная натуралистично выполненная статуэтка сидячая, голова, руки и ноги ее отбиты. На левом колене — цилиндрический налеп. Авторы раскопок пишут [30], что около этой фигурки, сделанной из красноватой глины, лежали фрагменты головы или головного убора из зеленой глины. Головной убор производил впечатление рогов. Широко распространенные в значительно более позднее время в Месопотамии рогатые тиары богов в дописьменном периоде не встречаются. Это соображение, равно как и иной состав глины «головного убора», дает основание усомниться в правильности предложенного С. Ллойдом и Ф. Сафаром отождествления.

В настоящее время известно более 20 хассунских памятников. Отрывочность сведений о пластике этой культуры связана с недостаточной их исследованностью.

---

[27] M. von Oppenheim. Tell Halaf, I. Berlin, 1943, рис. 148, *96*.
[28] A. Perkins. Ук. соч., стр. 12.
[29] M. von Oppenheim. Ук. соч., стр. 101.
[30] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna..., стр. 270.

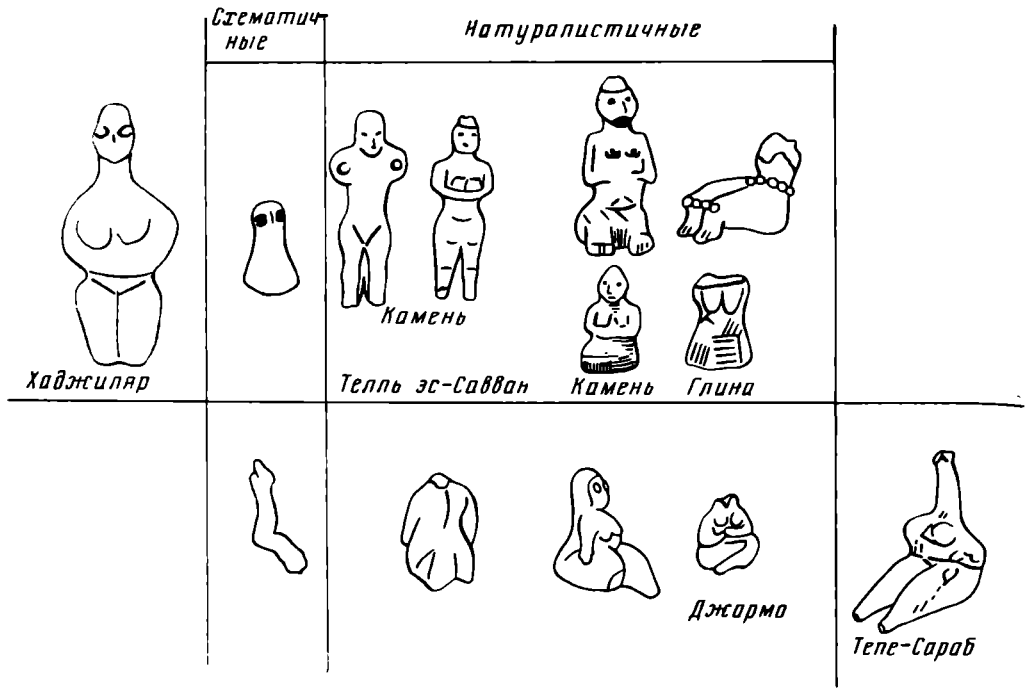


Рис. 6. Соотношение антропоморфной пластики Джармо, хассунской культуры (статуэтки из Тель эс-Саввана) и сопредельных областей

Для выяснения функциональной стороны статуэток, их места в жизни людей хассунской культуры большое значение имеет их топография. Большая часть савванских фигурок происходит из погребений. Дж. Отс отмечает, что украшения этих статуэток полностью совпадают с украшениями именно тех погребенных, с которыми они были положены. На некоторых статуэтках были ожерелья из настоящих бус [31]. Может быть, из этого можно сделать вывод, что назначением их было вмещать душу покойного, когда она покинет разрушившееся тело. Это предположение подтверждается распространенным у древних земледельцев обычаем сохранять тело после смерти, чем, вероятно, было вызвано покрытие портретными масками черепов покойников в Иерихоне. В то же время погребальную функцию нельзя считать единственной. В погребениях совсем не встречаются глиняные статуэтки. Их находят на полу жилых помещений, как и часть алебастровых. Особенно интересно, что одна алебастровая статуэтка найдена на полу под нишей в стене [32]. Возможно, что в стенных нишах и стояли такие статуэтки, поскольку ниши — традиционное культовое место на Востоке вплоть до ислама.

В литературе место хассунской пластики освещено недостаточно. Аналогий ей не находят нигде. Дж. Отс пишет, что в истории развития месопотамской скульптуры с точки зрения художественного уровня и техники исполнения она стоит особняком [33] (при этом речь идет о каменной пластике Телль эс-Саввана). Соглашаясь с этим, мы вынуждены признать недостаточность такого вывода. Ряд черт как савванской, так и вообще хассунской пластики позволяют ей занять достаточно определенное место в истории скульптуры дописьменной Месопотамии. Так, савванскую пластику можно сравнить с пластикой знаменитого анатолийского Хаджиляра, в первую очередь со стоячими фигурками (рис. 5). Они составляют приблизительно 50% всех найденных на памятнике фигурок, следовательно, являются характерными [34]. Это натуралистично

[31] J. Oates. Ук. соч., стр. 151.
[32] Faisal El-Wailly and Abu es-Soof. Ук. соч., рис. 36.
[33] J. Oates. Ук. соч., стр. 150.
[34] J. Mellaart. Excavations at Hacilar. First Preliminary Report. AS, 1958, 8; Idem. Excavations at Hacilar. Fourth Preliminary Report, 1960, AS, 1961, 11.

выполненные изображения женщин с лежащими на груди или под грудью руками и разделенными ниже колен ногами. Иногда женщина держит на руках щенка леопарда.

Нам кажется, что савванцы, вырезая из алебастра свои стоящие фигурки, должны были вдохновляться образцами, подобными хаджилярским. На это указывает поза, трактовка разделенных ниже колен ног, пластичность исполнения которых предполагает заимствование столь необычной для камня детальной проработки из глиняной скульптуры. Положение рук, сложенных на животе, также не противоречит характеру хаджилярской пластики. Близкую аналогию ей представляет единственная савванская статуэтка, руки которой поддерживают грудь и изображены отстающими от корпуса (рис. 6), в результате чего образуется характерный для хаджилярской пластики силуэт: максимальная ширина приходится на область рук или плеч, а не на бедра. Головы савванских статуэток, как и хаджилярских, бывают круглыми (рис. 3, *6*) и вытянутыми (рис. 3, *1—5*), увенчанными более или менее высокой шапкой или прической. Савванские фигурки лишены рта, но обладают хорошо моделированным носом, как и хаджилярские. Форма глаз и особенно подчеркнутый зрачок савванских фигурок также напоминает статуэтки Хаджиляра [35]. Так выделяется целый ряд признаков, роднящих стоячие статуэтки севсромесопотамского хассунского памятника Телль эс-Савван и анатолийского Хаджиляра. В то же время самобытность савванской пластики не может вызывать сомнений. Все отмеченные выше в качестве сходных с хаджилярскими элементы, за исключением, пожалуй, только трактовки ног, могут быть отмечены также хотя бы в виде тенденции в предшествующей хассунской пластике Джармо или, если иметь в виду Телль эс-Савван, в пластике современных ему памятников, на которых анатолийское влияние можно предполагать в меньшей степени, поэтому они могут рассматриваться как более чистая местная линия развития. Тенденция к созданию стоячих изображений, положение рук, головной убор или прическа — все это присуще пластике хассунской культуры вообще. Совершенно особенна трактовка рук некоторых савванских статуэток: правая опущена, левая — на груди или на животе; этот жест типичен для статуэток периода аккадской династии, XXIV — XXII вв. до н. э.[36], он привился в Месопотамии.

В пластике Телль эс-Саввана, как и в пластике всей хассунской культуры, обнаруживается яркий пример диалектического взаимодействия местных традиций и влияний, способствующих реализации тенденции местного развития. В силу отсутствия структурного несоответствия между пластикой севера Месопотамии и Анатолии был возможен обмен некоторыми ее элементами.

В Джармо и сменившей Хассуну культуре Халафа преобладают сидячие изображения, «показатель» которых близок 2—2,5. В хассунской пластике преобладают стоячие фигурки. Однако при отдельных «стройных» экземплярах в среднем «показатель» не превышает 3, т. е. близок к традиционному. Эта немаловажная черта при учете прочих элементов

---

[35] Дж. Отс обратила внимание на трактовку глаз статуэток Телль эс-Саввана (Ук. соч., стр. 150). Новая появившаяся традиция изображения глаз с применением инкрустации сосуществует со старой традицией процарапанных узких и круглых углубленных глаз. Налепные глаза в виде «кофейных зерен» будут безраздельно господствовать в пластике эпохи Убейда. Происхождение их пока неясно. Ареал распространения очень широк, и трудно установить, в какой области они появились раньше всего. Видимо, это район Сиро-Палестины и Анатолии, где они встречаются в ярмукской культуре, Хаджиляре, Читал-Гуюке. Дж. Кларк, по сообщению Дж. Отс, предполагает, что они имитируют раковины каури, применявшиеся в иерихонских масках. Дж. Отс присоединяется к этому мнению, поскольку не видит «естественных» причин для такого способа изображения. Однако эта гипотеза не может признаваться достаточной.

[36] M.-Th. Barrelet. Ук. соч., стр. 70 сл.

сходства ставит хассунские фигурки в ряд, начавшийся в Джармо и продолжающийся в Халафе.

В эпоху Хассуны нарастает экспансионистская тенденция в развитии севeромесопотамских культур, выразившаяся в дальнейшем в широком влиянии халафской культуры на соседние и весьма удаленные области. В то же время меняется их ориентация: если предшествующая Хассуне культура Джармо дает преимущественно связи с востоком, то связи Хассуны достигают далекого запада, вплоть до Рас-Шамры [37]. Возможно, именно в этот период происходит переселение части населения севера Месопотамии на юг, в область будущего убейда, что прослеживается на основании керамического материала (орнаментация керамики Хассуны и Самарры и керамики Эриду) [38]. Связь хассунской пластики с южноубейдской после открытия Телль эс-Саввана становится все более определенной.

Хассунская пластика в целом, как и пластика отдельных поселений этой культуры, более унифицирована, чем пластика Джармо. Определяется и закрепляется преобладающая поза — стоячая, унифицируется в целом единообразная форма глаз и головного убора. Интересно, что число схематических статуэток невелико, что является показателем зрелости пластического искусства, ибо «натуралистичная» пластика типична для позднего дописьменного и письменного периодов истории Месопотамии. Хассунские статуэтки являются переходным комплексом относительно аморфной пластики Джармо и достаточно унифицированными комплексами халафской и убейдской культур. Наконец, именно в хассунское время начинает формироваться традиция антропоморфных сосудов и всякого рода антропоморфных деталей на них, столь распространенная в позднейших периодах.

E. V. Antonova

DES FIGURINES ANTHROPOMORPHES DE L'ANCIENNE MESOPOTAMIE (LES CULTURES DE DJARMO ET DE HASSUN, LA FIN DU VIIe—VIe MILLENAIRES AVANT NOTRE ERE)

Résumé

L'article est consacré à l'étude des statuettes anthropomorphes de l'Ancienne Mésopotamie, notamment des étapes de Djarmo et de Hassun. Ces matériaux n'étaient pas encore suffisamment éclairés dans les publications soviétiques et étrangères. L'auteur fait une tentative de classifier les figurines en recourant à une analyse systématique. L'évolution des statuettes durant ces deux époques est considérée en tant qu'un processus successif mais ayant subi des influences apportées des régions voisines. Les figurines de la période de Djarmo sont de caractère très varié. Ceta est dû, paraît-il, à ce que c'était une étape instable de formation. Les statuettes de Hassun sont plus homogènes. A cette époque sont signalées les relations avec les régions occidentales dont l'Anatolie (voir les monuments du type de Hadjilar). On a aussi révélé les rapports del a céramique de Hassun avec celle d'Ubeïd du sud. Les haisons des plus régions boréales de la Mésopotamie avec ces parties méridionales découvertes grâce aux matériaux céramiques sont confirmées par l'étude des figurines anthropomorphes.

---

[37] P. J. Watson. The Terminal Food-Collecting, Incipient Food-Production and Earliest Established Food-Producting Settlements of North Syria and North Mesopotamia. In: Chronologies in Old World., стр. 65—67.

[38] J. Oates. Ur and Eridu, the Prehistory. «Iraq», 1960, XXII, p. 42; связь саввaнской пластики с убейдской отмечена Э. Порадой: E. Poradа. The Relative Chronology of Mesopotamia..., стр. 152.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОСИБИРСКОГО ЭНЕОЛИТА

Несмотря на значительные успехи, достигнутые нашей наукой в изучении этнокультурного развития племен бронзового века Среднего Енисея, социальный аспект истории этих раннескотоводческих коллективов остается неразработанным. Опираясь на разносторонние материалы южносибирских могильников конца III— начала II тысячелетия до н. э., представляется возможным наметить некоторые вопросы социального порядка, касающиеся культуры первых скотоводов Южной Сибири, известной под термином «афанасьевской» [1]. Афанасьевские племена, явившиеся, по-видимому, крайней восточной ветвью индоевропейского племенного массива, входили в круг евразийских раннескотоводческих обществ, осваивавших горнорудное дело, металлургию, начатки земледелия, базировавшегося на придомном скотоводстве (корова, овца, лошадь) при сохранении известной роли охоты. Переломному характеру энеолитической эпохи соответствовала сложность социально-идеологических показателей афанасьевской культуры, проявившаяся, в частности, в семейной структуре, что нашло отражение в нормах погребального обряда. Суммируя материалы около 30 могильников Хакасско-Минусинской котловины и Горного Алтая, небольших по объему, компактных по времени функционирования (могильники состоят из 4—10, редко более крулых каменных оград и содержат погребения в пределах трех-четырех поколений) [2], приходим к выводу о существовании нескольких типов афанасьевских погребений, которые попытаемся проанализировать соответственно содержащейся в них демографической, структурно-семейной и социальной информации.

Родовые погребения содержат совместные однопольные захоронения, совершенные в одиночной могильной яме в центре ограды (родовая могила), или рассредоточенные по нескольким могилам, объединяемым общей оградой (родовая ограда). Можно предполагать, что это были «матригенные» захоронения, с совместным погребением женской линии одного рода, и «патригенные», с совместным погребением мужской линии. Если первые могут свидетельствовать о существовании счета родства по линии старейшей женщины для женских потомков, что является своеобразным пережитком матрилинейности, то вторые отражают, напротив, один из ранних этапов патрилинейного счета родства, когда не все потомки, а только лишь мужчины, ведут родство по линии старейшего. Не исключено, однако, и иное предположение относительно характера подобных оригинальных погребений, дифференцированных по признаку пола: в обычае их устройства могла найти выражение сугубая половая дифференциация, практиковавшаяся в производственной деятельно-

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2. Л., 1927; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[2] История Сибири, 1. Древняя Сибирь. Л., 1968, стр. 162 (текст М. П. Грязнова).

сти и быту, которая подкреплялась соответствующими табу, предполагавшими раздельное захоронение членов одной большой семьи по половому признаку. Исходя из этого, пол детей должен был соответствовать полу взрослых, погребенных с ними в одной «родовой ограде». В любом случае принцип устройства таких погребений связан в своем истоке с весьма архаичным обычаем, базировавшимся на идее кровного родства. Особенно наглядно это проявляется в «родовых могилах» (Афанасьева гора, ограды 24, 33, 38, 41) [3]. Сходные могилы находим в таких ярких позднеолитических памятниках как, например, Оленеостровский могильник и китойские могильники Прибайкалья [4]. Вполне допустимо, что обычай устройства «родовой ограды» является своего рода развитием обычая погребения в «родовой могиле». Они распространены как в малых, так и крупных афанасьевских могильниках (Карасук III, ограды 3, 4, 9; Черновая VI, ограда 1; Тесь I, ограда 21; Барсучиха IV, ограда 23) [5]. Центральная могила такой ограды бывает отмечена специальной надстройкой из земли и плитняка усеченно-пирамидальной формы, в ней при пожилой женщине ставился объемистый сосуд — «корчага», либо вазочка — «курильница» при пожилом мужчине. Детские могилы, сопровождающие погребения взрослых женщин или мужчин, имеют плиточное покрытие.

Большесемейные погребения содержат совместные разнополые захоронения в одиночной могиле в центре ограды (большесемейная могила) или рассредоточенные по нескольким могилам, объединяемым общей оградой (большесемейная ограда). Половозрастные соответствия, общее количество, наконец, позы погребенных позволяют считать их членами одной большой семьи, захороненной в пределах трех-четырех, реже двух поколений в одной могиле (Тесь II, ограда 10; Черновая VI, ограда 3) [6], либо в пределах одной ограды (Карасук III, ограды 1, 2; Сыда I, ограда 4; Черновая VI, ограда 4) [7]. Центральная могила такой большесемейной ограды, содержащая захоронение старейшего члена семьи или пожилой пары, бывает отмечена уже упоминавшейся нами оригинальной надстройкой, а также наличием в погребении «корчаги» или «курильницы». Можно предположить, что этим подчеркивалась особая роль старейших членов такого семейного объединения.

Большесемейные ограды выделяются своей величиной по сравнению с прочими оградами данного могильника. Можно полагать, что в условиях раннескотоводческого хозяйства именно большая семья являлась основной семейно-хозяйственной ячейкой общества. Объединение нескольких таких семей и составляло большесемейную общину, оставившую тот или иной могильник. Большесемейную общину трудно связать с мобильным бытом и охотничьим укладом жизни неолитических племен в рамках чисто присваивающей экономики — ее появление было, по-видимому, продиктовано особенностями скотоводческо-охотничьего хозяйства энеолитической эпохи. Возможно, что особенности структуры афанасьевского энеолитического общества, базировавшегося на большесемейных объединениях, следует, помимо экономических факторов, искать в специфике происхождения этой

---

[3] Там же, стр. 164; М. П. Грязнов. Отчет о раскопках 1964 г. Архив ИА, Р-1, № 2955.

[4] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956; П. П. Хороших. Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в Иркутске. ДС, 2, 1966.

[5] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, стр. 45 сл; Э. Б. Вадецкая. Афанасьевский могильник на речке Черновой. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 118; М. П. Грязнов. Работы карасукского отряда. Сб. АО, 1967, стр. 148; его же. Отчеты о работах 1961, 1962 гг. Архив ИА, Р-1, № 2483, 2484.

[6] С. В. Киселев. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси. СА, II, 1937, стр. 87—90; Э. Б. Вадецкая. Ук. соч., стр. 118.

[7] С. В. Киселев. «Афанасьевские» курганы..., стр. 76—80; Э. Б. Вадецкая. Ук. соч.; М. П. Грязнов. Отчет за 1962 г.

культуры, антропологически и этнически чуждой исконным обитателям среднеенисейских степей и таежных предгорий и связанной со среднеазиатско-прикаспийским раннескотоводческим ареалом.

Малосемейные погребения содержат совместные захоронения мужчины и женщины, иногда с ребенком, совершенные в одиночной могиле в центре ограды (малосемейная могила), или рассредоточенные по нескольким могилам, объединяемым общей оградой (малосемейная ограда). Малосемейные могилы эпизодичны и отражают, по-видимому, реальный факт одновременной смерти погребенных (Афанасьева гора, ограда XI; Тесь I, ограда 13, 22) [8]. Отметим отсутствие в афанасьевской культуре парных разнополых погребений классического типа, основанных на принципе одностороннего, либо взаимного подхоранивания, известных в более развитых скотоводческих культурах эпохи бронзы, таких как андроновская и, отчасти, окуневская [9]. В то же время существование оград с захоронениями членов малой семьи (Карасук III, ограда 5; Сыда I, ограда 8) [10] свидетельствует в пользу существования подхоранивания в пределах общей ограды. Однако небольшое число малосемейных погребений указывает, по-видимому, на незначительную роль малой семьи в обществе энеолитической эпохи Минусинской степи, что должно отражать ее небольшую роль как самостоятельной экономической единицы большесемейной общины. Действительно, при первоначальных, ранних формах придомного скотоводства вес малой семьи в общественном производстве не мог быть значительным — хозяйственный уклад требовал совместных усилий членов большой семьи, объединявшей несколько малых, выступавших самостоятельно лишь в качестве брачных единиц. Отметим также незначительное количество захоронений женщины в сопровождении ребенка — можно полагать, что в такой малосемейной могиле захоранивался только новорожденный либо ребенок грудного возраста (для первобытной эпохи, как минимум, до двух лет). Особо выделим случаи захоронения мужчины в сопровождении ребенка, поскольку такое явление можно рассматривать как яркий пережиток неолитического обычая, известного по могилам «Циклодрома», Оленьего острова, Кубенина [11]. К сожалению, остается невыясненным пол детей, захороненных совместно с мужчинами как в неолитических, так и в афанасьевских могильниках, что уже отмечалось нами выше относительно типа родовых погребений. Если допустить, что это была девочка, то, судя по этнографическим параллелям, должно было подразумеваться ее будущее «замужество» с погребенным мужчиной, если мальчик — то это мог быть как непосредственный потомок, так и «патриархальный» раб, помощник в промысле. Скорее всего ребенок специально убивался для сопровождения мужчины. В этой связи отметим выразительное погребение в ограде 2 афанасьевского могильника Подсуханиха [12], где в обособленно стоящей ограде, превышавшей прочие своим диаметром, погребены старик и ребенок 7 лет, при них найден кремневый наконечник стрелы. Наконец, погребения взрослого и подростка при соответствующих половых показателях также, видимо, следует рассматривать как захоронение супругов в малосемейной могиле.

Индивидуальные погребения содержат одиночное захоронение мужчины, женщины, подростка или ребенка, совершенное в одиночной могиле в центре ограды. Судя по могильникам Афанасьева гора,

---

[8] С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 67; С. В. Киселев. Материалы..., стр. 39, 47; его же. «Афанасьевские» курганы..., стр. 80.

[9] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. «Археологический сборник», 3. Л., 1961, могилы 1, 3, 30.

[10] М. П. Грязнов. Отчет о раскопках карасукского отряда в 1965 г. Архив ИА, Р-1, № 3200 и ук. Отчет за 1961 г.; его же. В кн. «История Сибири», гл. 4, § 1, стр. 164.

[11] П. П. Хороших. Ук. соч., стр. 86; Н. Н. Гурина. Ук. соч., стр. 322, 326.

[12] Л. А. Иванова. Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений. КСИА АН СССР, 114, 1968, стр. 60.

Карасук III значительный процент среди погребенных в индивидуальных захоронениях падает на мужчин и женщин в возрасте 40—60 лет, а также 20—25 лет. Для могильников, где тип индивидуальных погребений не является преобладающим (последнее типично для могильников Алтая) [13], некоторые, наиболее выдающиеся индивидуальные погребения первой возрастной группы можно гипотетически рассматривать как захоронения глав большесемейной общины. Их общественная значимость была подчеркнута, помимо возведения самостоятельной ограды, возведением оригинальной надмогильной постройки — «пирамиды» и постановкой «корчаги» либо «курильницы». В составе второй возрастной категории могли, предположительно, находиться неженатые мужчины и бездетные женщины. Весьма показателен, далее, случай группировки оград в Подсуханихе с погребениями детей вокруг ограды с погребением матери, женщины среднего возраста [14]. Близкое смыкание оград матери и ребенка раннего возраста или подростка можно наблюдать также в могильнике Афанасьева гора (ограды I и II, ограды XVII и XVIII); любопытно, что в одном случае ограда подростка «сопровождает» ограду с большесемейной могилой (ограды XIV и XV того же могильника) [15]. Можно, таким образом, предполагать, что наличие среди афанасьевских захоронений индивидуального типа погребений отразило как возрастные особенности некоторых групп умерших, так и известные различия локального, а также хронологического порядка между отдельными могильниками.

В рамках выделенных нами типов погребений афанасьевской культуры представляется немаловажным отметить отдельные захоронения, особенности обряда которых могут свидетельствовать о своего рода нормах обычного права, отразивших отклонения от обычаев, с которыми погребалась основная масса общинников — жителей того или иного поселка. В этой связи, назовем, прежде всего, некоторые ярусные погребения, составленные, по-видимому, не по принципу последовательного подхоранивания, но отразившие какие-то противоречия, вероятно социального характера, между погребенными. К этой серии захоронений, весьма симптоматичных с точки зрения начальной дифференциации общества ранних скотоводов, отнесем могилу женщины с исключительно обильным для афанасьевской культуры инвентарем из могильника Тас-хазаа на Абакане. Погребение совершено в грунтовой яме, перекрытой плитой, поверх которой лежал скелет женщины в неестественной позе, на животе и в то же время как бы приподнявшейся на четвереньки. Единственным инвентарем при ней было ожерелье из резцов сурка [16].

А. Н. Липский, раскопавший это погребение, справедливо предполагает насильственный характер верхнего женского захоронения. Аналогичная интерпретация может быть предложена для погребения в кургане I могильника у улуса Подкунинского [17], где под погребением взрослого и подростка располагалось захоронение взрослого, положенного в могилу, судя по его позе, в связанном состоянии. Допустимо предполагать, что экстраординарный характер названных погребений может быть отнесен в какой-то мере за счет времени их создания, относящегося к периоду непосредственных контактов афанасьевской и окуневской культур в бассейне р. Абакан и, возможно, носивших не только исключительно мирный характер. В северной части Хакасско-Минусинской котловины также мож-

[13] Г. П. Сосновский. Материалы по афанасьевской культуре Алтая. Архив ЛОИА, ф. № 42, д. № 93. Заметим, что «розетки» Усть-Куюма венчают могилы пожилых мужчин и женщин, снабженные обильным инвентарем, № 6, 8, 13.

[14] Л. А. Иванова. Ук. соч., стр. 60, 64, рис. 20; С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 66—68.

[15] Там же, стр. 66—68.

[16] А. Н. Липский. Отчет о раскопках на Абакане в 1957 г. Архив ИА, Р-1, № 1476.

[17] С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 73; В. П. Левашова. Отчет о раскопках 1931, 1932 гг. Архив ОИПК Гос. Эрмитажа и Архив ЛОИА, № 118 (137).

но назвать два ярусных погребения, имеющих, по-видимому, отношение к обряду насильственного захоронения людей: это могила в ограде V Афанасьевой горы [18] и могила в ограде 19 Теси I [19]. В первой в нижнем ярусе был положен, видимо, связанный человек, во второй — трое мужчин были захоронены один над другим, причем безинвентарность верхнего и нижнего костяков резко контрастировала с обилием и разнообразием изделий при центральном погребении. Разумеется, можно предполагать ограбленность верхнего и нижнего погребения, а также их разновременность, однако реальнее видеть в этом так резко отличном от прочих погребений не совместное погребение мужчин в «родовой» могиле, но погребение какого-то выдающегося по положению общинника и сопровождающих его мужчин. Известные по материалам китойских и глазковских могильников Прибайкалья, а также андроновских могильников, таких как Кокча III (собственно, тазабагъябская культура и Тасты-Бутак (антропологически неандроновское население с андроновского типа материальной культурой) примеры насильственного погребения людей, в том числе и в ярусных могилах [20], подтверждают предположение о далеко не случайном характере расположения людей в подобных захоронениях — вероятно, такой обряд должен был выражать общественную неравнозначность в положении умерших.

Помимо ярусных можно назвать захоронения, совершенные также с некоторыми отступлениями от обычных обрядовых норм, как бы по «упрощенному» обряду. К их числу относится, например, индивидуальное погребение молодой женщины, совершенное на окраине алтайского могильника Усть-Куюм в ограде 7. Здесь умершая лежала на животе, причем перекрещенные кисти рук позволяют предполагать, что они были связаны [21]. Отсутствие инвентаря, поза погребенной, расположение могилы вдали от основного скопления оград выделяют это захоронение среди прочих погребений могильника. Подобные погребения, располагающиеся обычно на краю могильного поля, с незначительным инвентарем либо вовсе его лишенные, с людьми, захороненными в позах, отличных от принятых в данной культуре, известны в поздненеолитическом Оленеостровском могильнике, классическом окуневском могильнике Черновая VIII и могильнике эпохи развитой бронзы Кокча III [22]. Так могли хоронить иноплеменников, людей, захваченных в результате военных столкновений, общинников, нарушивших родо-племенные обычаи, а также патриархальных рабов, возможность существования которых как в поздненеолитических охотничье-рыболовческих обществах тайги, так и в раннескотоводческих степных общинах обоснованно допускается некоторыми исследователями [23].

Помимо названных, обращают на себя внимание афанасьевские погребения, в которых при костяке имеются кремневые наконечники стрелы, не принадлежащие к инвентарю умершего, но свидетельствующие о причине его смерти. В одних случаях можно предполагать насильственное умерщвление — именно так можно, по-видимому, интерпретировать погребение двоих взрослых (пол неизвестен) в одиночной центральной могиле огра-

[18] С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 64, 66, рис. 4.

[19] С. В. Киселев. Материалы..., стр. 43—45.

[20] П. П. Хороших. Ук. соч., стр. 86 — ярусное погребение троих мужчин-воинов в сопровождении трех молодых женщин со следами умерщвления; М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча III. М., 1961, стр. 40, 42 — насильственное погребение мужчины и женщины, судя по антропологическому типу, иноплеменников; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак, МИА, 120, 1962, стр. 23 сл.— ярусное погребение двух женщин, одна из которых имеет следы умерщвления.

[21] Г. П. Сосновский. Ук. соч.

[22] Н. Н. Гурина. Ук. соч. стр. 202; М. А. Итина. Ук. соч., погребения 75, 88, 90; Г. А. Максименко. Отчеты о раскопках 1962—1963 гг. Архив ИА, 2486. 1747.

[23] Подобные замечания находим в работах А. П. Окладникова и К. В. Сальникова.

ды 27 Афанасьевой горы. Здесь в области груди одного из погребенных находились два кремневых наконечника стрелы, при другом было поставлено четыре сосуда [24]. В других случаях можно предполагать смерть погребенного в результате военного конфликта. Неразработанность типологии наконечников стрел как афанасьевской, так и окуневской культур не позволяет дать уверенного ответа на вопрос, носили ли эти столкновения межплеменной или локальный характер. Можно заметить только, что если для юго-западных районов Хакасско-Минусинской котловины вполне обоснованно предположение о взаимных контактах двух названных культур, то для более северной области они не наблюдаются. Наконечник стрелы был найден в могиле малосемейного типа южноафанасьевского могильника Бельтыры (ограда 8) под плечевой костью мужчины, захороненного совместно с женщиной и ребенком, причем при мужчине стоял сосуд синкретичной окуневско-афанасьевской формы, а при женщине — остродонный афанасьевский горшок [25]. Кремневый наконечник стрелы свидетельствует о причине смерти погребенного в индивидуальном захоронении ограды VIII Афанасьевой горы, костяной наконечник найден в могиле 1 ограды 5 Красного Яра, а три роговых наконечника — в центральной могиле большесемейной ограды 2 могильника Карасук III [26]. Любопытно, что число наконечников в могиле из Карасука III точно совпадает с кучками человеческих костей, принадлежащих старику, мужчине и мальчику, так своеобразно захороненными в этом погребении совместно со старухой и вторым ребенком.

Погребения, свидетельствующие о симптомах начальной дифференциации общества афанасьевской культуры, как, равным образом, и погребения, показывающие существование вооруженных столкновений, межобщинных и, возможно, межплеменных находятся в небольшом количестве. Однако этот факт является своего рода косвенным подтверждением правомочности именно такой их интерпретации, поскольку было бы нереально предполагать социальную дифференцированность, а также родо-племенную вражду в качестве стойко проявляющейся закономерности на ранних этапах развития патриархального общества степняков-скотоводов. Существование последнего представляется допустимым как следствие прогрессивного развития экономических факторов, приведших к развитию раннескотоводческого хозяйства в форме придомного скотоводства, дополняемого достаточно интенсивной охотой и пушным промыслом.

Отметим в достаточной мере равнозначное с мужчиной положение женщины в обществе афанасьевской эпохи, что подтверждается разносторонними материалами могильников. Действительно, ярко выраженная матригенность, проявившаяся в типе родовых погребений, центральное расположение могил с захоронениями пожилых женщин или старух в большесемейных оградах, наконец, индивидуальные погребения старух и пожилых женщин, сопровождаемые, как и в большесемейных оградах, сосудами-корчагами, символизировавшими, по-видимому, руководящую роль этих лиц в сфере домашнего производства, подтверждают такое положение вещей. Поскольку для ранних форм скотоводческого хозяйства можно предполагать и мало развитые формы производственных отношений, когда общественно-полезный труд того или иного члена производственного коллектива находил прямое выражение в общественной значимости индивида, то и значительное место женщины в раннескотоводческих обществах южносибирской степи может быть объяснено немало-

[24] М. П. Грязнов. Отчет о раскопках 1964 года.

[25] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. ВИСДВ. Новосибирск, 1961, стр. 270.

[26] С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 67; В. П. Левашова. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакассии. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 67; М. П. Грязнов. Отчет о раскопках 1961 года. Наконечники Каракуса III отнесены к категории стрел предположительно.

важным вкладом ее труда в хозяйства общины и большой семьи. Можно предполагать, что по мере развития форм скотоводческого хозяйства, начинающего занимать первостепенное место в общинной экономике, по мере почти полного изживания роли охоты и низведения ее до формы пушного промысла, принимавшего зачастую ритуальные формы, роль женского труда, его весомость отнюдь не были ущемлены. Скотоводческое хозяйство, в особенности в форме разведения преимущественно крупного рогатого скота, с его молочной направленностью, что характерно для его первоначальных форм, требовало все более обширного применения женского труда, одновременно индивидуализируя его. Можно говорить далее о принципиально различном экономическом весе малой семьи (муж, жена, малолетние дети) в обществах с разной степенью развития скотоводческого хозяйства. В афанасьевском обществе малая семья, как мы могли заметить, по-видимому, только еще начинала обособляться как самостоятельная экономическая единица, что и соответствовало раннему этапу в развитии скотоводческого хозяйства в рамках большой семьи и большесемейной общины.

Рассматривая выделенные нами типы погребений афанасьевской культуры соответственно их встречаемости в том или ином могильнике, можно судить о конкретной семейно-демографической структуре поселка, оставившего древнее кладбище. Небольшой поселок мог, вероятно, состоять из одной-двух больших семей: например, поселок могильника Черновая VI мог включать одну или две таких семьи, в зависимости от того, будем ли мы рассматривать его четыре ограды синхронно либо последовательно создававшимися. Среди крупных можно назвать поселки, оставившие могильники Афанасьева гора, Карасук III, Тесь I. В последнем отсутствуют детские захоронения, что объясняется, скорее всего не полной раскопкой погребальных оград Тесинского могильника. Естественно предполагать, что величина того или иного поселка соответствовала степени развития скотоводческого хозяйства. Общины же, в которых ощутимое место принадлежало охоте, вынуждены были вести достаточно мобильный образ жизни. Большая семья, основная производственная ячейка общины, судя по числу и возрасту людей, захороненных в большесемейных погребениях, дифференцированных по признаку пола, могла включать в себя, по крайней мере, три малых семьи в пределах трех-четырех поколений. Как малые, так и большие семьи были невелики по количеству членов, что объяснимо большой детской смертностью в раннем возрасте, отмечавшейся некоторыми исследователями[27]. Следствием этого были, в частности, ранние браки, причем надо отметить, что в подростковом возрасте смертность была мала. Если женщина пережила благополучно возраст, в котором она подвергалась постоянной опасности смерти от родов, то, как можно заметить по материалам могильников, вероятность дожить до преклонного и даже старческого возраста представлялась для нее вполне реальной. Большое количество мужчин также доживало не только до преклонного, но и старческого возраста в 60 и более лет. По-видимому, при объяснении этого немаловажного фактора быта древних скотоводческих племен, оказывавшего, вероятно, определенное воздействие на культово-идеологические стороны их жизни, надо учитывать, в качестве одной из ведущих причин, переход к прогрессивной, производящей форме экономики. Названный демографический фактор должен был оказывать благоприятную роль при передаче производственного опыта от поколения к поколению, что несомненно оказывало известное воздействие на общий уровень развития культуры.

Марксистская историческая наука предполагает существование глубокой причинной зависимости формы семьи от характера производственных отношений общества, опирающихся на экономический базис. В рамках различных культур эпохи бронзы Среднего Енисея можно наблюдать зна-

[27] «История Сибири», стр. 164. Текст М. П. Грязнова.

чительные вариации в семейной структуре первобытной общины, базирующейся на ранних формах скотоводства. Можно заметить, что степень и формы проявления патриархальных отношений были в достаточной мере специфичны для каждой из этих раннескотоводческих культур. В афанасьевском обществе, как мы пытались показать, развитие патриархальных отношений внутри большой семьи и большесемейной общины находилось на одной из ранних стадий развития. Это прослеживается на примере родовых патригенных могил, представленных в небольшом числе и сопровождаемых родовыми матригенными могилами, по существу их социальными антиподами. Обычай ставить в погребениях пожилых мужчин определенные сосуды, курильницы, а в погребениях пожилых женщин корчаги, относится, по-видимому, к весьма архаичной категории социальных явлений, уходящей своими истоками в обычаи общества дометаллических эпох, когда возраст индивида уже сам по себе служил достаточным основанием для его преимущественного положения. Наконец, редкие свидетельства обособления первичной брачной ячейки общества — малой семьи — также могут свидетельствовать о том, что патриархат не нашел в обществе афанасьевской культуры развитых форм выражения. Отсутствуют также свидетельства какого-либо сосредоточения военной или культовой власти в руках отдельных членов коллектива — курильницы сопровождают неизменно глав больших семей, возможно, также и глав большесемейных общин, однако погребения со специальным набором изделий магического характера отсутствуют. Любопытно отметить, что в таком позднеафанасьевском могильнике, как Тас-хазаа на Абакане, в культурно и этнически неоднородном комплексе, представленном ранними, глубинными погребениями, мы уже сталкиваемся с весьма выразительной формой захоронения — «тройным»: погребением мужчины, сопровождаемым двумя женщинами, что характерно для раннебронзовой окуневской культуры. Мужчину-патриарха в тасхазинском погребении сопровождают топорик и курильница, при нем находятся жена с ребенком — женщина афанасьевского племени, и вторая женщина, принадлежащая, подобно мужчине, к племени окуневской культуры. Это редкое по своей культурно-социальной выразительности захоронение показывает развитие прогрессирующего процесса патриархальных взаимоотношений по мере развития скотоводческого хозяйства южносибирских племен, при дальнейшем отходе от охоты при сохранении рыболовства. Для окуневской культуры можно говорить таким образом, в отличие от афанасьевской, об определенно выраженной роли мужчины-патриарха, главы большой семьи, чьи погребения представлены большим числом «тройных» захоронений, располагающихся по одному в центре оград, составляющих могильник (Сыда V, Черновая VIII, Черемушный Лог). Вторая социологическая особенность окуневских могильников — присутствие определенного количества парных разнополых погребений, т. е. малосемейных могил, устроенных, по-видимому, по принципу одностороннего подхоранивания. Любопытно, что в абаканских афанасьевских могильниках таких, как Бельтыры, Камышта, а также в позднеафанасьевском могильнике Курота [28], бросается в глаза присутствие заметно большего числа малосемейных могил по сравнению с прочими афанасьевскими могильниками. В могильнике Курота присутствует также, по-видимому, и характерно окуневское «тройное» погребение, сопровождаемое курильницей и отмеченное положением по антитезе (ограда 2). Все эти примеры указывают на то, что культурные и племенные взаимодействия, непосредственные этнические контакты могли способствовать известному изменению структурно-семейных норм, что, по-видимому, являлось следствием соответствующих экономических трансформаций. Поскольку погребальный обряд, формы захоронений, их типичные комбинации являются наименее подвер-

[28] А. Н. Липский. Отчет о раскопках 1954 г. Архив ИА, Р-1, № 1362; его же. Отчет о раскопках 1958—1959 гг. Архив ИА, Р-1, № 2119; С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 57 сл.

женной изменению частью материальной культуры и идеологических воззрений общества и отражают формы семейно-родовых структур, базирующихся на формах производства, то и названные случаи соприкосновения окуневских и афанасьевских обычаев возникли, вероятно, в процессе глубокого и достаточно продолжительного контакта.

Большая семья с признаками кровного родства у афанасьевских племен; большая семья, интенсивно делящаяся на малые семьи при явном выделении патриархальной верхушки в окуневском обществе; малая семья, утвердившаяся в развитом скотоводческом обществе андроновской культуры — все эти этапы развития социальной структуры южносибирских племен бронзового века еще подлежат детальной интерпретации.

M. D. Khlobystina

LES PROBLEMES PALEOSOCIOLOGIQUE DE L'ENEOLITIQUE DE LA SIBERIE MERIDIONALE

Résumé

Les tribus énéolithiques afanasiéviennes de la Sibérie du sud qui étaient probablement une branche éloignée d'un ensemble de tribus indo-européens et originaires d'une zone de contact de culture de fosses funéraires et du celle de Keltéminar avaient une structure compliquée de famille et de communauté. Les nécropoles du type d'Afanasiévo peuvent être subdivisées en quatre types de sépultures: 1) celles de gens, 2) celles de grande famille, 3) celles de petite famille et, 4) celles d'un individu. Les sépultures dont le rite funéraire est la plus archaïque ne contiennent que des ensevelissements exclusivement féminins ou bien ceux des hommes. Nous les appelons «les sépultures de gens» car elles reflètent l'ancien principe d'établir la ligne de parenté pour les femmes par la lignée maternelle et celle pour les hommes par la lignée paternelle. Le second type comprend les sépultures communes des représentants des deux sexes où l'on ensevelissait 3 ou 4 générations successives. Ce sont les tombeaux des membres de grandes familles qui faisaient partie d'une communauté composée de plusieurs familles d'anciens éleveurs de bétail habitant une agglomération à laquelle appartenait l'ancien cimetière en question. L'apparition de ce type de sépultures est due, probablement, à l'agrandissement des communautés d'agriculteurs et d'éleveurs qui eut lieu en Asie Centrale et au Caucase du sud. Cela fut suivi chronologiquement et stadialement de la formation, dans les steppes d'Eurasie, des cultures d'anciens éleveurs au fin de IV-e — au debut du II-e millénaire avant notre ère. Dans la culture énéolithique de la Sibérie du sud une petite famille n'était pas une cellule économique mais conjugale. Les données confirmant la concentration du pouvoir militaire ou cultuel entre les mains d'un suel membre du collectif font défaut. Néanmoins les chefs de grandes familles et de communautés étaient ensevelis, selon toute vraisemblance, dans les tombes particulières. Grand nombre d'individus atteignaient l'âge de 60 ans.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

КАПИТЕЛИ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

Бывает так, что в каком-либо памятнике или группе памятников вдруг отражаются характерные черты культуры и искусства целой эпохи, области или страны. Именно так обстоит дело с одной группой археологических памятников Бактрии, древней историко-культурной области, охватывавшей южные районы Узбекской и Таджикской ССР и север Афганистана и игравшей в древности важную роль в истории культуры всего Востока. Памятники, о которых идет речь — это каменные капители пилястров, пилонов и колонн, открытые в основном в последние десятилетия советскими учеными в северной (правобережной) Бактрии и нашими французскими коллегами в южной (левобережной) части этой древней области (рис. 1). Общее число таких капителей с учетом открытых еще в 30-годах в Айртаме (неподалеку от г. Термеза, на юге Узбекистана) и в самом Термезе достигло уже 50.

Наиболее ранние из известных сейчас капителей Бактрии относятся ко времени существования здесь, в сердце Азии, своеобразного Греко-Бактрийского государства с центром в Бактрии и с греческой правящей верхушкой во главе (вторая половина III—II вв. до н. э.). Эти ранние капители коринфского и коринфизированного типов (рис. 2, *а*) открыты при раскопках городища Ой-Ханум на южном берегу р. Пяндж (верховья Амударьи), где они венчали декоративные пилястры и колонны портиков и залов большой, по-видимому, дворцовой, постройки. Пилястры Ой-Ханум были каменными, из камня же были высечены и стволы колонн. Что же касается самих капителей, то их растительный декор с пышными аканфовыми листьями следует селевкидским образцам и подчинен эллинистическим эстетическим нормам [1].

Тот же, что в Ой-Ханум, каменный ордер и аналогичные капители колонн (рис. 2,*б*) (и такие же принципы планировки дворцовой постройки, хотя и значительно менее крупной по размеру) открыты недавно и на юге Таджикистана — на городище Саксанохур в Пархарском районе [2]. Не вероятно, что с этой ранней группой каменных капителей Бактрии следует связывать найденную в 1950 г. капитель с Мунчак-тепе в (долине р. Кафирниган, северного притока Амударьи) [3], а также две капители из Старого Термеза; одна из них найдена еще в 30-годах [4], вторая — в 1966 г.

[1] P. Bernard. Chapitaux corinthiens hellénistiques de l'Asie Centrale découverts à Aï Khanoum. «Syria», 1968, XLV, 1—2, стр. 111—151.

[2] Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, 2, стр. 160—177.

[3] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 266, рис. 11. Хранится в Институте истории АН ТаджССР в Душанбе. Как любезно сообщила мне В. Л. Воронина, определение этой капители как круглой неверно. На самом деле она имела прямоугольную форму. Соответственно ошибочна и данная в статье М. М. Дьяконова реконструкция этой капители.

[4] Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. Тр. АН УзССР, сер. 1, Термез. археол. экспедиция, II, Ташкент, 1945, стр. 74, рис. 6. Хранится в Термезском музее.

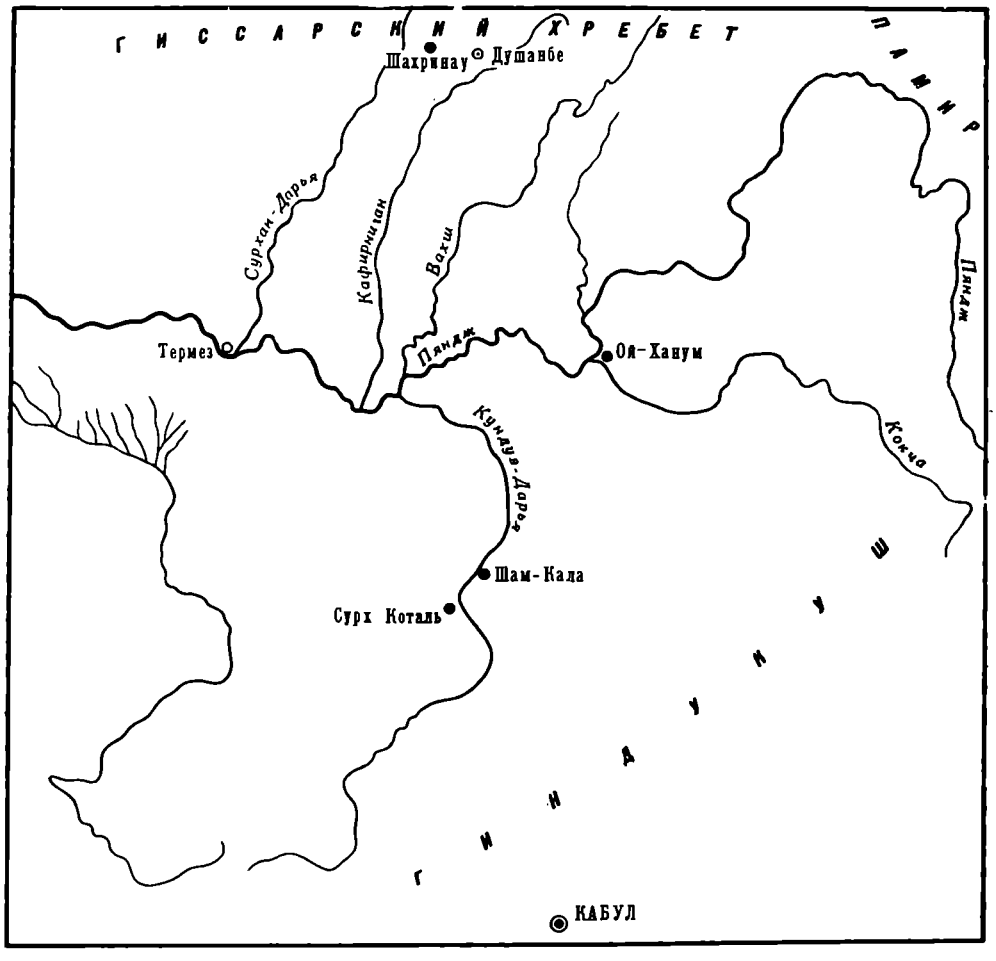


Рис. 1. Схематическая карта Бактрии с указанием мест находок каменных капителей

во время работ нашей экспедиции [5], третья была обнаружена вместе с каменным стволом колонны в 1969 г. в результате размыва Амударьей прибрежного участка городища [6]. Как мунчактипинская, так и обе термезские капители коринфизированного типа, украшены аканфовой листвой, причем трактовка листьев аканфа на них близка к ойханумским капителям (для них, в частности, характерно подчеркивание центральной прожилки листа).

Все остальные каменные капители Бактрии относятся к кушанской эпохе, т. е. к I—IV вв. н. э., когда эта область была местом зарождения и основным ядром могущественной, но все еще слабоизученной, а потому и загадочной Кушанской державы. К числу этих памятников кушанской поры относятся капители из района Термеза (из собственно Термеза, Айртама и Хатын-Рабата) и из Гиссарской долины (из Шахринау, к западу от Душанбе) — на правобережье и из древнего Баглана (из Сурх-Коталя и Шам-Калы) — на левом (афганском) берегу Амударьи.

Наиболее сильно традиции греко-бактрийской культуры отразились на рельефах Айртама; ранее воспринимавшихся как карниз или фриз [7]. Как удалось установить, рельефы эти представляли собой части двух состав-

[5] Эта капитель пилона еще не опубликована. Хранится в Государственном музее искусства народов Востока в Москве.

[6] Краткую информацию об этой находке см. в газ. «Правда Востока» от 28 декабря 1969 г.

[7] Первые публикации см.: М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, I, Ташкент, 1933; его же. Скульптура Айртама, «Искусство», 1935, 2, стр. 129—134; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, стр. 149—158, табл. 45—49.

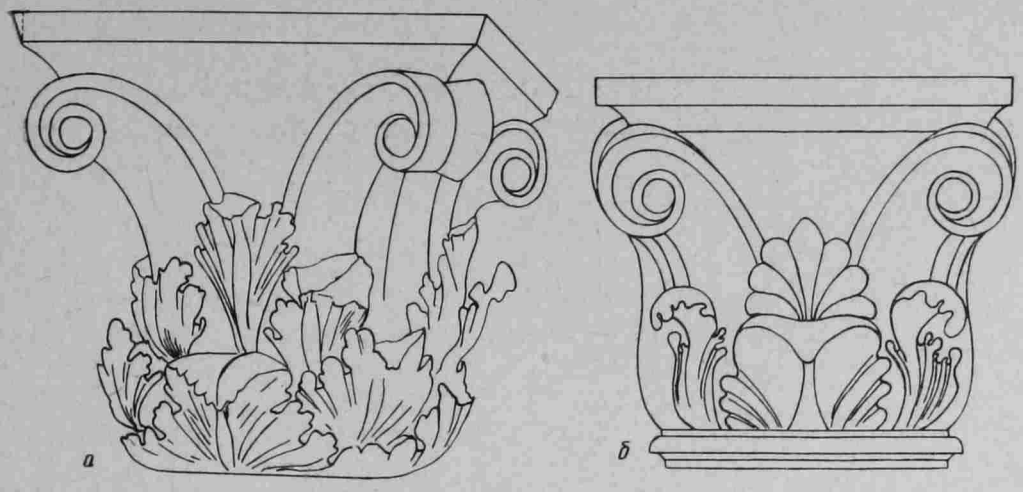


Рис. 2. Каменные капители:
а — из Ой-Ханум; *б* — из Саксанохура (реконструкция)

ных капителей от пилястров, или антов, оформлявших вход в буддийское святилище [8]. Каждая капитель составлялась из четырех прямоугольных блоков (длина блока 74—100 *см*, высота 36—41 *см*), причем три блока располагались в ряд, а четвертый под углом к ним; в плане капитель, таким образом, напоминала букву Г. Длина одной такой капители по длинной стороне 2,83 *м*, второй — 2,75 *м*, по коротким сторонам 94 и 86 *см*. По внешней стороне капителей размещались рельефные полуфигуры людей на фоне аканфовой листвы, а на повороте и на обоих концах — скульптурные волюты. На каждой из айртамских капителей находилось по семь фигур. Пять из них на одной из капителей, с музыкальными инструментами в руках, передавали, по определению акад. С. Ф. Ольденбурга, «пять великих звуков» (панча махашабда) [9]. Руки остальных персонажей были изображены в каноническом жесте «мудра» или же держащими чашу, ритуальные повязки-сленгиды, а возможно, и гирлянды цветов. Передача листьев аканфа с утрированной толстой центральной прожилкой, равно как и резко выраженный выпуклый глазок волют [10], сближает айртамские рельефы с капителями Ой-Ханум и Саксанохура. На связь с Ой-Ханум (и традициями греко-бактрийской архитектуры) указывают и технические особенности айртамских рельефов: капители Айртама венчали пилястры (или анты), сложенные из кирпича сырца и облицованные камнем, причем каждый из айртамских рельефов имел на верхней плоскости трапециевидные гнезда для скреп, соединявших эти части капителей между собой и со стеной, а снизу — прямоугольные гнезда для соединения капители со стеной и ее облицовкой.

Раскопки Айртама, осуществленные на заре среднеазиатской археологии, не дали, к сожалению, достаточных данных для определения не только устройства, но и времени сооружения буддийского святилища, которое было украшено этими замечательными капителями. Однако черты близости к греко-бактрийским каменным архитектурным деталям позволяют датировать айртамские капители раннекушанским временем, чему не противоречат немногочисленные раскопочные данные, известные по работам исследователей Айртама: находка над нижним полом святилища (всего

[8] Б. Я. Ставиский. О назначении айртамских рельефов. СГЭ, XXXIV (в печати).

[9] Это определение акад. С. Ф. Ольденбург высказал в частной беседе М. Е. Массону еще тогда, когда был найден лишь первый рельефный блок с изображением трех музыкантов. М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза, стр. 12.

[10] Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры..., стр. 75, рис. 8. Фрагмент хранится в Термезском музее.

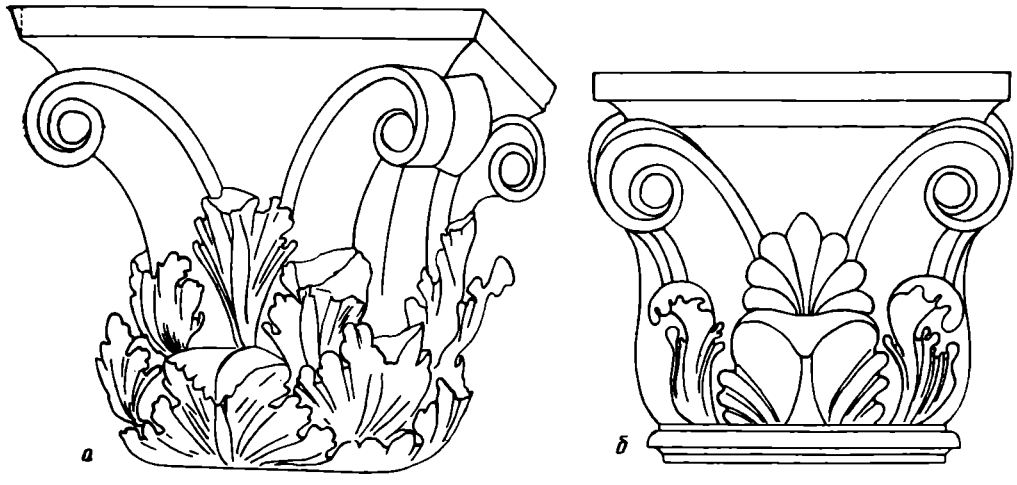


Рис. 2. Каменные капители:
а — из Ой-Ханум; *б* — из Саксанохура (реконструкция)

ных капителей от пилястров, или антов, оформлявших вход в буддийское святилище [8]. Каждая капитель составлялась из четырех прямоугольных блоков (длина блока 74—100 *см*, высота 36—41 *см*), причем три блока располагались в ряд, а четвертый под углом к ним; в плане капитель, таким образом, напоминала букву Г. Длина одной такой капители по длинной стороне 2,83 *м*, второй — 2,75 *м*, по коротким сторонам 94 и 86 *см*. По внешней стороне капителей размещались рельефные полуфигуры людей на фоне аканфовой листвы, а на повороте и на обоих концах — скульптурные волюты. На каждой из айртамских капителей находилось по семь фигур. Пять из них на одной из капителей, с музыкальными инструментами в руках, передавали, по определению акад. С. Ф. Ольденбурга, «пять великих звуков» (панча махашабда) [9]. Руки остальных персонажей были изображены в каноническом жесте «мудра» или же держащими чашу, ритуальные повязки-сленгиды, а возможно, и гирлянды цветов. Передача листьев аканфа с утрированной толстой центральной прожилкой, равно как и резко выраженный выпуклый глазок волют [10], сближает айртамские рельефы с капителями Ой-Ханум и Саксанохура. На связь с Ой-Ханум (и традициями греко-бактрийской архитектуры) указывают и технические особенности айртамских рельефов: капители Айртама венчали пилястры (или анты), сложенные из кирпича сырца и облицованные камнем, причем каждый из айртамских рельефов имел на верхней плоскости трапециевидные гнезда для скреп, соединявших эти части капителей между собой и со стеной, а снизу — прямоугольные гнезда для соединения капители со стеной и ее облицовкой.

Раскопки Айртама, осуществленные на заре среднеазиатской археологии, не дали, к сожалению, достаточных данных для определения не только устройства, но и времени сооружения буддийского святилища, которое было украшено этими замечательными капителями. Однако черты близости к греко-бактрийским каменным архитектурным деталям позволяют датировать айртамские капители раннекушанским временем, чему не противоречат немногочисленные раскопочные данные, известные по работам исследователей Айртама: находка над нижним полом святилища (всего

[8] Б. Я. Ставиский. О назначении айртамских рельефов. СГЭ, XXXIV (в печати).

[9] Это определение акад. С. Ф. Ольденбург высказал в частной беседе М. Е. Массону еще тогда, когда был найден лишь первый рельефный блок с изображением трех музыкантов. М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза, стр. 12.

[10] Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры..., стр. 75, рис. 8. Фрагмент хранится в Термезском музее.

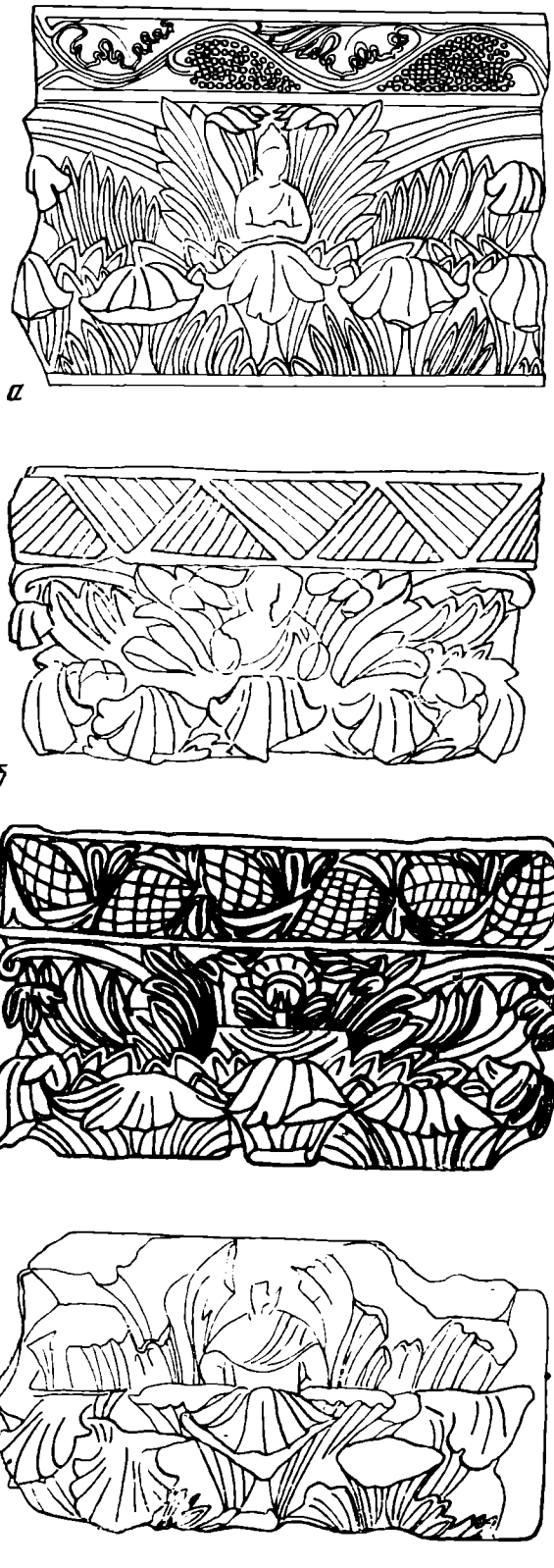


Рис. 3. Каменные капители:
а, б, в — из Сурх-Коталя, от «платформы статуй»;
г — из Сурх-Коталя, из «храма Канишки»

здесь было два пола) монеты «безымянного царя царей, великого спасителя» и наблюдения, что святилище возведено поверх руин более ранней постройки (греко-бактрийского времени) [11].

Более определенно позднекушанской порой (скорее всего временем царствования преемников знаменитого царя Канишки) датируются 33 капители из Баглана и Термеза. Во время раскопок так называемой платформы буддийских статуй близ Сурх-Коталя обнаружено 25 однотипных капителей, каждая из которых венчала декоративный каменный пилястр платформы (всего платформу украшали 40 пилястров, следовательно, и капителей здесь было, видимо, 40; из сохранившихся 25 изданы пока что лишь 7) [12]. Все эти капители двухпоясные. Верхний пояс образуют геометрические или растительные узоры (рис. 3, *а, б, в*), нижний — аканфовая листва, ограниченная по сторонам волютами, и помещенные в центре полуфигурка человека (на 24 капителях) или же на одной «тюрбан бодисаттвы». Нижняя часть этих двухпоясных капителей фактически аналогична изображению на единственной дошедшей до нас капители такого же декоративного пилястра из сурхкотальского «храма Канишки» [13] (рис. 3, *2*).

Эту же композицию видим мы и в нижней части двухпоясной капители декоративного пилястра (высота капители 15 *см*, длина 25 *см*) из буддийского храма на холме Кара-тепе в Старом Термезе [14], а также в нижнем поясе капители углового пилястра (высота капители 23 *см*,

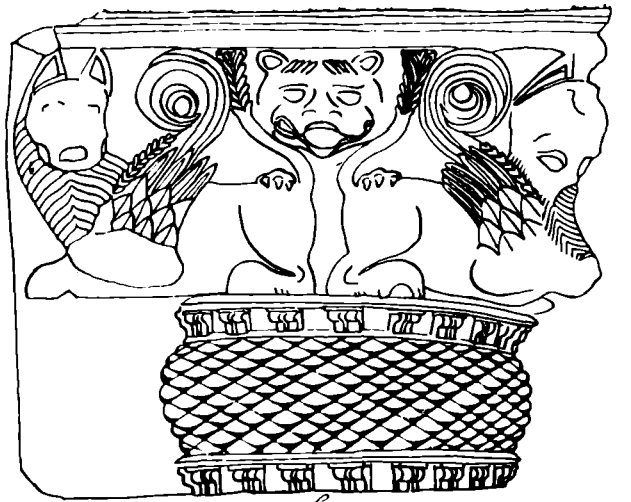
[11] Г. А. Пугаченкова. К изучению памятников Северной Бактрии. ОНУ, 1968, 8, стр. 30.

[12] D. Schlumberger. The Excavations at Surkh-Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. «Proc. Brit. Acad.», XLVII, 1961, стр. 90—91. Воспроизведения: там же, табл. XXII, *а*; XXIV, *а, в*; «J. Asiatiques», CCLXIII, 1955, табл. III, *3*; «Syria», XXXVII, № 1—2, табл. V, *2, 3, 4*; VI, *6*.

[13] D. Schlumberger. The Excavations at Surkh-Kotal, стр. 89—90, табл. XVIII, *b*.

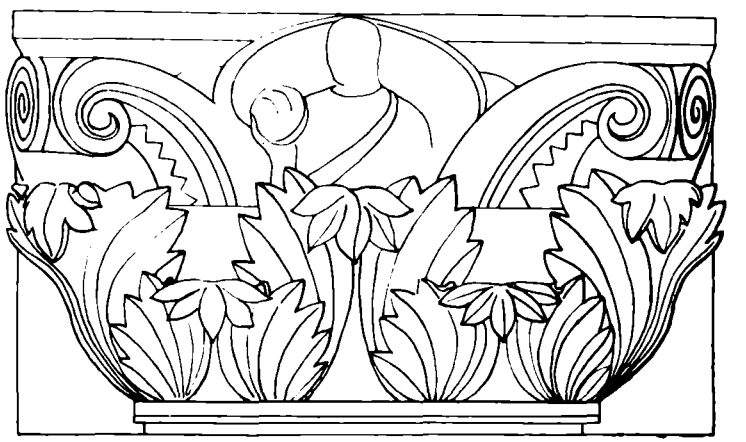
[14] Сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе». М., 1969, стр. 158—164, рис. 38—39.

а



в

б



г

Рис. 4. Каменные капители:

а — из Кара-тепе; *б*, *в* — из Шам-Калы; *г* — из Термеза

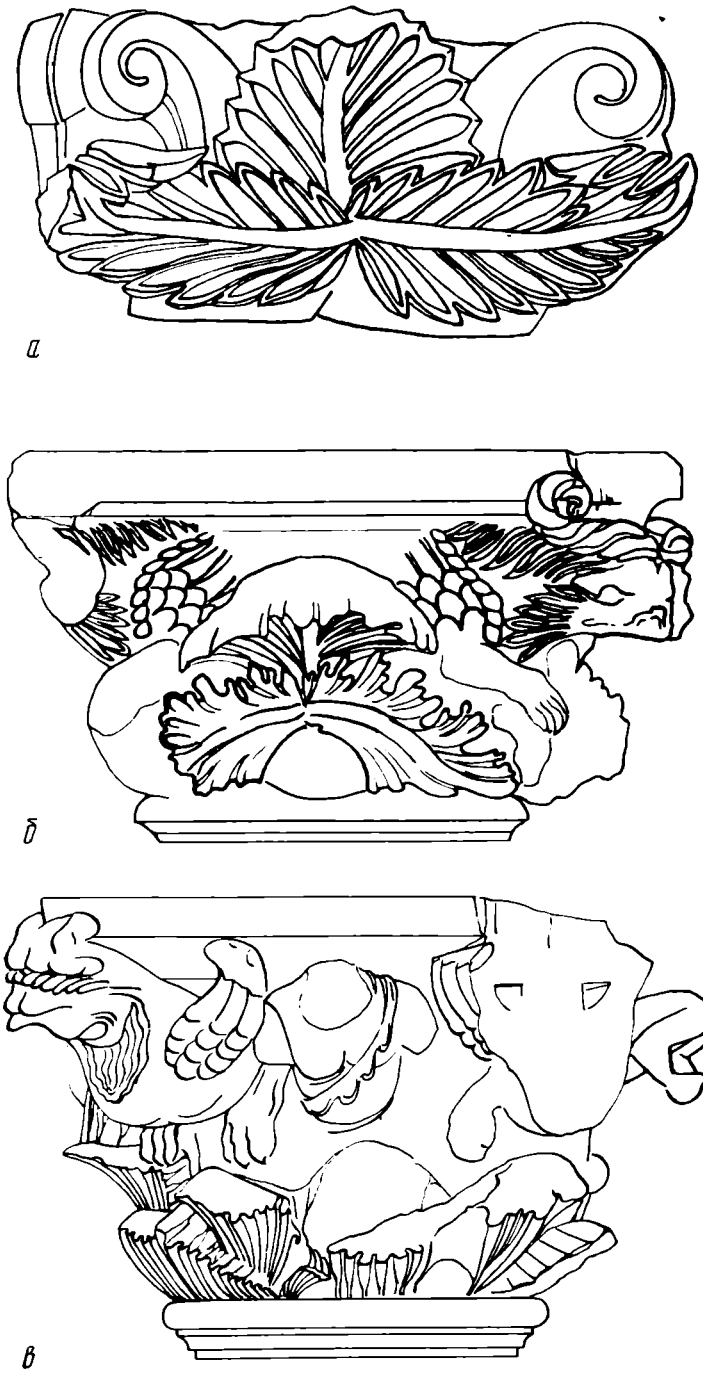


Рис. 5. Каменные капители:
а — из Хатын-Рабата; *б*, *в* — из Шахринау

длина 20 *см*), найденной случайно на Шам-Кале неподалеку от Сурх-Коталя в Баглане) [15]. Две последние капители — из Кара-тепе Шам-Калы (рис. 4, *а б*) — особенно близки между собой, так как у них помимо изображений нижнего пояса сходны и композиции верхней части: на них помещены два лежащих быка — зебу, обращенных головами в разные стороны, и между ними, в центре, в фас — хищник (лев или тигр).

Сходная композиция из трех животных венчает и двухпоясную капитель от угловой колонны (высота 27 *см*, диаметр 21 *см*), также найденную случайно на Шам-Кале (рис. 4, *в*)[16]: вместо быков зебу на ней изображены крылатые и рогатые грифоны, однако композиционная схема и передача центральной фигуры хищника те же, что в рассмотренных ранее каратепинском и шамкалинском рельефах; нижний же пояс этой капители иной — его украшает ромбический («чешуйчатый») узор. Частью аналогичной капители был, очевидно, подобранный в 1940 г. в Старом Термезе фрагмент с изображением крылатого грифона, на спине которого видна лапа от центральной фигуры хищника [17].

Еще две найденные случайно на Шам-Кале капители угловых пилястров (высотой около 20 *см*) были также двупоясными [18]. По верху они подобно ряду капителей сурхкотальской «платформы статуй» были украшены растительным узором. В нижнем же поясе у них на углах были

[15] B. Dagens. Fragments de sculpture inédits. MDAFA, XIX, Paris, 1964, стр. 37—38, табл. XXIV, *1—2*.

[16] Там же, стр. 38, табл. XXV, *1—2*.

[17] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961. стр. 53 и рис. 1—2 на стр. 54; ср. Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана, М., 1965, стр. 77—78 и 75. Указание Г. А. Пугаченковой, что «фигура зверя дана в бурном движении вправо» (Ук. соч., стр. 77), остается на совести автора.

[18] B. Dagens. Ук. соч., стр. 38, 39, табл. XXV, *2—3*; XXVI, *1—2*.

помещены фигура птицы (на одной из капителей) и птицегрифон (на второй), а в центре — сцены с Буддой и донаторами.

Последнюю из известных сейчас капителей этой группы, капитель пилястра из Термеза (рис. 4, *г*) [19], также можно отнести к группе двухпоясных: верхний ее пояс составляли две волюты и человеческая полуфигура между ними, нижний — листья аканфа, трактовка которых также сближает ее с капителями Сурх-Коталя, Кара-тепе и Шам-Калы. Передача листьев без центральной прожилки и отсутствие выпуклого глазка у волюты в то же время заметно отличают эту капитель от айртамских.

Помимо рассмотренных выше капителей в Бактрии сейчас известны еще три: одна найденная при раскопках Хатын-Рабата, две открытые случайно на городище Шахринау. Издавшие эти капители Г. А. Пугаченкова и А. Мухтаров относят их к кушанской эпохе. С этим, видимо, следует согласиться. Более того, сравнение этих находок с айртамскими и позднекушанскими капителями позволяет, на мой взгляд, предположительно определить и их относительную хронологию — между айртамскими и позднекушанскими.

Капитель пилястра из Хатын-Рабата (рис. 5, *а*) [20] украшена волютами по углам и тремя своеобразно размещенными крупными листьями аканфа посредине: два листа помещены горизонтально, расходящимися в разные стороны, а третий центральный,— стоящим вертикально. Подчеркивание толстой центральной прожилки листьев аканфа сближает эту капитель с айртамскими, а отсутствие выпуклого глазка на волютах — с позднекушанскими. С капителью из Хатын-Рабата невольно увязывается одна [21] из шахринауских (высота 22 *см*, основание 36 × 36 *см*) со сходным размещением трех крупных листьев аканфа и подчеркнутой толстой центральной прожилкой (рис. 5, *б*). Однако листья здесь более декоративно изогнуты, к ним добавлен еще один четвертый маленький лист (он помещен ниже центрального), и, что более существенно, волюты на углах заменены скульптурными изображениями крылатых, рогатых и бородатых львиных грифонов.

Вторая шахринауская капитель [22], венчавшая, вероятно, круглую колонну, по углам, как и первая, была украшена скульптурными фигурами крылатых грифонов. Эти чудовища имели закрученные рога и похожую на бороду гриву (рис. 5, *в*). Между грифонами здесь размещались полуфигурки людей на фоне аканфовых листьев (по одной полуфигурке на каждой стороне капители). Сильно выступающие полуфигурки людей и листья аканфа с утрированной центральной прожилкой сближают эту капитель скорее с айртамскими, чем с позднекушанскими. Рельефы Айртама напоминают также передача складок одежды у лучше сохранившейся женской полуфигурки, изображение у нее на шее тройного ожерелья с широкой квадратной пряжкой и ложчатая чаша у нее в руках. В то же время фигуры грифонов сближают эту капитель как с первой капителью из Шахринау, так и с капителями позднекушанской группы из Шам-Калы.

Определив (хотя в некоторой мере и гипотетично) датировки известных сейчас каменных капителей Бактрии, попробуем выяснить их значение для характеристики культуры и искусства этой древней историко-культурной области. Прежде всего отметим, что и для греко-бактрийского, и для позднекушанского времени мы вправе говорить о распространении сходных капителей как на левобережье, так и на правобережье Амударьи. Причем если капители греко-бактрийского времени мы пока не

[19] Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры..., стр. 74—75, рис. 7.

[20] Г. А. Пугаченкова. К изучению памятников Северной Бактрии, стр. 32, рис. 2.

[21] А. Мухтаров. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан). Изв. ООН АН ТаджССР, 1968, 3, стр. 39, 40, рис. 1 и 3.

[22] Там же, стр. 37—39, рис. 2 и 4.

можем еще считать узколокальной группой (не исключена вероятность, что их особенности окажутся характерными для более широкой территории), то тип капителей Баглана и Термеза позднекушанского времени предстает перед нами как характерный именно для Бактрии. Он заметно отличается от античных, североиндийских и от иных известных сейчас локальных групп капителей. Существенно отличаются от прочих локальных групп капителей и в то же время тесно связываются, как мы уже видели, с капителями позднекушанской Бактрии также айртамские, хатын-рабатская и шахринауские капители. Все это позволяет говорить, что в кушанское время на территории Бактрии формируется местный тип каменных капителей, одинаково характерных как для северной (правобережной), так и южной (левобережной) ее частей. Капители кушанской Бактрии наряду с другими данными (архитектура, керамика, эпиграфика, нумизматика и т. п.) могут, таким образом, рассматриваться как свидетельство об историко-культурном единстве обеих частей Бактрии в кушанское время, позволяющее считать вопреки мнению некоторых зарубежных ученых северным рубежом этой области не Амударью, а Гиссарский хребет и его западный отрог Байсун-тау [23].

Следует подчеркнуть, что особенности капителей кушанской Бактрии не зависят от религиозной принадлежности украшенных ими построек. Однотипные позднекушанские капители, как мы могли убедиться, украшали, несомненно, буддийский храм Кара-тепе в Термезе, скорее всего буддийскую «платформу статуй» близ Сурх-Коталя и, безусловно, не буддийское храмовое сооружение, возведенное в честь царя Канишки в том же Сурх-Котале. Анализ капителей Бактрии позволяет также выявить те традиции, которые впитали в себя культура и искусство этой области в кушанский период, бывший в древности временем наибольшего размаха международных связей и взаимовлияний.

Уже айртамские капители, продолжая традицию коринфских и коринфизированных капителей Греко-Бактрийского государства, несут на себе также следы иных вкусов и веяний. Так, размещение человеческих полуфигур на фоне аканфовой листвы не засвидетельствовано в греко-бактрийских памятниках и скорее всего является результатом ознакомления создателей айртамских капителей с этим, средиземноморским по происхождению [24], приемом уже после падения Греко-Бактрийского царства. О том же, возможно, свидетельствуют изображенные на ряде персонажей одежды: «туники с короткими и длинными рукавами, широкие покрывала и плащи, наброшенные на голову или драпирующие туловище», которые, как это отмечали первооткрыватели Айртама М. Е. Массон и М. И. Вязмитина, «напоминают костюмы Римской империи» [25]. Те же исследователи, а также К. В. Тревер указывали на несомненную связь изображений на рельефах Айртама с индийскими (гандхарскими и матхурскими) памятниками. Не преследуя в данном случае цели всестороннего анализа деталей и особенностей изображений на айртамских рельефах, отметим еще наличие в них иных элементов — не античных и не индийских — по происхождению: своеобразный этнический тип ряда персонажей и отдельные атрибуты, например арфу, отличную от индийской [26].

---

[23] О дискуссии относительно северной границы кушанской Бактрии подробнее см. сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе...», стр. 165, 166.

[24] К. И. Рончевский. Художественные мотивы в древнем римском зодчестве, I, Рига, 1905, стр. 3, 19, 20; A. Strong. Roman Sculpture. London, 1907, стр. 126, 230.

[25] М. Е. Массон. Скульптура Айртама, стр. 130; М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Айртам. Тр. АН УзССР, II, стр. 29.

[26] Единственный памятник искусства Индии с изображением арфы, сходной с айртамской (и отличной от индийской),— рельеф Кливлендского музея воспроизводит, как это убедительно показал Дж. Розенфильд, среднеазиатских музыкантов и танцоров. J. M. Rosenfield. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley — Los Angeles, 1967, стр. 216, 217, рис. 58.

Своеобразен и сам прием использования в качестве капители составного Г-образного в плане, почти трехметрового по длинной стороне (при высоте около 40 *см*) рельефа с большой группой полуфигур (шесть по длинной стороне), образующих вместе с листьями аканфа ритмичную «строчную», как удачно назвал ее Л. И. Ремпель [27], композицию.

Фиксируя, таким образом, усвоение элементов античного и индийского происхождения, айртамские капители свидетельствуют о творческом их использовании, в результате чего в Бактрии появляется своеобразное произведение архитектурно-декоративного искусства, отличное как от античных, так и от индийских памятников.

О творческой переработке различных культурных традиций ярко свидетельствуют и капители позднекушанской Бактрии. Если мотив аканфовой листвы с полуфигуркой человека продолжает здесь античную традицию, отраженную уже в Айртаме, если двухпоясный характер капителей отмечает еще одну, появившуюся, вероятно, благодаря контактам с римским миром, средиземноморскую черту [28], то композиция с тремя животными, два из которых лежат повернувшись в разные стороны, а третье изображено в фас, ведет происхождение из иных источников. Подобная компоновка животных хорошо известна в искусстве Индии [29], а размещение фигур животных на капителях восходит к традициям Ахеменидского царства [30]. С Индией четко связываются также изображения буддийского характера: «тюрбан бодисаттвы» на одной из капителей «платформы статуй» в Сурх-Котале и персонажи буддийских сцен на двух капителях из Шам-Калы. В то же время отраженный (пусть и в уже заметно измененном виде) в композиции верхнего пояса капителей Каратепе и Шам-Калы мотив нападения хищного зверя на быка живо напоминает многочисленные памятники классического Древнего Востока и степного (скифского) мира. Там же, как это хорошо известно, был широко распространен и образ крылатого и рогатого львиного грифона. Характерно, что если в дошедших до нас памятниках Греко-Бактрийского царства этого древневосточного (и степного) образа нет и в помине, то в погребениях предков кушан — кочевых завоевателей, сокрушивших власть греческих государей Бактрии, львиный крылатый грифон не замедлил появиться [31].

Сравнивая капители греко-бактрийского и кушанского периодов, можно отметить и такую характерную тенденцию в развитии архитектуры (и культуры вообще) Бактрии в кушанское время, как все большее приспособление к местным условиям (и нуждам) заимствованных и творчески усвоенных иноземных элементов. Столь обычные для греко-бактрийской архитектуры каменные колонны и колоннады в кушанской Бактрии были, по-видимому, почти повсеместно заменены деревянными колоннами; лишь две капители (одна из Шахринау и одна из Шам-Калы) венчали круглые колонны (отнюдь не обязательно каменные), в то время как остальные 30 с лишним бактрийских капителей кушанского времени были связаны с пилястрами или пилонами. Более сейсмостойкие деревянные опоры вытеснили хоть и эффектных, но плохо приспособленных к местным условиям каменных пришельцев.

---

[27] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 59.

[28] E. von Merklin. Figuralkapitelle. Arch. anz., 40, Wien, 1925, стр. 161—170; P. Kautzsch. Kapitelstudien. Berlin — Leipzig, 1936, стр. 153.

[29] A. Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin, 1893, стр. 18, рис. 2 (ср. стр. 70, рис. 25); A. Foucher. L'Art gréco-bouddhique du Gandhâra. I, Paris, 1905, стр. 201, рис. 81; стр. 225, рис. 102; H. Ingholt. Gandharan Art in Pakistan. N. Y., 1957. No. 257.

[30] В западноевропейской литературе такие капители называют даже индо-персидскими или индо-персеполитанскими.

[31] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966, стр. 114, табл. XVI, *10*; LIII, *3*.

В целом анализ капителей Бактрии позволяет, таким образом, выявить ряд особенностей бактрийского направления в искусстве Кушанской империи и обнаружить те разнообразные традиции (античную, древневосточную, индийскую и степную), органический сплав которых как раз и представляли собой культура и искусство кушанской Бактрии [32].

B. Ya. Stavisky

LES CHAPITEAUX DE L'ANCIENNE BACTRIANE

Résumé

L'article est consacré aux chapiteaux en pierre des pilastre, pilons et colonnes trouvés sur le territoire de l'ancienne Bactriane, dans sa partie méridionale située sur la rive gauche de l'Amu-Daria (actuellement, l'Afganistan du nord) et dans celle de la rive droite de ce fleuve qui forme aujourd'hui les régions sud des Républiques Soviétiques Socialistes d'Uzbékistan et de Tadjikistan. Les chapiteaux de provenance d'Aï-Khanoum et de Saksanokhour et probablement deux chapiteaux de Termez remontent à l'époque gréco-bactrienne ou aux temps y proches. Les autres découverts à Aïrtam, Sourkh-Kotal, Cham-Qala, Kara-tépé, Termez, Chakhrinaou et Khatyne-Rabat sont rattachés à la période kouchane. L'analyse des particularités de ce dernier groupe de chapiteaux permet de mettre en évidence les traditions culturelles (antiques, orientales anciennes, indiennes et steppiques) dont l'union organique et la mise en oeuvre créatrice étaient si caractéristiques pour la culture et les beaux arts de cet ancien rayaume à l'époque kouchane.

---

[32] Общую характеристику культуры и искусства Бактрии кушанского периода см. Б. Я. Ставиский. Средняя Азия в кушанский период. «История таджикского народа», I, М., 1963, стр. 373—385; B. J. Stavisky, G. M. Bongard-Levin. Central Asia in the Kushan Period. M., 1968; Б. Я. Ставиский. Характерные особенности искусства кушанской Бактрии и их историческая обусловленность. Тез. II. Всес. конф. по истории искусства народов Советского Востока. М., 1970, стр. 57, 58.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИЛАКА

Топография средневекового города представляет важный раздел истории Средней Азии. Это относится в первую очередь к городам восточного Мавераннахра, наиболее слабо описанным средневековыми хрониками. Настоящая статья посвящена городам Илака, области, охватывавшей долину реки Ахангеран вплоть до левобережья р. Чирчик и часть Кураминского и Чаткальского хребтов, известную на средневековом Востоке благодаря богатству недр рудными ископаемыми, особенно серебром и золотом.

Наиболее подробно Илак описывается в источниках X в. н. э., которые насчитывали здесь 14—17 городов. Однако и для этого периода сведения авторов очень кратки и не всегда верны. Местоположение большинства городов не указано, неверно описан путь, соединявший столицу Илака с центром Чача — Бинкетом, с ошибками переданы пути в Фергану [1]. Эта путаница усугубилась ошибками позднейших переписчиков, когда экономический спад привел в запустение многие города и настоящие названия их стерлись из памяти. В текстах XII в. (Идриси) приводится уже только 11 городов, а в последующий период упоминаются немногие из них, и то в качестве селений. На русских картах XIX в. указана лишь столица области [2].

В дореволюционной литературе наиболее детальная характеристика Илака, историко-географического порядка, дана В. В. Бартольдом [3], отметившим противоречия и искаженность редакций источников.

Специальному обследованию города Илака подвергались в 20-х — 30-х годах нашего столетия М. Е. Массоном, отождествившим некоторые города и наметившим силуэты истории Ахангерана [4]. В 1960—1963 и 1966—1968 гг. отрядом Института истории и археологии АН УзССР и Музея истории народов Узбекистана проводилась работа в связи с изучением горного дела и металлургии Чаткало-Кураминского горнопромышленного района. Одновременно с этим проводилась работа по изучению и локализации средневековых городов. В данной работе приводятся материалы, относящиеся к исторической топографии городов Илака [5].

Рамки статьи не позволяют развернуть полную характеристику материальной культуры памятников, аргументацию локализации городов, поэтому мы ограничиваемся лишь выводами и построенным на материалах историко-топографическим очерком области.

При всем разнообразии причин, влиявших на формирование городов, мы объединяем их в основном в две группы: 1) города, расположенные в гор-

---

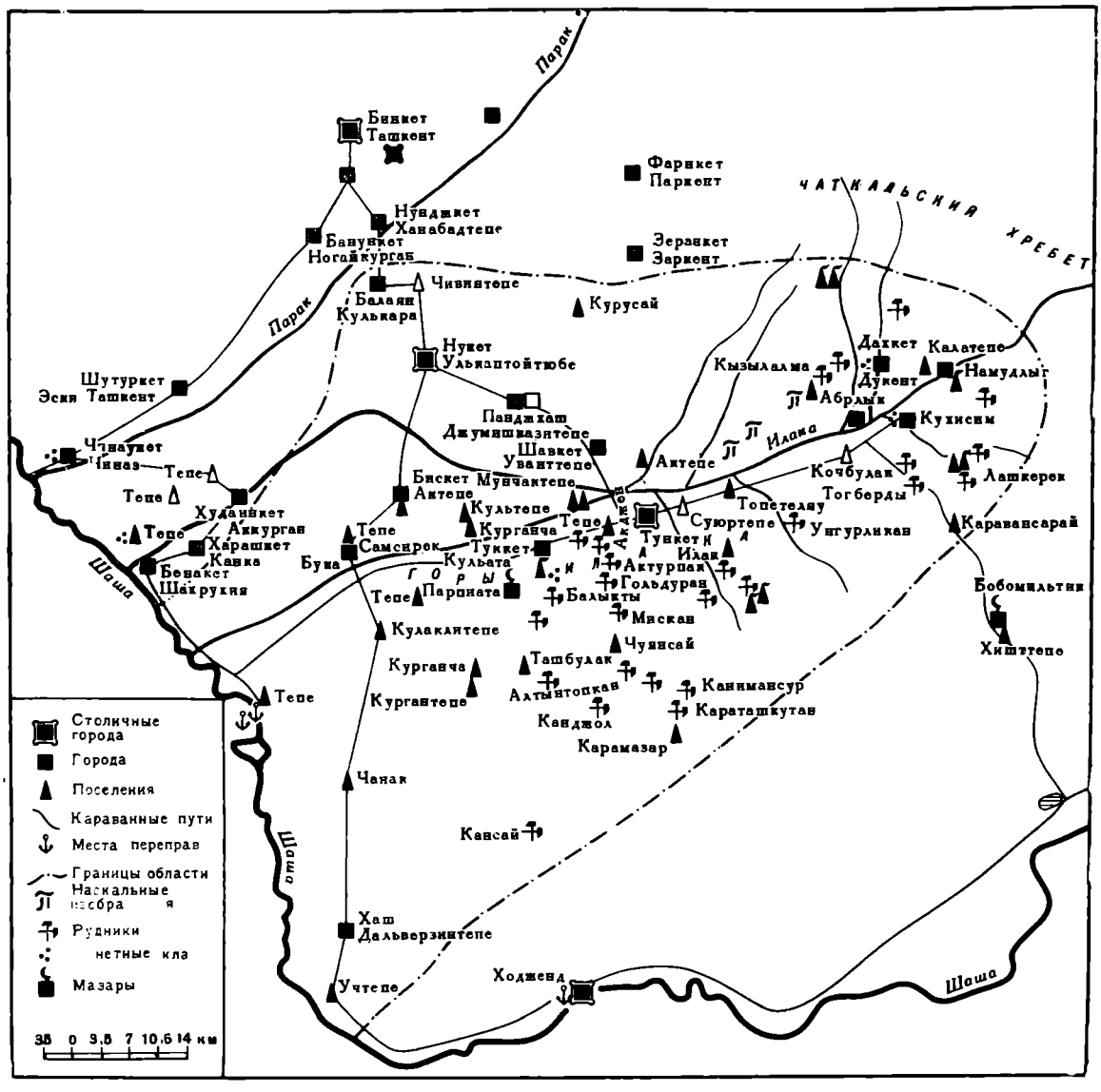
[1] Путаница характерна даже для наиболее хорошо знавшего Чач-Илак анонимного автора Худуд-ал-Алем.

[2] М. Венюков. Карта Кокандского ханства, составленная по современным сведениям (1861 г.). Зап. РГО, 1, СПб., 1862.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., I. М., 1963, стр. 230—231.

[4] М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

[5] Отряд работал под руководством автора при научных консультациях д-ра истор. наук М. Е. Массона, Я. Г. Гулямова, Г. А. Пугаченковой.



1. Карта городов Илака

ных районах и связанные преимущественно с горнорудным промыслом, 2) города в предгорьях и на равнине, вдоль караванного пути и связанные с сельской округой (рис. 1).

Тункет — столица Илака. Расположен на левом берегу Ахангерана, между его притоками Саукбулак и Атчапар. Отождествление и первое описание проведено в 1929—1934 гг. М. Е. Массоном[6], в 1959—1962 гг. город изучался автором. Площадь памятника свыше 50 *га*, в плане четко выделяется треугольная цитадель, с востока к ней примыкает шахристан, с трех сторон вокруг них располагаются также обнесенные стеной пригороды (рабады). Из городских стен наиболее укреплена северная, мощь которой отмечается как характерная черта Тункета источниками X в.

В шахристане, восточном и юго-западном рабаде сохранились мощные отвалы металлических шлаков, в рабадах, кроме того, следы стеклодувного производства. Памятник изучался закладкой четырех раскопов и шести шурфов. Получен материал, включающий монеты, керамику, стеклянные изделия, предметы металлообработки, украшения[7].

Раскопками выяснено, что первое поселение вырастает на месте цитадели и шахристана в конце первой половины I тысячелетия, в период,

[6] М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 70—93.

[7] Детальное описание материалов Тункета см. Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 76—123.

когда в Чач-Илаке происходит интенсивное оседание на землю скотоводческих племен. Поселение расположилось в удобном месте — в центре долины Ахангерана, на скрещении внутренних торговых путей и, главное, вблизи рудников. В V—VI вв. н. э. поселение перерастает в город и обносится оборонительной стеной с выделением цитадели. В VI в. Тункет становится центром феодального владения Илак, а в конце столетия вливается в состав тюркского каганата.

Рост города, несомненно, зависел от добычи полезных ископаемых в Карамазарских горах, у подножия которых он располагался. Изучение рудников показало, что с VI в. начинается рост добычи металлов, в первую очередь серебра и золота. Вероятно, к VI—VII вв. следует относить слова географа X в. о том, что здесь некогда сидел «сильный дихкан», обладавший политической самостоятельностью и экономической силой. Следует отметить далеко не мирные взаимоотношения с Чачем, о чем говорит и положение цитадели Тункета и специальное укрепление северного фаса шахристана[8]. Накануне арабского нашествия Илак входит в состав Чача. Период арабского нашествия отмечен разрушениями, а затем новыми ремонтами оборонительной системы города. Наиболее интенсивный расцвет Тункета относится к IX — началу XI в. Город быстро развивается. По данным географов X в., это был самый крупный город Илака, дворец правителя располагался в цитадели, соборная мечеть — около нее, в шахристане и рабаде протекали каналы и хаузы, располагались базары[9]. В X в. забрасываются оборонительные стены шахристана, на них вырастают жилые дома. Расцветают ремесла: металлургия, гончарство, стеклодувное производство. Тункет чеканит свою городскую монету.

Переход в состав государства караханидов на первых порах не изменил положения. В конце X в. караханиды чеканят монету в качестве вассалов дихкана Илака. С XI в. дихканы Илака получили право чекана монеты от своего имени, однако уже со второй половины XI в. намечается упадок, а в XII в. — полное захирение города. Связывать его следует, на наш взгляд, с одной стороны, с борьбой караханидов с удельной властью дихканства, с другой — с сокращением горнорудного ремесла и оставлением города в стороне от основных путей, связывающих Чач с Ферганой.

В горных районах к востоку от Тункета выявлено четыре города.

Кухисим. На левом берегу Ахангерана, у впадения в него сая Нишбаш, высятся руины холма Курган-тепе, известного жителям по находкам монет и посуды. Д. П. Вархотовой и В. А. Нильсеном при раскопках в 1960 г. отмечены три периода обживания холма: в первые века н. э.; помещения VI—VII вв. и материалы XI—XII вв.[10] Впоследствии здесь были найдены два клада медных и серебряных монет и кремневые орудия. В 1966—1967 гг. были проведены новые раскопки городища[11].

Памятник площадью 15 *га* занимает стратегически выгодное положение. Расположенный на высоких холмах, он четко делится на три части: цитадель и прилегающие к ней с юго-востока шахристан и рабад. Цитадель поднимается над поймой реки почти на 50 *м* и является прекрасным обсервационным пунктом, открывающим широкий обзор как вдоль реки, так и на обширную пойму и равнину противоположного берега. Не случайно этот пункт был выбран еще первобытными охотниками для стоянки. Здесь были обнаружены скопления нуклеусов, кремневых орудий и отщепов эпохи верхнего палеолита.

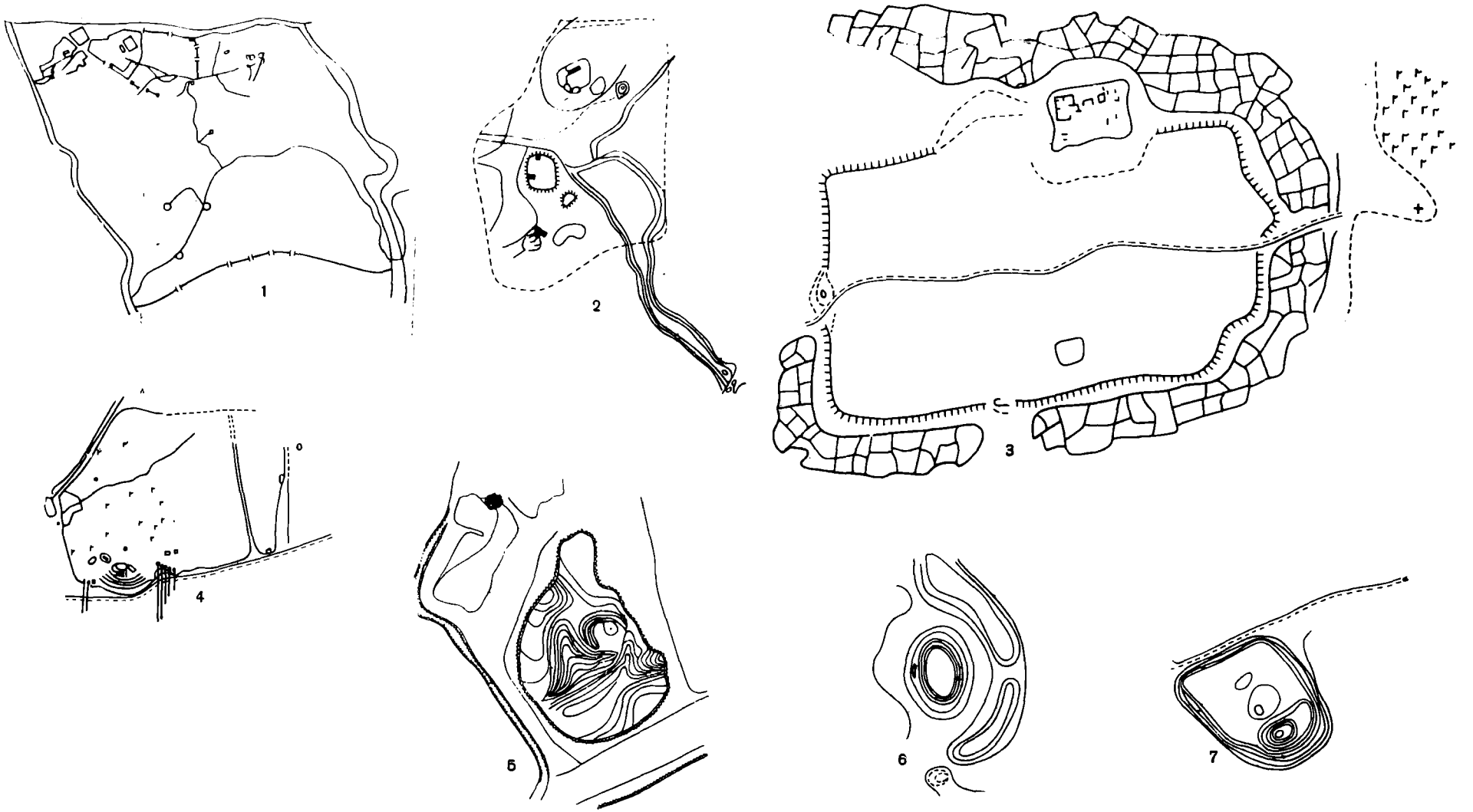
Вторичное обживание пункта приходится, по нашим данным, не на

[8] Факт укрепления стен, обращенных в сторону Чача в других крепостях этого времени, отмечен М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 115.

[9] Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абул Касима ибн-Хаукаля. Тр. САГУ им. В. И. Ленина, «Археология Средней Азии», IV, Ташкент, 1957, стр. 24.

[10] В. А. Шишкин. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962.

[11] Раскопки проводились автором и научными сотрудниками Г. Дадабаевым и О. М. Ростовцевым.



2. Планы городов Илака:

1 — Тункет, *2* — Туккет, *3* — Нукет, *4* — Абрлыг, *5* — Бискет, *6* — Панджхаш, *7* — Шавкет (Сакокет)

первые века, а на IV—V вв. В VI—VII вв. поселение превращается в мощную феодальную крепость, а в VIII—IX вв. перерастает в цитадель небольшого города. Раскопки показали, что если цитадель накопила слои IV—XII вв. мощностью до 10 *м*, то шахристан и рабады — всего 1—1,5 *м*. Следы ремесленного производства в них незначительны и связаны преимущественно с обработкой металлов. Это не случайно. Изучение караванных путей показало, что перед нами небольшой город, стоящий на горном пути из Чача в Фергану вблизи крупнейшего рудника Чача-Илака по добыче серебра, базировавшегося в районе саев Лашкерек и Лояк [12].

Сопоставление памятника с данными географов IX—X вв. позволяет локализовать здесь раннефеодальный замок Мухинан, стоявший в устье «реки серебряного рудника» (Нишбашсая) и средневековый городок Кухисим (у подножия одноименной горы), служивший преимущественно для размещения военного гарнизона, охранявшего подступы к центральному государственному серебряному руднику владения и главный торговый путь из Чача-Илака в Фергану.

А б р л ы г. Напротив Кухисима, на правом берегу г. Ахангеран, выявлены руины средневекового Абрлыга. Средневековые авторы упоминают его среди городов, лежавших западнее Тункета, однако тюркское название города привело еще М. Е. Массона к мысли, что город надо искать восточнее столицы Илака [13]. Здесь доныне располагается с. Аблык. Еще в прошлом столетии около него находили древние вещи [14]. а в 30-х годах нашего столетия гидрогеологом И. А. Анбоевым были найдены бронзовые наконечники стрел и четыре медных монеты конца XII в. [15].

В 1962 г. восточнее с. Аблык нами были зафиксированы остатки древнего города. Памятник располагается на лёссовой террасе, прикрывающей галечниковые отложения Ахангерана у впадения в него Аблык-сая (Карабау-сая). Протяженность городища вдоль реки 1000—1100 *м*, а с севера на юг — до 800 *м*.

Рельеф изменен планировкой под пашню и погребениями современного кладбища. Лишь в южной части возвышается холм размером 130 × × 50 *м* и высотой до 5 *м*. Изучение города сопровождалось закладкой трех раскопов, четырех шурфов, двух разрезов и зачисткой множества бадрабов, характеризующих город в период его расцвета. Комплекс находок включает обильное количество неполивной керамики (среди последней преобладает красноангобированная), более сотни стеклянных сосудов, бронзовый замок, железные ножи, металлические шлаки, каменные жернова, более 20 монет, украшения [16].

Самый древний материал датируется VIII в., основные культурные наслоения городища и находки, включая монеты, относятся к IX — началу XI в., материал XI—XII вв. встречается только в отдельных пунктах. В юго-западной части города расчищены слои поры тимуридов, а к западу от городища, на восточной окраине современного поселения,— керамика и архитектура XVII—XIX вв. Выясняется, что Абрлыг принадлежит к числу городов Мавераннахра, развивавшихся не на раннем этапе формирования феодальных городов, как Тункет, а гораздо позже, когда развитие торгово-экономических отношений приводит к втягиванию в орбиту взаимосвязей все более широкого круга ранее полукочевых и кочевых районов предгорий. Поэтому не случайно тюркское название города, передававшееся арабоязычными авторами в различных транскрипциях. Большая

---

[12] Ю. Ф. Буряков. О местонахождении серебряного рудника Шаша, ОНУ, 12, Ташкент, 1965, стр. 28.

[13] М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 39—40.

[14] М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. Ташкент, 1896, стр. 9; В. И. Мосальский. Туркестанский край. XIX, СПб., 1913, стр. 619.

[15] М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 12, 40.

[16] Подробную характеристику материала см. Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 123—151.

роль оседающего тюркского населения подтверждается и составом находок. Даже в домах знати наряду с прекрасной глазурованной керамикой и стеклянной посудой обязательно встречается комплекс сосудов, характерных для тюркского кочевого быта. От формировавшихся в более ранний период городов он отличается и структурно: не имеет четко выраженной схемы членения. Мы не находим здесь четко выделенной цитадели, трудно отделить шахристан от пригорода. Система валов, окружающих Абрлыг, имеет незначительную высоту. Стены играли скорее административную, чем военно-оборонительную роль. Общая обширная площадь Абрлыга вырастала отчасти за счет крупных усадеб знати, окруженных садами и посевами. Город незаметно переходит в сельскую округу, границу проследить между ними очень трудно. По материалу он больше сближается с городами Семиречья, в частности Чуйской долины [17], выраставшими в IX—X вв. в процессе расслоения кочевого общества и развития торгово-экономических связей, чем с районами Чач-Илака.

Однако Абрлыг был связан не только с сельскохозяйственной округой. Он располагался вблизи крупных рудников по добыче золота и серебра. Возникновение и расцвет его совпадает со временем наиболее интенсивного функционирования этих рудников. Здесь селились ремесленники, обрабатывавшие различные руды, преимущественно золотую. Прослеживается весь процесс обработки от обогащения до полной очистки путем амальгамации. О наличии кузнечно-литейного ремесла свидетельствуют тигли, сырье, обилие железных и медных изделий.

Из других ремесел можно говорить о стеклоделии и гончарстве. Найдена бракованная стеклянная и глиняная посуда, керамический шлак и неочищенное стекло. К локальным чертам керамики предгорий следует отнести обилие лепной краснолощеной посуды, сосудов с налепным и врезным орнаментом.

Немаловажную роль в жизни города играла торговля. Через Абрлыг шли пути из кочевых районов Кенкола и южного Чаткала, путь из Ферганы (через Кухисим), соединявшийся в низовьях реки с путями Бинкет-Тункет и Тункет-Фарнкет.

С XI в. в жизни города отмечаются признаки упадка. Отдельные находки говорят о слабом обживании части города в XII — начале XIII в. Следов оседлой жизни XIII в. пока не обнаружено, в ее пользу говорит лишь факт сохранения до наших дней старого названия пункта. В XIV—XV вв. жизнь теплится в западной части городища, а затем передвигается за его пределы к западу, где сохранились слои XVII—XIX вв. и постройки современного поселения.

Намудлыг. Памятник расположен в 16 *км* выше Абрлыга на восточной окраине г. Ангрен между руслом Ахангерана и обводного канала. Открыт в 1966 г. при работах по вскрытию угольного разреза [18]. Площадь памятника полностью снивелирована и задернована, находки на поверхности отсутствуют, поэтому выявить его структуру и границы по микрорельефу сказалось невозможно. Лишь в юго-восточной части поднимается всхолмление цитадели размером 100 × 120 *м* и высотой до 2 *м*. На городище было заложено шесть стратиграфических раскопов и три шурфа, а также проводилось наблюдение за разрезами, образовавшимися при вскрытии экскаваторами галечниковой подушки над угольным слоем, зачистка плавильных печей, ям для вымеса глины и бадрабов.

Выяснилось, что город тянулся с севера на юг вдоль реки на 670—700 *м* а с запада на восток — на 700—750 *м*. С юга и севера он ограничивался

[17] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 177.

[18] Первые сведения о находках материалов поступили в Ангренский краеведческий музей от электрика угольного разреза Ф. С. Кившик. Определение произведено О. М. Ростовцевым. Изучение города проводилось в 1966—1967 гг. археологическим отрядом в составе автора, К. Абдуллаева, Л. Г. Брусенко, Д. Г. Зильпер и О. М. Ростовцева.

ныне пересохшими притоками Ахангерана, русла которых сохранились в виде пролювиальных линз галечника. Таким образом, город был окружен водой с трех сторон, кроме западной.

Самые древние слои выявлены в юго-восточной и центральной части памятника. Для них характерны сосуды с процарапанным орнаментом, раскрашенные треугольниками, сосуды с ручками, украшенными головками баранов, лепные горшки с носиками, покрытые потеками черной и красно-коричневой краски. Они датируются IV—V вв. Впоследствии ареал обживания расширяется, в юго-восточной части возводится пахсовая нивелировочная подушка, местами достигающая полутораметровой толщины, а на ней строится укрепление 100 × 100 *м*, обнесенное двойной стеной из пахсы и прямоугольного кирпича (сырцового) размером 46—48 × 24—28 × 10 *см*. Внутри нее в разрезе были видны остатки двухэтажного монументального сооружения, также сложенного из кирпича, прослоенного пахсой. С юга и востока оно дополнительно ограждалось естественной водной преградой, с северной и западной обводится рвом. Сай, омывающий цитадель с юга, постепенно уходил от города, поэтому здесь впоследствии также пришлось прорыть ров, ширина которого доходит до 6 *м*, сохранившаяся глубина до 3,5—4 *м*. В слое, связанном с монументальными сооружениями, получен комплекс находок, характерный для VI—VIII вв. Он включает кувшины, горшки, кружки, несколько медных литых монет, одна из которых оказалась монетой Чача предарабского времени [19].

Ров заполнен и перерыт строительными завалами, металлургическими шлаками и золой, относящимися к следующему этапу жизни города. В этот период разрушаются и крепостные стены, на них вырастает квартал ремесленников-металлургов. Нами были изучены металлургические печи и мастерские по обработке металлов. В цилиндрических плавильных горнах выплавлялось железо, серебро; печи со следами применения мехов служили для дальнейшей очистки серебра [20]. Расчищены ямы для хранения охры и ее отмучивания, а рядом была вскрыта гончарная печь. В этом слое получен комплекс разнообразной керамики. Наряду с глазурованной встречено много лепной, краснолощеной (горшки, кувшины, кружки, котлы, крышки разнообразных форм, украшенные налепами и врезным орнаментом). Интересна стеклянная посуда, представленная графинами, кувшинами, стаканами и кружками, горшками и флаконами, в их числе бракованный сосуд, свидетельствующий о местном стеклодувном производстве. Находки датируются монетами IX—X вв.

Таким образом, первое поселение здесь появляется в конце первой половины I тысячелетия на базе плавки и обработки металлов. В VI—VII вв. оно обносится системой мощных оборонительных стен с башнями, обводным коридором и искусственным рвом, дополняющим оборону вместе с руслом реки и ее притоком. Внутри крепости возводится монументальное сооружение замкового типа, к нему примыкают дворики и хозяйственные постройки. Под его стенами вырастает неукрепленное поселение. В VIII—начале IX в. система укреплений была разрушена, но затем восстановлена вновь. Возможно, в этот период в связи с отступлением сая крепость обводится рвом и с юга. К IX и особенно X вв. относится интенсивный рост пункта и превращение его в город.

Город рос на запад и север, где границей стал второй приток Ахангерана, имевший тенденцию к наступлению на город. В разрезах сохранились валы из булыжника, отсыпавшиеся жителями для укрепления берегов. Судя по комплексу бытовых предметов, основной элемент горожан составило быстро оседавшее в этот период вследствие интенсивного расслоения кочевой среды тюркское население. Подтверждает это и тюрк-

[19] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. Тр. ТАЭ, III, МИА, 66, М.— Л., 1958, стр. 224.

[20] D. M. Dunlop. Sources of Gold and Silver in Islam According to al Hamdani (10-th Century A. D.). «Studia Islamica», 8, 1958, стр. 48.

ское название города — Намудлыг. Расположен он ровно в 2 фарсахах к востоку от Абрлыга. С конца IX в. он вырастает как крупный ремесленно-металлургический пункт. Забрасываются рвы и стены крепости, на них вырастают мастерские металлургов, кузнецов, ювелиров. Второй район сосредоточения металлургического производства отмечается в 200 *м* к северо-западу от цитадели. Отдельные плавильные печи стояли вдоль реки. Здесь же проводилась с использованием проточной воды окончательная очистка благородных металлов и располагались печи гончаров. Северо-западная часть города была обжита гораздо слабее. Судя по разрезам, здесь господствовала редкая усадебная застройка с садами и приусадебными посевами. С XI в. город начинает пустеть, причем наряду с экономическими причинами (в первую очередь сокращением деятельности рудной базы) определенную роль сыграли и природные условия. Территория городища перекрыта селевыми заносами, уничтожившими ряд строений в шахристане и цитадели. Ко времени монгольского завоевания город уже прекратил свое существование.

Дахкет. Памятник располагается в 8 *км* (1 фарсах) к северо-западу от Намудлыга и на таком же расстоянии от Кухисима, на правом берегу Дукентсая, у выхода последнего из предгорий Чаткальского хребта в долину Ахангерана. Памятник представляет собой холм диаметром 60 *м*, высотой от 6 до 18 *м* и прилегающую к нему с запада пониженную территорию размером 500 × 150 *м*[21]. В 500 *м* к северу от него располагается еще один холм диаметром по вершине 30—35 *м* и высотой 9 *м* с материалом VI—VII вв. (по всей вероятности, раннефеодальный замок). При строительно-планировочных работах на городище были найдены керамические и стеклянные предметы VII—XV вв., три клада серебряных и медных монет, пять одиночных серебряных монет и два браслета. Основной комплекс находок и монет относится к X—XII вв. К XI—XII вв. относятся и серебряные несомкнутые, витые из пучков проволоки браслеты с завершением в виде стилизованных головок змеи. По форме, весу и металлу они находят широкие аналоги в Чаче и прилегающих районах[22]. В этих слоях были раскрыты фундаменты жилых домов из жженого кирпича прямоугольной формы размером 32×16×4 *см*.

Таким образом, если древний материал относится к VI—VII вв., когда на берегу сая появляется замок и поселение, то превращение его в город и расцвет жизни относятся к X—XII вв. В северо-восточной части Илака не нашедшим локализацию у нас оставался один город — Дахкет. Он находился близ границ Илака с Чачем, так как некоторые авторы относили его к Чачу[23]. Следует отметить и созвучие его с названием современного селения и сая (Дукент), отсутствие в верховьях Ангрена других памятников, подходящих по размерам к городу, и близость к Кухисиму, рядом с которым он обычно помещался в средневековых хрониках. Дахкет принадлежал к небольшим провинциальным городкам, лишь упоминавшимся в географических перечнях областей. Рост его был вызван в первую очередь развитием горнорудных промыслов. Автор Худуд ал Алема сообщает, что из города Дахкета вывозят «доруимуш» —« лекарство грусти». Расположенный у развилки горных отрогов, город с трех сторон прикрывался горами и саем, а сам в свою очередь защищал пути к горным рудникам южного Чаткала. Однако в отличие от большинства городов Илака жизнь в нем не прекратилась в связи с монгольским нашествием.

В 1954 г. здесь был найден клад монет конца XIII — начала XIV в., на-

---

[21] Основная территория памятника срыта в 1960—1966 гг. при строительстве современного города.

[22] Д. П. Вархотова. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963, стр. 116—119; П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города Чуйской долины. Фрунзе, 1958, стр. 58.

[23] Например, Самани, см. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., I, М., 1963, стр. 231, прим. 2.

считывающий 1434 монетных кружка[24]. В 1965 г. был найден клад из 340 монет XIV—XV вв., преимущественно самаркандского чекана[25]. В 1961 г. был найден клад серебряных и медных монет, чеканенных в Балхе, Самарканде, Кяте и Ташкенте в первой половине XVI в. Нынешнее селение, существующее с конца XVIII в., сохранило по преемственности старое название, хотя так же, как и в Аблыке, оно трактуется по-новому: «Дукент» — «Два города» или «Дукан» — «Два рудника», как отголосок древней рудопромышленности района.

Ряд городов располагается в нижнем течении р. Ахангеран, западнее столицы Илака.

Туккет. В 12 *км* к западу от Тункета на окраине современного г. Алмалыка расположено городище Кульата. При осмотре его геологами отмечались следы «древнего завода, дымившего здесь тысячу, а может, и более лет тому назад[26] и оставившего на окраинах города и в цитадели мощные отвалы металлических шлаков. Это позволило М. Е. Массону отождествить памятник с Туккетом, вторым металлургическим средневековым центром Илака[27]. Памятник располагается на берегу небольшого озера, образованного группой родников, и состоит из большого холма-цитадели, всхолмлений шахристана и большого по площади пригорода, ныне обжитого и выявляемого по ореолу находок. К востоку от цитадели граница города тянется до 300 *м*, на запад до 500 *м*, южную границу установить не удается. Стратиграфическое изучение проведено нами в 1961—1962 гг. путем закладки в цитадели и на шахристане шурфов, а в рабаде — разрезов. Раскопки позволили установить, что поселение возникло здесь в середине I тысячелетия на месте цитадели вдоль протока, питавшегося родниками. Со второй половины I тысячелетия идет его интенсивный рост, вызванный непосредственной близостью к группе полиметаллических, в первую очередь свинцово-серебряных и медных рудников. В это время оформляется укрепленная часть города-цитадели, а проток превращается в небольшое озеро. В цитадели интенсивно функционируют горны для выплавки металлов. В IX—X вв. городок вырастает до размеров, достойных упоминания географами и путешественниками, причем автор Худуд ал Алема характеризует его как городок с большим достоянием. По нашим наблюдениям, именно в этот период широко обживаются новые площади, особенно к юго-западу, северу и северо-востоку от цитадели, в шахристане появляются хаузы-водоемы. Вероятно, со второй половины IX в. металлургические мастерские были передвинуты из цитадели на свободные площади северо-восточной окраины шахристана, где они интенсивно функционировали в X—XI вв. В X в. появляются металлургические печи на юго-западе Туккета. Согласно анализам, металлурги Туккета использовали полиметаллическую руду, содержавшую в основном серебро, свинец, медь, а также включавшую золото. Анализы показали, что использовались руды ряда месторождений. Этот период истории Илака характеризуется сокращением числа пунктов плавки и концентрацией металлургического производства в городах или крупных поселениях, получавших руду из ряда участков: Алтын-топкана, Канджольско-табошарского и Кургашинского рудников, интенсивно функционировавших в IX—X вв.

В караханидскую пору происходит частичное сокращение территории города, и в частности начинается запустение его северо-восточной части. Прекращают функционировать плавильные печи в восточном рабаде, происходит их полное перемещение на юго-западную окраину города. Монгольское завоевание привело Туккет к временному запустению, однако

[24] В. Д. Жуков. Дукентский клад монет (предварительное сообщение), ИМКУ, I. Ташкент, 1959, стр. 176—207; его же. Чекан Кендже и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе. ИМКУ, 2, Ташкент, 1961. стр. 307—312.

[25] Клад получен автором в Дукенте, найден в 1965 г.

[26] С. Ф. Машковцев. Горы Кара-Мазар. Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов. Л., 1928, стр. 16.

[27] М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 96.

в XIV—XV вв., судя по материалам шурфов, вновь обживается центральная часть города. С этого времени происходит постепенное передвижение жилых кварталов на северо-запад. Здесь до наших дней сохранилось селение Кульата.

В формировании городов верховьев и среднего течения Ахангерана можно проследить несколько моментов: возникновение оседлой жизни на месте большинства из них относится к начальному этапу формирования феодализма — концу первой половины I тысячелетия; в VI—VII вв. они превращаются в городские пункты; расцвет экономики совпадает с расцветом горнорудных промыслов — к IX — началу XI в. В этот период не только расцветают существующие города, но и возникают новые, что следует связывать не только с быстрым развитием горнометаллургического производства, но и развитием социально-экономических отношений и интенсивным расслоением тюркских скотоводческих племен гор и предгорий, сопровождавшимся оседанием на землю определенных групп, как из числа неимущих элементов, так и связанных с торговлей и эксплуатацией природных богатств. Это четко прослеживается как в материальной культуре, так и в названиях некоторых городов. Дальнейшая история городов этой области идет несколькими путями. Большинство их в связи с сокращением горнорудных промыслов с XI в. начинает хиреть, а затем, особенно после монгольского нашествия, пустеет окончательно, и лишь некоторые переживают этот кризис, но продолжают жить уже в качестве селений.

Следующая группа городов располагается на равнине вдоль основного караванного пути, связывавшего Шаш с Ферганой. Некоторые из них упоминаются на пути из Бинкета в Тункет. Это Балаян в 3 фарсахах от Бинкета, Нукет (в 4), Банджхаш (в 6) и Сакакет (в 7) [28]. Они отождествлены М. Е. Массоном с городищами Кулькара, Улькан-Тойтюбе, Джумишказы-тепе [29].

Нукет. Нами были собраны дополнительные материалы по истории Нукета (Улькан-Той-тюбе). Памятник расположен на северо-западной окраине с. Той-тюбе. В настоящее время сохранился полностью лишь прямоугольный шахристан и в середине его северного фаса также прямоугольная цитадель общей площадью около 20 *га*. Рабады его уничтожены распашкой площади под поля. Установлено, что город существовал еще в доарабскую пору, причем вокруг него располагались погребальные наусы с оссуариями. Расцвет городской жизни приходится на IX — начало XIII в., преимущественно XI — начало XIII в. Шахристан с трех сторон, кроме северной, был окружен обширными рабадами. Исследованиями 1968 г. выяснено, что юго-восточный рабад был вытянут на 1 *км* и в нем располагались гончарные мастерские по обжигу кирпича, крышек сосудов и керамических игрушек.

По данным авторов X в., Нукет был вторым городом Илака, однако с XI в. он в противоположность хиреющей столице вырастает как важный пункт на торговом пути из Шаша в Фергану и в XII в. превращается в столицу Илака [30].

Бискет. Далее на этом пути лежит Бискет. Город расположен в 20 *км* (примерно в 3 фарсахах к югу) от Нукета и отождествлен с современным с. Пскент [31]. Проведенное нами обследование памятника, сопровождавшееся съемкой плана, показывает, что одной из ранних частей города является холм Пушти Махмуд, относящийся к VI—VII вв. Погребальный инвентарь курганов и наусов Пскентского плато позволяет предполагать

[28] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 230—231.

[29] М. Е. Массон. Ахангеран..., табл. I, на стр. 36.

[30] О Нукете см. Ю. Ф. Буряков. Новые археологические данные о городище Улькан-Той-тюбе (шахристан Нукета). Научные работы и сообщения Отделения общественных наук АН УзССР, 6, Ташкент, 1963, стр. 251—261.

[31] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия..., стр. 231; М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 64—66.

наличие оседлой жизни здесь с середины I тысячелетия [32]. Основной материал холма Пушти Махмуд относится к IX—XII вв. Располагаясь на торговом пути Шаш-Фергана, он в это время превращается в городок, называвшийся у автора X в. Бискетом.

Монгольское завоевание нанесло удар жизни города, она возобновляется через некоторое время на территории к западу от древнего Бискета, причем пункт сокращается до размеров селения. В качестве такового он входит в район летовок монгол, тимуридов и узбекских ханов и упоминается как место столкновений военных отрядов различных мятежных беков с центральной властью и правителей уделов [33]. В конце XVII—XVIII вв. Пскент вновь переживает какой-то кризис, прослеживающийся в новом перемещении селения на запад. В качестве укрепленного селения со стенами и четырьмя воротами он существовал в составе Кокандского ханства вплоть до присоединения к России в 1865 г.

Самсирек. К юго-западу от Бискета зафиксированы руины городища, отождествленные с Самсиреком [34]. Собранный материал свидетельствует о том, что оседлая жизнь здесь насчитывает около двух тысячелетий. Расцвет жизни относится к X — началу XIII в. В последующий период он продолжает функционировать в качестве селения и пункта летовок. Очередной кризис наступает в XVII—XVIII вв., когда селение временно забрасывается, а переселившиеся в оседлые районы Ферганы жители перенесли с собой и название пункта. Жизнь здесь возобновилась с конца XVIII—XIX вв., когда пункт носит уже новое название — Бука. В окрестностях средневекового Самсирека располагалась масса небольших феодальных усадеб, одна из которых, относящаяся к XI—XII вв., была частично изучена при строительно-планировочных работах в Южной части Буки.

Хас. В 1963 г. в юго-западной части Илака нами были зафиксированы руины средневекового Хаса (Хаша), одного из небольших городков, обычно упоминавшихся средневековыми авторами в перечне городских пунктов Илака без характеристики и места расположения. Худуд ал Алема пишет о нем как о небольшом городке с малым числом жителей и большим количеством невозделанных и занятых пашнями земельных угодий с редким населением. Вопрос топографии города является спорным. В. В. Бартольд лишь упомянул его в перечне городов Илака [35]. Локализация Ле Стренжа [36] вызвала справедливые возражения [37]. Некоторый свет на местоположение города проливает сообщение Бабура, который, выступив в 1501 г. против разрушившего Бенакет Шейбани хана, перешел «реку Ходженд» (Сырдарью) напротив Хаса [38]. Недалеко от Сырдарьи сохранилось современное селение Хас. Однако при нашем обследовании выявилось, что селение не древнее, а сохранившийся на его окраине памятник оказался небольшой усадьбой. Руины древнего города выявлены в 10 *км* восточнее современного русла реки в с. Джума-базар. Город имел мощную пятиугольную цитадель, в обе стороны от которой на 0,5 *км* раскинулись всхолмления шахристана. Начало жизни Хаса установить не удается. Мощность наслоения предполагает большую древность города, хотя подъемный материал относится к X—XI вв. [39] Он представлен фрагментами керамики, монетами X—XI вв. и дополняется более ранней находкой клада

---

[32] Ю. Ф. Буряков. Пскентские наусы. СА, 1968, 3, стр. 131.

[33] Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958, стр. 110, 114—115; А. Н. Болдырев. Зайнутдин Васифи. Сталинабад, 1957, стр. 209.

[34] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 115—117.

[35] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия..., стр. 231.

[36] G. Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate Cambridge, 1905, стр. 483.

[37] М. Е. Массон. Ахангеран..., стр. 38.

[38] Бабур-намэ..., стр. 114.

[39] Описание материала Хаса см. Э. Ю. Бурякова. О локализации средневекового Хаса. Сб. «Материалы по истории Узбекистана», стр. 46—48.

серебряных караханидских монет начала XI в.[40] В настоящее время город расположен в стороне от Сырдарьи, но близ него сохранились многочисленные старицы и меандры заброшенного русла, говорящие о том, что некогда «река Ходженда» проходила недалеко от города, что дополняется находкой больших бронзовых крючков, предназначенных для ловли крупной рыбы типа сома. В XV в. он, судя по материалу и источникам, существовал как населенный пункт близ эпизодически функционировавшей переправы. Освоение в недалеком прошлом заболоченных мест бывшего речного русла привело к передвижению многих селений, в том числе и Хаса.

Таким бразом, развитие равнинных городов отличается от предгорных. Расположенные в оседлоземледельческом оазисе, на караванных путях и переправах, но вдали от рудников, они были значительно меньше связаны с металлургическим ремеслом и гораздо больше с сельским хозяйством, торговлей и иными видами ремесла (в первую очередь гончарным, ткачеством, окончательной обработкой металла). Это обеспечивало им устойчивый рост. И если в XI—XII вв. начинается упадок ряда предгорных городов, равнинные города продолжают развиваться и в это время, а некоторые, как Нукет, даже претендуют на роль столицы Илака. Жизнь их, как правило, продолжается и после монгольского нашествия, нанесшего большой удар экономике области. И хотя они нисходят до положения селений, но упоминаются в источниках тимуридской и шейбанидской эпохи и, пережив кризис XVIII в., доживают до наших дней. В то же время у нас нет оснований ставить резкую грань между городами предгорий и равнины. Некоторые из предгорных городов (Абрлыг, Дахкет), утеряв вследствие сокращения рудной базы роль ремесленно-металлургических центров, так же как и равнинные, продолжают жить до последних столетий в качестве сельскохозяйственных пунктов.

Таким образом, уже предварительное выяснение топографии городов Илака показывает сложный путь их формирования и различную роль в экономической и политической жизни. Детальное исследование выявленных городов поможет со всей полнотой изучить историю одной из крупных промышленных областей Восточного Мавераннахра.

Yu. F. Bouriakov

A PROPOS DE LA TOPOGRAPHIE DES VILLES DE L'ILAK DU MOYEN AGE

Résumé

L'article est consacré à la topographie historique de l'Ilak, domaine mayenâgeux, situé dans le bassin de la rivière d'Akhanghéran, affluent du Syr-Daria et dans la région des chaînes de montagnes dites Kouraminsky et Tchatkalsky.

L'Ilak est connu dans l'Orient du Moyen âge en tant qu'une région importante de l'exploitation des mines d'argent et d'or. Dans la periode de son épanouissement (les IX—Xes siècles) y furent signalées environ 17 villes: Tounket, Koukhissim, Abrlyg, Namoudlyg, Dakhket, Toukket, Nouket, Bisket, Samsirek, Khas, Balayan, Pandjkhach et d'autres.

Dans l'article on donne les caractéristiques des événements essentiels de l'histoire et les datations des villes. Sont dégagés deux groupes principaux de villes: 1) villes de piemont où l'on était occupé en premier lieu du traitement de la production des mines (argent, or, cuivre, fer, couleurs minérales) et 2) celles qui se trouvaient dans la vallée de la rivière précitée et dans l'interfluve du Tchirtchik et de l'Akhangheran et étaient liées avec des voies de caravanes et des alentours agricoles.

Le groupe essentiel de villes se développent depuis la formation du féodalisme (des V—VIes siècles), les autres cités — à partir des VIII—IXes siècles.

La décadence de la vie de plusieurs villes de piémont est signalée à partir des XI—XIIes siècle, pour d'autres agglomérations — dès le debut du XIIIe siècle. Les villes de la vallée se montrèrent plus stables mais après l'invasion des Mongols elles tombèrent aussi toutes en ruines et devinrent de simples villages dont quelques-uns n'avaient pas même de remparts.

[40] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 39.

А. Г. МУХАМАДИЕВ

ДЕНЬГИ, ДЕНЕЖНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ДЕНЕЖНЫЙ СЧЕТ БУЛГАРА В ПРЕДМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Начало XIII в. является наиболее вероятным периодом возобновления чеканки монет в Поволжье после серебряного кризиса, продолжавшегося в течение XI—XII вв. Монеты, чеканенные в Булгаре от имени халифа Насир-лид-дина (1180 — 1225), надо полагать, знаменуют собой начало преодоления в Поволжье серебряного кризиса.

Для чеканки монет кроме желания властей была необходима концентрация в едином центре крупного и постоянно пополняемого фонда денежного металла. В противном случае несколько выпусков монет могли опустошить казну и чеканка их была бы экономически неоправданной. В начале XIII в. Булгар располагал всеми экономическими и политическими условиями, способствовавшими организации чеканки монет. Во всем Поволжье, от Камы до Каспия, единственно реальную, основанную на экономическом развитии страны силу могло представлять только хорошо организованное государство волжских булгар со своими городами [1].

Большие доходы Булгару приносила пушнина, пользовавшаяся огромным спросом восточных купцов, посещавших Булгар. За пушниной булгарские купцы доходили до «страны мрака», т. е. до крайних северных районов, где были долгие ночи, продолжавшиеся несколько месяцев. В центральных районах страны занимались земледелием, хорошо развитым для своего времени.

В городах были распространены разные ремесла, в том числе производство оружия, которое продавали степным кочевым племенам. В экономике южных районов страны значительную роль играло скотоводство и добыча соли. «На севере этой области (Нижнее Поволжье), писал Рубрук,— находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей России ездят туда за солью... Морем также приходят за этой солью множество судов, которые все платят пошлину по своему грузу» [2]. Само собой разумеется, что эти экономически важные районы не были открыты монгольскими завоевателями. Они существовали издревле и скорее всего оказались в руках Булгара после распада Хазарского каганата. Это предположение подтверждается тем, что булгарские воины, как известно, с оружием в руках встречали монголов восточнее этих районов, на р. Яике [3].

Разрозненные кипчакские племена, населявшие Нижнее Поволжье в начале XIII в., едва ли были настроены враждебно к булгару перед лицом общего врага — все набиравшего силу хорезмшаха Мухаммеда, который

[1] Особенно крупными городами в Прикамье были Булгар, Биляр, Сувар и др. В Булгарском городище до наших дней сохранились древние сооружения. Биляр и теперь впечатляет своими огромными тройными земляными валами, окружающими городище.

[2] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 50.

[3] ПСРЛ, I, стр. 453; II, стр. 455.

«из похода войной за веру (газа) на (Дешт-и) Кипчак...» вернулся счастливым и удовлетворенным [4], тем более, как писал великий князь Всеволод киевскому князю Святославу (конец XII в.), кипчаки (половцы) «... с болгары язык и род един...» [5]. Опасаясь хорезмшаха, Булгар должен был искать союзника в лице халифа, к владениям которого хорезмшах тоже протягивал руку. Между Мухаммедом и халифом вскоре возникли неприязненные отношения. Хорезмшах предпринял поход к столице халифата Богдаду, но неудачно.

На куфических дирхемах, чеканенных в Булгаре в X в., кроме имени халифа помещалось и имя булгарского эмира. Трудно сказать, почему на первых монетах, чеканенных от имени Насир-лид-дина после безмонетного периода, не ставилось имя и булгарского эмира. Политическая жизнь Булгара начала XIII в. нам неизвестна. Не исключено, что политическая власть в Булгаре находилась в руках духовного лица, точно так же, как она принадлежала халифу в Багдаде. Во всяком случае Рашид-ад-дин сообщает, что при подходе к Булгару отрядов Бату в нем не было единого эмира, а изъявили покорность два вождя — Баян и Джику, которые, однако, вскоре восстали, но были разгромлены [6].

Серебряные монеты хорезмшаха Мухаммеда, выбитые в начале XIII в. с именем самого хорезмшаха и халифа Насир-лид-дина, также свидетельствуют о преодолении в Средней Азии серебряного кризиса.

В исторической литературе распространено мнение, высказанное еще в XIX в., о том, что монеты с именем Насир-лид-дина чеканены при Берке (1256—1266), который хотел этим подчеркнуть, что он подчиняется только духовной власти халифов [7]. Такая точка зрения не выдерживает серьезной критики. Во-первых, кроме предположений не имеется фактических данных, доказывающих, что эти монеты чеканены именно при Берке, и, во-вторых, такой взгляд не может объяснить происхождение монет, действительно чеканенных в 60-х годах XIII в. от имени халифа Насир-лид-дина в городах Средней Азии, не имевших никакого отношения к владениям Берке. Этому предположению можно противопоставить другую гипотезу: была ли необходимость вспоминать давно умершего халифа и чеканить с его именем монету?

После убийства в 1258 г. последнего халифа Мустасима мусульманское духовенство всего Востока осталось обезглавленным. Не целесообразнее ли предположить, что на монетах, чеканенных в Средней Азии, ставится имя не давно умершего халифа, а нового с таким же именем? Он не мог быть объявлен в Багдаде, где правил уничтоживший халифат Хулагу. Новый халиф мог появиться в Средней Азии. Средняя Азия по праву считалась одним из центров мусульманской культуры. Не случаен и тот факт, что еще в начале XIII в. хорезмшах Мухаммед бен Текеш, взяв от имама своих владений Фахр-ад-дина Рази фетву о том, что род Аббаса не имеет права на престол халифата, хотел посадить на место Насир-лид-дина халифом Ала-аль-мулка Термези [8].

Золотые монеты 60-х годов XIII в. с именем халифа Насир-лид-дина чеканены только в трех городах Средней Азии, которые оставались верными каану Ариг Буге в его борьбе с выступившим против него Алгуем [9]. Это доказывает, что Берке, принявший одним из первых среди чингизидов ислам и действовавший в тесном контакте с Ариг Бугой, действительно мог содействовать появлению нового халифа в Средней Азии. Вместе с тем это мог быть хорошо рассчитанный удар против Хулагу и Алгуя. Такая

[4] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, I, М.— Л., 1952, стр. 155.
[5] В. Н. Татищев. История Российская. III, М.— Л., 1964, стр. 128.
[6] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. II, стр.
[7] К. П. Патканов. История монголов по армянским источникам. 1, СПб, 1873, стр. 87.
[8] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. III, М., 1946, стр. 186.
[9] Г. А. Федоров-Давыдов. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии. НЭ, 2, М., 1960, стр. 134, 135.

игра с назначением нового халифа перед мусульманами, среди которых находились враги Берке и Ариг Буги, в странах с мусульманскими традициями должна быть действовать безотказно. Уместно вспомнить вступление на престол самого Берке, происходившее при весьма неблагоприятных для него обстоятельствах не без участия мусульманского духовенства.

Известно несколько типов серебряных и медных монет, чеканенных в Булгаре от имени халифа Насир-лид-дина. Взвешенные 130 экземпляров

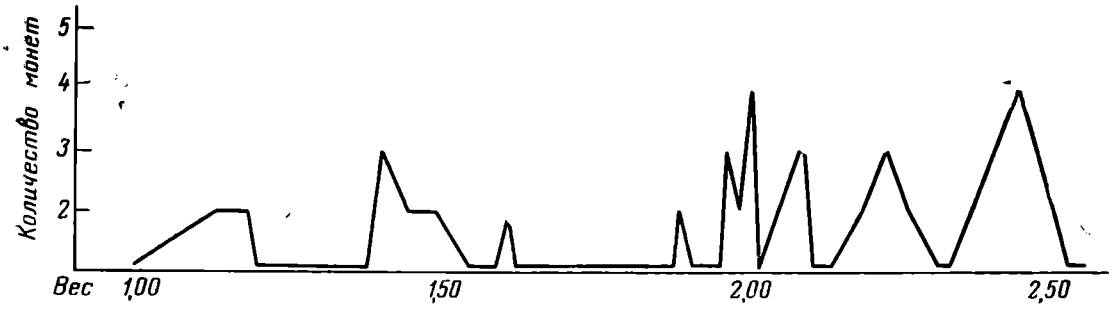


Рис. 1. Весовая диаграмма булгарских дирхемов, чеканенных от имени халифа Насир-лид-дина (1180—1225)

серебряных монет, выпущенных от имени халифа Насир-лид-дина, показывают, что наиболее вероятной весовой нормой чеканки, по-видимому, следует считать вес 2,125 *г*, т. е. выбитые по стопе 200 монет на вес весового стандарта в 425 *г* (рис. 1). Это не случайная цифра, подобный эталон был хорошо известен на востоке — в Аравии, Египте и Сирии. В начале XIII в., до нашествия монголов, в Хорезме также существовала весовая единица в 425 *г* — ратль, из расчета которого чеканились монеты хорезмшаха Мухаммеда (1200—1223) [10]. Существование и в Поволжье такого весового стандарта подтверждают находимые здесь гирьки. Например, известны гирьки в 423 *г* (железная кубической формы, теоретический вес с учетом коррозии, по-видимому, 425 *г*) [11], в 211,9 *г* (теоретический вес 212,5 *г*, т. е. 1/2 425 *г*) [12], в 8,52 *г* (бронзовые, бочкообразной формы, на верхушке указана кратность: две точки, т. е. два мискаля по 4,25 *г* [13].

Одной из особенностей дирхемов, чеканенных от имени халифа Насир-лид-дина, следует считать то, что они отличаются по техническому приему чеканки от всех выпусков серебряных монет джучидского чекана: их вес довольно стандартен, поскольку они выверялись при выпуске. Имеющиеся отклонения очень незначительны и объясняются, по-видимому, прежде всего несовершенством применявшихся измерительных приборов. Поэтому при составлении диаграмм джучидских дирхемов заметно скопление основной массы монет на узком участке весовой оси, даже если они сильно стерты. В таком случае скопление будет ниже теоретической весовой нормы. Монеты же, чеканенные от имени халифа Насир-лид-дина, как видно из диаграммы (рис. 1), по весу настолько разнообразны, что для определения весовой нормы чеканки необходимо большее количество монет, чем это потребовалось бы для определения весовой нормы монет периода джучидов. Для этих монет трудно определить весовую норму чеканки. Их следует называть монетами, чеканенными по такой-то стопе, так как они не выверены и не имеют определенного веса. Монеты чеканены по стопе 200 экземпляров на вес серебра в 425 *г*, отдельные экземпляры могли сильно колебаться по весу, но, вероятно, это не беспокоило чекан-

[10] Г. А. Федоров-Давыдов. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии. НЭ, 2, М., 1960.

[11] Г. А. Федоров-Давыдов. О болгарских гирьках из собрания Государственного музея Татарской АССР. СА, 1957, 1, стр. 217.

[12] Г. А. Федоров-Давыдов. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. ЭВ, 1961, стр. 89.

[13] Г. А. Федоров-Давыдов. О болгарских гирьках..., стр. 217.

щиков. Все же при изготовлении из 425 *г* серебра именно 200 монет независимо от монетчиков должно было получиться больше монет средних весов. Взвешиванием множества монет мы можем установить, по какой именно стопе они чеканены. Эта стопа отличается от весовой нормы лишь тем, что это результат не юстировки отдельных монет, а результат, полученный взвешиванием большого количества случайных монет. Вот почему установить «весовую норму» чеканки таких монет трудно. Это в равной мере относится к медным монетам, чеканенным от имени халифа Насир-лид-дина, и медным монетам всех выпусков, чеканенных от имени джучидов. Вес медных монет джучидов не выверялся с такой скрупулезной точностью, так как медь не драгоценный металл. То, что серебряные монеты, чеканенные от имени халифа Насир-лид-дина, выпущены с такой, казалось бы, небрежностью, по-видимому, объясняется тем, что серебро чеканилось впервые после безмонетного периода и монетное дело не было еще достаточно хорошо налажено.

Допуская, что весовые нормы чеканки монет достаточно убедительно доказывают домонгольский возраст дирхемов, чеканенных от имени халифа Насир-лид-дина, все же невозможно не принимать во внимание и некоторые другие данные, подтверждающие эту концепцию. Чеканенные в Средней Азии во второй половине XIII в. от имени халифа Насир-лид-дина монеты несут на себе дату не ранее 662—665 гг. хиджры [14]. Только после этого года могли выпускаться монеты, чеканенные от имени другого халифа. Если допустить, что булгарские монеты с именем халифа Насир-лид-дина чеканены при джучидах, то это могло произойти, как и в Средней Азии, только после смерти последнего халифа Мустасима, т. е. после 1258 г. Однако медные монеты не только чеканились от имени халифа Насир-лид-дина, но и перечеканивались штемпелем, несущим имя, титулы и тамгу каана Менгу. Если учесть, что Менгу умер на следующий год после смерти халифа, т. е. в 1259 г., то сроки чеканки и перечеканки монет оказываются настолько сжатыми, практически для булгарского монетного двора середины XIII в. это было бы невыполнимо. Медных монет чеканилось так много, что Поволжье XIII в. не знает других выпусков медных денег, которые могли бы сравниться по количеству с монетами, чеканенными от имени халифа Насир-лид-дина. Их обилие позволяет предположить, что они чеканились длительное время, удовлетворяя потребность рынков домонгольских городов Поволжья и Прикамья. Их выпуск был прерван монгольским нашествием. Если бы их стали чеканить только при монголах, то возникновение такой потребности диктовало бы новые выпуски, не ограничиваясь чеканкой монет с именем Насир-лид-дина, поскольку этот период не характеризуется какими-либо чрезвычайными событиями в жизни Поволжья. Фактически же обильный выпуск меди в Поволжье при джучидах и хорошо налаженное соотношение медных и серебряных монет возникает почти сто лет спустя, только в начале XIV в., после денежной реформы 1310—1311 гг. Во-вторых и это тоже весьма существенно, на всех известных монетах, чеканенных в Булгаре в XIII в. при джучидах, помещены тамги монгольских ханов. Только монеты, чеканенные от имени Насир-лид-дина (кроме перечеканенных), такой тамги не имеют.

Таким образом, и серебряные, и медные монеты, чеканенные от имени халифа Насир-лид-дина, могли быть выпущены именно в домонгольский период. Факт перечеканки медных монет лишь освещает некоторые стороны этого вопроса. Перечеканка монет, выпущенных от имени халифа Насир-лид-дина, при каане Менгу могла начаться после восшествия последнего на престол, т. е. после 1251 г. До этого периода могли обращаться старые монеты, чеканенные от имени халифа Насир-лид-дина. Перечеканка меди должна была происходить одновременно с чеканкой серебря-

---

[14] Г. А. Федоров-Давыдов. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. НЭ, V, 1965, стр. 199.

ных монет от имени каана Менгу, поскольку медным монетам отводилась роль разменных денег. Перечеканка означала, что медные монеты уже идут по другому курсу, не зависимому от предыдущего соотношения между серебряными и медными монетами, чеканенными от имени халифа Насир-лид-дина. Дирхемы, чеканенные от имени последнего, по-видимому, не имели хождения, так как не встречаются в кладах ни среди монет каана Менгу, ни среди монет хана Берке.

После Бату, при котором чеканились монеты от имени каана Менгу с нормативным весом 1,24 *г*, Берке, выпускает дирхемы с весовой нормой 1,56 *г*.

Перечеканенная медь постепенно уходила из обращения. Чеканка не возобновилась. Следовательно, при монголах не был налажен выпуск медных монет, а существовала только перечеканка. Поэтому при Берке впервые чеканятся серебряные разменные монеты вместо медных от имени каана Ариг-Буги нормативным весом 0,52 *г*, т. е. три серебряных мелких монеты на вес дирхема в 1,56 *г*.

Исследование медных монет, чеканенных от имени халифа Насир-лид-дина, дает возможность высказать предположение, что серебряные монеты, чеканенные от имени того же халифа, не являются первыми монетами, выпущенными в Булгаре после безмонетного периода. Хорошо организованный монетный выпуск с установленным соотношением серебряных и медных монет не мог возникнуть сразу, так сказать, в готовом виде. Этому должен был предшествовать какой-то начальный период со сравнительно менее организованным выпуском и менее интенсивным денежным обращением.

Рассмотрение медных монет показывает, что они резко разделяются по размерам и весам на две различные категории. Оба типа монет чеканены от имени халифа Насир-лид-дина, но разными штемпелями, что свидетельствует о разновременности их чеканки. Если бы существование более крупных по диаметру экземпляров объяснялось лишь случайными отклонениями от монет нормальных размеров и весов, то мы бы обнаружили среди мелких монет экземпляры, чеканенные штемпелем крупных. Их легко можно было бы выделить, так как на монетное поле попала бы лишь часть надписи крупного штемпеля. Но таких монет мы не знаем. Мелкие монеты чеканены штемпелем, соответствующим их величине.

Диаметр известных крупных экземпляров колеблется в пределах 2,5—3 *см*, вес 4,96—7,84 *г*. Диаметр мелких монет 1,2—2,2 *см*, вес колеблется в пределах 1,27—4,90 *г*. Крупные экземпляры по весу и размерам совпадают с монетами Хорезма, чеканенными в первой четверти XIII в. от имени халифа Насир-лид-дина и самого хорезмшаха Мухаммеда (диаметр 3,1—3,6 *см*, вес 3,9—7,5) [15].

По внешнему виду эти два типа булгарских монет Насир-лид-дина настолько различаются, что на это невозможно не обратить внимание. Не случайно в книге учета нумизматического материала ГМТР, составленной крупным нумизматом и коллекционером А. Ф. Лихачевым, одна из крупных монет описана таким образом: «Экземпляр, отличающийся необыкновенной величиной. Медный» [16]. Нам представляется, что монеты с более крупным весом и диаметром следует отнести к более древнему периоду, а именно к концу XII в. или первому десятилетию XIII в., т. е. до чеканки серебряных монет с именем халифа Насир-лид-дина. Кроме внешнего вида хронологическое определение этих монет дают перечеканенные медные монеты каана Менгу. Как известно, все имеющиеся медные деньги Менгу отчеканены на монетах с именем халифа Насир-лид-дина,

---

[15] Е. А. Давидович. Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммеда хорезмшаха (1200—1220). СА, 1968, № 1.

[16] ГМТР. Описание вещей Лихачевского музея. I, стр. 75.

старые легенды которых не заглажены [17]. Если оба типа медных монет — и крупные, и меньшие по весам и размерам — обращались одновременно, то в процентном отношении крупные должны были быть представлены в одинаковом количестве и среди неперечеканенных, и среди перечеканенных монет. Фактически же дело обстоит иначе; например, среди 53 перечеканенных монет Менгу из собрания ГИМ лишь одна крупная монета (диаметр 3,2 *см*, вес 6,04 *г*), в то время как из 41 неперечеканенных монет того же собрания 11 экземпляров крупные. Среди 87 экземпляров перечеканенных монет из собрания Государственного музея Татарии нет ни одной перечеканенной монеты, которую можно было бы отнести к разряду крупных.

Время чеканки меньших по размеру перечеканенных медных монет сомнений не вызывает. Они повторяют типы дирхемов, чеканенных от имени халифа Насир-лид-дина, надо полагать, одновременны им, поскольку были рассчитаны как разменные монеты. Но по весу они вдвое легче (3,9 *г*), чем крупные. Это подтверждается взвешиванием таких монет. Из 166 взвешенных экземпляров, 116, т. е. 69,8%, приходится на вес 2 — 3,88 *г*. Следовательно, на вес 425 *г* меди их уже чеканили не 60 (как крупные средним весом по 7,08 *г*), а 120 экземпляров.

Попытаемся восстановить денежную терминологию домонгольского Поволжья, известную по легендам монет и письменным источникам. На монетах обычно помещались арабские денежные термины. Но часто рядом с официальным арабским термином существовал татарский. Например, для первой половины XIV в. характерно, что арабские историки и путешественники употребляют арабскую счетную единицу «динар» для объяснения счетной единицы «алтын» Поволжья. Ал-Омари (умер 1348 —49 гг.), Ал-Макризи (1365—1442 гг.) сообщают, что «в торговле их каждый динар соответствует 6 дирхемам» [18]. Сравнивая татарские письменные источники XIV в., где широко употребляется термин «алтын» как счетная единица, тогда как «динар» употребляется только в значении золотой монеты, с арабскими данными, и, используя веса монет для восстановления денежных счетов, получаем, что «динар» арабских источников означает местный татарский «алтын» — счетную единицу, состоящую в середине XIV в. из 6 ярмаков (дирхемов).

На некоторых типах серебряных монет, чеканенных от имени халифа Насир-лид-дина, помещалась надпись:

الد ينار ضرب بلعار

т. е. «Динар. Чекан Булгара». Как известно, слово «динар» на Востоке до XIII в. помещалось только на золотых монетах. Однако, здесь ошибки нет. В некоторых других типах серебряных булгарских монет тоже встречается слово «динар»:

الد ينار المال بلعارى

т. е. «Динар. Аль-мал Булгари». Динар в данном случае является, повидимому, овеществленной счетной единицей, так как после периода обращения медных монет серебряные должны были нести на себе указание, на какое количество медных монет они должны разменяться. На медных монетах — пулах — хана Узбека первой четверти XIV в. помещалась надпись «16 пул даник». Медные монеты были вторичными по выпуску после реформы 1310—1311 гг., начавшейся с обильной чеканки серебря-

---

[17] С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. МИА, 61, 1958, стр. 396.

[18] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 1. СПб., 1884, стр. 242, 438.

ных монет. Поскольку дирхемы Узбек-хана весили два даника, любому человеку, прочитавшему надпись на медной монете, нетрудно было догадаться, что при размене 32 пула (медные монеты) идут на один дирхем. В отношении термина «динар», помещавшегося на булгарских серебряных монетах, о которых говорилось выше, дело обстояло, по всей вероятности, еще проще, так как было известно, из скольких медных монет состоит являвшийся до сих пор счетной единицей «динар», или поместному «алтын». Интересно отметить, что «динар» как счетная единица для определенного количества медных монет употреблялся и в Азербайджане в начале XIII в. [19].

Денежное обращение и денежные системы Поволжья в письменных источниках освещены очень слабо. Бо́льшая часть данных по этим вопросам черпается из сообщений арабских и персидских путешественников и историков, так как приводимые ими сведения сравнительно полно для XIII—XIV вв. освещают эти явления.

Денежная терминология и денежный счет Поволжья XIII—XIV вв. хорошо представлены и в древнетатарских письменных памятниках, которые никогда не переводились и не использовались в нумизматической литературе. Они хорошо датированы, так как обычно дата написания имеется в последних строках произведения. Часто употребляемые в них денежные термины и денежный счет довольно хорошо освещают денежное обращение своего времени. Рассмотрение употребляемых денежных терминов показывает, что наряду с официальными, в основном заимствованными из арабского языка обозначениями, помещавшимися на монетах, в обиходе были местные татарские термины.

Для освещения денежно-весовой системы домонгольского периода рассмотрим сохранившееся произведение древнетатарского поэта Кол Али «Кисса-и Юсыф», написанное в 612 г. хиджры (1212) [20].

Возможно, исследователям творчества поэта следовало бы называть его булгарским поэтом домонгольского периода. Однако записи Махмуда Кашгарского (XI в.), булгарские эпиграфические памятники XIII—XIV вв., замечательные произведения писателей и поэтов XIV в.— Махмуда бин Али ас-Сарай Аль-Булгари, Хисама Кятиба и др. показывают, что по языку произведение Кол Али не составляет исключения среди других письменных памятников. Следовательно, если смотреть с этой точки зрения, то выделять поэта Кол Али не обязательно. Произведения, по словам самих авторов, написанны «на языке тюрки». То, что язык их отличается от джагатайского и османского «тюрки», отмечал Ш. Марджани [21]. Необходимо добавить, что письменный литературный язык — поволжский «тюрки» — употреблялся в татарской литературе почти до Октябрьской революции.

Сюжет поэмы «Кисса-и Юсыф» связан с древнеегипетскими легендами об Осирисе и Исиде. На этот сюжет писали многие замечательные поэты Востока — Ат-Табари (839—923), Фирдоуси (934—1002), Ибн ал-Асир (1160—1234) и др. Поэма «Кисса-и Юсыф» была широко распространена среди татар с древних времен. Поэтому не случайно имеется много экземпляров этого произведения, найденных в Казанской губернии. Два списка поэмы, находящиеся в Берлинской и Дрезденской библиотеках, тоже считаются вывезенными из Казани. Впервые на это произведение обратил внимание татарский поэт Абдурахман Осман-улы Утыз Имяни (1754—1834).

В его медресе в 1824 г. после особо внимательного сличения со многими более древними экземплярами поэма «Кисса-и Юсыф» была переписана. Переписчиком Абдурахманом Булгари в конце книги написано: «...сличена

---

[19] Е. А. Пахомов. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в. Тр. ГИМ, XXVI, НС, 2, М., 1957, стр. 87—90.

[20] Борынгы татар әдәбияты (древнетатарская литература). Казань, 1963, стр. 96

[21] Ш. Марджани. Мостафад ал-Ахбар. 1, Казань, 1897, стр. 15.

с многими экземплярами. По возможности старались переписать правильно. Но при переписывании, пожалуйста, не пользуйтесь другими экземплярами!» Сравнение с другим экземпляром, переписанным в 1825 г. другим человеком, но также отличающимся грамотностью переписчика и полнотой текста, позволяет относиться к этому произведению с большим доверием. Поэма впервые была напечатана в 1839 г. Считается, что казанские экземпляры этого произведения переписаны с наиболее древнего текста [22].

В поэме «Кисса-и Юсыф» очень много говорится о торговле и о деньгах, хотя по сравнению с произведениями XIV в. в ней сравнительно бедна денежная терминология. Однако употребляемые в поэме термины «мал» (деньга, богатство), «алтын» (денежная и счетная единица), «кызыл алтын» (красное золото, т. е. золото), «ярмак» (денежная единица) показывают, что основные термины и система денежного счета появились в Поволжье и Прикамье, с их крупными городами, задолго до обильной чеканки монет ханами джучидской династии, т. е. до монголов.

В поэме собирательный термин «мал», разнозначный современному «деньги», употребляется очень часто [23]. Когда термином «мал» обозначается вообще, то он обычно употребляется с каким-нибудь словом مال ملكت (мал и хозяйство), مال خزينه (мал и казна), т. д. Интересно, что на некоторых монетах, чеканенных в Булгаре от имени халифа Насир-лид-дина, как было отмечено, помещалась надпись: المال بلغارى («аль-мал Булгари»), которую мы переводим как «булгарская деньга» [24]. Надо полагать, что совпадение этих терминов и на монетах, и в произведении начала XIII в. неслучайно.

Примечателен встречающийся в произведении и другой термин — «ярмак», в переводе буквально означающий «рубленый», «разменный» [25]. В этой связи уместно вспомнить сообщение Гардизи (XI в.) о том, что камские булгары ломали дирхемы на части, имевшие значение самостоятельных денежных единиц [26]. Таким образом, мы можем предположительно отнести происхождение термина «ярмак», как и термина «мал», к еще более древнему периоду. В поэме отмечается невысокая стоимость ярмака. Так, царь при покупке раба говорит продавцам:

Какую цену хотели бы, скажите!
Правда, золота нету при себе.
Имею быков, материи, атласа
И несколько никудышных ярмаков [27].

Далее выясняется, что у царя было ни мало ни много 18 ярмаков.

В первой половине XIV в. в Поволжье за 18 дирхемов можно было купить коня [28]. Для денежного счета начала XIII в., т. е. времени написания поэмы, когда после безмонетного периода ощущался серебряный голод, 18 серебряных монет, если речь шла о таковых, были бы хорошими деньгами. Например, в «Слове о полку Игореве», произведении конца

---

[22] C. Brockelmann. Ali's «Oiss'i jusuf», der alteste Vorfoufer der osmanischen Literatur. Phil.-ist. Klasse, 1916, стр. 5.

[23] Слово «мал» в значении денег часто употребляется Ибн-Фадланом. См. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., 1939, стр. 142.

[24] С. А. Яниина, впервые прочитавшая на монетах это слово как المال «аль-мал», переводит его словом «казна». Но само «казна» происходит от слова خزينه («хазина»). Оба эти слова достаточно широко и ясно употребляются в своих значениях в древнетатарских письменных памятниках. Эти литературные памятники впервые были изданы в Казани лишь в 1963 г. и, естественно, не были известны С. А. Яниной.

[25] А. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. II, стр. 326.

[26] Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Л.— М., 1967, стр. 35.

[27] Борынгы..., стр. 106. Переводы с татарского здесь и далее автора.

[28] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 2, М.— Л., 1941, стр. 307.

XII в., самый дешевый раб мог продаваться за ногату [29]. Поэтому нам представляется более целесообразным допустить, что «ярмак», упоминаемый в поэме, означает не серебряную монету, а медную. Однако в произведении XIV в. термин «ярмак» употребляется уже для крупных счетов, при которых медными монетами никогда не пользовались. Например, в рассказах Махмуда бин Али ас-Сараи аль-Булгари, написанных в 1358 г. в Сарае и сохранившихся до нас в списке 1361 г., несколько раз употребляется выражение «10 тысяч ярмаков» [30]. Аналогичные же выражения встречаются в произведениях казанского поэта первой половины XVI в. Мухаммедьяра [31]. Следовательно, «ярмак» в XIV в. означает серебряную монету. Это слово не является исключением. Денежное обращение как общественный процесс развивалось, изменялись и термины. Аналогично термину «ярмак», переходившему от меди к серебру, термин «динар» от обозначения серебряной монеты в начале XIII в. в Поволжье переходит только на золотую монету в XIV в. Одной из причин переноса термина «ярмак» с меди на серебро было, по-видимому, появление во второй половине XIII в. при Берке мелких серебряных номиналов, заменивших медные перечеканенные монеты каана Менгу.

Слово «алтын» (алтын — золото) в произведении «Кисса-и Юсыф» употребляется не как обозначение металла, а либо в значении «серебряная монета», либо символизирует счетную единицу. Например, золотой сосуд оценивается в 400 алтынов. Однако как разменивался «алтын», если это счетная единица, по произведению установить трудно. В тех случаях, когда в поэме упоминается чистое золото, почти всегда употребляется слово-прибавка «кзыл», т. е. «красный» («кзыл алтын ат» — конь из красного золота, «кзыл алтын кадах» — чаша из красного золота, «кзыл алтын блэзек» — браслет из красного золота и т. д.).

В произведениях XIV в. «алтын» (счетная единица) и «кзыл алтын» (золото) также четко различаются в употреблении. В рассказе Махмуда бин Али ас-Сараи аль Булгари «Обогащение дровосека» мать предлагает сыну продать корову за 3 алтына. Но ангел в облике человека советует им продать только за золото — «кзыл алтын», что и делает дровосек [32].

В поэме встречается также слово «динар», но оно скорее обозначает не золотую монету, а, как и слово «алтын», приравнивается понятию серебряной монеты или счетной единицы. Например, чтобы увидеть длинноволосого красавца из Кангана Юсыфа, собирается народ, и царь получает с каждого, кто хочет войти во дворец, по динару. Кроме этих случаев, динар больше не упоминается, хотя описывается платный вход людей во дворец в течение 10 дней. Но в счете далее употребляется уже алтын. В десятый день каждый приносит по 10 алтынов, т. е. динар и алтын употребляются как синонимы. Нам представляется, что употребление термина «динар» в значении серебряной монеты и как синонима «алтын» неслучайно. Слово «динар», как мы видели, помещено на серебряных монетах, чеканенных от имени халифа Насир-лид-дина, и динар по-татарски назывался алтыном.

Ссылаясь на сохранившиеся в древней татарской поэме «Кисса-и Юсыф» и помещенные на дирхемах термины, а также на веса дошедших до нас монет, мы можем предположительно восстановить следующую картину денежного счета и денежной терминологии домонгольского периода, хронологически ограничивающегося годами правления халифа Насир-лид-дина (1180 — 1225), с именем которого чеканены первые булгарские монеты.

---

[29] «Слово о полку Игореве». СПб., 1898, стр. 10.
[30] Борынгы..., стр. 236.
[31] Там же, стр. 104.
[32] Борынгы..., стр. 236.

Первоначально после безмонетного периода в Булгаре в конце XII в. или в самом начале XIII в. обращались только медные монеты весом приблизительно 7,08 *г*, чеканенные по стопе 60 экземпляров на вес 425 *г*. В этой связи, может быть, уместно вспомнить термин «алтын», который употребляется еще в начале XIII в. в «Кисса-и Юсыф». Слово «алтын» означает не только золотой металл, но и денежную счетную единицу. В древнетатарских письменных памятниках, как было отмечено, для различения этих понятий перед словом «золото» («алтын») употребляется слово «кзыл», т. е. «красный». «Алтын» в древнетатарском языке имел и другое значение: шестьдесят» пишется также التن, которое известно по эпиграфическим памятникам и сохранилось в некоторых диалектах татарского языка [33]. Таким образом, 60 крупных монет официально назывались динаром или алтыном по местной терминологии. Происхождение слова «алтын», возможно, еще древнее. В X в. обращавшиеся в Булгаре куфические монеты саманидов весили в среднем около 3,49 *г* [34], т. е. 60 монет чеканилось из расчета на вес 204, 75 *г*, а 120 экземпляров — из расчета стандартного веса 409,5 *г*.

Во втором периоде чеканятся серебряные монеты «малы», которые, судя по помещенному на монетах термину, были рассчитаны как динар, т. е. приравнивались к 60 медным монетам, правда, ставшим уже наполовину легче. Из веса серебра в 425 *г*. чеканилось 200 серебряных монет. Двум серебряным монетам приравнивалось 120 легких медных монет, или «сом» — «целый» (425 *г*). Слово «сом» в «Кисса-и Юсыф» не встречается. Но употребление слов «ярмак» и «алтын», которые в XIV в. являются фракциями сома (1 сом в первой половине XIV в. состоял из 20 алтынов, 120 ярмаков), предполагает существование термина «сом» уже до монголов [35]. Это предположение подтверждается и косвенно. Например, монголам Ирана, судя по произведениям Рашид-ад-дина, слово «сом» неизвестно, в то время как широко употребляются различные денежные термины, в том числе, по всей вероятности, ввезенные ими в Иран «балыш» (круглые слитки), «акча» (деньга) и др., которые знает и Поволжье. Следовательно, если бы термин «сом» был принесен в Поволжье монголами, то он известен был бы и монголам Ирана.

A. G. Moukhamadiev

LES MONNAIES, LA TERMINOLOGIE S'Y RAPPORTANT ET LE SYSTEME MONETAIRE DE L'ETAT DES BULGARES SUR LA VOLGA A L'EPOQUE ANTERIEURE A L'INVASION DES MONGOLS

Résumé

L'article traite d'un thème intéressant et important de l'histoire de l'économie de l'Europe Orientale au Moyen Age. L'auteur tire des conclusions originales, présente une nouvelle interprétation des faits connus et met à la disposition des archéologues de nouvelles données scientifiques relatives à la nomenclature et la circulation monétaires. Ces suggestions sont tirées des monuments écrits numismatiques de l'ancienne littérature tartare.

---

[33] Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л., 1960, 73.
[34] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 136.
[35] В. Г. Тизенгаузен. Сборник..., 2 М.—Л., 1941, стр. 88.

М. Н. ФЕДОРОВ

О ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ДИРХЕМА И ДИНАРА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ С НЕЮ СТРАНАХ В IX—XII ВВ.

Со времени написания первой статьи, посвященной этому важному и малоисследованному вопросу, накопился новый материал, представляющий определенный интерес для дальнейшего изучения избранной темы. В целях удобства изложения материал рассматривается по разделам: оплата наемного труда, цены на продукты питания, стоимость предметов домашнего обихода (ткани, одежда, книги, посуда), движимого и недвижимого имущества и т. д.

В нашей первой статье не был в достаточной мере освещен вопрос о стоимости той или иной категории наемного труда. А между тем уяснение этого аспекта весьма важно для изучения повседневной жизни средневекового города и деревни в Средней Азии и сопредельных странах. В настоящее время мы располагаем совокупностью сведений, которые уже позволяют внести некоторую ясность в интересующий нас вопрос.

В IX в. в городе Зеренджe подмастерье, работая в лавке медника, получал за свою работу 15 дирхемов в месяц [1], т. е. 180 дирхемов в год, тогда как для скромного существования супружеской четы необходима была сумма не меньше 300 дирхемов в год [2]. Однако существовали еще более низкооплачиваемые категории труда. Так, согласно Мухаммаду ал-Хорезми (IX в.), месячный заработок одного работника составлял 10 дирхемов [3].

В IX—X вв. портной, сшив одну рубаху на заказ, получал за свою работу 1 дирхем и два данака, т. е. всего 8 данаков [4]. В другом случае портной запросил за 60 сшитых им рубашек всего 20 дирхемов (в четыре раза дешевле — 2 данака за штуку) [5]. Это была, видимо, минимальная цена, и на то у портного были свои причины [6]. Поденщик в бане, который «хорошо делал свое дело, мыл и растирал людей, и людям нравилось это», получал за свой труд 2 или 3 дирхема в день [7]. В целом это, видимо, составляло от 30 до 45 дирхемов в месяц, так как в те времена бани на Востоке работали один день для женщин, один — для мужчин.

Интересно, что примерно на таком же уровне была оплата труда в IX—X вв. и в Византии. Поденная плата наемного работника в сельской местности составляла 12 медных фоллов, или 1 серебряный кератий [8].

---

[1] В. В. Бартольд. Соч., I, М., 1963, стр. 274.
[2] А. Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966, стр. 299.
[3] Мухаммад ал-Хорезми. Математические трактаты, пер. Ю. Х. Копелевич и Б. А. Розенфельда, комментарии Б. А. Розенфельда, Ташкент, 1964, стр. 51.
[4] А. Мец. Мусульманский ренессанс..., стр. 157.
[5] Сорок невольниц, пер. с арабского Н. Османова и Д. Юсупова, М., 1962, стр. 96.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 356.
[8] Византийская книга эпарха. М., 1962, стр. 163.

Обычный вес кератия — около 2 *г*, 24 кератия составляли одну золотую номисму (4,548 *г* золота) [9]. Вес восточного динара составлял лишь 4,23 *г*, зато дирхем был тяжелее кератия — 2,97 *г* [10], так что один дирхем равнялся примерно полутора кератиям. Таким образом, наемный работник в сельских местностях Византии получал в месяц 30 кератиев, или 20 дирхемов. Заработок квалифицированного ремесленника равнялся в среднем 2 номисмам [11] (48 кератиев), т. е. 32 дирхема в месяц. Следовательно, работая по найму, ремесленник получал в месяц раза в два больше, чем подмастерье.

Обычный заработок неквалифицированного работника был в пределах 1 номисмы (24 кератия), или 16 дирхемов в месяц [12]. Если учесть, что в Византии минимальная стоимость продуктов питания на один день равнялась 10 фоллам $^5/_6$ кератия, или $^5/_9$ дирхема, то этой суммы едва хватало на полуголодное существование [13].

Так обстояло дело в области труда физического. Посмотрим, как оплачивался умственный труд. В IX в. домашний учитель в зажиточных семьях, обучая детей корану, грамматике, литературе, арифметике и другим наукам, получал 60 [14] — 70 [15] дирхемов в месяц (в 2—2,5 раза больше, чем квалифицированный ремесленник, работавший по найму). В исключительных случаях, обучая сына какого-нибудь весьма высокопоставленного вельможи, учитель получал до 1000 дирхемов в месяц. Обычный же школьный учитель чаще всего довольствовался скромными подношениями натурой [16].

В начале XI в. в Каире, в «Доме науки», открытом халифом ал-Хакимом, библиотекарь получал 48 динаров в год, чиновник, ведавший бумагой и чернилами,— 12, а два прислужника — по 7,5 динаров в год [17]. Лет 60 спустя, в июле 1066 г., караханидский правитель Тамгач Богракарахакан Ибрахим ибн-Наср учредил в Самарканде медресе. Согласно уставу, преподаватель фикха ханефитского толка должен был получать 80 динаров в год; преподаватель адаба и корана — в три раза меньше: по $26^2/_3$ динара в год; 50 студентам (по выбору мударриса) была положена стипендия 8 динаров в год; два привратника, обслуживавших медресе, получали по $13^1/_3$ динара в год [18].

Перед тем как излагать дальнейший материал, нам необходимо внести ясность в вопрос о соотношении дирхема и динара. При Кудаме ибн-Джаффаре (ум. между 922 и 948 гг), т. е. в первой половине X в., динар стоил 15 дирхемов. В 1000—1001 г. наместник буидов в Ираке, Амид ал-Джуйуш установил достоинство динара ас-сахиби в 15 дирхемов [19]. Затем соотношение динара к дирхему стало 1 : 20 [20]. Около 1066 г. оно уже было 1 : 45 [21], 1 : 40 [22]. Изменения в стоимости динара были вызваны быстро растущей «порчей дирхемов», в которых резко понизилось содержание

---

[9] Византийская книга Эпарха. М., 1962, стр. 116.

[10] Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. Л., 1963, стр. 490.

[11] Византийская книга эпарха..., стр. 143.

[12] Там же, стр. 163.

[13] Там же.

[14] В. В. Бартольд. Соч., VI, М., 1966, стр. 620.

[15] А. Мец. Ук. соч., стр. 156.

[16] Там же.

[17] Там же, стр. 146.

[18] M. Khadr. Deux actes de waqf d'un qarahanide d'Assie Centrale. «J. Asiatique», CCLV, Paris, 1967, стр. 333.

[19] Хрестоматия по истории халифата. М., 1968, стр. 44, 490.

[20] Бируни. Собрание сведений..., стр. 490.

[21] M. Khadr. Deux actes..., стр. 334. Мискаль золота стоил 47 дирхемов «ал-муайадпйа». Исходя из соотношения мискаля (4,464 *г* к весу динара 4,235 *г*), нетрудно установить, что динар равен 45 дирхемам.

[22] S. D. Goitein. The Exchange Rate of Gold and Silver in Fatimid and Ayyubid Times. «J. Economic and Social History orient», VIII, 1965, стр. 1.

серебра, вызванное так называемым серебряным кризисом, происходившим в странах мусульманского Востока в XI — начале XIII вв.

«Ремесло» воина оплачивалось подороже: если в первой половине VIII в. в войсках Омейадов воин получал 25 дирхемов, то в середине VIII в. аббасидский полководец Абу Салама установил уже каждому своему воину содержание по 80, а военачальникам — от 200 до 2000 дирхемов в месяц. В конце IX — начале X в. в войсках сафаридов воин получал по 100 дирхемов в месяц [23], т. е. в пересчете на динары по курсу того времени 80 динаров в год, гораздо больше, чем ученый библиотекарь из «Дома науки», и столько же, сколько профессор фикха из медресе Тамгач-хана.

Весьма высокой была оплата наемного труда на государственных монетных дворах. Правда, сведений для IX—XII вв. у нас нет, но в конце XIII в. при Газан-хане дневной заработок зариба (чеканщика) составлял 12, а сабике-саза (изготовителя слитков) — 15 дирхемов в день [24].

Мы, правда, не должны забывать, что средний вес дирхемов конца XIII в. был в пределах 2 *г*, тогда как вес дирхемов IX—X вв. составлял около 3 *г* и, следовательно, по масштабам IX—X вв. заработок зариба и сабике-саза составил бы соответственно 8 и 10 дирхемов в день, или 240 и 300 в месяц. Тем не менее это, как мы видим, сумма весьма значительная. Резчик же штампов получал по 22 дирхема (или 14 дирхемов и 4 данака по масштабам IX—X вв.) за каждый изготовленный им штамп (верхний или нижний). Что же касается чиновников монетного двора (амиля, катиба и муширифа), то они получали в день по 20 дирхемов (13 дирхемов и 2 дакана по масштабам IX—X вв.) в день.

Перейдем теперь ко второму разделу. В IX—X вв. хороший обед для двух человек, состоящий из сочного жаркого с приправой, лепешек, приготовленных из самой лучшей пшеничной муки, сладкого блюда, двух фунтов миндального печенья и воды, охлажденной льдом, стоил 20 данаков (3 и одна треть дирхема) [25]. В это же время на рынке Багдада за 2 кирата (кират — около 0,2 *г*) [26] золота, что в пересчете на деньги составляло около 2 дирхемов, можно было купить один гранат, три лепешки, жареное мясо и кувшин с водой [27]. Стоимость кувшина в X в. нам известна из другого источника; она составляла полдирхема [28]. Упомянутые продукты, таким образом, обошлись покупателю примерно в полтора дирхема. Это последнее сообщение о ценах на багдадском рынке получено нами из арабской сказки, восходящей к IX—X вв. [29]. Однако в достоверности его сомневаться не приходится. Да иначе и быть не может. Ведь слушатели, окружавшие профессионального сказочника на одной из улиц Багдада где-то в IX—X вв., с полным доверием отнеслись бы к повествованию о самых необычных приключениях Синдбада в стране джинов и чудовищ, но тут же бы подняли рассказчика на смех и уличили во лжи, поведай он им, что тот же Синдбад купил, например, простой глиняный кувшин за динар, тогда как рядом, на базаре, такой кувшин стоил всего полдирхема. Мясо было в общем-то дорогим продуктом. Однако в некоторых случаях, например на границе со степью, где жили кочевники, оно продавалось довольно дешево. Так, в X в. на Сырдарье за дирхем можно было купить 4 мана чистого мяса, освобожденного от костей [30] (вес

---

[23] Арабский аноним XI в. М., 1960, стр. 128; В. В. Бартольд. Соч., I, М., 1963, стр. 280.

[24] М. А. Сейфеддини. Организация монетного дела в государстве Ильханов в XIII—XIV вв. НЭ, VII, М., 1968, стр. 147.

[25] А. Мец. Ук. соч., стр. 372.

[26] Бируни. Ук. соч., стр. 490.

[27] Сорок невольниц,..., стр. 264.

[28] Бузург ибн-Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1959, стр. 71.

[29] Сорок невольниц,..., стр. 8—9.

[30] В. В. Бартольд. Соч. II, 1. М., 1963, стр. 239.

мана в зависимости от эпохи и места колебался в пределах 600—800 *г*. В. В. Бартольд в данном случае выбирает первую величину и сообщает, что «4 мана» составляли «более 6 фунтов»).

Арабские географы не часто приводят сведения о ценах на те или иные виды продуктов, а если и приводят, то это обычно или цена максимум или цена минимум, т. е. то, что достойно удивления. По сообщению Макдиси, в X в. в Фергане, в селении Шикит, славившемся своими ореховыми рощами, орехи были так дешевы, что за 1 дирхем можно было приобрести 1000 штук [31].

По сообщению ал-Макризи, в Египте при Тулунидах (вторая половина IX — начало X в.) в урожайном году цены на зерно падали настолько, что 10 ирдаббов пшеницы (696 *кг*) можно было купить за 1 динар. Египет, как мы помним, еще и во времена римской империи был главной житницей Рима. Обычной же ценой на хлеб в Египте во времена владычества там Византии [33] (до середины VII в.) была одна треть фолла за фунт. Таким образом, за 1 номисму можно было купить 864 фунта, что составило бы примерно 283 *кг*. При Константине Копрониме (741—775 гг.) цены на хлеб были довольно дешевые: за 1 номисму можно было приобрести 60 модиев (от 341 до 403,5 *кг*) пшеницы и 70 модиев (от 367 до 439 *кг*) ячменя [34].

По сообщению Кудамы ибн-Джафара, в 20-х годах IX в. в Саваде (Южный Ирак) стоимость «двух курр пшеницы и ячменя, взятых вместе», составляли 900 дирхемов [35]. Тут же приводится количество налоговых поступлений с провинции Савад в 820 г. в куррах пшеницы и ячменя и в пересчете стоимости этого зерна на дирхемы. Приведенная сумма позволяет расшифровать выражение «2 курр пшеницы и ячменя, взятые вместе», только как 1 курр ячменя и 1 курр пшеницы (всего 2 курр). Вариант «2 курр пшеницы + 2 курр ячменя» (всего 4 курр) не подходит в пересчете на деньги, исходя из стоимости в 900 дирхемов. Итак, 1 курр пшеницы и 1 курр ячменя, взятые вместе, стоят 900 дирхемов. Обычно за 1 дирхем продавали ячменя в полтора раза больше, чем пшеницы (например, в Дихистане в 1035 г., см. ниже). Если принять количество пшеницы, продаваемой на дирхем за x, а количество ячменя за 1,5 x, то можно с помощью уравнения вычислить искомую величину, учитывая, что курр пшеницы составлял, по В. Хинцу, 2925 *кг*, а курр ячменя — 2437,5 *кг* [36]. x получается равным 5,05 *кг*, или 6,3 мана. Тогда стоимость ячменя будет 9,45 мана за дирхем.

Как видим, эти цены (Савад 20-е годы IX в.) не очень уж разнятся с ценами в Хорасане в 30-х годах XI в.: там пшеница шла по 7 манов за дирхем. Весьма дешевыми считались цены в Дихистане в 1035 г., где пшеница шла по 10, а ячмень по 15 манов на дирхем [37]. В Исфагане в 40-х годах XI в. пшеницу продавали обычно по 8 манов за дирхем [38].

Из сравнения цен на пшеницу в Египте, Византии, Дихистане и Хорасане можно сделать вывод, что по мере удаления на Восток цены на хлеб возрастают. Возможно, определенную роль в этом играет возрастающая засушливость климата или какие-то другие специфические условия.

В середине VIII в. был заключен договор между наместником Египта Убайдуллахом ибн Хабхабом и кочевым племенем из верховий Нила, ал-Буджа. Один из пунктов гласил: «А за каждую овцу, что возьмет ал-Буд-

---

[31] В. В. Бартольд. Соч., I, М., 1963, стр. 212.

[32] Хрестоматия по истории халидата, составил и перевел Л. И. Надирадзе. М., 1968, стр. 42.

[33] Византийская книга эпарха..., стр. 240.

[34] Хрестоматия по истории Средних веков. I, М., 1961, стр. 337.

[35] Хрестоматия по истории халифата,..., стр. 48.

[36] В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, стр. 54.

[37] Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. Ташкент, 1962, стр. 394, 475.

[38] Насир Хисроу. Избранное, Душанбе, 1954, стр. 117.

жа,—4 динара, а за корову —10 динаров»[39]. Здесь речь шла о тех случаях, когда ал-Буджа находились во владениях арабов, в долине Нила, и, возможно, цены (для ал-Буджа) были завышены, так как условия договора диктовали арабы. Во всяком случае в Византии в IX—X вв. овца стоила 1, а — корова — 3 номисмы[40]. Мы, правда, не должны забывать, что вес номисмы был больше веса динара на 0,32 *г*. И все же мы видим, что по сравнению с византийскими цены в договоре с ал-Буджа были завышены более чем в три раза.

Близкой к византийской и, видимо, более реальной была цена хорошего барашка для конца X— первой половины XI в., приведенная Рашидом Ватватом (XII в.) в его рассказе о Абу Али Ибн-Сине, где крестьянин запросил с Ибн-Сины за своего барашка 1 динар[41].

В этом смысле интересно сообщение Рашид-ад-Дина, согласно которому в Иране в конце XIII в. при Гейхату-хане хорошая овца стоила 5 серебряных динаров[42], что, по подсчетам М. А. Сейфеддини, составляло один с четвертью магрибинского золотого динара весом в 4,32 *г*.[43]

Приведем еще сведения о ценах в X в. для Византии, которые нам кажутся заслуживающими внимания: за 1 номисму можно было купить 120—140 фунтов мяса, а стоимость лошади составляла 12 номисм[44].

Голубиный гон был одним из излюбленных развлечений на средневековом Востоке, поэтому хороший, породистый голубь стоил довольно дорого. Так, красивый белый голубь с красными ножками, «которые были похожи на кораллы», стоил в IX—X вв. 5 дирхемов[45] — в пять раз дороже курицы[46].

В середине XI в., по сообщению Носира Хисроу, в Аравии, богатой продуктами скотоводства, верблюд стоил 2—3 динара, а в годы изобильного урожая там можно было купить тысячу манов фиников всего лишь за динар[47] (50 манов за дирхем). В Мисре (Египет) стоимость 10 манов очищенного миндаля не превышала 1 динар[48]. А в Западном Иране 200 манов винограда продавали за 1 динар. Столько же стоили 100 манов меда[49] (видимо, виноградного).

Перейдем теперь к предметам домашнего обихода. В IX—X вв. штука простого полотна длиной 60 локтей (около 30 *м*) стоила 60 дирхемов[50]. В X в. отрез драгоценной рейской ткани длиной 200 пядей (около 48 *м*) был продан в городе Рее за 10 000 дирхемов[51]. Таким образом, если метр полотна стоил 2 дирхема, то метр роскошной рейской ткани — 208 дихремов и 2 данака, более чем в 104 раза дороже.

Город Симнан (в Западном Иране) в X в. славился дорогими платками с расписной каймой. Цена такого платка доходила до 50 динаров, там же изготовляли «ткани сабинийа изумительной работы». Штука такой ткани продавалась за «200 динаров и дороже»[52].

В Табаристане в X в., по словам Абу Дулафа, изготовляли «восхитительные одежды», стоимость которых «доходила до нескольких динаров»[53].

---

[39] Арабские источники VII—X вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.— Л., 1960, стр. 19.

[40] Византийская книга эпарха..., стр. 244.

[41] И. С. Брагинский. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956, стр. 370.

[42] Рашид ал-Дин. Сборник летописей, III, М.— Л., 1946, стр. 291.

[43] М. А. Сейфеддини. Монеты ильханов XIV века. Баку, 1968, стр. 119.

[44] Византийская книга эпарха..., стр. 244 и 256.

[45] Сорок невольниц,..., стр. 211.

[46] Шараф хан-Бидлиси. Шараф-наме, I, М., 1967, стр. 131.

[47] Носир Хисроу (1003—1088). Избранное, Сталинабад, 1954, стр. 95, 96.

[48] Там же, стр. 70.

[49] Там же, стр. 25, 26.

[50] Сорок невольниц,..., стр. 11.

[51] Вторая записка Абу Дулафа. М., 1960, стр. 54.

[52] Там же, стр. 58.

[53] Там же, стр. 57.

Однако мы можем привести и более конкретные сведения по этому вопросу: в Куфе, например, стоимость хорошей одежды составляла 40 дирхемов [54].

В IX—X вв. на рынке Багдада за 20 динаров можно было купить следующие необходимые в домашнем обиходе предметы: платье, одеяла, отрезы ткани, коврики, светильник, таз и 10 ратлей (более 4 *кг*) пряжи и придачу [55].

Как мы уже говорили выше, стоимость простого кувшина составляла полдирхема, тогда как стоимость фарфоровой посуды доходила до 10 динаров за предмет [56]. Позолоченное блюдо, вырезанное из цельного хрусталя, стоило 1000 динаров [57].

В конце X в. в Бухаре, на базаре переплетчиков, Ибн-Сина купил за 3 дирхема книгу Абу Насра Фараби «Тезисы метафизики» [58]. Цена, видимо, была крайне дешевая, так как бывший владелец книги нуждался.

Вообще же книги были товаром весьма дорогим, особенно те, которые украшались миниатюрами и богатыми переплетами. Так, например, некий исфаганский богослов IX в., собирая книги, израсходовал на них 300 000 дирхемов [59]. По словам Йакута, в Мерве около 1155 г. книга стоила в среднем 1 динар [60]. Это равнялось стоимости одного барана или полумесячному заработку ремесленника. Были, разумеется, и книги подороже: около 996 г. полная рукопись истории ат-Табари была куплена за 100 динаров [61]. Диван стихов багдадского поэта Ибн-Хаджаджа (ум. в 1001 г.) продавали за 60—70 динаров [62].

В изучаемый нами период на Востоке широко была развита работорговля. В среднем цена обычного раба или рабыни колебалась в пределах 100—500 дирхемов [63], хотя молодые красивые рабыни, обученные искусству танца и пения, продавались за 1000—2000 динаров, а одна знаменитая певица была продана около 912 г. даже за 13 000 динаров [64].

Выше мы уже сообщали, что в IX—X вв. стоимость лошади в Византии составляла 12 номисм (12,9 динара). В этих пределах (до 20 динаров) держалась цена обычной лошади в конце XI — первой половине XII в. в Сирии. Однако хороший боевой скакун стоил уже 100 динаров [65], а быстроногий охотничий конь, который мог догнать косулю, был продан за 320 динаров [66]. Цена охотничьих соколов была от 15 до 10, а ястребов — от 7,5 до 5 динаров [67]. Чистокровный арабский скакун «буланый с черным хвостом и гривой», на котором в августе 749 г. въехал в Куфу аббасидский полководец Абу Салама, стоил 12 000 дирхемов [68].

К X в. относится, видимо, первое упоминание о каменном угле и его стоимости для территории Средней Азии. По сообщению арабских географов, в районе Исфары, в Ферганской долине, разрабатывался каменный уголь. Три викра (от 240 до 288 *кг*) угля продавались там за 1 дирхем [69]. Поскольку речь у нас зашла о полезных ископаемых, приведем тут же сведения о стоимости драгоценных камней для конца первой половины XI в., которые сообщает нам Абу Райхан ал-Бируни.

---

[54] Хрестоматия по истории халифата..., стр. 32.
[55] Сорок невольниц..., стр. 265.
[56] Бируни. Собрание сведений, ..., стр. 212.
[57] Сорок невольниц,..., стр. 270.
[58] В. Н. Терновский. Ибн-Сина. М., 1969, стр. 20.
[59] А. Мец. Ук. соч., стр. 147.
[60] Там же, стр. 145.
[61] Там же, стр. 146.
[62] Там же, стр. 221.
[63] Мухаммад ал-Хорезми. Математические трактаты..., стр. 79, 80, 83, 84, 85.
[64] А. Мец. Ук. соч., стр. 137.
[65] Усама ибн-Мункыз. Книга назидания. М., 1958, стр. 141.
[66] Там же, стр. 301.
[67] Там же, стр. 143.
[68] Арабский аноним XI в...., стр. 127.
[69] Бируни. Собрание сведений..., стр. 76.

Бадахшанский лал весом 1 дирхем (весовой дирхем в отличие от дирхема — монеты был равен 3,125 *г*) стоил 10 динаров. Если вес камня составлял от 20 до 100 дирхемов, то за каждый дирхем веса платили по 20—30 динаров[70]. Гранат весом 1 дирхем (3,125 *г*) стоил в 10 раз дешевле лала того же веса, т. е. 1 динар[71]. Высоко ценился изумруд: камень в 4 карата (0,8 *г*) стоил 100 динаров (2000 дирхемов), а изумруд в 21 карат (4,2 *г*) — 1600 динаров (32 000 дирхемов)[72]. Дорого стоил яхонт: за камень весом 1 данак (около 0,7 *г*) платили 30 динаров; яхонт в 1 мискаль (4,464 *г*) стоил 1000, а в полтора мискаля (6,696 *г*) — 2000 динаров[73]. 1 дирхем (3,125 *г*) лучшей бирюзы стоил 10 динаров. Бирюза более низкого качества стоила в пределах 1 динара за дирхем[74]. Весьма ценился жемчуг: зерно в полмискаля (2,232 *г*) — 800 динаров, в $^1/_{12}$ мискаля (0,372 *г*) — 1 динар. Знаменитая жемчужина «Сирота» весом 3 мискаля (13 392 *г*) в середине VIII в. стоила 75 000 динаров, а в середине X в. была оценена уже в 120 000 динаров[76]. При всей огромной ценности жемчужин надо сказать, что плата за труд ловца жемчуга была ужасающе низкой: ныряльщик получал в день 1 ман муки и четверть мана фиников[77], что в переводе на деньги, пожалуй, не составило бы и 15 дирхемов в месяц.

Чтобы представить, как высока была стоимость драгоценных камней, достаточно, например, сказать, что в IX в. в Багдаде небольшой дом стоил 5000 дирхемов — столько же, сколько стоил изумруд в 6 каратов весом[78].

В заключение мне хотелось бы отметить один весьма интересный факт. В 14—15-годах нашей эры римский солдат получал в день 10 ассов, из которых «приходилось покупать оружие, одежду, палатки (значит, питание было бесплатным.— *М. Ф.*), ими же откупаться от свирепости центурионов, ими же покупать у них освобождение от работ»[79]. Что касается привилегированной гвардии, преторианцев, то они получали 2 денария в день[80].

Серебряный денарий равнялся 16 ассам и весил 3,9 *г*[81]. Так как дирхем весил 2,97 *г*, то соотношение денария к дирхему можно принять за 4 к 3. Что же тогда получается? А получается очень интересное соотношение. Дело в том, что в пересчете на дирхемы римский воин в I в. получал ($^{10}/_{16} \times {}^4/_3 \times 30$) — 25, а преторианец ($2 \times {}^4/_3 \times 30$) — 80 дирхемов в месяц. А ведь это соответствует жалованью воина в войсках Омейадов в первой половине VIII в. (25 дирхемов) и жалованью в войске аббасидского полководца Абу Саламы (80 дирхемов) в середине VIII в.

Случайно ли это совпадение? Пожалуй, нет. Разумеется, ни Омейады, ни Абу Салама не знали о размере жалованья римского воина в I в. Однако в данном случае, видимо вступил в действие объективный закон стоимости, который регулировал цены и поддерживал их примерно на одном уровне при условии приблизительно одинакового состояния производительных сил и ряда других факторов. Ведь как в Римской империи I в., так и в халифате VIII в. в основе производства все еще лежал ручной труд свободного ремесленника или крестьянина в одном случае и раба (труд которых широко использовался и в халифате) или уже попавшего в крепостную зависимость мелкого земледельца — в другом. Что же ка-

---

[70] Там же, стр. 76.
[71] Там же, стр. 78.
[72] Бируни. Собрание сведений..., стр. 153.
[73] Там же, стр. 48.
[74] Там же, стр. 158.
[75] Там же, стр. 115.
[76] Там же, стр. 144.
[77] Там же, стр. 117.
[78] Там же, стр. 115, 153.
[79] Корнелий Тацит. Сочинения, I, М., 1969, стр. 16.
[80] Там же, стр. 17.
[81] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 52.

сается технического оснащения труда, то здесь за прошедшие несколько веков мало что изменилось.

Итак, собранные в этой статье материалы призваны в какой-то мере осветить столь сложный и малоизученный вопрос, каким является покупательная способность дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX—XII вв. и который, по мнению некоторых зарубежных специалистов, вообще решить невозможно [82].

M. N. Fiodorov

SUR LE POUVOIR D'ACHAT DU DIRHEM ET DU DINAR EN ASIE CENTRALE ET AUX PAYS LIMITROPHE

Résumé

L'article traite du pouvoir d'achat du dirhem et du dinar en Asie Centrale et aux pays limitrophes aux IX—XIIes siècles. Comme sources d'information l'auteur a employé des ouvrages littéraires et historiques du Moyen âge.

Il a systématisé ces données par les rubriques ci-mentionnées: 1) payement du salariat (physique et manuel); 2) prix des produits d'alimentation; 3) prix des objets de ménage, des biens mobilieurs et immeubles etc.

---

[82] The History of Bukhara. Cambridge — Massachusetts, 1954, стр. 127.

М. Ф. КОСАРЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Западная Сибирь, судя по лингвистическим, этнографическим и антропологическим данным, с древнейших времен была территорией обитания предков нынешних угорских и самодийских народов, которые вместе с финноязычными группами, живущими сейчас к западу от Урала, входят в одну (уральскую) языковую семью.

В разное время место формирования народов уральской языковой семьи определялось по-разному. М. А. Кастрен и его последователи создали гипотезу саяно-алтайского происхождения финно-угро-самоедов [1]. Позже возобладала другая точка зрения, по которой наиболее вероятной прародиной финно-угров стало считаться лесное Волго-Камье (Ж. Синней, Бубрих, Чебоксаров и др. [2]).

Среди археологов пользуется признанием гипотеза В. Н. Чернецова. Обратив внимание на сходство древнейших неолитических комплексов урало-западносибирской территории с материалами кельтеминарской неолитической культуры, он пришел к выводу, что прародиной народов уральской языковой семьи является Приаралье. По мнению В. Н. Чернецова, с развитием производительных сил и ростом численности населения древние приаральские племена постепенно освоили области, лежавшие к северу от этого района. Она считает, что по мере своего продвижения в глубь северных лесных пространств выходцы из Приаралья ассимилировали монголоидное население тайги, результатом чего явилось сложение урало-западносибирской (прото-финно-угро-самодийской) общности [3]. Впоследствии В. Н. Чернецов еще более удревнил время первоначального исхода приаральских племен на север, отнеся его к VI—V тысячелетиям до н. э. [4]

Мы бы хотели изложить некоторые археологические данные, относящиеся к более позднему времени — к эпохе распада западносибирской общности, знаменующей начало этнической дифференциации на этой территории. При этом наш обзор не будет выходить за пределы лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири, так как неолит и особенно бронзовый век в районах севернее Тобольска и Нарыма почти совершенно не изучены (см. рис. 1, карта). Однако надо иметь в виду, что рассматриваемые географические зоны находились в центре всех крупных исторических

[1] M. A. Castren. Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. Spb., 1858.

[2] Библиографию работ и анализ гипотез этих исследователей см. В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений по методологии этногенетических исследований. М., 1951, стр. 26.

[3] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 26.

[4] В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 5.

событий, имевших место в бассейне Оби, и именно здесь следует искать ключи к пониманию сложных этнокультурных процессов, которые проходили на территории Западной Сибири.

Определяющим признаком западносибирской неолитической общности принято считать близость керамики и сходство орнаментальных традиций. Это сходство выражается в характерности для неолита исследуемой территории некоторых специфических орнаментов (волна, псевдоплетенка, взаимопроникающие треугольные зоны) и в своеобразии приемов нанесения узоров (отступающая и прочерченная техника). Но уже на поздних этапах неолита эта общность обнаруживает явные признаки распада. Накануне эпохи металла в Западной Сибири ясно определились две линии преемственности культурных традиций — западная (зауральская) и восточная (самусьско-нарымская), что характеризует, на наш взгляд, процесс сложения на этой территории двух больших этнокультурных областей, за которыми следует видеть выделение самодийских и угорских групп населения. По В. Н. Чернецову, группы древнейших самоедов и угров могли сложиться в Приобье еще в неолите [5].

Этнокультурная дифференциация некогда единой западносибирской общности особенно хорошо прослеживается на керамическом материале. Западный (зауральский) ареал характеризуется полуяйцевидной посудой, украшенной по всей поверхности оттисками гребенчатого штампа. В восточных областях гребенчатая орнаментация не получила распространения. Здесь по-прежнему господствует архаичная (отступающая и прочерченная) техника нанесения узоров, хотя в форме сосудов прослеживается хорошо выраженная тенденция к плоскодонности.

Переход западных (зауральских) областей Западной Сибири к гребенчатой орнаментации — явление не совсем понятное. В связи с этим интересно отметить, что в позднеолитический период обнаруживается значительное сходство зауральской глиняной посуды с керамикой волго-камского гребенчатого неолита. О. Н. Бадер не исключает возможности проникновения в это время в Зауралье прикамского населения [6]. Нам тоже кажется, что носители культур с гребенчатой керамикой пришли в Зауралье с запада. К югу от западной Сибири и в ее восточных районах неизвестны керамические комплексы этого времени, с которыми можно было бы связывать происхождение зауральской гребенчатой посуды. Позднеолитические стоянки Зауралья (Чес-тый-яг, Сартынья, Хулюм-сунт, Береговая 2, Моршининская и др.) по характеру керамического материала находят гораздо больше аналогий в лесном Волго-Камье, чем в восточных и южных районах Приобья.

Однако начиная с энеолита Зауралье и Волго-Камье значительно расходятся в культурном отношении. Если волго-камскую керамику по-прежнему украшают простейшие композиции из оттисков гребенчатого штампа, то для зауральской посуды становится характерным своеобразный гребенчатый геометризм (рис. 2, *44—51*), во многом предвосхищающий геометрические узоры на керамике андроновской эпохи [7]. Особенно богатый набор геометрических элементов в орнаментации дает энеолитическая керамика лесостепного и южнотаежного Притоболья (Челябинская обл., юго-восточная Башкирия, юго-западная часть Тюменской обл.). Далее на север геометризм в орнаменте посуды был менее выражен.

---

[5] В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате..., стр. 9; его же. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, стр. 115; его же. Наскальные изображения Урала. Автореф. докт. дис. М., 1970, стр. 4, 44, 45.

[6] О. Н. Бадер. Неолит Урала. МИА, 166, 1970, стр. 163.

[7] М. Ф. Косарев. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореф. канд. дис. М., 1964, стр. 7; Г. Н. Матюшин. К проблеме энеолита Южного Урала. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, рис. 1.

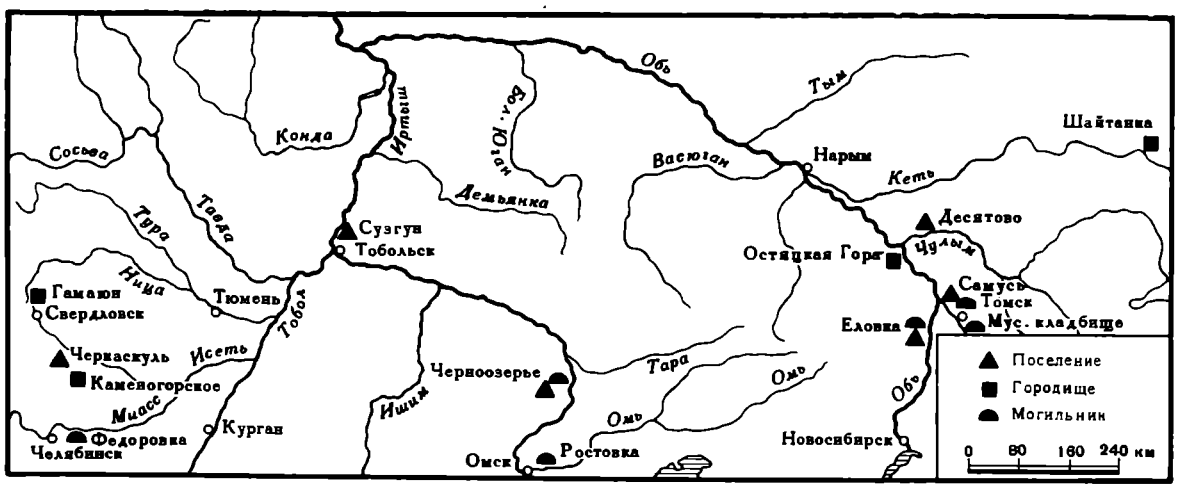


Рис. 1. Важнейшие памятники бронзового века Западной Сибири

В северных районах Зауралья продолжают развиваться прежние позднеонеолитические гребенчатые традиции, не осложненные геометрическими элементами. Культурная близость с Прикамьем и лесным Поволжьем, отмеченная нами для позднего неолита, продолжает сохраняться здесь и в начальные периоды эпохи металла.

Развитие в южнотаежном Зауралье традиций гребенчатого геометризма привело во второй половине II тысячелетия до н. э. к сложению здесь нескольких родственных андроноидных культур, из которых наиболее известны в археологической литературе сузгунская культура в низовьях Тобола (рис. 2, *20*, *21*, *30*) [8] и черкаскульская в лесном Зауралье (рис. 2, *18*, *19*, *28*, *29*) [9]. К этому кругу культур примыкает федоровская группа памятников в лесостепном Зауралье, отнесенная К. В. Сальниковым к раннему этапу андроновской культуры, за которым, по его мнению, генетически следует второй, алакульский, этап [10].

В последние годы неоднократно высказывались мнения, что федоровские и алакульские памятники характеризуют не этапы одной культуры, а две одновременные культурные группы, генетически не связанные между собой [11]. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на тот факт, что федоровская керамика по ряду признаков в форме и орнаменте (горшкообразный тип с плавным переходом от шейки к тулову, гребенчатая техника нанесения узоров, некоторые специфические особенности орнаментальной композиции и т. д.) более близка сузгунской и черкаскульской посуде, чем алакульской, и, наоборот, алакульская керамика по многим своим особенностям более похожа не на федоровскую, а на тазабагъябскую. То же самое наблюдается и в погребальном обряде: федоровские могилы дают трупосожжение [12]; алакульские и тазабагъябские — трупоположение, скорченное, на боку [13]. Небезынтересны в этом отношении высказывания В. В. Гинзбурга о некоторых антропологических различиях

---

[8] В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, 58, 1957.

[9] К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, 6. Свердловск, 1964.

[10] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948.

[11] Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 59; М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, 2; В. С. Стоколос. Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1967.

[12] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, МИА, 21, 1951, стр. 114.

[13] Там же, стр. 112—114; М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма. Тр. ХАЭЭ, IV. М., 1959, стр. 43.

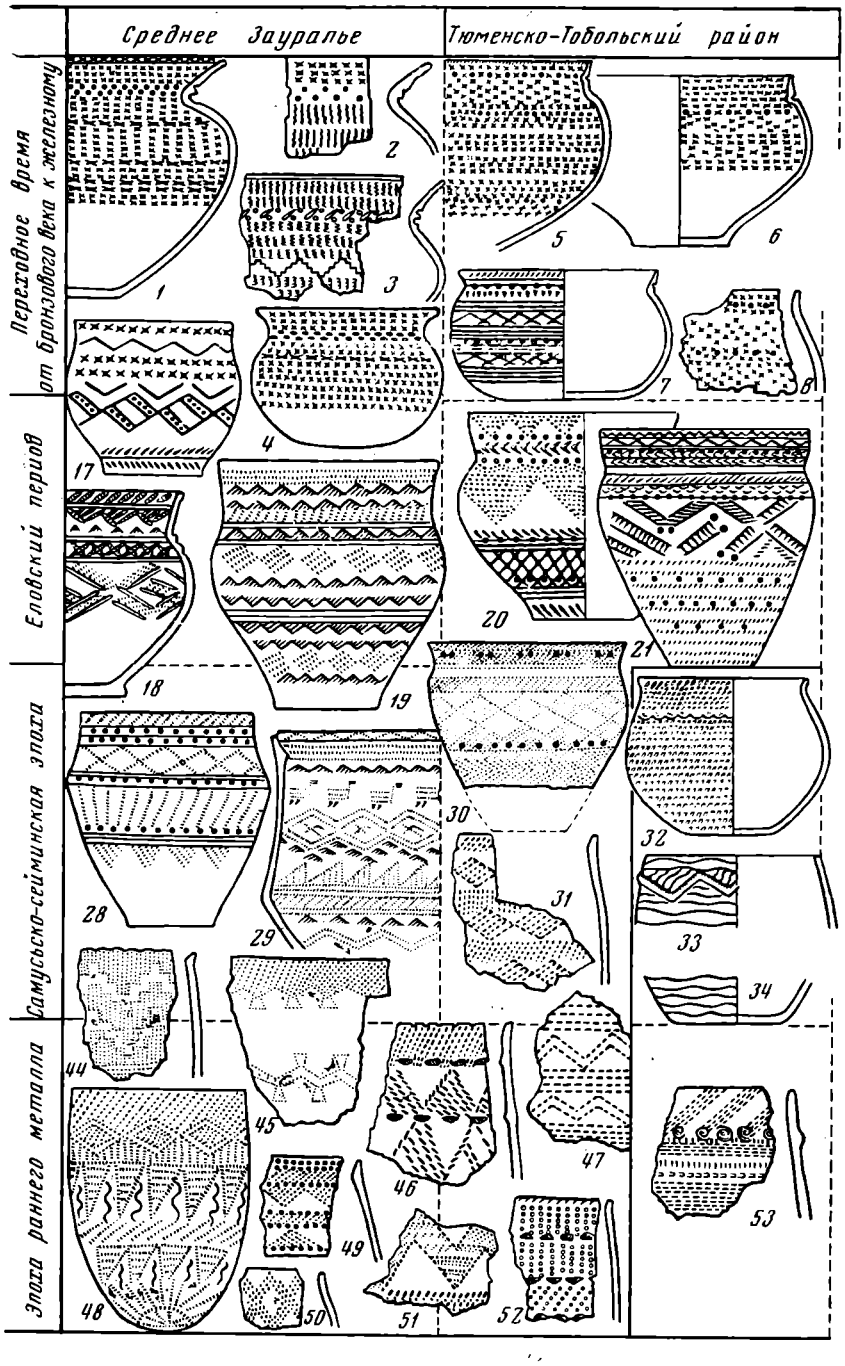
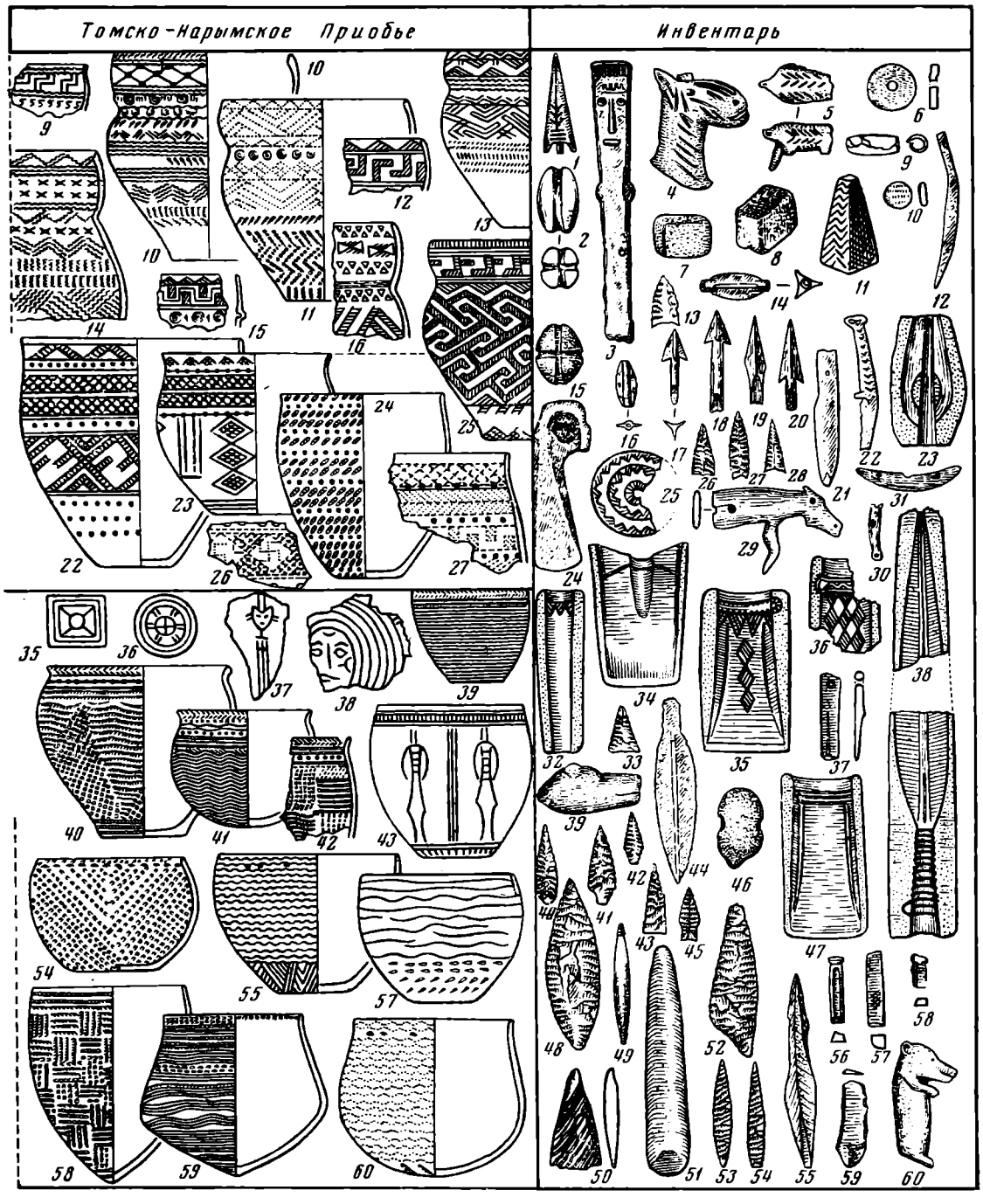


Рис. 2. Схема культурного развития

1—3 — Гамаюнское городище; *4* — стоянка Палкино близ Свердловска; *5—8* — Старо-Маслянское поселение (р. Ишим, Тюменская обл.); *9, 10, 14* — городище Остяцкая Гора у пос. Молчаново на Оби (Томская обл.); *12, 15, 16, 22, 26, 27* — Десятовское поселение в низовьях Чулыма (Томская обл.); *11, 13* — Шайтанское городище близ с. Маковское в верховьях р. Кети (Красноярский край); *17* — 2-й Курьинский прииск на Шигирском торфянике (Свердловская обл.); *18* — Тартышевский могильник на р. Белой (Башкирия); *19, 29* — селище Новая III близ Свердловска; *20, 21, 30* — поселение Сузгун II под Тобольском; *23* — Еловское поселение на юге Томской обл.; *24, 35—43* — Самусьское IV поселение в низовьях р. Томи (Томская обл.); *25* — Еловский могильник (Томская обл.); *28* — стоянка Коптяки-5 близ Свердловска; *31, 47* — Липчинская стоянка на р. Туре между Тюменью и Ирбитом (Свердловская обл.); *32—34* — Ростовкинский могильник в низовьях р. Оми; Абселямовская стоянка на оз. Иткуль (Челябинская обл.); *45* — местонахождение у оз. Аять (Свердловская обл.); *46* — Андреевское озеро недалеко от Тюмени; *48* — Листвяный остров в окрестностях Свердловска; *49* — Иткульская I стоянка (озеро Иткуль, Челябин-



Западной Сибири в бронзовом веке. Керамика:

ская обл.); *51* — Исетское озеро (Свердловская обл.); *53* — поселение Черноозерье III (Омская обл.); *54—57* — могильник на Мусульманском кладбище (окрестности Томска); *58—60* — Самусьский могильник в низовьях р. Томи (Томская обл.).

Инвентарь: *1, 3, 4, 13* — Гамаюнское городище в Свердловске; *2, 5, 7, 8, 10, 11* — Шайтанское городище близ с. Маковское в верховьях Кети (Красноярский край); *6, 9* — городище Остяцкая Гора у пос. Молчаново на Оби (Томская обл.); *14, 15, 25—28* — Десятовское поселение в низовьях Чулыма (Томская обл.); *16—23, 29—31* — Еловское поселение в южной части Томской обл.; *24* — р. Кенга (приток Парабели, Томская обл.); *32, 35—44* — Ростовкинский могильник близ Омска; *33, 34, 36—43, 45—47* — Самусьское IV поселение в низовьях р. Томи (Томская обл.); *48, 51—54, 57—60* — Самусьский могильник; *49, 50, 55* — могильник на Мусульманском кладбище на окраине Томска; *56* — поселение Самусь II.

1, 3, 12, 16, 17, 21, 22, 24, 44 — бронза; *2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 15, 25* — глина; *18—20, 29—31* — кость; остальное — камень

между федоровцами и алакульцами и о близости алакульского антропологического типа тазабагъябскому [14].

Эти факты с учетом результатов картографирования федоровских и алакульских комплексов позволяют считать, что федоровские памятники тяготеют в этнокультурном отношении к южнотаежному ареалу, а алакульские — к степному. Принимая во внимание, что исследователи относят тазабагьябцев к ираноязычной группе племен, следует предполагать и ираноязычность алакульцев. Об этом писал К. В. Сальников, особенно подчеркивая разноэтничность федоровского и алакульского населения: «Лишь племена алакульского времени и типа, вместе с племенами срубной и тазабагьябской культур, составили ираноязычный массив на границе Европы и Азии» [15].

На востоке Западной Сибири (Томско-Нарымское Приобье, лесостепная Бараба, степная Кулунда, верхняя Обь) культурные традиции эволюционировали в другом направлении. Гребенчатая орнаментация здесь в отличие от Зауралья не получила развития. Узоры на керамике наносились отступающей палочкой, вдавлениями лопаточки, а также желобчатыми и прочерченными линиями. С неолита и до последней четверти II тысячелетия до н. э. наиболее распространенными элементами орнамента здесь были волна, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, псевдоплетенка, ряды линий, выполненные отступающей техникой, и т. д. Другими словами, в орнаментах восточного ареала продолжают жить и развиваться мотивы и композиции, характерные некогда для всей уралозападносибирской территории и исчезнувшие в большинстве других районов Урала и Западной Сибири еще до начала эпохи металла.

Дальнейшее развитие этих автохтонных традиций привело во второй половине II тысячелетия до н. э. к сложению в Томско-Нарымском Приобье своеобразной самусьской культуры, наиболее хорошо представленной материалами поселения Самусь IV в низовьях Томи (рис. 2, *35—43*). Керамика Самуся IV плоскодонна, горшковидной или баночной формы. Обычны сосуды с четырехугольными, шестиугольными и даже восьмиугольными днищами [16]. Орнамент наносился отступающей гребенкой, отступающей лопаточкой и желобчатыми линиями. Как и на предыдущих этапах, наиболее распространенными орнаментами были волна, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, псевдоплетенка и ряды линий, нанесенные желобчатой или отступающей техникой. Совершенно отсутствуют комбинации из трехугольников и ромбов, ленточные пояса, меандровые узоры и другие геометрические рисунки, которые можно было бы сопоставить с одновременными орнаментами лесостепного и южнотаежного Зауралья (рис. 2, *35—43*; ср. с рис. 2, *17—30*). На тулове некоторых сосудов изображался ряд зооморфных или антропоморфных (нередко солнцеликих) фигур [17], предвосхищающих позой и рядом других особенностей позднейший кулайский стиль.

Характер производственного инвентаря Самусьского IV поселения (обилие каменных наконечников стрел, грузил и каменных «якорей»), большое количество костей диких животных в культурном слое (особенно лося), а также хорошо выраженный в орнаментальном искусстве и скульптуре культ зооморфных существ (прежде всего медведя) позволяют считать, что основой хозяйственной деятельности самусьского населения были охота и рыболовство. Самусьская культура датируется литей-

---

[14] В. В. Гинзбург. Материалы по антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. МИА, 120, 1962, стр. 198.

[15] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 347.

[16] М. Ф. Косарев. Орнаменты на днищах сосудов бронзового века в низовьях р. Томи. КСИА АН СССР, 106, 1966.

[17] В. И. Матющенко. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. СА, 1961, 1; М. Ф. Косарев. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике. СА, 1964, 1.

ными формами турбинско-сейминских кельтов и копий, которые в большом количестве были найдены при раскопках Самусьского IV поселения (рис. 2, *35*, *38*, *47*). Это позволяет определить приблизительные хронологические рамки существования памятников самусьского типа в пределах XV—XIII вв. до н. э.[18]

Археологические раскопки последних лет дают основание считать, что культуры, родственные самусьской, были распространены на огромной территории, к востоку от зауральского ареала, занимая обширные лесостепные и южнотаежные пространства между Ишимом и Енисеем (поселения логиновского типа на Ишиме, стоянки кротовского типа на Иртыше, Ростовкинский могильник близ устья Оми, Самусьское IV поселение в низовьях Томи и др.)[19]. К этому этнокультурному ареалу примыкала и окуневская культура на верхнем Енисее.

Около начала последней четверти II тысячелетия до н. э. самусьская и родственные ей культуры в юго-восточной части Западной Сибири прекратили свое существование. Их место заняли продвинувшиеся на восток племена зауральского происхождения, принесшие сюда новые культурные традиции. В таежные районы Томско-Нарымского Приобья пришло население еловской культуры (рис. 2, *22—27*)[20]. Оно изготовляло плоскодонную баночную керамику открытой формы, украшенную по всей поверхности рядами оттисков гребенчатого штампа, чередующихся с горизонтальными гребенчатыми линиями или поясами круглых ямочных вдавлений. Нередко ямки покрывали и внешнюю часть дна. Как по отдельным элементам узоров, так и по характеру орнаментальной композиции еловская керамика находит аналогии в сузгунской посуде низовьев Тобола. Это свидетельствует об общих генетических корнях обоих культурных комплексов и является признаком того, что истоки еловской культуры следует искать в районах, прилегающих к Уралу.

Лесостепную часть восточного ареала заняло пришедшее сюда из лесостепного Зауралья андроновское (федоровское) население, распространившее здесь горшкообразную гребенчатую керамику со специфическим набором геометрических элементов в орнаменте. Комплекс синхронизирующих признаков позволяет говорить о сравнительно позднем (не ранее XIII в. до н. э.) появлении андроновцев (федоровцев) на востоке. Нам кажется, что распространение андроновского населения в восточные районы и продвижение в этом же направлении, но более северным путем еловских племен проходило в общем одновременно и было вызвано какими-то сходными причинами. Видимо, эта была единая миграционная волна, захватившая большой массив племен лесостепных и южнотаежных районов Зауралья. Еловское население сменило самусьцев, андроновские (федоровские) племена заняли преимущественно лесостепную территорию, где обитали носители культур окуневского типа. В результате этого переселения произошло изменение этнокультурной карты Западной Сибири, выразившееся в значительном расширении ареала андроноидных культур с

---

[18] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, 4; М. Ф. Косарев. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, 4; его же. О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

[19] В. И. Матющенко, Г. В. Ложникова. Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг. Из истории Сибири, 2. Томск, 1969, стр. 18—38, табл. 6—17; В. Ф. Генинг, Т. М. Гусенцова и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, стр. 21 сл.

[20] В. И. Матющенко, А. Г. Игольникова. Поселение Еловка — памятник второго этапа бронзового века средней Оби. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966; А. П. Баранес, А. Ф. Косарев. Еловский археологический комплекс. «Уч. зап. ТГУ», 60, 1966.

гребенчатой керамикой, ранее локализовавшихся лишь в пределах Зауралья.

Еловское население вело комплексное хозяйство, в котором значительную роль играло земледелие и скотоводство. О земледелии у еловцев свидетельствуют орудия: форма для отливки лопаты (еловский комплекс Самуся IV; рис. 2, *34*), фрагмент литейной формы серпа (Еловское поселение), обломки зернотерок (Десятовское поселение) и некоторые другие вещи. В пользу скотоводства свидетельствуют находки в культурном слое Еловского поселения роговых псалий (рис. 2, *30*, *31*) и костей лошади, овцы и коровы [21].

В еловских материалах, и прежде всего в орнаментации, которая, как известно, является основным показателем генетической преемственности, мы не обнаруживаем элементов местных самусьских традиций. Создается впечатление, что с приходом еловцев основная масса самусьского населения покинула эту территорию и ушла за пределы Нарымского Приобья. Металлические орудия, найденные на еловских памятниках (рис. 2, *16*, *17*, *21—23*), не похожи на самусьские и более сопоставимы с южными и западными металлическими изделиями андроновской эпохи. Видимо, пришлые еловские племена принесли в Томско-Нарымское Приобье не только новую керамику и новые хозяйственные навыки, но и новые традиции бронзолитейного производства.

Еловская культура, утвердившись в Томско-Нарымском Приобье, претерпела в дальнейшем существенные изменения. В раннееловских орнаментах почти полностью отсутствуют геометрические элементы. Сосуды имеют открытую баночную форму, а не горшковидную, как в андроновских памятниках. Позже еловское население начинает испытывать сильное влияние андроновской (федоровской) культуры. Это выражалось не только в контактах, но и в прямых проникновениях в еловскую среду отдельных групп андроновского населения (Томский могильник на Малом Мысу, Еловский II могильник). На поздних этапах еловской культуры керамика южной ее периферии приобрела ряд андроновских черт. Для еловских орнаментов в это время становятся характерными композиции из треугольников и ромбов, уточки, взаимопроникающие Г-образные фигуры, свастика, различные варианты меандров и т. д. (рис. 2, *22*, *23*, *25* и др.). Форма сосудов тоже приближается к андроновской. Северная окраина еловской культуры в Томско-Нарымском Приобье не испытала сколько-нибудь существенных андроновских воздействий. Керамика здесь продолжает украшаться в характерной для ранней Еловки ямочно-гребенчатой манере, не осложненной геометрическими элементами (еловский комплекс поселения Малгет в Васюганье, Большеларьякское поселение на Тыме). Таким образом, в конце своего существования еловская культура распалась на два локальных варианта: собственно еловский (на севере) и смешанный, еловско-андроновский (в южнотаежной и отчасти лесостепной зонах).

Накануне железного века еловская культура в Томско-Нарымском Приобье начинает испытывать давление автохтонных групп населения. В орнаменты еловской керамики все более проникают элементы, известные нам ранее по самусьской орнаментации. Носителями этих влияний были потомки древних самусьцев, продолжавшие жить в таежных районах Западной Сибири, за пределами Томско-Нарымского Приобья. Результатом этих воздействий явилось сложение к северу от Томска, на рубеже бронзового и железного веков, новой культуры, соединившей в себе еловско-андроновские и трансформированные самусьские признаки. Этот новый культурный комплекс мы назвали молчановским, по наиболее изученному памятнику — городищу Остяцкая Гора близ пос. Молчаново на Оби.

---

[21] В. И. Матющенко, Л. Г. Игольникова. Ук. соч., стр. 195.

Керамика молчановской культуры имеет высокую, дугообразную вы гнутую наружу шейку, резкий переход от шейки к плечикам и сильно раздутое тулово (рис. 2, *9—16*). В орнаменте сочетаются андроноидные геометрические элементы (ромбы, треугольники, уточки, Г-образные фигуры, меандры) и узоры, генетически связанные с древними самусьскими орнаментами (волна, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, псевдоплетенка и др.). Характер молчановской орнаментации свидетельствует о том, что в конце бронзового века в Томско-Нарымском Приобье начинается активное взаимодействие зауральских и самусьско-нарымских традиций. Этот процесс приведет потом, в эпоху раннего железа, к сложению в Нарымском Приобье кулайской культуры [22].

Этнокультурный сдвиг в южном направлении имел место не только в Томско-Нарымском Приобье. Северным воздействиям подвергся весь андроноидный массив предтаежной и южнотаежной зон Западной Сибири — от Урала до Енисея. Краниологические данные по лесостепной полосе Обь-Иртышья, изложенные В. А. Дремовым (для Среднего Приобья) и М. С. Акимовой (для зауральской части Западной Сибири), показывают, что на протяжении I тысячелетия до н. э. в среде местного населения шло возрастание монголоидной примеси. Оба автора пришли к заключению, что этот монголоидный компонент накапливается за счет северных таежных проникновений [23].

В конце бронзового века на территорию Притоболья, где ранее локализовались андроноидные черкаскульские и сузгунские племена, приходит новое население, родственное молчановскому. Оно известно там по памятникам типа Гамаюнского и Каменогорского городищ (рис. 2, *1—4*), которые датируются большинством исследователей рубежом бронзового и железного веков [24]. Гамаюно-каменогорскую керамику сближают с молчановской сильно раздутое тулово, небольшое плоское дно, а также характерность в орнаменте мелкоструйчатого и косого крестового штампов. Гамаюнско-каменогорское население, так же как молчановское, селилось обычно на возвышенных местах и укрепляло свои поселения рвом и валом.

Основное отличие гамаюно-каменогорской посуды от молчановской заключается в почти полном отсутствии андроноидных геометрических мотивов в ее орнаментации и в явном преобладании узоров, сопоставимых с орнаментальными элементами на керамике автохтонных культур восточного ареала. В этой связи чрезвычайно важен следующий момент, характеризующий этапы изменения этнокультурной карты рассматриваемой территории в бронзовом веке: в турбинско-сейминскую эпоху культуры с андроноидной геометрической орнаментацией локализовались преимущественно в зауральской (главным образом притобольской) части Западной Сибири. В еловский период андроноидное население распространилось далеко на восток, снивелировав культурные (этнические) различия между Притобольем и юго-восточной частью Западной Сибири (рис. 2, *17—25*). В переходное время от бронзового века к железному андроноидный орнаментальный комплекс сохранился в полной мере лишь в Томско-Нарымском Приобье и в прилегающих районах восточного ареала (молчановская культура; рис. 2, *9—16*); на территории Притоболья — родине андроноидного геометризма — он почти полностью исчез (гамаюно-каменогорская культура, рис. 2, *1—4*).

---

[22] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Тр. ТОКМ, II. Томск, 1929; М. Ф. Косарев. К вопросу о кулайской культуре. КСИА АН СССР, 119, 1970.

[23] В. А. Дремов. Палеоантропологические материалы лесостепного Приобья и вопрос о происхождении уральской расы. V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967; М. С. Акимова. Некоторые вопросы формирования физического типа населения Западной Сибири и Приуралья. V Уральское археологическое совещание. Доклад прочтен 1 марта 1967 г. Тезисы не опубликованы.

[24] Е. М. Берс. Памятники и керамика гамаюнской культуры. Из истории Урала. Свердловск, 1960, табл. I; К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2, стр. 46.

В орнаментации гамаюно-каменогорской посуды по существу нет ничего от предшествующих черкаскульских и федоровских орнаментов. Характеризуя керамический материал Гамаюнского городища, Е. М. Берс особенно подчеркивает, что он не имеет местных генетических корней [25]. Такой же точки зрения придерживается К. В. Сальников. «Каменогорская керамика,— пишет он,— резко отличается от посуды предшествующего времени, что порождает мнение о проникновении в эти районы каких-то новых этнических групп. Это предположение подтвердится лишь в случае установления корней каменогорской культуры где-то на другой территории» [26].

Нам представляется более чем вероятным, что гамаюно-каменогорское население пришло на Урал с востока — из таежных областей Приобья, смежных с районом Нарыма. Возможно, отдельные продвижения из восточного ареала на запад имели место и ранее. Так, отмечено, что на рубеже III и II тысячелетий до н. э. роль гребенчатого орнамента в Зауралье падает и наступает временное возрождение волнистого узора и некоторых других архаичных элементов [27]. Есть, видимо, доля истины и в высказываниях В. А. Софронова, который считает, что носителями турбинско-сеймпнской металлургии на Урале были пришедшие с востока группы населения, родственные самусьцам [28]. Таким образом, к началу железного века произошло как бы перераспределение этнокультурных ареалов: западный (зауральский) подвинулся в восточное Приобье, восточный (самусьско-нарымский) сместился к Уралу.

В понимании сложных этнокультурных процессов, происходивших на территории Западной Сибири, очень интересно Нарымское Приобье. Начиная с эпохи бронзы, какие бы культурные влияния здесь ни имели место — было ли это автохтонное самусьское население или пришлые еловские и андроновские племена,— те культурные элементы, которые они приносили, не исчезали бесследно. Эти элементы и традиции сохранялись здесь на протяжении последующих тысячелетий, что с большей правомерностью, чем на других территориях, позволяет использовать в изучении этого края ретроспективный метод исследования.

Переходя к этнической интерпретации культур бронзового века Западной Сибири, еще раз напомним, что в позднем неолите на этой территории выделились две линии преемственности культурных традиций: зауральская, на одном из этапов которой сложились черкаскульская, сузгунская, еловская и федоровская культуры, и восточная (самусьско-нарымская), одним из звеньев которой явились культуры, представленные Самусьским IV поселением, Ростовкинским могильником и др. Эти две линии почти на протяжении всего III и II тысячелетий до н. э. развивались в общем параллельно, и лишь с финальных этапов бронзового века начинается активное взаимодействие между ними. Более поздние материалы свидетельствуют о все усиливающемся взаимопроникновении, особенно в контактной томско-нарымской зоне, андроноидных (зауральских) и автохтонных (самусьско-нарымских) элементов. Этот процесс, через ряд промежуточных этапов, привел в эпоху раннего железа к сложению здесь своеобразной кулайской культуры, общий колорит которой был в значительной мере предвосхищен некоторыми специфическими особенностями еловской и самусьской культур [29].

Р. А. Ураев высказал обоснованное предположение, что носители ку-

---

[25] Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954, стр. 45.

[26] К. В. Сальников. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала. Из истории Урала. Свердловск, 1960, стр. 13—14.

[27] В. Н. Чернецов. Опыт выделения, стр. 116.

[28] В. А. Софронов. Хронология памятников II тысячелетия до н. э. юга Восточной Европы. Автореф. канд. дис. М., 1970, стр. 9 сл.

[29] М. Ф. Косарев. К вопросу о кулайской культуре.

лайской культуры были предками нынешних нарымских селькупов[30] — самодийцев по языку, в материальной культуре которых явственно прослеживается угорский компонент. Несколько позже В. Н. Чернецов предложил считать древнеселькупской культуру Нарыма I тысячелетия н. э.[31], генетически и хронологически следующую за кулайской культурой. Это мнение было подтверждено последними работами Л. А. Чиндиной, которая, исследуя Релкинский могильник в низовьях Чулыма (VI—VIII вв. н. э.), отметила, что материал этого памятника, имея ряд признаков преемственности с кулайскими комплексами, сопоставим в то же время с этнографическими материалами по культуре и быту современных нарымских селькупов[32]. Л. А. Чиндина обращает внимание на одну интересную черту погребального обряда могильника Релка, заключающуюся в том, что посуда с фигурно-штамповым орнаментом, генетически связанным с андроноидной орнаментацией, «принадлежит в основном женским погребениям». «Возможно,— пишет она далее,— что это было связано с какими-то религиозными обрядами или с особенностями брачных отношений племени, оставившего могильник»[33]. Вполне вероятно, что эта деталь погребального ритуала отражает происходивший в более давние времена процесс смешения автохтонного (самусьско-нарымского) и пришлого андроноидного компонентов. Начало этого процесса в Томско-Нарымском Приобье относится, как мы пытались показать выше, ко времени сложения молчановской культуры.

Учитывая, что нарымские селькупы считаются смешанной угро-самодийской народностью (в этнографической литературе их нередко называют остяко-самоедами), естественно предполагать, что один из древних компонентов их культуры можно связывать с предками нынешних угров, другой — с предками современных самодийских народов. В ранее опубликованных работах нами было высказано предположение, что выделение зауральского культурного массива с гребенчатой керамикой характеризует процесс формирования самодийской этнической ветви[34]. Если рассматривать этот вопрос в ретроспективном плане, то небезынтересен следующий факт. В позднесредневековых комплексах Томской области обычна очень своеобразная керамика, сильно отличающаяся по форме и орнаменту от посуды других одновременных культур Приобья (городище Шеломок близ Томска, Тургайское городище на Чулыме, средневековые поселения в окрестностях пос. Молчаново на Оби и т. д.)[35]. По отдельным элементам узоров (отпечатки плашмя поставленной гребенки, рисованные уточки, усеченный зигзаг с ямочками в углах) и по орнаментальной композиции (сплошное заполнение поверхности сосудов одинаковыми поясами узоров, характерность елочных мотивов, горизонтальное членение орнаментального поля рядами ямок и т. д.) она находит удивительные соответствия в орнаментации еловской (особенно раннееловской) посуды эпохи бронзы. Безотносительно к тому, что привело к расцвету еловских орнаментальных традиций в столь позднее время, эта керамика безусловно характеризует один из позднейших этапов зауральской линии развития и подтверждает предполагаемую нами длительную преемственность многих элементов еловской культуры. Примечательно, что специалисты

---

[30] Р. А. Ураев. Кривошеинский клад. Тр. ТОКМ, V. Томск, 1956.

[31] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1957, стр. 238.

[32] Л. А. Чиндина. Нарымско-Томское Приобье в середине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1970, стр. 6, 22.

[33] Л. А. Чиндина. Керамика могильника Релка. СА, 1970, 1, стр. 251.

[34] М. Ф. Косарев. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья, стр. 13; его же. Некоторые вопросы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам. Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969.

[35] Л. А. Чиндина. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тысячелетии н. э. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, табл. II, *1—6*.

связывают этот средневековый керамический комплекс с самоедскими группами [36].

Отмеченное нами и другими исследователями сходство гребенчатой керамики Зауралья с посудой волго-камского гребенчатого неолита, видимо, свидетельствует о том, что начало самодийского этногенеза следует искать в каменном веке и связывать его с территорией более западной, чем Зауралье. Предположению, что родиной древних самоедов являются области, лежащие к западу от Урала, не противоречат и лингвистические данные. Самоедские языки, как отмечает Д. В. Бубрих, по своей грамматической и фонетической структуре ближе финским языкам, чем угорским [37]. Интересно напомнить, что саамы — автохтонное население севера Европы — обнаруживают в своем языке ряд этимологических соответствий с самодийскими языками. Лингвисты пришли к выводу, что протосаамы сначала говорили на языке, близком современным самодийским, и лишь позднее восприняли язык финно-поволжской группы (Нильсен, Бубрих, Тойвонен, Шебештьен, Аристе, Хайду и др. [38]). Эта точка зрения разделяется сейчас большинством советских лингвистов [39].

Венгерский исследователь П. Хайду считает, что далекие предки угрофиннов и самоедов проживали, судя по названию деревьев, в лесной зоне, на территории, лежащей в районе верховьев Волги, а также в бассейнах Вятки, Камы, Чусовой и Белой. Он полагает, что связь самоедов с финно-уграми прекратилась в IV—III тысячелетиях до н. э. потому, что подавляющая часть самоедов окончательно переселилась в Сибирь [40].

А. П. Дульзон, сопоставляя топонимы Сибири и Восточной Европы, пришел к выводу, что некоторые восточноевропейские гидронимы самодийского происхождения древнее сибирских. На основании этого он заключил, что самоеды пришли в Сибирь с севера Восточной Европы [41]. К такой же точке зрения, основываясь на гораздо большем топонимическом материале, пришла Э. Г. Беккер [42].

Как видно из вышеизложенного, лингвистические материалы, касающиеся происхождения самодийских народов, соответствуют археологическим данным. Видимо, процесс расселения предков современных самоедов прошел несколько этапов. Из них два относятся к глубокой древности: 1 — переход самоедских групп из Восточной Европы в Зауралье (поздний неолит), 2 — распространение их дальше на восток (вторая половина бронзового века). Весьма возможно, что отдельные группы древних самоедов переселились в Сибирь еще в неолите. В этой связи интересны позднеолитические стоянки с гребенчатой керамикой, обнаруженные в окрестностях Красноярска (Усть-Собакино, Базаиха и др.). Происхождение этих комплексов А. П. Окладников связывает с Уралом и считает, что они оставлены древними самоедами [43]. Скорее всего, эти группы прошли на Енисей северным путем, минуя Томско-Нарымское Приобье. Не исключено, что в это время самоедами были освоены и некоторые таежные районы Обь-Енисейского междуречья. Однако области, лежащие к северу от Томско-Нарымского Приобья, совершенно не изучены в археологическом отношении.

---

[36] В. А. Могильников. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1964, стр. 8—9.

[37] Д. В. Бубрих. К вопросу об отношениях между самодийскими и финно-угорскими языками. Изв. АН СССР, отд. литер. и яз., VI, 6, 1948, стр. 511.

[38] Библиографию см. у Л. В. Хомич. Ненцы. М.— Л., 1966, стр. 33—35.

[39] Языки народов СССР, III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, стр. 10.

[40] П. Хайду. К этногенезу венгерского народа. Acta Linguistica, II. Budapest, 1953, стр. 226.

[41] А. П. Дульзон. Дорусское население Западной Сибири. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 363.

[42] Э. А. Беккер. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири. Языки и топонимия Сибири, II. Томск, 1970.

[43] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея. СА, 1957, 1.

Возвращаясь к вопросу об этнической принадлежности еловской культуры, отметим, что отождествление ее носителей с самодийцами подтверждается совпадением отдельных специфических деталей еловского погребального обряда с некоторыми характерными чертами погребального ритуала современных самоедоязычных народов Сибири [44]. Еловско-«самодийская» генетическая преемственность находит отражение и в антропологическом материале: суммарные показатели черепов из Еловского II могильника близки суммарным показателям серии черепов из поздних самодийских погребений Приобья [45].

Если признать правильным отождествление носителей еловской культуры с предками самоедов, то в самусьско-нарымской линии преемственности культурных традиций правомерно видеть процесс выделения населения, принявшего участие в сложении древнеугорской этнической ветви. Ряд характерных черт самусьской культуры, в особенности элементы узоров и приемы орнаментации (волна, псевдоплетенка, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, ряды отступающей гребенки и т. д.), обычны и для поздних культур Приобья, интерпретируемых как угорские [46]. Вообще следует отметить, что автохтонные («самусьские») орнаментальные мотивы, начиная с усть-полуйского времени, становятся более характерными для культур Нижнего Приобья, где В. Н. Чернецов локализует угорский ареал эпохи железа, чем для одновременных томско-нарымских, которые этот же исследователь связывает с древними селькупами.

Характеризуя памятники молчановской культуры, сложившейся севернее устья Томи (рис. 2, *9—16*), мы пришли к выводу, что они возникли на еловской основе под воздействием северных лесных культур, носителями которых было автохтонное томско-нарымское население — потомки древних самусьцев и родственных им племен. Если видеть во взаимодействии этих двух компонентов взаимодействие определенных этнических групп, то следует считать, что молчановская культура сложилась на самодийской основе при участии древнеугорского населения.

Выше мы указывали на значительное сходство молчановских орнаментов с гамаюно-каменогорскими Восточного Зауралья (рис. 2, *1—4*). Это сходство выражается в наличии в орнаментах той и другой культур мелкоструйчатого штампа и других узоров, появившихся здесь одновременно с продвижением на юг и запад элементов самусьской культурной традиции. Однако если в молчановской орнаментации эти элементы занимают сравнительно немного места (преобладающими являются андроноидные мотивы), то в гамаюно-каменогорских орнаментах, наоборот, андроноидный геометризм почти полностью исчезает, уступая место мелкоструйчатому и косому крестовому штампам. Это позволяет предполагать, что в молчановской культуре основным был самодийский компонент, а в гамаюно-каменогорской — угорский. Видимо, с этого времени (переходная эпоха от бронзы к железу, приблизительно IX—VII вв. до н. э.) угорский массив начинает тяготеть в основном к восточным склонам Урала, а самодийские группы сосредоточиваются преимущественно в Обь-Енисейском междуречье.

Освоение уграми накануне железного века Восточного Зауралья привело их в соприкосновение с праноязычным населением Южного Урала и Казахстана. Познакомившись с достижениями степных племен, южные

---

[44] В. А. Посредников. О северной границе андроновской культуры в Приобье. Доклад на заседании Урало-Сибирской группы ИА 1 декабря 1969 г.; В. А. Могильников. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в I и II тысячелетии н. э. Доклад на заседании Урало-Сибирской группы ИА 28 декабря 1970 г.

[45] В. А. Дремов. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным антропологии. СЭ, 1967, 6, стр. 66.

[46] В. И. Мошинская. Керамика усть-полуйской культуры. МИА, 35, 1953, табл. III; В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. II, *8*, *10*, *11*; V, *7*, *8*.

угры могли усвоить многие стороны их образа жизни — скотоводство, отдельные элементы культуры и т. д. Именно этим можно объяснить возможность отрыва от лесного угорского массива отдельных групп населения и перемещение их в Евразийских степях на большие расстояния, вплоть до Дуная.

В Томско-Нарымском Приобье угры, столкнувшись с самоедами, частью смешались с ними (молчановская культура), частью вытеснили на юг (по Оби, Томи, Чулыму), в районы Алтая и Саян, где следы пребывания самоедов зафиксированы по топонимическим данным и где еще М. А. Кастрен застал остатки «самоедских народцев». В последние годы Б. Х. Кадиков нашел поселения еловской культуры в окрестностях Бийска. Многие элементы еловской орнаментации прослеживаются на верхней Оби и в раннежелезном веке (большереченский этап: чередование решетчатых поясов в верхней части сосудов, деление поверхности горшков параллельными рядами ямок, усеченный зигзаг и т. д.) [47]. Результаты структурного анализа, которому были подвергнуты селькупские и южносамодийские гидронимы, позволили Э. Г. Беккер предположить, что южные самодийцы проживали ранее на территории Томской области [48].

Старая традиционная точка зрения о саянском происхождении самодийских народов не подтверждается археологическим материалом. Комплекс археолого-этнографических данных при его ретроспективном рассмотрении позволяет считать наиболее вероятным местом самодийского этногенеза области, прилегающие к Уралу. Появление самоедов на Саянах — лишь один из эпизодов древней истории самодийского населения. В этой связи нельзя не привести очень остроумное замечание Д. В. Бубриха: «То обстоятельство, что Кастрен нашел на Саянах исчезающие самодийские народцы, само по себе ничего не говорит о «прародине» самоедов, как ничего не говорит о «прародине» финно-угров то обстоятельство, что большой финно-угорский народ, венгры, живет на Среднем Дунае» [49].

Древний андроноидный комплекс в современных орнаментах народов Сибири, представленный с наибольшей полнотой у обских угров и народов самодийской группы [50], видимо, проник в таежную среду и вошел в орнаментальное искусство местных племен в эпоху поздней бронзы и раннего железа, в период усилившихся контактов между таежным населением и андроноидным массивом, занимавшим территорию к северу от Казахстана. Носителями этого орнаментального комплекса были племена западного (зауральского) круга, в том числе и население еловской культуры. Если отождествление еловцев и родственных им андроноидных групп с самодийскими группами окажется правильным, то распространение андроноидных черт в изобразительном искусстве народов Сибири следует связывать с самоедами. Это тем более вероятно, что топонимический и этнографический материал свидетельствует о том, что самоеды в течение всего времени существования их как самостоятельной этнической группы более активно, чем другие сибирские народы, контактировали и взаимодействовали с остальным сибирским миром.

Изложенная выше гипотеза является лишь одним из возможных вариантов этнической интерпретации древних западносибирских культур. Если отождествление зауральского (гребенчатого) ареала с самодийцами подтверждается археологическими, лингвистическими и антропологическими данными, то связь автохтонного (самусьско-нарымского) массива с

---

[47] М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби. МИА, 48, 1956, табл. X, XIII, XIV.

[48] Э. Г. Беккер. Селькупские топонимы Западной Сибири. Автореф. канд. дис. Томск, 1965, стр. 16.

[49] Д. В. Бубрих. Ук. соч., стр. 516—517.

[50] С. В. Иванов. Орнаменты. Историко-этнографический атлас Сибири. М.— Л., 1961, табл. 1—7.

уграми не более как догадка, основанная не столько на фактах, сколько на признании тезиса, что в бронзовом веке рассматриваемую часть Приобья населяли предки лишь двух этнических групп — самодийской и угорской. Некоторые исследователи считают, что в Западной Сибири с древнейших времен взаимодействовали не два, а три этнолингвистических массива: самодийский, угорский и кетский [51]. Если это положение окажется справедливым и в отношении эпохи бронзы, то придется признать, что этнические процессы на рассматриваемой территории могли носить гораздо более сложный характер, чем это представлено в настоящей статье.

M. F. Kossarev

CERTAINS PROBLÈMES DE L'HISTOIRE ÉTHNIQUE DE LA SIBÉRIE OCCIDENTALE À L'ÂGE DU BRONZE

Résumé

Au Néolithique tardif, sur le territoire de la Sibèrie occidentale on distingue deux grandes unités éthniques et culturelles: occidentale (d'au-delà de l'Oural) et orientale (de Samous-Narym). Pour l'aire occidentale sont propres des récipients ovoïdaux dont toute la surface est décorée par les empreintes «au peigne». Dans l'aire orientale ce type d'ornementation n'est pas commun. La prédomine toujours une technique archaïque de décoration qui était fréquente, à l'époque antérieure, sur tout le territoire de la Sibérie occidentale.

A partir de cette époque, en Sibérie occidentale on peut révéler distinctement deux lignes héritières des traditions culturelles qui se font percevoir surtout dans les particularités des ensembles ornementaux. Les deux traditions sont signalées jusqu'aux temps modernes. Cela permet d'utiliser une méthode rétrospective pour une interprétation éthnique des cultures anciennes de la Sibérie occidentale.

---

[51] Р. А. Ураев. Кулайская культура Среднего Приобья. Сб. «Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири». Томск, 1959; А. П. Дульзон. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории. Там же.

С. Н. ОРЛОВ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. Х. АЛЕШКОВСКОГО И Л. Е. КРАСНОРЕЧЬЕВА

В четвертом номере «Советской археологии» за 1970 г. опубликована статья М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева «О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории)» [1]. Название статьи, следовательно, связано с изучением топографии Новгорода. Естественно, что всякий исследователь, ставящий вопрос о дальнейшем изучении той или иной проблемы, обязан изучить и объективно оценить все то, что сделано его предшественниками. Авторы статьи как будто проделали эту работу: они упоминают труды основных исследователей, писавших о топографии Новгорода. Но выводы, к которым пришли авторы, заставляют усомниться в том, насколько серьезно они изучили источники. Например, по мнению авторов, все материалы по топографии Новгорода только подтвердили топографию улиц города на планах XVIII в., и «пока,— как они пишут,— судить о формировании новгородской топографии почти невозможно» [2]. Так как данный вывод авторов направлен главным образом против моих исследований по топографии Новгорода [3], то я позволю себе привести здесь выдержки из отзывов о них других авторов. Например, проф. А. В. Арциховский в 1967 г. писал: «Стратиграфическая аргументация автора всегда подробна. Открытые при археологических наблюдениях остатки улиц, укреплений и церквей дали много точек опоры для точного плана города» [4]. Второй оппонент, проф. М. К. Каргер, пишет: «Вопросы исторической топографии древнего Новгорода были поставлены в числе важнейших задач исторической науки очень давно... Однако по широте охвата источников, по глубине их изучения и выводам труд С. Н. Орлова оставил все эти работы далеко позади. Отныне исследователь Новгорода, какой бы стороной новгородской истории или новгородской культуры он ни занимался, не может пройти мимо капитального труда С. Н. Орлова» [5]. Как видим, мнения оппонентов разошлись. Но посмотрим, что же предлагают М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев.

---

[1] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом формирования городской территории). СА, 1970, 4, стр. 53—73.

[2] Там же, стр. 54.

[3] С. Н. Орлов. К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 264—285; его же. К топографии древнего Новгорода, СА, 1961, 4, стр. 212—217; его же. К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода. «Уч. зап. НГПИ», I, 1, Новгород, 1965, стр. 67, рис. 4; его же. Топография Новгорода Великого. Автореф. докт. дис., Л., 1967; его же. К топографии Новгородских городских концов, СА, 1965 и др.

[4] А. В. Арциховский. Отзыв о диссертации С. Н. Орлова «Топография Новгорода Великого», 1967 г. Диссертация хранится в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

[5] См. М. К. Каргер. Отзыв на диссертацию С. Н. Орлова «Топография Новгорода Великого», 1967 г.

Авторы выдвигают тезис, что если в XII в., как доказано исследователями, возникла внешняя оборонительная линия вокруг Новгорода, то, значит, вся территория внутри этой линии должна быть занята площадью города. Они пишут: «...сооружение вала и рва могло произойти только после окончательного формирования посадской территории» [6]. Такое заявление сделано после того, когда по этому вопросу достаточно убедительно писал А. Л. Монгайт [7], когда нашими работами выявлены и составлены планы топографии улиц и исторических объектов Новгорода на разные периоды: X—XII, X—XV и XVI—XVII вв. На этих планах показаны не только древние улицы, заселенная территория, но и пустыри, целые поля, которые были в пределах вала внешней оборонительной линии не только в XII в., но и позднее [8].

Поводом для выступления авторов послужило археологическое раскрытие оснований двух каменных башен в насыпи земляного вала Окольного города на Торговой стороне. Автор раскопок М. Х. Алешковский раскрыл остатки Федоровской башни, напротив древней Федровой улицы, и вторую, напротив Коржевой улицы [9]. Под насыпью вала около внешней стенки Федоровской башни он обнаружил щебень от известняка, который отложился при постройке башни. На этом основании М. Х. Алешковский делает вывод, что башня не врезана в земляной вал в 1391 г. [10], а построена до сооружения вала. Для подтверждения своих выводов М. Х. Алешковский привлекает материал раскопок около каменной стены XIV в. [11] и стены 1335 г. [12] В обоих случаях в основании стен не было валов потому, что древнейшая линия Окольного города здесь шла в прибрежной части по берегу р. Тарасовца, что видно по материалам наших исследований. Нами зафиксированы в трех случаях поперечные разрезы основания линии Окольного города южнее раскопа А. Л. Монгайта и стены 1335 г. вдоль берега р. Тарасовца, в которых четко видны остатки древнейшего вала и его деревянных конструкций [13]. Но авторы статьи не заметили этих материалов.

Что касается выводов М. Х. Алешковского об отсутствии насыпи древнего вала у внешних стен Федоровской башни, то здесь просто допущена ошибка: раскопы были узкие и они не захватили всю ширину котлована, вырытого при строительстве башен. Автор раскопок принял профиль засыпки котлована после постройки башни за профиль вала. В этом он сам мог бы убедиться при внимательном изучении остатков каменной башни на улице Желябова, о чем речь пойдет ниже. Щебень от постройки башни там распространен на расстояние до 4 *м* от внешней ее стенки (такой ширины был котлован), а раскоп у Федоровской башни был расширен от стенки башни только на расстояние около 2,5 *м* и, конечно, не раскрыл ширину котлована полностью [14]. Тот факт, что каменные башни врезались в линию Окольного города в 1391 г., мы наблюдали во многих

---

[6] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 55.

[7] А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого, МИА, 31, 1952, стр. 8—14.

[8] С. Н. Орлов. К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород. К 1100-летию города», стр. 264—285; его же. К топографии древнего Новгорода (стр. 212—217); его же. Топография Новгорода Великого.

[9] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 61. Вторую башню автор относит к Славковой ул., что неверно. См. план улиц X—XV вв. в работе С. Н. Орлов. К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород, 1964, стр. 277, рис. 2.

[10] Имеется в виду сообщение летописи о постройке каменной башни, ПСРЛ, IV, 1915, стр. 98.

[11] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 7—132.

[12] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА СССР, 11, 1949, стр. 119—151.

[13] С. Н. Орлов. К топографии..., 1965, стр. 27 сл.

[14] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 61—63, см. примеч. 49.

пунктах на Торговой и Софийской сторонах. Эти материалы зафиксированы не только в описании, но и на фотографиях и чертежах [15].

Очень вольно авторы относятся и к сообщениям летописей, если эти сведения противоречат их выводам. Например, под 1181 г. в первой новгородской летописи сказано «...загореся в Славне от Коснятина двора, сгореста 2 церкви: святого Михаила и св. Отец, и дворове мнози по гребли и до Ручья». В Синодальном списке той же летописи это сообщение записано иначе: что пожар шел «по берегу оли и до Ручья» [16]. Авторы статьи принимают второй вариант, не вникая в реальную топографию. Правильной может быть только запись в Комиссионном списке, а именно: пожар возник в Коснятином дворе где-то на Славне и дошел до реки, где сгорели церкви Михаила и св. отцов. Последняя стояла не на княжеском дворе, а значительно южнее; между княжеским двором и церковью был, очевидно, пустырь, на котором позднее и возник Арсениев монастырь [17]. Кроме того, к северу от княжеского двора находилась вечевая площадь — Великий торг и Волховский мост. Если бы эти объекты сгорели, то летописец непременно бы упомянул о них. Следовательно, пожар мог распространяться только вдоль вала и рва — «гребли» к северу, до Ручья [18].

Наличие серьезных оборонительных сооружений на линии Окольного города Софийской стороны для XII—XIV вв. авторы также полностью отвергают и признают для этого периода наличие только временных укреплений в виде частокола. Они пишут: «...в XII—XIII вв. постоянной линии обороны, как городской границы, еще не существовало» [19]. Авторам, очевидно, неизвестны семь поперечных разрезов линии Окольного города на Софийской стороне, где зафиксированы полные профили земляного вала, деревянные конструкции и культурные отложения под ними. На разрезах насыпи вала на улицах Ленинградской, Комсомольской, Советской и Льва Толстого четко прослеживалось древнейшее ядро вала и две-три подсыпки к нему [20]. Два профиля разрезов насыпи земляного вала на улице Желябова из наших исследований авторы используют в статье с публикацией чертежей. Я не стал бы возражать против использования описательной части не полностью опубликованного материала, но публикацию чертежей нужно было согласовать со мной, тем более что авторы значительно изменили чертеж профиля северной стенки вала. По нашим данным, на профиле прослеживается не менее трех присыпок. Авторы показали только две [21].

Сообщения летописей о наличии и строительстве внешней оборонительной линии на Софийской стороне авторы рассматривают неверно, как и на Торговой. Например, под 1113 г. есть сообщение о пожаре на Софийской стороне, где сказано, что погорел «город Кромный от Лукин пожар» [22]. Местоположение древней Лукиной улицы нам сейчас известно, она была первой улицей от линии Окольного города. Следовательно, кромный город мог быть только на линии Окольного города [23]. Авторы же категорически заявляют, что «кромом на Руси всегда называли Кремль» [24]. Но как же тогда можно объяснить названия древнерусских городов Кромы в Вятской земле и бывшей Орловской губернии, наличие деревни Кромы около Нов-

---

[15] С. Н. Орлов. Типография Новгорода Великого, стр. 80—81, 158—166.
[16] НПЛ, 1950, стр. 37 и 227.
[17] С. Н. Орлов. К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода, стр. 67, рис. 4.
[18] Там же, стр. 277, рис. 2.
[19] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 58—60.
[20] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 12—16; его же. Топография Новгорода Великого, приложение 24, стр. 206—225.
[21] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 63 сл.
[22] НПЛ.
[23] С. Н. Орлов. К топографии..., стр. 267, рис. 1.
[24] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 58.

города? Кроме того, в Новгородских летописях есть сообщение о наличии Крома и в северной части Неревского конца [25].

Категорическое заявление авторов не соответствует и литературным данным. Вот что пишет В. Даль о Кроме: «...в Пскове был и Кромь, а внутри его Кремль» [26]. В словаре И. И. Срезневского прямо сказано, что слово «Кромьныи» есть прилагательное от слова «кром» в значении «внешний» [27].

Авторы статьи пытаются взять под сомнение ряд сообщений новгородских летописей о строительстве внешней оборонительной линии вокруг Новгорода в XII—XIII вв. [28] Например, под 1169 г. сказано: «...и устроиша острог около города». Под 1224 г. снова читаем: «Новгородцы же скопиша всю волость, и около града острог доспеша». Через 38 лет, в 1262 г., новое сообщение: «...срубиша новгородци город нов, а с литвою мир взяша». Наконец, в 1270 г. сказано: «Новгородцы же поставиша острог около города по обе стороне, а товар въвозиша в город» [29]. Авторы же пытаются доказать, что Новгород Великий не имел постоянных оборонительных сооружений в период своего наивысшего расцвета, в XII и XIV вв., и только в XIV в. появляется каменная стена вокруг детинца [30] и в конце XIV в. возникают якобы земляной вал и линия Окольного города [31]. Подобное утверждение не может быть нами принято. Возникновение линии оборонительных сооружений Окольного города в Новгороде во второй половине XII в. в виде земляного вала рва и соответствующих сооружений, которые защищали жилища всех горожан, должно рассматриваться как прямой результат значительного влияния народных масс на политическую жизнь феодальной республики [32].

S. N. Orlov

A PROPOS DE L'ARTICLE PAR M. KH. ALÉCHKOVSKY ET L. E. KRASNORÉTCHIEV

Résumé

Dans la revue «Sovétskaia arkhéologhiia», 1970, N 4 a été publié l'article intitulé «Sur la datation du rempart et du ravin de la fortification (dite «ostrog») de Novgorod par M. Kh. Aléchkovsky et L. E. Krasnorétchiev. En partant des résultats faussement interprétés des fouilles des bases des deux tours de pierre encastrées dans le rempart de terre en 1391 ainsi que des communications des Chroniques les auteurs affirment que le rempart de terre et le ravin entourant la ville périphérique («Okolny gorod») à Novgorod ne furent édifiés qu'à la fin du XVIe siècle. Cependant il y a des matériaux très convaincants sur l'éxistence des forteresseses importantes autour de Novgorod datant de la seconde moitié du XII e siècle.

---

[25] ПСРЛ, XVI, СПб., 1889, стр. 42.

[26] В. Даль. Толковый словарь живого русского языка, II, М., 1956, стр. 197.

[27] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I, М., 1958, стр. 1327.

[28] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 58 сл.

[29] С. Н. Орлов. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода. «Уч. зап. НГПИ», I, 1, стр. 21.

[30] М. Х. Алешковский. Новгородский детинец 1044—1430 гг. «Архитектурное наследство», 1962, 14, стр. 3—26.

[31] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. Ук. соч., стр. 54—73.

[32] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 12—14; С. Н. Орлов, А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959, стр. 29 сл.

Публикации

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ р. КАТЫНИ В СМОЛЕНСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В мае 1970 г. нами была предпринята поездка в Смоленскую область, в бассейн р. Катыни (ее длина 6—7 *км*) — правый приток Днепра — для осмотра надлуговых террас, окаймляющих пойму этой реки и оз. Куприн-ское, из которого берет начало р. Катынь. В прошлом году здесь нами были найдены отдельные кремни, но собрать полноценных коллекций тогда не удалось из-за посевов. Стало очевидным, что поиски поселений каменного века здесь следует вести весной, до всходов посевов. Кроме того, в мае в долине р. Катынь половодье и четко обрисовывается граница разлива, что очень существенно при поиске древних стоянок, поскольку мы предполагали, что обитатели неолитических поселений, расположенных в пойме Катыни, перебирались в это время на незаливаемые места [1].

В итоге наших разведок были исследованы склоны всех террас (пройдено 15—20 *км*) и в трех пунктах собраны значительные коллекции кремневых орудий и отдельные фрагменты неолитической керамики (рис. 1).

Стоянка Катынь-5

Поселение располагалось на краю надпойменной террасы в 100 *м* к западу от охотничьей базы, находящейся напротив истоков р. Катыни из оз. Куприн-ского. От с. Катынь база отделена расстоянием в 3—3,5 *км*. Стоянка разрушена пашней, но в силу того, что поле оставалось незасеянным, с его поверхности удалось собрать 45 орудий труда и нуклеусов, 11 кусков кремня и отщепов со следами обработки и несколько десятков отщепов и ножевидных пластин. Обнаружен один фрагмент керамики. Площадь, на которой проводились сборы в этом пункте, составляет 100 × × 200 *м*.

Каменные орудия, изготовленные из темного и цветного кремня, типологически подразделяются на несколько групп. Первую из них составляют долота и их заготовки размером от 4,5 до 9,5 *см* (5 экз.). Они имеют квадратный или овальный рабочий край и суживающийся, как правило, обушок. Рабочий край одного из них был заполирован (рис. 2, *12*). Кроме рубящих орудий на стоянке были найдены две небольшие проколки, одна из которых имела четко выраженный рабочий конец, вторая — более овальные очертания (рис. 2, *1*). Наконечники стрел представлены тремя экземплярами. Один из них изготовлен из ножевидной пластины, имеет треугольно-черешковую форму. Со стороны спинки, на конце и у черешка он обработан мелкой ретушью. Со стороны брюшка ретушь имеется только

[1] В. П. Третьяков. Отчеты о полевых работах Смоленского неолитического отряда за 1969—1970 гг. Архивы ИА и ЛОИА в Москве и Ленинграде; его же. Исследование неолитических памятников в верхнем Поднепровье. «АО 1969 года». М., 1970; его же. Древности бассейна р. Катыни и оз. Куприн-ского в Верхнем Поднепровье. «АО 1970 года». М., 1971.

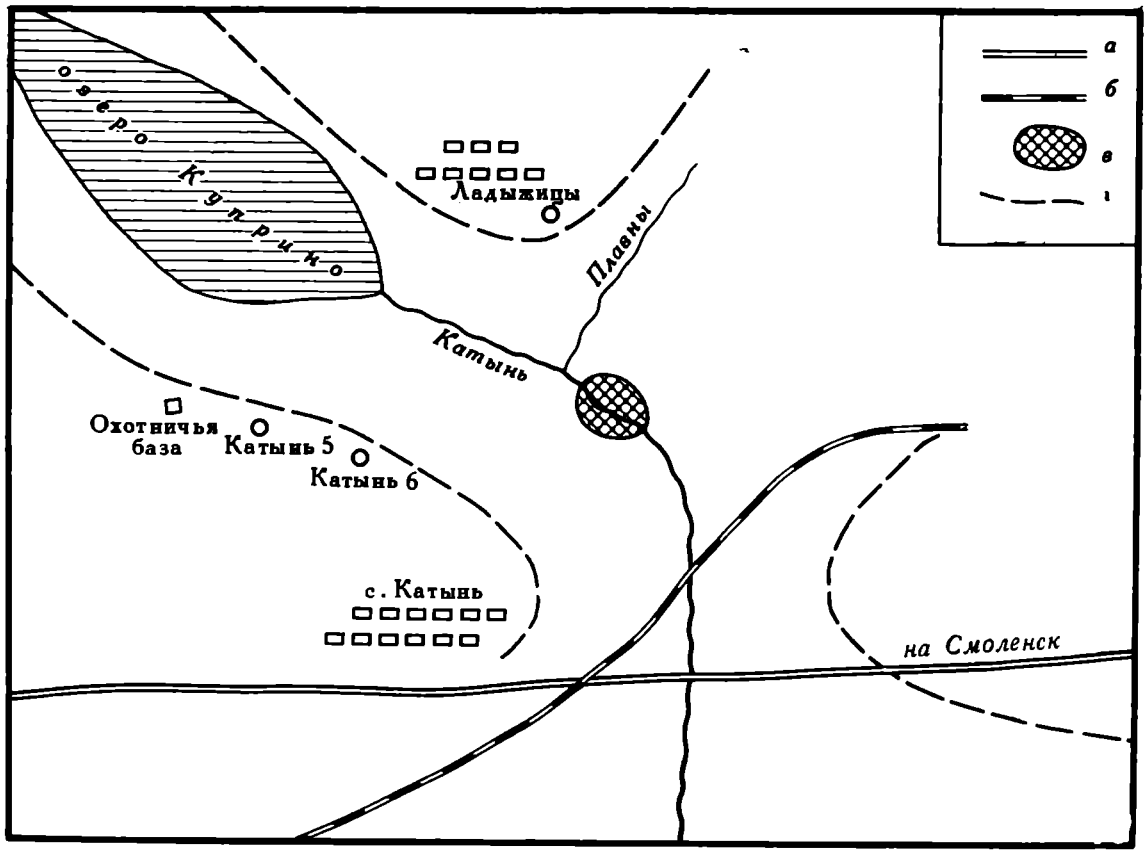


Рис. 1. Расположение поселений Катынь-1, 2, 3, 4, 5, 6 и стоянки у дер. Ладыжицы в бассейне р. Катыни

а — шоссе; *б* — железная дорога; *в* — поселения Катынь-1, 2, 3, 4; *г* — коренные берега

у черешка (рис. 2, *2*). Помимо этого найдены две заготовки листовидных наконечников, обработанные ретушью и мелкими сколами с обеих сторон (рис. 2, *7*).

Одно из обнаруженных на стоянке Катынь-5 кремневых орудий размерами 3 × 2 *см* имеет вогнутый, как у стамески, рабочий край со скошенными углами, обработанный ретушью с обеих сторон. Изделие несколько напоминает piéce écaillée (рис. 2, *3*). Наконец, также в единственном числе, было найдено изделие овальной формы (длина 7, ширина 3,5 *см*) с выемками с боков, выполненными мелкими сколами (рис. 2, *14*). Скорее всего оно служило грузилом для сетей, по аналогии с материалами Прикамья, хотя там грузила изготовлялись из галек. Интересен и обломок резчика (?) с тщательно отретушированным рабочим краем (рис. 2, *4*).

Самую многочисленную группу находок составляют скребки (29 экз.). Они делятся на несколько подгрупп. Первую из них составляют шесть экземпляров размером в среднем 4 × 4 *см*, с округлым рабочим краем (рис. 2, *15*); три скребка (рис. 2, *8*) напоминают только что упомянутые, однако они меньшего размера (2,5 × 2,5 *см*). Следующая подгруппа (5 экз.) представлена концевыми скребками из пластин, причем два из них имеют скошенный рабочий край, что характерно для мезолитического времени [2] (рис. 2, *5*, *9*). Два скребка имеют высокий профиль (рис. 2, *10*), у 10 небольших скребков случайная форма. Интересен один экземпляр с рабочим краем подчетырехугольных очертаний с тщательно обработанным углом,

[2] Л. Я. Крижевская. Новые данные о хронологии позднепалеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ. МИА, 126, 1966, стр. 53 сл.; В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. Там же, стр. 91 сл.; Д. Я. Телегин. Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. Там же, стр. 100 сл.

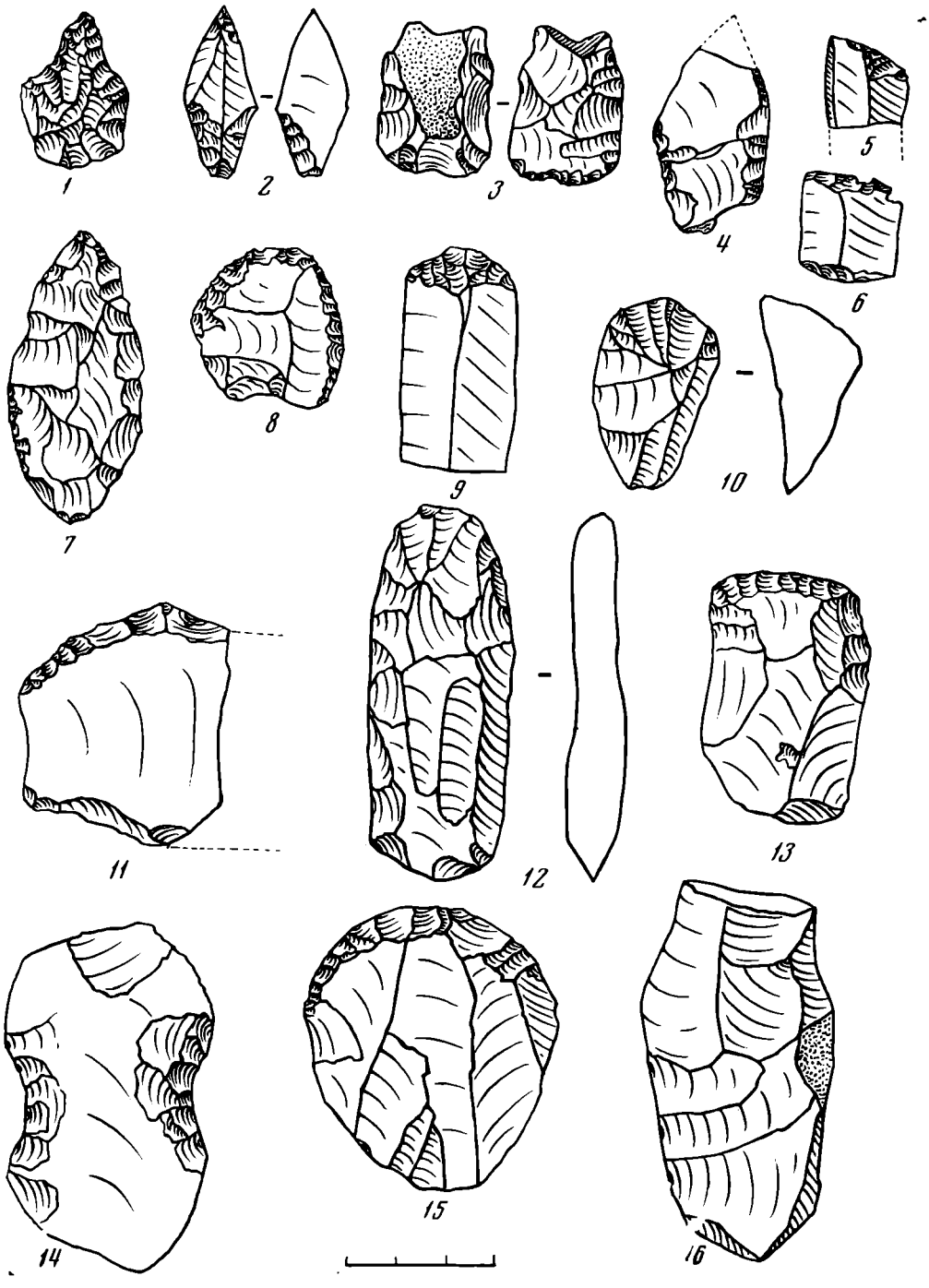


Рис. 2. Кремневые орудия со стоянки Катынь-5

что позволяет видеть в нем комбинированное орудие — скребок-резчик [3] (рис. 2, *13*).

Кроме того, найден обломок овального скребла с широким рабочим краем (рис. 2, *11*) и миниатюрный скребок из ножевидной пластины с одной гранью на спинке и двумя тщательно отретушированными рабочими краями (рис. 2, *6*). Это изделие имеет мезолитический облик [4].

Помимо перечисленных орудий на стоянке Катынь-5 найдено 10 отщепов и кусков кремня со следами обработки (о функциональном назначении их трудно что-либо сказать), а также четыре одноплощадочных нуклеуса, три из которых (один — обломок) имели размеры до 8, а

[3] М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, XXV, 1949.
[4] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья..., стр. 95; Д. Я. Телегин. Мезолит Левобережной Украины..., стр. 102; Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор. МИА, 126, стр. 181.

последний — 3 *см* (рис. 2, *16*). Остальные предметы из кремня представлены всевозможными ножевидными пластинами, отщепами и осколками.

На поселение Катынь-5 найден один фрагмент керамики неолитического облика (рис. 3, *1*). Толщина его стенок 0,8 *см*. Он изготовлен из глины с обильной примесью дресвы, украшен двумя двойными рядами маленьких ямок (Д— 3 *мм*), разделенных короткими оттисками гребенчатого (гладкого?) штампа. Почти полное отсутствие керамики на стоянке Катынь-5 вряд ли можно объяснить ее древним возрастом. Нам кажется, что

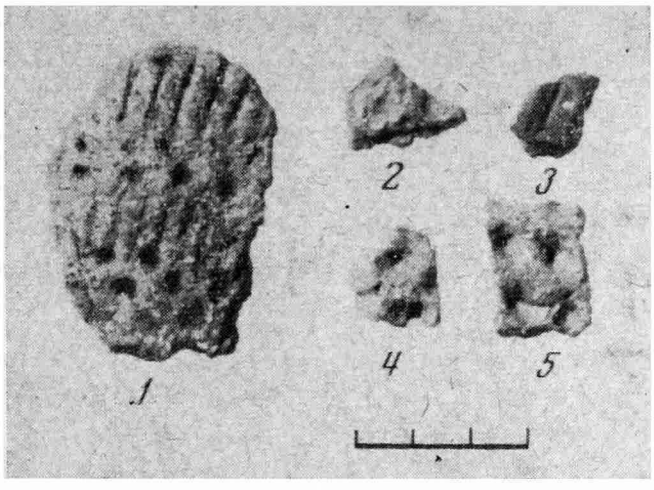


Рис. 3. Керамика с поселений Катынь-5 и 6

обломки неолитических сосудов здесь были уничтожены бесконечными вспашками и дождевыми потоками, которые в десятках мест перерезают пашню. По-видимому, в данном случае наблюдается картина, напоминающая ту, которую можно видеть на неолитических поселениях Валдайской возвышенности, — большое количество кремня и почти полное отсутствие керамики. О неолитическом возрасте поселения свидетельствует и состав орудий из кремня. За исключением трех изделий (одного двухстороннего скребка и двух скребков из ножевидных пластин со скошенным лезвием, которые могут быть сравнимы с мезолитическими), все орудия находят себе близкие аналогии на стоянках Катынь-1,2,3,4. Сходство наблюдается в типах долот, наконечников стрел, нуклеусах, скребках и скреблах, проколках и т. п. Отличием этих коллекций, пожалуй, является лишь отсутствие на поселении Катынь-5 таких орудий, как «ложкари», собранные на стоянках Катынь-1, 2, 3, 4, но и там они представлены зачастую единичными экземплярами и не на каждой из них [5].

Поселение Катынь-6

Поселение Катынь-6 находится в 500 *м* юго-восточнее стоянки Катынь-5 на краю надпойменной террасы. Оно разрушено пашней, в силу чего материал добывался путем сборов с поверхности, площадью 150 × × 200 *м*. Всего было найдено 32 орудия, три нуклеуса, шесть отщепов со следами обработки и несколько десятков пластин и отщепов кремня без ретуши.

Среди орудий одна заготовка кремневого долота размером 5,2 *см* (рис. 4, *14*), пластина с ретушью (рис. 4, *15*), плоский фигурный кремень (?), отретушированный со всех сторон (рис. 4, *11*), три скобеля, причем рабочая часть одного из них представляет собой выемку размером 1,4 × ×0,5 *см* (рис. 4, *5, 10*), что является, по-видимому, мезолитической чертой [6]. Интересно изделие несколько напоминающее наконечник стрелы

[5] В. П. Третьяков. Отчеты о полевых работах...
[6] Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор, стр. 181

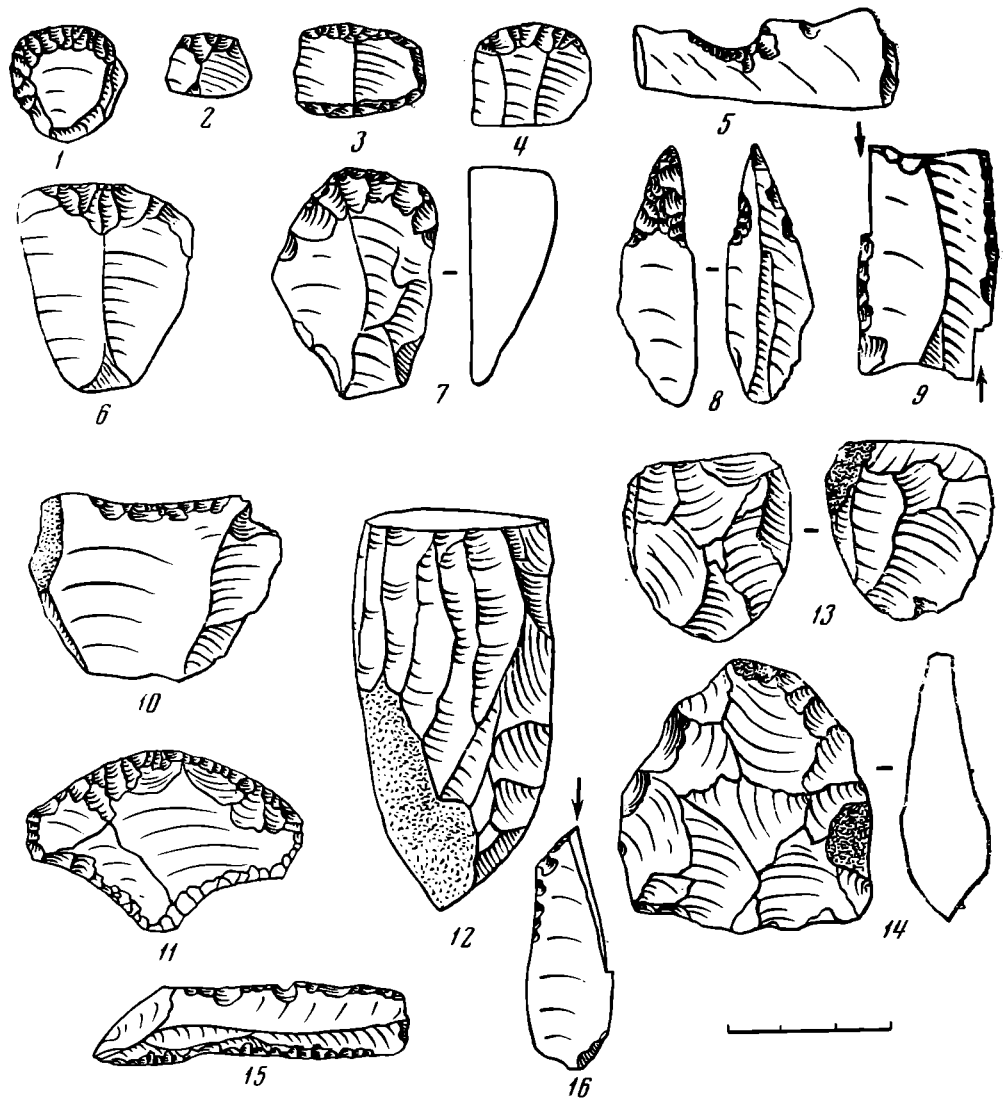


Рис. 4. Кремневые орудия со стоянки Катынь-6

свидерского типа. Оно изготовлено из ножевидной пластины с двумя гранями на спинке и одним отретушированным концом. Однако характерные затертости в том месте, где ретушь только начинается (ближе к средней части изделия), наводит на мысль, что перед нами провертка (рис. 4, *8*). Кроме того, на стоянке Катынь-6 была найдена массивная пластина с двумя резцовыми сколами и ретушью по бокам (рис. 4, *9*) и один боковой резец (рис. 4, *16*).

Самую многочисленную группу находок с данного поселения составляют скребки (23 экз.). Они делятся на пять групп. Первую из них составляют небольшие скребки (размер от 1,7 до 3,8 *см*) с одной гранью на спинке (рис. 4, *6*), изготовленные из ножевидных пластин или узких отщепов (8 экз.). Один из них отретушировал с двух противоположных торцовых сторон (рис. 4, *3*), что придает ему мезолитический облик (см. выше). Вторая группа скребков (7 экз.) отличается от первой тем, что имеет по две грани на спинке (рис. 4, *4*). Кроме того, обнаружен один скребок с высоким профилем (рис. 4, *7*), пять скребков размером не более 2,5 *см* имеют округлые очертания (рис. 4, *1*), и последние два скребка изготовлены из миниатюрных тонких отщепов, они достигают лишь 1,5 *см* в поперечнике (рис. 4, *2*).

Последняя группа кремневых изделий включает три нуклеуса, один из которых (7,3 *см* в длину) одноплощадочный со следами сколов узких

пластин (рис. 4, *12*), а два остальных (3,3 *см* в длину) многоплощадные. С них скалывали небольшие отщепы (рис. 4, *13*).

На поселение Катынь-6 найдено четыре фрагмента неолитической керамики (рис. 3, *2—5*). Они изготовлены из глины с примесью дресвы, имеют толщину 0,7 *см*. Три из них, по-видимому, обломки одного сосуда: они одинакового светло-серого цвета и украшены овальными ямками. Четвертый фрагмент имеет более темную окраску и орнаментирован оттисками гребенчатого штампа.

Остальные находки с поселения Катынь-6 представлены неретушированными ножевидными пластинами (28 экз.) и различными отщепами (40 экз.), а также шестью отщепами со следами ретуши.

Приведенное выше описание материала со стоянки Катынь-6 показывает некоторые отличия последнего от находок с поселения Катынь-5. Здесь не представлены, в частности, скребки-резчики, проколки из отщепов, массивные скребки с округлым рабочим краем, двусторонне обработанные наконечники дротиков, скребла, тесла и т. п. В то же время в коллекции Катынь-6 имеются резцы, миниатюрные скребочки и скребки с одной и двумя продольными гранями на спинке, скобель с глубокой выемкой. Указанные различия позволяют, по-видимому, говорить о разном времени существования данных памятников и отнести поселение Катынь-6 к более древнему периоду. Об этом свидетельствует, в частности, близость его материалов к таким памятникам, как позднемезолитические стоянки у деревень Яндашево[7] и Некрасово[8] в Поволжье и целый ряд стоянок Днепровско-Донского междуречья (Подлужье III, ур. Смячка XIV, ур. Лысая Гора, ур. Гренск, с. Рудня Споницкая, ур. Лобанова Пасека и др.)[9]. Для этих памятников характерны резцы, небольшие скребки с гранями на спинке, миниатюрные скребочки, отретушированные с двух сторон, скобели с глубокой выемкой, т. е. те предметы, которые отличают коллекцию Катынь-6 от находок со стоянки Катынь-5. Тем не менее будет, по-видимому, рискованно отнести поселение Катынь-6 к мезолиту. Подавляющая часть орудий труда здесь сделана не из пластин, а из отщепов (70%), что является скорее признаком неолита, чем более ранних периодов. Среди находок присутствует фигурный кремень, а типично мезолитические формы (резцы, скребок с двойным рабочим краем) не составляют серий. Остальные изделия (скребки, проколка, долото, пластины с ретушью) встречаются как в мезолитических, так и в неолитических комплексах. Не следует забывать при этом и о нескольких фрагментах типично неолитической керамики. Все это дает основание отнести поселение Катынь-6 к эпохе неолита, но датировать его более ранним временем, чем стоянку Катынь-5. Возможно, она относится к начальной фазе неолита в Смоленском Поднепровье.

Подтверждением этому служат факты находок на территории Европейской части СССР целого ряда памятников, относимых исследователями к раннему неолиту и которые в своих материалах содержат и неолитические, и типологически мезолитические изделия. Среди них стоянки Устья Оскола 2 (нижний горизонт), Бондариха 2, Никольская Слободка, Народичи IV, где наряду с неолитическими формами были обнаружены единичные резцы, трапеции и скребки со скошенным краем[10]; неолитическое поселение Кия-Арасы в Крыму с найденными при его раскопках

---

[7] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка. СА, 1968, 2, стр. 126—135.

[8] П. Н. Третьяков. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. МИА, 110, 1963, стр. 9—24.

[9] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья..., стр. 91 сл.

[10] Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, 79, 1960, стр. 185; его же. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 35.

трапециями и сегментами[11]; стоянки Золоторучье[12] и Сущево[13] в Поволжье, при исследовании которых выявлены вместе с керамикой и типично неолитическими изделиями наконечники стрел, напоминающие свидерские, концевые скребки мезолитического облика и т. п. Кроме того, в данной связи можно вспомнить о ранненеолитических поселениях Среднего Поволжья — Кабы-Копрынской и II Щербетьской стоянках, в материалах которых также представлены изделия и неолитического (керамика, массивные скребла, резчики, скребки-резчики и т. п.) и мезолитического (карандашевидные нуклеусы, резцы, наконечники стрел из ножевидных пластин) облика[14].

Поселение у дер. Ладыжицы

Третья стоянка, обнаруженная нами весной 1970 г. в районе оз. Купринского и р. Катыни, расположена у дер. Ладыжицы, на краю надпойменной террасы, напротив охотничьей базы с противоположной стороны озера. Так же как и поселения Катынь-5 и 6, эта стоянка разрушена пашней, в силу чего материал был получен путем сборов с поверхности на площади 80 × 100 *м*. Всего было собрано 47 кремневых орудий (включая пять нуклеусов) и три краевых скола. Кроме того, в коллекции содержится большое количество кусков кремня, отщепов, всевозможных пластин и их обломков. Кремень темный, покрыт легкой патиной; часть орудий изготовлена из цветного валунного кремня. Керамика отсутствует.

Как и на подавляющем числе памятников каменного века в лесной полосе Европейской части СССР, большую часть орудий труда на стоянке у дер. Ладыжицы составляют скребки (30 экз.). Шесть из них имеют случайную форму или представлены невыразительными обломками. Среди остальных изделия (рис. 5, *22*) с подчетырехугольным рабочим краем (скребки-резчики — 2 экз.), небольшие скребки (рис. 5, *23*) с высоким профилем (4 экз.). Восемь скребков имеют округлые очертания. Их размеры варьируют от 2 до 4 *см* в диаметре (рис. 5, *20*). Четыре скребка изготовлены из плоских отщепов размером 3—4 *см* с одной или двумя гранями на спинке (рис. 5, *24*); интересен и скребок с двумя рабочими краями (5, *21*).

Все скребки перечисленных выше форм, а также три скобеля с вогнутой рабочей частью, присутствующие в коллекции стоянки у дер. Ладыжицы (рис. 5, *25*), обычны для неолитических поселений и памятников более ранних эпох лесной полосы Европейской части СССР. Такие изделия, в частности, были найдены на стоянках Катынь-5 и 6 (см. выше). Их можно видеть и на более ранних памятниках, примером чему служит упоминавшаяся выше Яндашевская стоянка[15], поселения в ур. «Поле Красный Бор», у поселков Хуркачевка, Коммунар[16] и некоторые другие мезолитические стоянки.

Несколько иной облик имеет остальной материал с поселения у дер. Ладыжицы, материал, не характерный для неолитических стоянок. Здесь найдено пять миниатюрных кремневых концевых скребков с гранями на спинке (рис. 5, *4, 18*), аналогичных подобным же орудиям с целого ряда мезолитических поселений Днепровско-Донского междуречья (в ур. Лы-

---

[11] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР. М., 1959, стр. 88.

[12] Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 3—19.

[13] В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, 2, стр. 188—191.

[14] А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 57.

[15] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка, стр. 133.

[16] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья..., стр. 93.

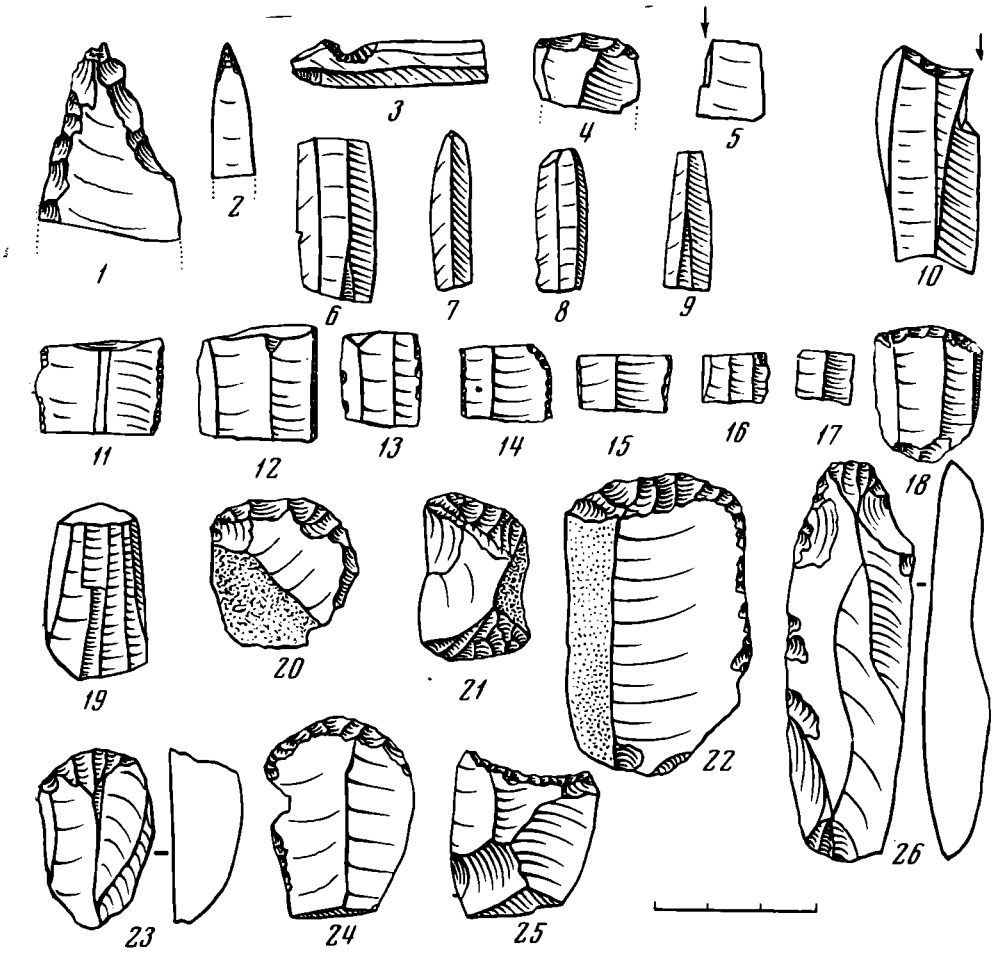


Рис. 5. Кремневые орудия со стоянки у дер. Ладыжицы

сая Гора, у пос. Гурье и др.) [17], Яндашевской стоянки [18], Елина Бора [19], Борков [20] и мн. др. О мезолитическом времени свидетельствуют и находки пяти боковых резцов (рис. 5, *5, 10*) из кремневых пластин, аналогичных резцам Яндашевской стоянки [21], поселения Борки [22], Елин Бор [23], в ур. Гренск, Смячка XIV, у дер. Подлужье [24] и др. Мезолитический облик имеет и пластина с боковой выемкой (рис. 5, *3*), аналогии которой можно найти, например, в коллекции кремневых орудий со стоянки Елин Бор [25].

Близки мезолитическим и два острия, одно из которых (рис. 5, *1*) изготовлено из массивного отщепа и близко напоминает таковое из Яндашевской стоянки [26]. Второе острие изготовлено из узкой ножевидной пластинки и имеет тщательно обработанную рабочую часть (рис. 5, *2*). Подобные изделия найдены в мезолитических памятниках Литвы (стоянки Паштува, Скаруляй) [27], Волго-Окского междуречья (Елин Бор) [28] и в других районах.

---

[17] Там же, стр. 91.

[18] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка, стр. 130.

[19] Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор, стр. 182.

[20] М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки (по исследованиям В. В. Докучаева). МИА, 2, 1941, стр. 153.

[21] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка, стр. 132.

[22] М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки, стр. 154.

[23] Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор, стр. 180—182.

[24] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья..., стр. 91.

[25] Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор, стр. 181.

[26] П. П. Ефименко, П. Н. Третьков. Яндашевская стоянка, стр. 133.

[27] Р. К. Яблонските-Римантене. Периодизация мезолитических стоянок Литвы. МИА, 126, стр. 80, 85.

[28] Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор, стр. 180.

Типично мезолитической чертой представляется и присутствие на поселении у дер. Ладыжицы нескольких десятков ножевидных пластин и их обломков. Размеры пластин различны — от 4 × 1 до 2 × 0,5 *см*. Не исключено, что обломки пластин могли служить вкладышами: многие из них имеют ретушь по краю (рис. 5, *6—9, 11—17*). Находки этих типов характерны для многих мезолитических памятников Среднего Поволжья (нижний слой Русско-Луговской II стоянки) [29], Днепровско-Донского междуречья (Погоново, Новля и др.) [30], Волго-Окского междуречья (Елин Бор, Соболево, Борки, Гремячее, Бутово и др.) [31].

Еще одним видом находок со стоянки у дер. Ладыжицы, на которых мы хотели бы остановиться, являются пять нуклеусов со следами сколов пластин, шириной не превышающих 0,5 *см* (рис. 5, *19*), и небольшое долотце из валунного кремня размером 7,5 × 2,3 *см* (рис. 5, *26*). Эти виды изделий также характерны для эпохи мезолита, свидетельством чему являются памятники Волго-Окского междуречья (Соболево, Лукино, Пищалкино, Елин Бор, Гремячее, Коприно и др.) [32], Среднего Поволжья (Березовая Грива, нижний слой II Русско-Луговской стоянки, Яндашево, Старый Куйбышев) [33].

Кроме перечисленных видов находок у дер. Ладыжицы обнаружены обломки отщепов с ретушью (5 экз.), не дающие представления о форме орудия, а также большое количество осколков кремня и отщепов.

Нетрудно заметить, что основной материал поселения у дер. Ладыжицы имеет отчетливо выраженный мезолитический облик, чем он и отличается от описанных выше стоянок Катынь-5 и 6. Отличия проявляются и в типах нуклеусов, и в форме проколок, и в некоторых видах скребков, и в наличии в коллекции серии резцов, а также большого числа (около 50) ножевидных пластин и их обломков, служивших, как можно полагать, вкладышами. Все эти орудия, равно как и пластины с боковой выемкой, характерны для мезолитических памятников и несвойственны (за редким исключением) эпохе неолита. Те же орудия (скобели, скребки-резчики, скребки с высокой спинкой), аналогии которым можно отыскать на неолитических, в частности катынских, стоянках, с нашей точки зрения, не определяют облик поселения у дер. Ладыжицы, дополнительным доказательством чему является и отсутствие здесь керамики.

Таким образом, с определенной долей вероятности можно полагать, что описанные выше памятники — поселения Катынь-5 и 6 и стоянка у дер. Ладыжицы — разновременны, причем если первый из них (Катынь-5) относится к эпохе развитого неолита, то второй (Катынь-6) значительно древнее и датируется ранним неолитом, а третий (у дер. Ладыжицы) следует относить к еще более раннему времени и поместить где-то в пределах мезолитического периода.

Изучение материалов описанных выше памятников позволяет проследить и преемственность в развитии каменной индустрии в данном микрорайоне. Действительно, коллекции стоянок Катынь-6 и у дер. Ладыжицы сближают такие формы, как скобели, скребки (концевые, округлые, с высоким профилем, с двумя рабочими краями, из отщепов с одной гранью на спинке), резцы, пластины с выемкой.

Материалы поселений Катынь-5 и 6 включают сходные нуклеусы и скребки — концевые, округлые, с двумя рабочими гранями, с высоким профилем. Есть общие черты и в коллекциях поселений Катынь-5 и у дер. Ладыжицы. Здесь обращают на себя внимание формы долот и неко-

---

[29] А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья. МИА, 126, стр. 188.

[30] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья..., стр. 95.

[31] Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор, стр. 181.

[32] Там же, стр. 180, 181.

[33] А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья, стр. 188.

торых типов скребков — с подчетырехугольным рабочим краем, концевых, округлых, с высоким профилем, с двумя рабочими краями.

Все это дает право с известной осторожностью (учитывая, что наши выводы основаны на подъемном материале) предполагать наличие единой линии развития каменной индустрии на данной территории Смоленского Поднепровья от мезолита до развитого неолита без каких-либо инокультурных инфильтраций.

V. A. Trétiakov

LES GISEMENTS DE L'ÂGE DE LA PIERRE DÉCOUVERTS DANS LE BASSIN DE LA RIVIÈRE DE KATYN' (LA PARTIE DE RÉGION DE SMOLENSK SITUÉE DANS LE COURS DU DNIÉPER)

Résumé

L'article fait état des matériaux ramassés sur trois gisements datant de l'âge de la pierre découverts sur la berge surélevée de la rivière de Katyn'. C'étaient des sites non fortifiés situés sur les parties de la terre que la rivière ne noyait pas pendant des crues. Les deux premiers gisements (le Katyn'-5 et le Katyn'-6) sont représentés par quelques dizaines d'outils en pierre d'un aspect néolythique et par des fragments isolés de la céramique «au peigne» et de celle «de fossets». Il est à noter que parmi les matériaux récoltés sur le second site il y a outre des objets néolithiques, ceux propres au Mésolithique (burins, lames à encoche, raclettes). L'auteur est d'avis que cela donne lieu à rapprocher dans le temps ce site aux monuments des debuts du Néolithique de type de Lialovo, Kaby-Kopry et d'autres sites.

Le troisième gisement situé à proximité du village Ladyjitsy est représenté par l'ensemble d'outils mésolithiques (burins, racloirs, grattoirs, lames à encoches, grand nombre de lames et de leurs débris qui servaient, paraît-il, de garnitures). Ainsi l'auteur suppose que tous ces trois gisements ne sont pas synchrones et sont à rattacher, respectivement, au Mésolithique, au Néolithique initial et au Néolithique développé.

А. Р. МАГОМЕДОВ

БАМУТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бамутское поселение относится к кобанской культуре. Известно, что бытовые памятники этой культуры изучены значительно хуже, чем погребальные. На это справедливо обращается внимание в специальной литературе [1].

По сути дела до последнего времени были исследованы всего три поселения кобанской культуры. Это Алхастинское поселение в Ингушетии [2], Сержень-Юртовское в Чечне [3] и Змейское в Северной Осетии [4].

В настоящее время изучен еще один бытовой памятник, относящийся к кобанской культуре. Речь идет о поселении, находящемся на окраине хутора Веселый у с. Бамут Ачхой Мартановского района ЧИ АССР.

Материалы этого памятника до сих пор не опубликованы, за исключением обнаруженных на нем глиняных штампов — пинтадер [5]. О раскопках Бамутского поселения и некоторых найденных там предметах упоминается лишь в хроникальной заметке [6].

Целью настоящей статьи является описание данного памятника и краткая публикация представленных в нем археологических материалов.

Известно, что в результате работ Северо-Кавказской археологической экспедиции в 1957—1967 гг. у с. Бамут открыт и исследован ряд археологических объектов.

Наибольшей известностью среди них пользуется почти полностью исследованный в настоящее время Бамутский курганный могильник эпохи бронзы, содержавший около 300 погребений, относящихся к майкопской, северокавказской и катакомбной, а также к сарматской культурам [7].

---

[1] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

[2] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, XVII, 1948, стр. 7—49.

[3] Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА АН СССР, 88, 1962; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древнее поселение у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, 94, 1963; В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА АН СССР, 103, 1965; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения. КСИА АН СССР, 106, 1966; В. И. Козенкова. Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта. КСИА АН СССР, 108, 1966; ее же. Исследование памятников раннего железного века у с. Сержень-Юрт. КСИА АН СССР, 112, 1967.

[4] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение — памятник кобанской культуры. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, т. 1.

[5] Е. И. Крупнов. Новые «пинтадеры» из Чечено-Ингушетии. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 105—110.

[6] Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова. Северо-Кавказская экспедиция. АО — 1966, М., 1967, стр. 60—62; АО — 1967, М., 1968, стр. 67.

[7] Р. М. Мунчаев, В. И. Сирианиди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. КСИА АН СССР, 106, 1966; их же. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 89, 1964.

К числу важных работ экспедиции относятся также раскопки Бамутского поселения, проведенные в 1966—1967 гг.

Бамутское поселение расположено на левом высоком берегу р. Фортанги, у северо-восточного края хут. Веселый, который в настоящее время почти полностью слился с с. Бамут. Это маленькое поселение, восточная часть его разрушена рекой. Поселение располагалось на ровной площадке, ограниченной с севера оврагом, а с юга пологим спуском. Площадь сохранившейся части поселения составляет 100 *м* (С — Ю) × × 50 *м* (З—В).

Поверхность поселения, активно задернованная, в прошлом не раз перепахивалась. Древние культурные остатки, выявленные на поверхности поселения, крайне редки и в основном представлены керамикой.

Почти в центральной части поселения, немного ближе к береговому срезу, в 1966 г. был заложен раскоп площадью 132 $м^2$, который в 1967 г. был расширен в северном и западном направлениях. Площадь раскопанной части поселения составляет около 500 $м^2$. Мощность культурного слоя Бамутского поселения невелика — от 30 до 70 *см* (в южной части 30 *см*, в северной 70 *см*).

При исследовании Бамутского поселения на глубине 0,3—0,6 *м* было обнаружено значительное количество камней. Группы камней, образующие различные по длине и направлению ряды, несомненно представляют остатки жилых и хозяйственных сооружений. Следует отметить, что эти ряды всегда одинарны и нигде не перекрываются вторым рядом.

Так, например, в раскопе I можно выделить предположительно три предполагаемых помещения (рис. 1, *1*).

Первое предполагаемое помещение имеет в плане почти прямоугольную форму и ориентировано по оси ЮВ—СЗ. С точки зрения установления значения отмеченных рядов камней важно то обстоятельство, что рядом с ними в нескольких случаях были зафиксированы куски глиняной обожженной обмазки со следами плетенки от стен жилищ. Отмечены также угольки.

В ЮЗ углу раскопа на глубине 0,40—0,65 *м* наблюдалось беспорядочное скопление речных булыжников. Между булыжниками и частично на них расчищено скопление кусков глиняной обожженной обмазки различной толщины — от 1—2 до 8—9 *см*. Рядом прослежено пятно обожженной земли с угольками. Размер пятна 70 × 50 *см*, глубина прокаленной земли 0,15 *м*. Большинство камней лежало плашмя. К пятну примыкали остатки стен в виде рядов, имеющие значительные размеры: длина (С—Ю) 9 *м*, ширина (З—В) 5 *м*. По-видимому, это второе помещение.

И наконец, третье помещение располагалось в южном углу, на глубине 0,20—0,40 *м*. Среди беспорядочно разбросанных камней можно проследить ряд камней, ориентированных ЮЗЗ—ССВ. Длина этой стены 3,50 *м*. Рядом с ней находилась аккуратно сложенная, овальная в плане кладка — ряд плашмя положенных камней составляют овальное кольцо (1,15 *м* — ЗВ; 0,80 — СЮ), заполненная мелкой галькой. К ней на этом уровне примыкает кладка из небольших булыжников полукруглой формы. Если наше предположение о том, что описанные выше ряды камней являются остатками существовавших стен, правильно, то овальную в плане площадку можно считать фундаментом для центрального опорного столба.

Следует отметить, что рядом со вторым предполагаемым помещением расчищена яма, в плане неправильной прямоугольной формы с округлыми углами. Ориентирована по оси ЮЮЗ—ССВ. Размеры: длина 1,0 *м*, ширина 0,45—0,50 *м*, глубина 0,55 *м*, ниже материка. Яма была заполнена рыхлым гумусированным суглинком. В заполнении ее найдены обломки сосудов и кости животных. Назначение ямы неясно.

В раскопе II (рис. 1, *2*) выявлены скопления камней в виде овальных или овально-округлых площадок, выложенных по краю одинарным или

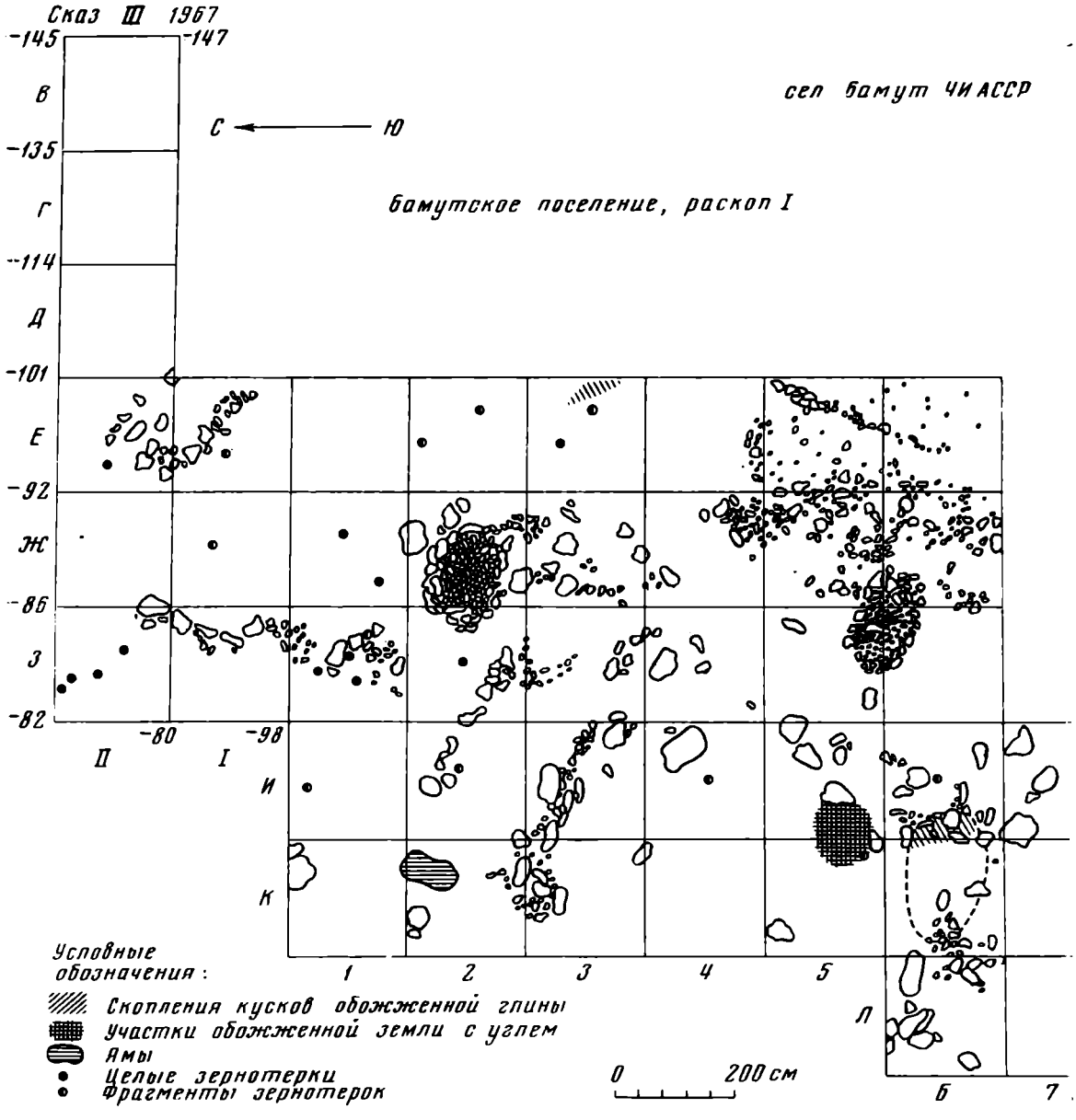


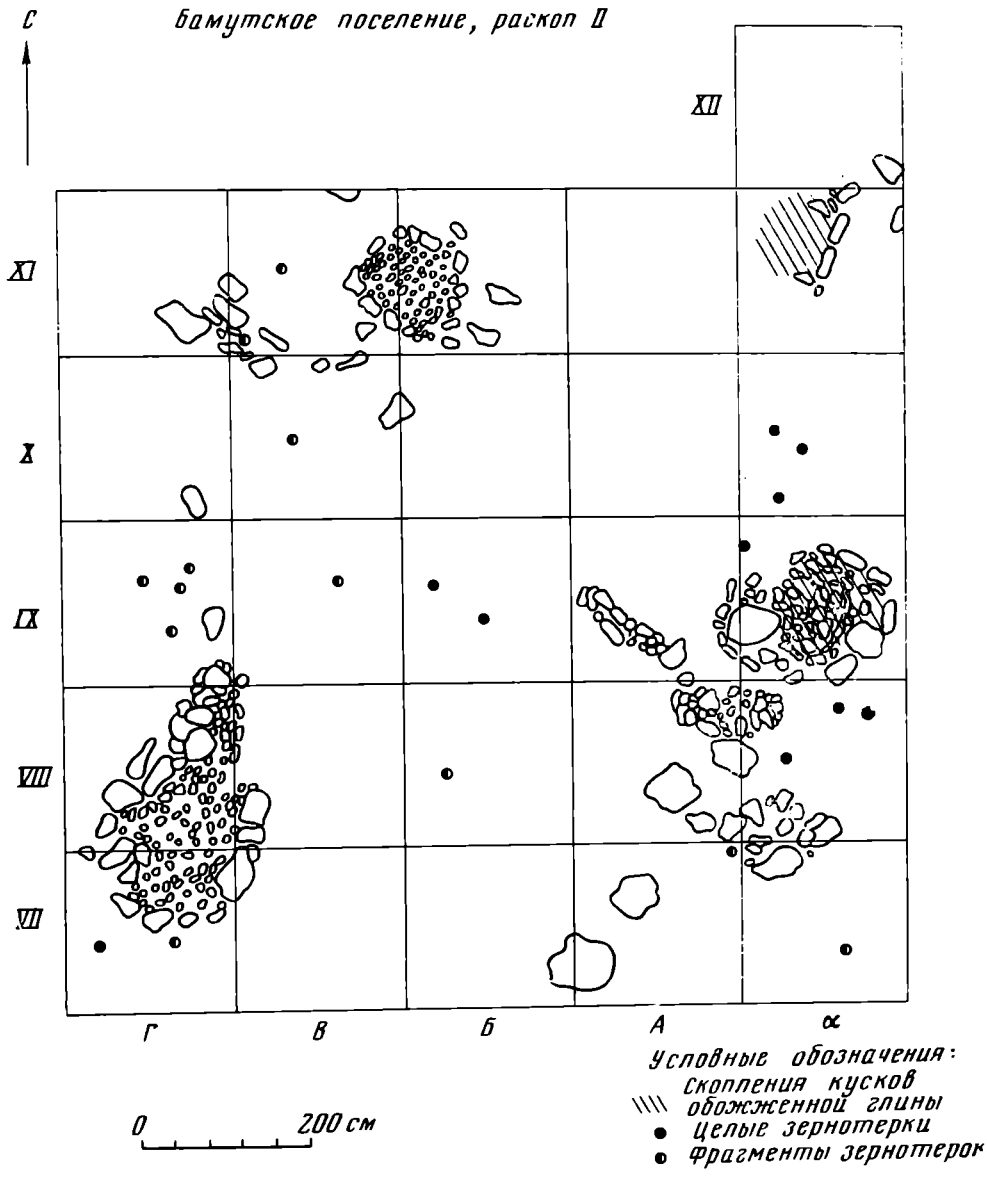
Рис. 1. Остатки жилых и

двойным рядом булыжников, заполненных мелкой галькой, щебнем и рядом камней, положенных вертикально или плашмя. Они находились на одном и том же уровне, что и остатки каменных сооружений в раскопе I.

Какую-либо четкую планировку выявить не удавалось. Так, в южном углу на глубине 0,30—0,50 *м* расчищена кладка, в плане округло-прямоугольной формы. Размеры: длина (СЗЗ—ЮЮВ) 1,75, ширина 1,40 *м* (от внешнего края). Размеры внутреннего прямоугольника 1,0 × 1,0 *м*. К югу и западу от этой кладки на глубине 0,20—0,30 *м* расчищены остатки других каменных кладок, состоящих из булыжника и гальки. У них такое же направление СЗЗ—ЮЮВ. Это каменное сооружение построено после накопления на данных участках культурного слоя примерно 10—20 *см*.

В северном углу раскопа на глубине 0,50—0,70 *м* выявлены остатки каменной кладки, заполненной внутри галькой, сверх которой лежит слой глиняной обожженной обмазки.

На одном участке на глубине 0,40—0,50 *м* расчищены остатки каменного сооружения округлой в плане формы, по краям плашмя лежат крупные булыжники, заполненные мелкими камнями. От него отходит каменная стена (ССВ) шириной 0,80 *м* и толщиной 0,30 *м*. Размеры каменного



хозяйственных сооружений

круга по внешнему краю 1,95 *м*. Длина всего каменного сооружения (С—Ю) 3 *м*.

В 4,5 *м* к ССВ от северного края этого сооружения, на глубине 0,45 *м* — каменный круг (диаметр 1,35 *м*, внешний край сложен из положенных плашмя булыжников, внутри заполнен галькой). Рядом, в 2,0 *м* к западу от последнего сооружения на глубине 0,45—0,50 *м* ряд камней (длина ЮВ—СЗ 1,10 *м*), между которыми лежат три обломка зернотерки.

Описанные ряды камней являются своего рода фундаментом для стен из более легкого материала, по-видимому из жердей, обмазанных глиной. Куски глиняной обожженной обмазки от стен жилищ встречаются здесь постоянно. Можно предположить, что каменные округло-овальные площадки представляют собой основания для столбов. На поселении выявлены остатки очага и ямы, назначение последней неясно. Повсеместно при раскопках поселения выявлена глиняная обожженная обмазка с отпечатками прутьев.

Таким образом, рассмотренный материал, несмотря на фрагментарность, дает некоторые представления о характере жилых и хозяйственных сооружений Бамутского поселения.

Жилища имели в плане, по всей вероятности, прямоугольную форму. Это легкие постройки так называемого турлучного типа. Стены были «сплетены» из жердей и обмазаны глиной. Они покоились на каменных основаниях.

Планировку поселка, точные размеры жилищ и их особенности выявить не удалось.

Аналогичные материалы по планировке жилищ кобанской культуры дает Змейское и Сержень-Юртовское поселения. На Алхастинском поселении эти остатки жилых и хозяйственных сооружений выявлены менее ярко, здесь в небольшом количестве найдена глиняная обожженная обмазка, свидетельствующая о наличии легких построек турлучного типа [8].

Значительный интерес представляет Сержень-Юртовское поселение. На отдельных участках поселения выявлены остатки жилых и хозяйственных сооружений, сложенных из булыжников различных размеров. Найдены в большом количестве куски глиняной обожженной обмазки от стен жилищ, а также развалы камней оснований стен, ямки для опорных столбов [9].

Исследование Сержень-Юртовского поселения подтвердили, что основной формой жилищ были турлучные дома [10].

Таким образом, анализ нескольких поселений кобанской культуры, раскопанных в Чечено-Ингушетии, показывает, что им свойственны многие общие черты: месторасположение, их естественная укрепленность, одинаковые в общем и формы жилой архитектуры.

Перейдем теперь к описанию и характеристике обнаруженного в Бамутском поселении археологического материала. Последний разнообразен. Но наибольшую часть в нем составляет керамика, главным образом представленная обломками различной по форме и назначению посуды. Вся она ручной лепки и в основном темно-серого цвета.

Посуда Бамутского поселения может быть условно разделена на две группы: кухонную и столовую. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

Кухонная посуда представлена корчагами и горшками. Удалось реставрировать три сосуда. Они имеют общие характерные черты: грушевидную форму, высокую, почти цилиндрическую горловину, раздутое тулово и непропорционально узкое дно относительно больших размеров (высота 52 *см*, диаметр тулова 50 *см*, диаметр по краю горловины 23 *см*, диаметр дна 10 *см*). Сосуды этого типа темно-серого цвета, залощены местами до блеска. Внутренняя поверхность сероватая, заглажена. Черепок в изломе темно-серый, имеет сероватую прослойку. Глина содержит примеси шамота. Обжиг ровный.

Сосуды типа корчаг украшены орнаментом в виде трех пар симметрично расположенных по тулову сосуда сосцов (рис. 2, *1—3*). Отметим, что совершенно аналогичные сосуды представлены и на Змейском поселении [11].

На Бамутском поселении больше всего горшков баночной формы. Удалось реставрировать один сосуд. Этот сосуд имеет относительно большие размеры: высота 37 *см*, диаметр тулова 37 *см*, диаметр горловины 27 *см*, диаметр дна 9 *см*. Сосуд имеет широкое устье, слегка расширяется к тулову и резко сужается к непропорционально узкому днищу. Сосуд темно-серого цвета, заглажен. Внутренняя поверхность сероватая. Черепок в изломе серый. Глина содержит примеси шамота. Обжиг ровный

---

[8] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев, стр. 22.

[9] В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 67; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения. КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 83; В. И. Козенкова. Исследование памятников железного века у сел. Сержень-Юрт. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 83.

[10] В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г., стр. 69.

[11] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 438, табл. XVI, *1, 3*.

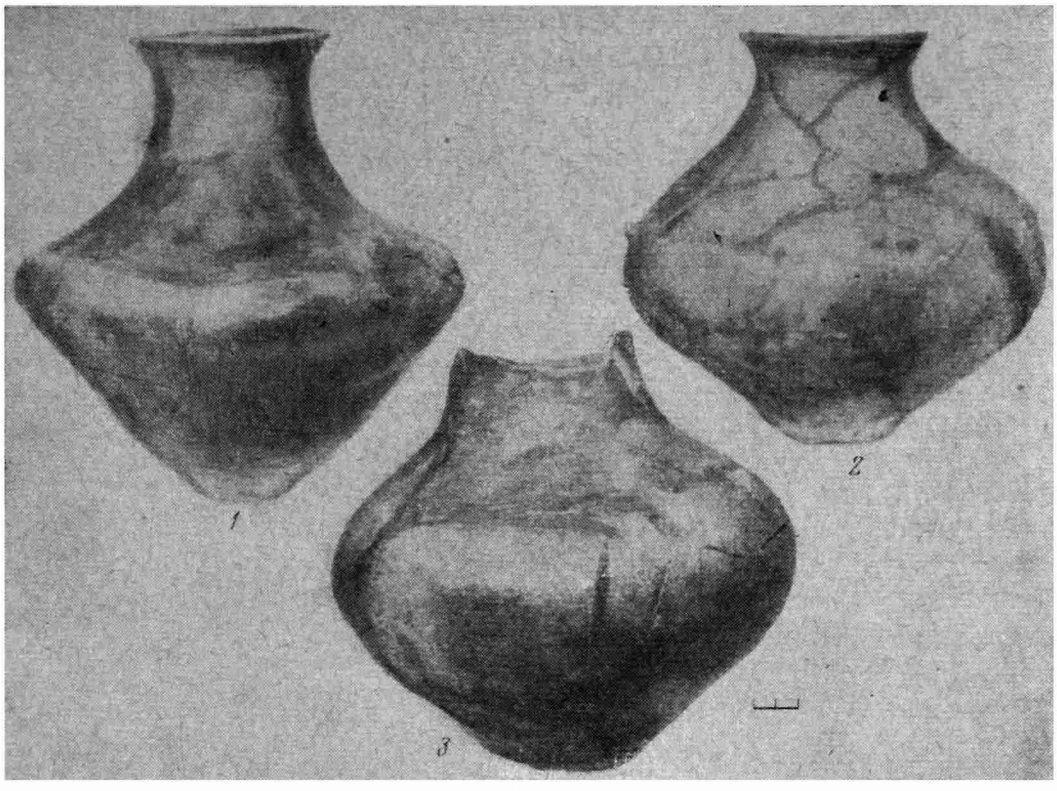


Рис. 2. Глиняные сосуды из Бамутского поселения

(рис. 3, *1*). Этот тип можно считать основным в керамике Бамутского поселения (рис. 4, *9—12*).

К столовой посуде можно отнести миски, небольшие и разнообразные горшочки и кружки с ручкой.

Миски вылеплены от руки, в основном серого цвета, глина содержит примеси шамота. Все миски почти одинакового размера (высота 8 *см*, диаметр устья 24 *см*, диаметр дна 11 *см*). Миска имеет вогнутую закраину. Внутренняя поверхность заглажена. Обжиг ровный. Одна миска с ручкой. Помимо целых мисок на поселении выявлены фрагменты венчиков мисок. Миски не орнаментированы (рис. 3, *3*, *5*, *6*).

Аналогичные миски — одна из наиболее характерных форм керамики кобанской культуры. Они встречены во многих памятниках этой культуры, в частности в бассейне р. Большой Лиахвы [12], Сержень-Юртовском [13], а также в Несторовском [14] и Луговом [15] и других могильниках.

Кружка с ручкой темно-серого цвета залощена. Черепок в изломе темно-серый. Кружка имеет широкое горло и слабовыраженную шейку. Ручка слегка выступает над краем сосуда. Обжиг ровный (рис. 3, *2*). Аналогичная кружка с ручкой выявлена в могильнике Верхняя Рутха [16] и Луговом [17].

Маленький кувшинчик с широким раздутым туловом, непропорционально узким днищем. Сосуд темно-серого цвета, залощен до блеска, изготовлен из хорошо отмученного теста, с примесью шамота. Орнамент

---

[12] Б. В. Техов. К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении реки Большой Лиахвы. Тбилиси, 1963, стр. 84.

[13] В. И. Козенкова. Кобинская культура на территории Чечено-Ингушии. Канд. дисс. Архив МИА АН СССР. № 2035, табл. XXXII, стр. 79.

[14] Е. И. Крупнов. Археологические памятники..., стр. 27, рис. 23, *8*.

[15] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1969, стр. 174, рис. 21, *7*.

[16] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 467, табл. XLV.

[17] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 190, рис. 31, *12*.

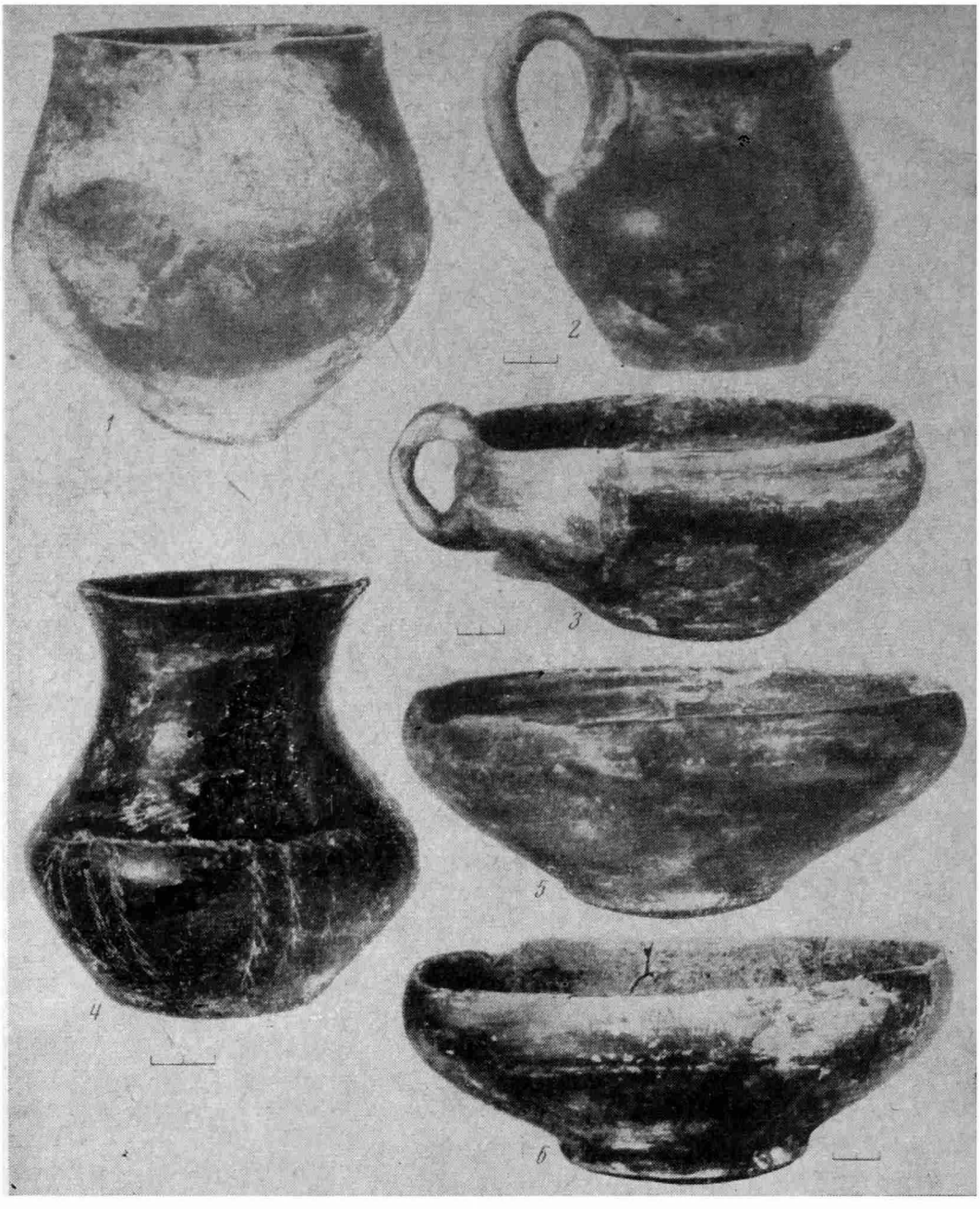


Рис. 3. Глиняные сосуды из Бамутского поселения

резной, расположен на тулове и спускается к днищу. Обжиг ровный (рис. 3, *4*).

Аналогичный сосуд с нарезным орнаментом выявлен на Змейском поселении [18].

Маленький горшочек темно-серого цвета. Местами залощен. Размеры: высота 7 *см*, диаметр тулона 7 *см*, диаметр горловины 6 *см*. Сохранился обломок ручки. Обжиг ровный.

Все орнаментальные элементы бамутской керамики можно разделить по способу нанесения на две группы: налепную и нарезную. В свою очередь налепной орнамент подразделяется на следующие разновидности: налепной валик с защипом, с пальцевым вдавлением, волнистым налепом (рис. 4, *9—12*).

---

[18] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение — памятник кобанской культуры, стр. 21, рис. 4, *1*.

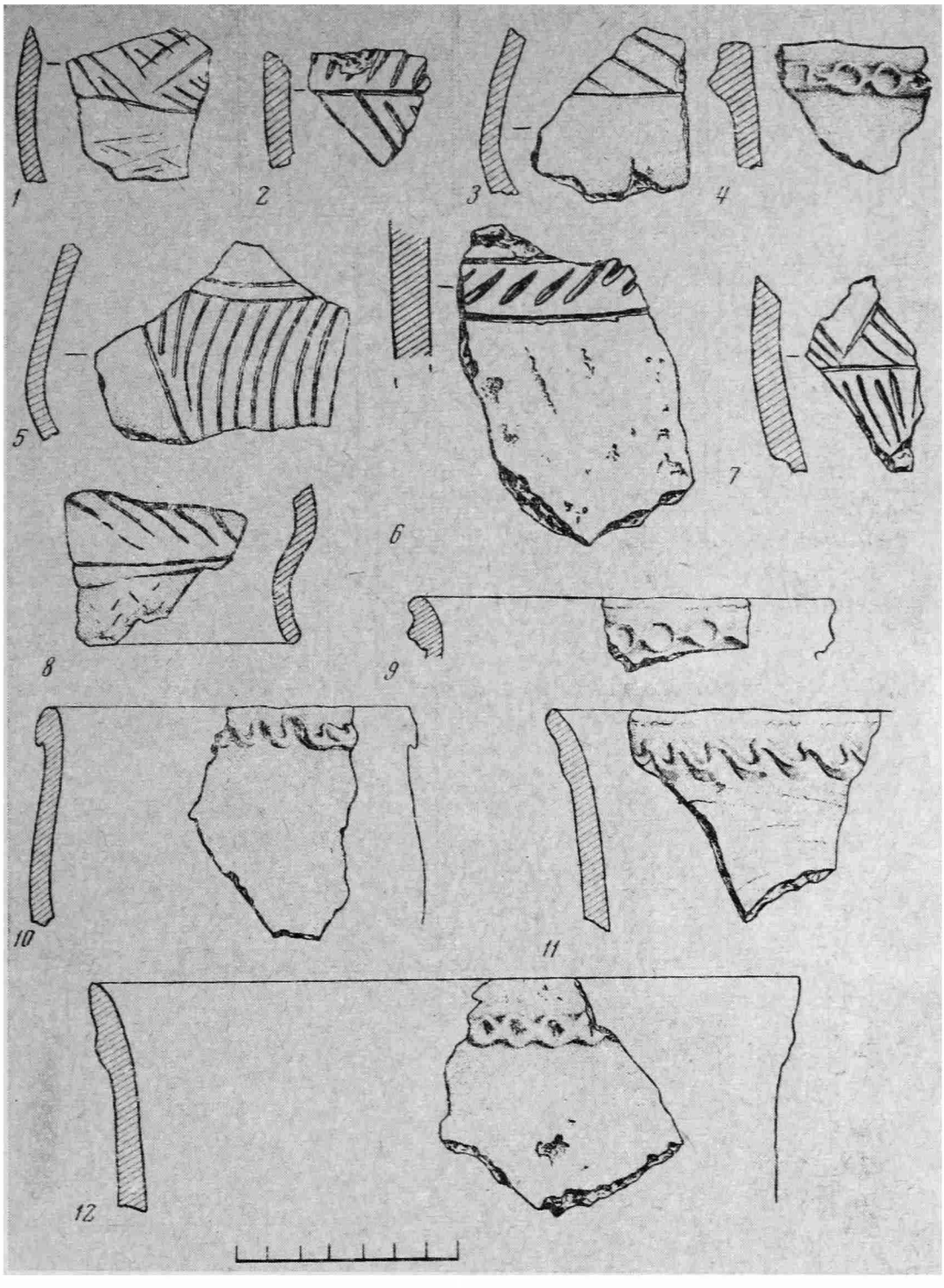


Рис. 4. Фрагменты орнаментированной керамики Бамутского поселения

Нарезной орнамент включает в себя самые разнообразные комбинации из двух простейших элементов — линии и точки. Этот орнамент наиболее разнообразен и богат разновидностями: точка, ряд точек, «елочка», зигзаг, шеврон (рис. 4, *1—8*).

Таковы основные формы и орнаментальные элементы керамики Бамутского поселения. Большие сосуды, как правило, не орнаментированы. Горшки же сделаны из хорошо отмученной глины, неплохо обожжены, залощены, украшены нарезным орнаментом.

Сравнительный анализ показывает, что керамика по технологическим особенностям, форме, характеру орнаментальных элементов весьма близка посуде, встреченной в основных памятниках кобанской культуры,

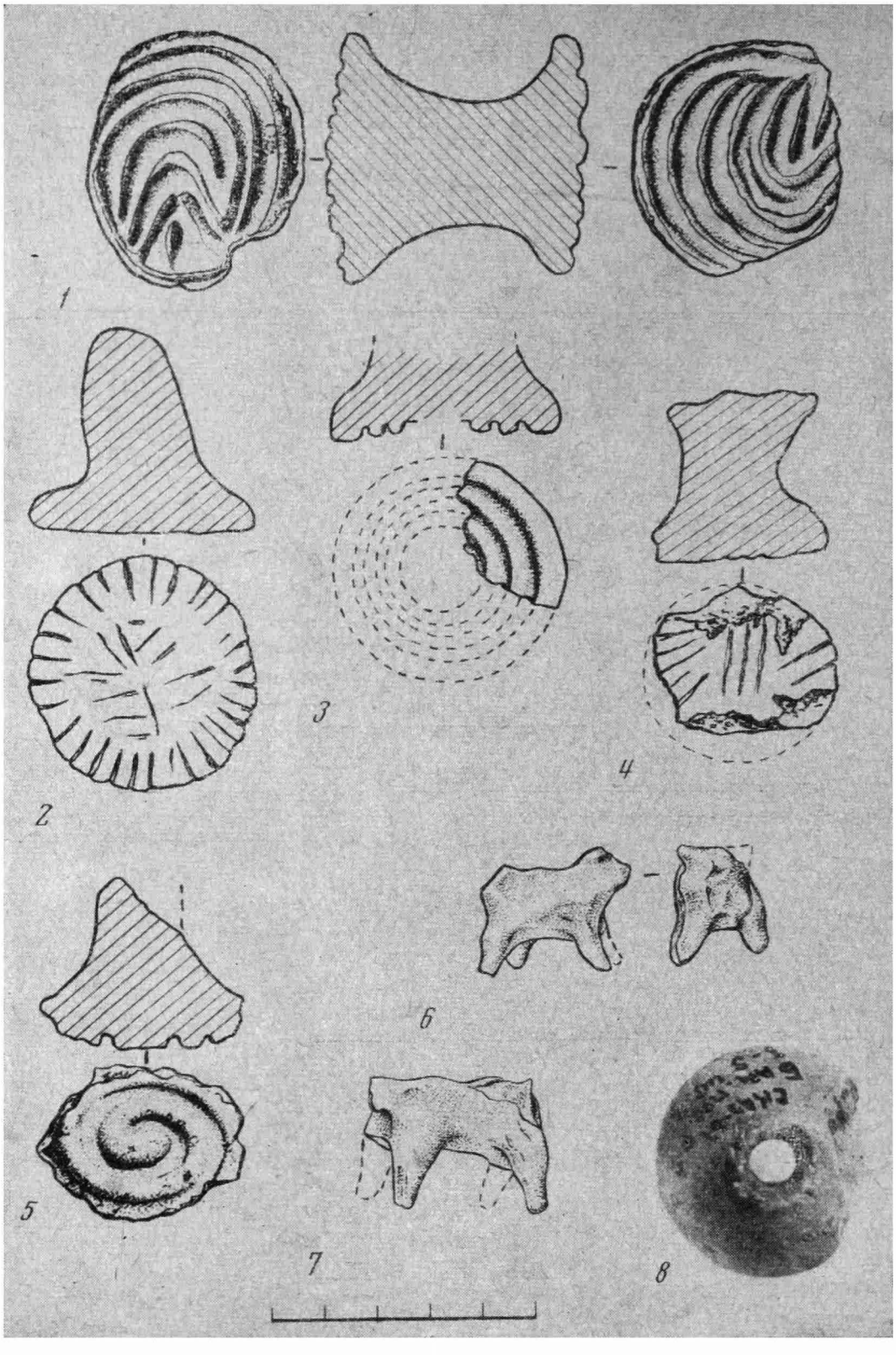


Рис. 5. Бамутское поселение. Глиняные поделки.

1—5 — штампы-пинтадеры, *6—7* — фигурки животных, *8* — пряслице

в частности описанные выше корчаги, найденные в Сержень-Юрте, Алхасте. Что же касается мисок, то они встречены во всех памятниках кобанской культуры.

Характерный для кобанской культуры нарезной орнамент встречается здесь вместе с менее характерным налепным орнаментом. Последний характерен для посуды памятников восточного варианта кобанской культуры.

Таким образом, керамический материал Бамутского поселения несомненно относится к кругу памятников кобанской культуры.

Кроме посуды на Бамутском поселении обнаружены и другие керамические изделия, в частности пряслица, фигурки животных и пинтадеры (рис. 5), составляющие самостоятельную группу.

Найдены два пряслица усеченно-конической формы. Размеры: длина 4,5 *см*, высота 3 *см* (рис. 5, *8*).

Интересную категорию глиняных предметов с Бамутского поселения представляют зооморфные глиняные фигурки. Всего на поселении найдено четыре статуэтки. Все они небольших размеров (3—5 *см*). Наиболее хорошо сохранилась статуэтка свиньи (рис. 5, *6*). Совершенно отчетливо видны характерные особенности этого животного: «пятачок», массивная коническая голова, составляющая прямое продолжение туловища, и почти полное отсутствие шеи.

Несколько хуже сохранилась статуэтка, по-видимому, изображавшая особь крупного рогатого скота. Несмотря на то, что ее конечности утрачены, статуэтка сохранила характерные признаки крупного рогатого скота — отходящая от туловища несколько вверх массивная шея лишь незначительно уступает туловищу по толщине (рис. 5, *7*).

Остальные две статуэтки животных сохранились посредственно. У обеих отсутствуют головы, у одной не хватает правых конечностей. Обе статуэтки сильно выщербленные. Однако по общему облику обе эти статуэтки значительно более динамичны, чем статуэтки свиньи и быка, их не вполне вертикальные, несколько расставленные конечности, слегка изогнутые спицы и, наконец, сохранившиеся остатки шей, заставляющие предполагать вскинутые головы, делают наиболее вероятным предположение, что обе статуэтки изображают собак в агрессивной позе.

Следует отметить, что статуэтки домашних животных принадлежат к видам оседлого скотоводства. Это хорошо согласуется с ярко выраженным оседлым характером скотоводства обитателей Бамутского поселения, подтвержденным и остеологическим материалом и всеми бытовыми особенностями поселения. Конечно, не исключена возможность, что данные статуэтки являлись детскими игрушками. Однако мы более склонны считать их культовыми. Любопытно, что они совершенно аналогичны статуэткам из Сержень-Юрта [19], которые характеризуются исследователями как культовые.

Не менее интересную группу керамических изделий составляют глиняные штампы-пинтадеры [20] (рис. 5, *1—5*). Последние можно условно разделить на две группы. Одну из них составляют штампы с линейно-геометрическими крестообразными и свастическими узорами. К этой группе относятся три пинтадеры, из них две сохранились частично.

Пинтадера с обломанной рукояткой. Размеры: высота 3 *см*, диаметр штампа 4 *см*. В центре рельефная спираль оканчивается налепом с глубоким отверстием, а наружная ее часть замкнута, т. е. представляет собой кольцо, она в свою очередь рассечена радиальными насечками.

К другой группе относятся глиняные штампы с концентрическими и спиралевидными солярными знаками. На одной из них узоры расположены на двух торцах. Размеры ее: высота 4 *см*, диаметр штампа 4,3 *см*. На одном торце изображены расходящиеся радиально короткие врезные линии. Другая сторона — рабочая часть — украшена рядом вписанных концентрических дуг, общий центр их сильно сдвинут к краю поля и отмечен короткой и глубокой насечкой.

О назначении этих «загадочных предметов» писалось не раз. По-видимому, правы авторы, которые считают, что пинтадеры использовались

---

[19] В. И. Козенкова. Исследование памятников раннего железного века, стр. 87, рис. 28, 7.

[20] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 157.

для нанесения магических знаков — символов солнца, света, огня — на хлеба, печенья, слитки воска, которые следовало бы предохранить от враждебных сил и использовать для каких-либо религиозно-магических обрядов[21]. Такое предположение подтверждается этнографическими параллелями: для орнаментации ритуальных или праздничных хлебцов или печений пользовались подобными штампами — деревянными и костяными в Хевсуретии, глиняными и каменными в Азербайджане[22] и деревянными, называемыми Кулчебасан — в южном Дагестане и Азербайджане[23]. Штампы-пентадеры в закавказских памятниках идентичны. Для вас важно, что аналогичные керамические изделия встречены в таких памятниках кобанской культуры, как в Алхастинском, Сержень-Юртовском и Змейском поселениях[24].

Керамические изделия неоднократно были обнаружены на Кавказе при раскопках памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа.

На Бамутском поселении обнаружены многочисленные изделия из камня, рога, кости и бронзы.

Из каменных изделий прежде всего следует отметить зернотерки и песты. Они встречаются на поселении в значительном количестве (более 50 фрагментов и целых зернотерок).

Материалом для изготовления зернотерок служил мелкозернистый песчаник темно-серого цвета. Все сохранившиеся зернотерки и их фрагменты относятся к типу ладьевидных. Каждая из них представляет собой несколько уплощенную плиту длиной 0,4—0,5, шириной — 0,2—0,25 *м*, более или менее вытянутой овальной формы. Каменные зернотерки встречены во всех аналогичных памятниках кобанской культуры.

Песты встречаются двух видов: валикообразные и в виде так называемого куранта галиатского типа[25].

Валикообразные по форме приближаются к цилиндру или слегка закруглены (рис. 6, *17*, *18*). Длина песта 10—12 *см*, наибольшая ширина 5—6 *см*.

Пест-курант галиатского типа имеет цилиндрическую форму (заметно сглаженную) с отходящей от нее по продольной оси цилиндрической ручкой меньшего диаметра (рис. 6, *16*). Этот пест не мог быть использован для размола, а мог применяться для измельчения и дробления. Размеры: диаметр в широкой части 10 *см*, диаметр ручки 6 *см*. Общая часть сохранившейся части песта 16 *см*.

Аналогичные песты выявлены на Алхастинском[26], Змейском[27] и Сержень-Юртовском[28] поселениях. Е. И. Крупнов датирует песты галиатского типа началом I тысячелетия до н. э.[29]

Каменные грузила, изготовлены из песчаника-ракушечника и имеют

---

[21] В. Б. Виноградов. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», стр. 216.

[22] И. Г. Нариманов. Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане, СА, 4, 1960, стр. 164, рис. 4.

[23] И. Г. Нариманов. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казаха (Азербайджанская ССР). КСИА АН СССР, 70, 1957.

[24] В. И. Козенкова. Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушетия), стр. 87, рис. 28, *7*; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение — памятник кобанской культуры, стр. 25; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г., КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 79; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 142, рис. 2, 8, 9; стр. 157, рис. 12, *14—16*; стр. 191, рис. 31, *10—11*; стр. 197, рис. 33, *14—19*.

[25] Термин принадлежит Е. И. Крупнову, см. «Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи», стр. 18.

[26] Е. И. Крупнов. Археологические памятники..., стр. 22, рис. 16.

[27] Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 492, табл. XXIV, *8*; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 32, рис. 9, 12.

[28] Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, 3, стр. 186, рис. 6.

[29] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев, стр. 22.

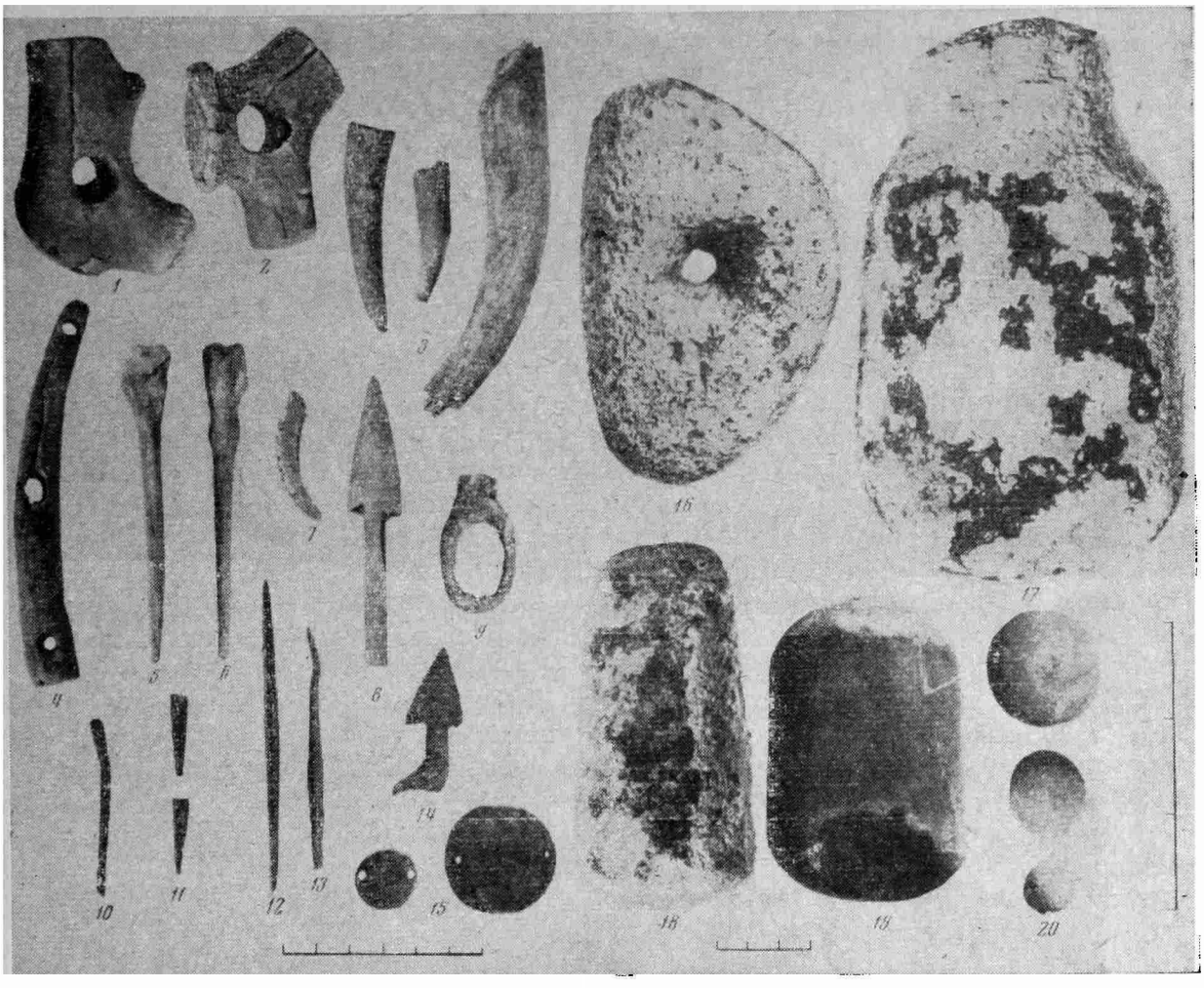


Рис. 6. Роговые, костяные, каменные и металлические изделия из Бамутского поселения

неправильно-овальную форму (большой диаметр 13,5—20 *см*, меньший диаметр 12,5—17 *см*) с дробленым и сверленым отверстием посредине. Такие же каменные грузила известны на Змейском поселении [30] (рис. 6, *15*).

Шаровидные каменные ядрица для пращей (рис. 6, *19*). Они относительно правильной формы, диаметры их 12, 9, 5 *см* и почти ничем не отличаются от подобных предметов, найденных на Алхастинском [31] и Сержень-Юртовском [32] поселениях.

Из кремневых изделий с ретушью встречена только одна пластинка длиной 4 и шириной 1,2 *см* по краям.

Значительную часть находок на Бамутском поселении составляют изделия из кости. Это проколки, подвески различных форм, наконечники стрел, сверленый астрагал, псалий и остатки неопределенных форм.

Костяные проколки представляют собой слегка изогнутые костяные стержни длиной до 11,5 *см*. Один конец проколки заострен и, как правило, отполирован в результате длительного употребления (рис. 6, *5*, *6*).

Костяные проколки с Бамутского поселения относятся к довольно распространенному типу. Они обнаружены во многих позднебронзовых

[30] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 34.

[31] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев..., стр. 12.

[32] В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г., стр. 71.

памятниках Северного Кавказа, в частности на Алхастинском[33], Змейском[34], Сержень-Юртовском[35] поселениях.

Наконечник представляет собой короткую костяную пластину в виде вытянутого равнобедренного треугольника (длина 2, высота 4,7 *см*) с отходящим от основания треугольника черешком шириной 0,7 *см*. Общая длина изделия 9,4 *см* (рис. 6, *8*).

Костяные наконечники имеют близкие аналоги с найденными на Сержень-Юртовском[36] и Змейском[37] поселениях, а также в Зандакском могильнике[38].

В этих же и других памятниках найдены и сверленые астрагалы, как и в Бамуте[39].

Чрезвычайно редкой и ценной находкой на Бамутском поселении является костяной псалий. Он слегка изогнут и имеет в сечении подчетырехугольную форму. У концов и посередине на равном расстоянии три отверстия (рис. 6, *4*). Один край псалия шире другого. Длина псалия 12,5 *см*, ширина от 1,6 до 2 *см*, диаметр отверстий 0,5—0,7 *см*.

Описанный трехдырчатый псалий полностью аналогичен костяному псалию с Дагбашского могильника[40], а также псалию со Змейского поселения[41]. Е. И. Крупнов считает этот тип псалиев наиболее древним, знаменующим собой первые попытки использования лошади для верховой езды[42].

Кроме того, обнаружено две подвески. Одна из них представляет собой овальное костяное кольцо с отходящим от одного из концов четырехгранным выступом неправильной формы. Изделие определено как подвеска предположительно (рис. 6, *9*).

Другое изделие сделано из кабаньего клыка. Вся выпуклая сторона клыка покрыта частыми поперечными нарезками на расстоянии 2—4 *мм* друг от друга. Длина 4 *см*, наибольшая толщина 0,7 *см* (рис. 6, *7*). Аналогичные подвески из кабаньего клыка встречены на Змейском поселении[43].

К изделиям из рога можно отнести обработанные концы и неопределенные предметы, так называемые «муфты» (рис. 6, *1, 2*).

Концы рогов представляют собой обломки длиной в одном случае 17 *см*, в другом 7,5 *см*, которые обточены и заглажены по поверхности. Более короткий обожжен перед заглаживанием. Широкая часть у обоих рогов обломана неровно.

«Муфты», а их на поселении всего две, представляют собой наиболее широкие части рогов, отпиленные у основания разветвления или у самой широкой части, так что в обоих случаях каждая «муфта» имеет подтреугольную форму с тремя круглыми срезами. Диаметр отверстия от 1,7 до 2,1 *см*, длина «муфт» 11—12 *см*.

---

[33] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев..., стр. 12.

[34] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 28.

[35] Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. 188, рис. 2, *1;* В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г., стр. 69, рис. 23, 78.

[36] Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 43, рис. 5, *2*. В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г., стр. 70, рис. 24, *5*.

[37] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 32, рис. 9, *5*.

[38] В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Сев. Осетии и Чечни. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 87.

[39] Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 464, табл. XII, *4—7*; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев..., стр. 12; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 30.

[40] М. И. Пикуль. Дагбашский могильник. Уч. зап. Даг. ФАН СССР, IX, Махачкала, 1961, стр. 305, рис. 2; В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Сев. Осетии и Чечни, стр. 87.

[41] Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 435, табл. XIII, *1, 3*.

[42] Там же, стр. 310.

[43] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 31.

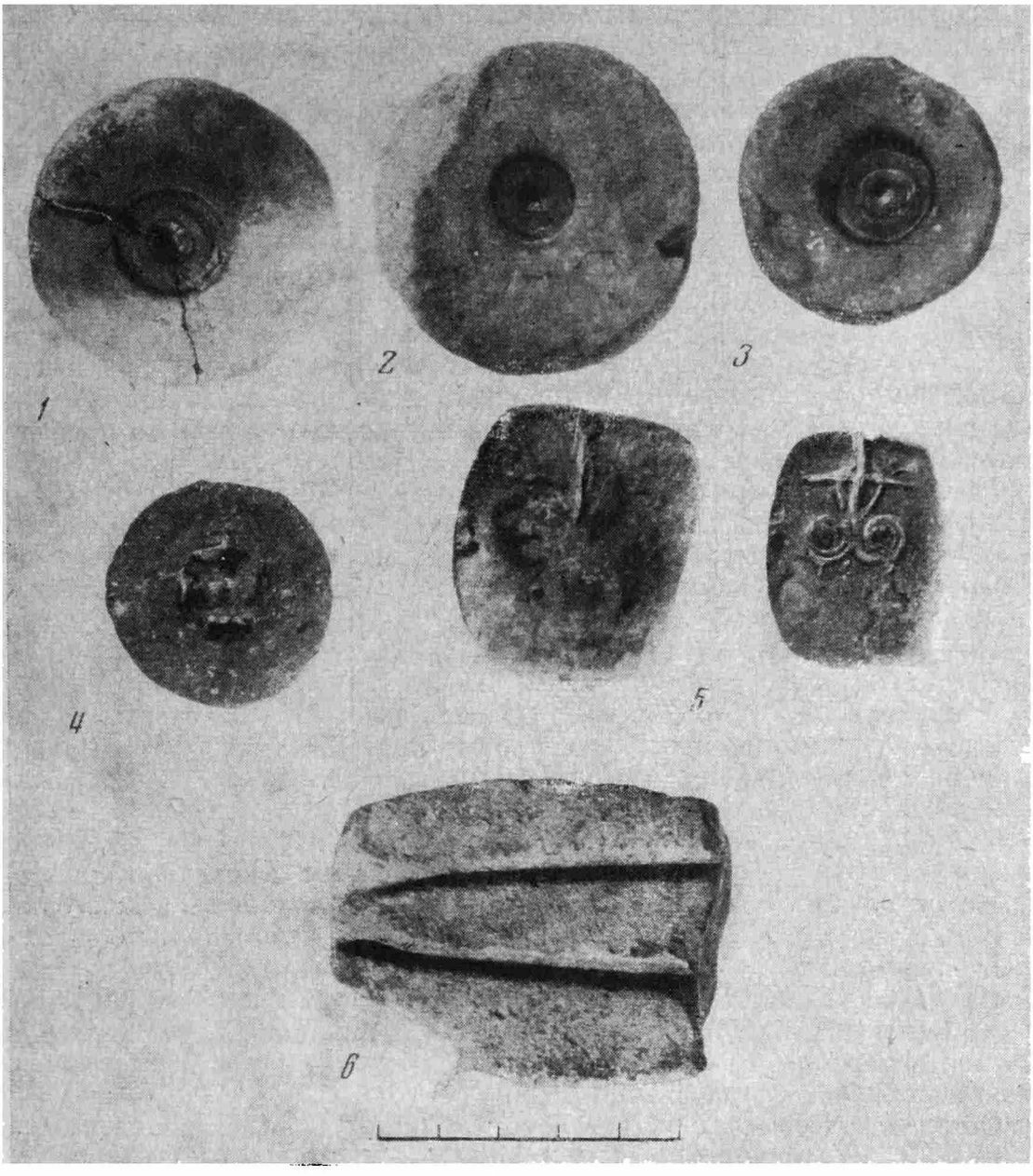


Рис. 7. Литейные формы для отливки украшений.
1—5 — глиняные, *6* — каменные

О назначении этих «муфт» мнения исследователей расходятся. Так, одни считают их выпрямителями древков (копий стрел и дротиков), другие считают жезлами начальников [44]. Описанные выше роговые «муфты» аналогичны найденным на Змейском [45] и Сержень-Юртовском [46] поселениях.

Металлические изделия, выявленные на Бамутском поселении, представлены проколками, иглой с ушком, двумя полусферическими бляшками и наконечником стрелы.

Проколки представляют собой стержни. Длина их сохранившихся частей 7 и 9 *см*. Одна круглая в сечении, другая четырехгранная. Толщина 0,4 *см*. Круглая проколка заострена с обеих концов. Возможно, что они применялись в качестве шильев (рис. 6, *12*, *13*).

---

[44] С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 108.
[45] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 32, рис. 9, *1*.
[46] А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древнее поселение у сел. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, 94, 1965, стр. 47.

Бронзовая игла с ушком обломана. Длина сохранившейся части 5,2 *см*, толщина 0,2 *см*, в сечении круглая. Длина ушка 1,2 *см*, ширина 0,3 *см*, причем отверстие было больше, но часть его сплющена. Бронзовая игла с ушком изготовлена с большим мастерством. Ушко ее образовано концом, завернутым и склепанным с рабочей частью (рис. 6, *10*).

Аналогичные иглы с ушком найдены на Змейском[47] поселении.

Две полусферические бляшки, одна диаметром 3,5, другая 2 *см*. Каждая имеет два маленьких отверстия на противоположных краях. Эти полусферические бляшки полностью аналогичны сержень-юртовским[48].

Бронзовый наконечник стрелы, представляющий собой двухперый «площик с шипом». Он имеет следующие размеры: длина 4,5 *см*, ширина 1,8 *см*. Аналогичные бронзовые наконечники стрел найдены на Сержень-Юртовском[49] и Змейском[50] поселениях. Шип не характерен для большинства памятников Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы, а появляется лишь в скифское время (рис. 6, *14*).

Рассмотренный металлический инвентарь с Бамутского поселения характерен для конца эпохи бронзы и начала раннего железа и относится к кобанской культуре. Материал с Бамутского поселения интересен и близок синхронным памятникам, в частности Алхастинскому, Змейскому и Сержень-Юртовскому поселениям.

На Бамутском поселении встречены предметы, связанные с металлообработкой — литейные формы для отливок украшений, орудий и оружия.

Для украшения применялись глиняные формочки, в которых отливались конусовидные бляшки и очковидные привески (рис. 7, *1—6*). Таких форм на поселении найдено всего шесть. Две из них представляли плоские подпрямоугольные плитки, слегка обожженные. Края более или менее закруглены. У меньшей из них (4 × 3 × 9 *см*) была на гладкой поверхности оттиснута до половины своей толщины очковидная привеска, у которой незамкнутые концы образуют плоские концентрические спирали в три оборота. По верху оттиска глубокими и широкими бороздами процарапан крест.

На другой глиняной плитке процарапан узкий, слегка расширенный к самому краю клин. Размеры: длина 4,7, ширина 3,8, толщина 1 *см*. Весьма возможно, что вторая плитка была крышкой для первой при отливании описанного украшения.

Остальные формочки изготовлены из глины в виде линз диаметром от 5,7 до 3,7 *см*, толщиной от 1 до 1,7 *см*.

Найденные на поселении две литейные формы сделаны из мелкозернистого песчаника.

Одна представляет собой плоскую, почти прямоугольную плиту неправильной формы. Размеры: длина 7, ширина 6, толщина 2,5 *см*. Поверхность плитки плоская, в продольном направлении по ней проходят две канавки, полукруглые в сечении, шириной 0,5 *см*. Две канавки почти прямые с легким изгибом. Видимо, их использовали для отливки стержней или проколок (рис. 7, *6*).

Другая литейная форма служила для отливки серпа и стрелы. Форма представляет собой трапециевидную плиту из плотного песчаника следующих размеров: длина 29 *см*, длина меньшего основания 12 *см*, ширина 14,5 *см*, толщина 3,8 *см*. На плоской ее поверхности с одной стороны сделана плоская выемка в форме серпа и примыкающего к ней наконечника двухперой черешковой стрелы.

На оборотной стороне также есть углубление для отливки серпа. Вначале использовалась одна сторона, а затем, когда она пришла в негод-

[47] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение, стр. 28, рис. 8, *5*.

[48] Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 43, рис. 5, *4*.

[49] Там же, стр. 43, рис. 5, *2*.

[50] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение..., стр. 32, рис. 9, 7.

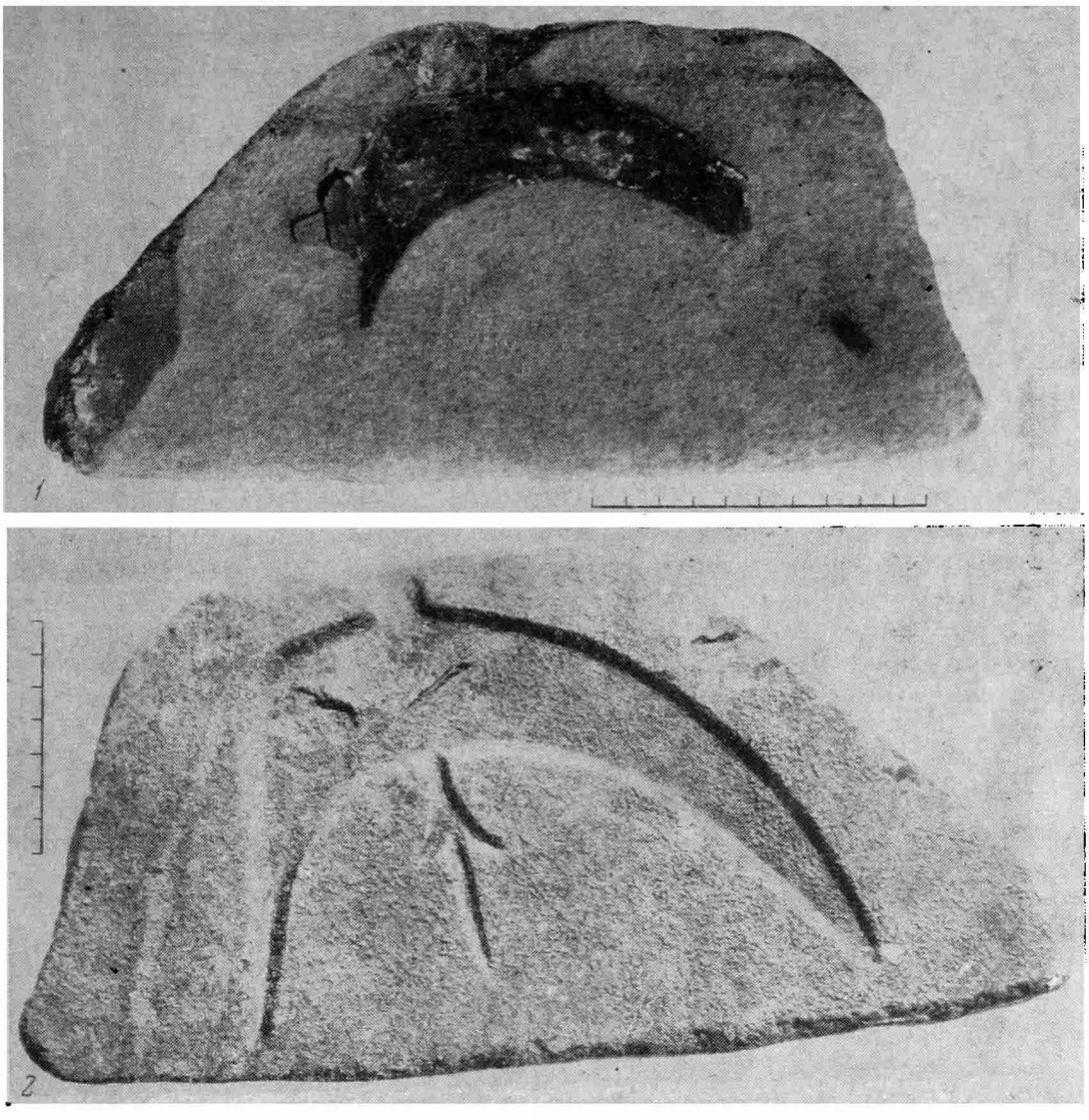


Рис. 8. Каменная литейная форма

ность, видимо, форму выпилили с другой стороны (рис. 8, *1*, *2*). В памятниках Северо-Восточного Кавказа до сих пор не обнаружено аналогичных серпов, отливаемых в таких формах, в то время как они широко представлены в памятниках поздней бронзы Центрального и Северо-Западного Кавказа.

Что же касается наконечников стрел, отливаемых в таких литейных формах, то аналогичные найдены в Сержень-Юртовском поселении. Там же найдена и литейная форма для отливки плоских черешковых стрел.

Подводя итог, можно сказать, что материальные остатки, рассмотренные нами выше, показывают, что уровень развития хозяйства, в частности земледелия, скотоводства и металлообработки, был примерно такой же, как у обитателей других известных кобанских поселений, в частности Алхастинского, Змейского и Сержень-Юртовского.

Сравнительный анализ керамического, остеологического материалов также выявляет несомненную близость всех этих поселений.

Открытие и исследование Бамутского поселения лишний раз отвергает так называемую «осетино-кабардинскую черту» оседлости кобанской культуры и документирует ее развитие на территории Чечено-Ингушетии[51]. Это лишний раз доказывает принадлежность Бамутского поселения к кобанской культуре, в особенности ее восточного варианта.

[51] А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древнее поселение у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии КСИА АН СССР. 94, 1963.

A. R. Magomédov

LE SITE BAMOUTSKOÏÉ, UN NOUVEAU MONUMENT DE LA CULTURE DE KOBAN

Résumé

L'article est consacré à la publication d'un nouveau monument de la fameuse culture de Koban. Il s'agit d'un site se trouvant à proximité du village de Bamout de la région d'Atchkhoï-Martan de la République Socialiste Soviétique Autonome de Tchétchéno-Ingouchétie. Ce site a été objet de recherches effectuées en 1966—1967 par l'expédition du Caucase du Nord organisée de l'Institut d'archéologie de l'Académie des sciences de l'URSS.

Dans l'article on trouve une description détaillés des vestiges des constructions à usage de ménage et d'habitation mis au jour sur le site Bamoutskoïé et celle d'un mobilier archéologique varié y découvert: poterie, pintadères (estampes céramiques), figurines animales, outils de travail en pierre, os et bronze, objets d'armes et de parure. Parmi les trouvailles découvertes sur le site le plus grand intérêt est attribué aux moules de fonderie pour la fabrication des faucilles, pointes de flèches et décorations.

Le site Bamoutskoïé est rattaché à une variante orientale dite veïnakhienne de la culture de Koban et remonte aux confins des II—Ies millénaires avant notre ère.

С. Н. ОРЛОВ

СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА БЕРЕГУ р. ПРОСТЬ ОКОЛО НОВГОРОДА

В сезон 1961 г. археологическая экспедиция Новгородского пединститута совместно с Новгородским музеем проводила охранные раскопки на остатках разрушающегося древнего поселения, расположенного в 6 *км* южнее Новгорода, на левом берегу р. Прость, около Перынского скита [1]. Поселение было обнаружено еще в 1958 г. В обрезе свежевырытой канавы вдоль дороги, идущей из Новгорода в с. Старая Ракома, выступал культурный слой с лепной раннеславянской и гончарной керамикой. Тут же в нижних горизонтах встречались обломки лепных горшков с характерным орнаментом эпохи раннего металла. Позднее следы поселения были обнаружены на пашне и на другой стороне дороги вдоль левого берега р. Прость. Экспедиция заложила раскоп I площадью 150 $м^2$, раскоп II площадью 328 $м^2$ и четыре шурфа общей площадью 48 $м^2$. Как раскопы, так и шурфы были заложены на месте разрушенных объектов поселения (рис. 1).

Раскоп I находился у западной обочины дороги, в 150 *м* к северу от русла р. Прость (рис. 1). Культурные отложения в виде темно-серого перегноя здесь не превышали толщину 0,3—0,4 *м*, ниже выступал материк в виде светло-желтого песка. Весь слой перегноя имел аморфный вид без прослоек — свидетельство того, что он был перепахан. Об этом же свидетельствуют и находки. С поверхности и до материка здесь встречалась смешанная керамика: вместе с гончарной X—XVI вв. встречались лепные черепки без орнамента I тысячелетия и обломки сосудов с орнаментом в виде оттисков гребенчатого штампа эпохи бронзового века. Следовательно, памятник оказался разновременным. Но в неразрушенном виде отдельные комплексы поселений удалось обнаружить только в материке, ниже пахотного слоя.

На раскопе I обнаружено два комплекса. Комплекс 1 представляет собой яму размером 1,7 × 1,5 *м*, углубленную в материковую глину на 0,4 *м*. Яма была заполнена культурными отложениями поселения эпохи раннего металла. При расчистке найдены обломки от глиняных лепных плоскодонных горшков с характерным орнаментом в виде неглубоких ямочных вдавлений и гребенчатого штампа. Один горшок удалось реставрировать. Данные об этом поселении опубликованы [2].

Комплекс 2 на раскопе I представляет собой понижение в материковой глине размером 2,8 × 2,5 и глубиной в центре 0,4 *м*. Понижение было заполнено темноуглистой массой, где встречалось много перегоревших камней, обломков гончарной керамики и костей животных. На площади заполнения комплекса 2 собрано свыше 200 обломков от гончарных

---

[1] В раскопках принимали участие Н. А. Чернышов и студенты Новгородского пединститута.

[2] С. Н. Орлов. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода. СА, 1967, 2.

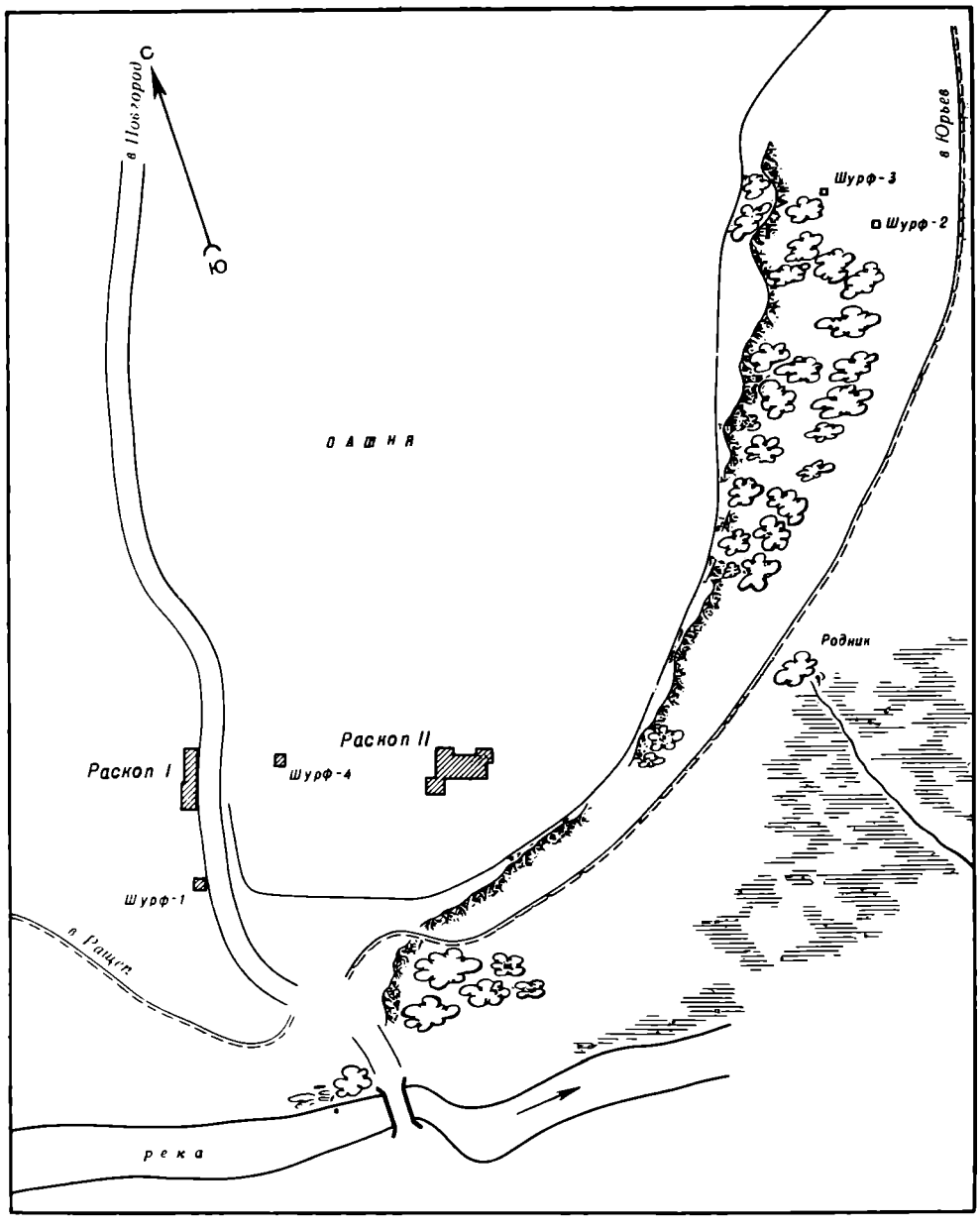


Рис. 1. План глазомерной съемки места поселения на левом берегу р. Прость

горшков без орнамента. Лишь отдельные черепки имели по тулову одиночную волнистую линию. Эту керамику можно датировать временем не ранее XV—XVI вв. Кроме керамики здесь найдено три поздних железных ножа. Комплекс 2, очевидно, был нижней частью заполнения выгребной ямы позднего поселения.

Раскоп II заложен на пахотном поле, в 100 *м* к востоку от раскопа I, на месте, где на поверхности пашни в нескольких местах обнаружены углистые пятна с наличием пережженного камня и обломков лепной керамики. Раскоп II вначале имел размеры 132 $м^2$, затем его площадь была увеличина до 328 $м^2$ (рис. 2). Пахотный слой снимали лопатами на штык с тщательным просмотром земли. Зачистку пахотного слоя вели по плотному грунту, ненарушенному плугом. Чаще всего это был уже материк на глубине 0,20—0,40 *м*. На фоне материка выявлялись лишь западины и ямы, заполненные культурными отложениями и не нарушенные пашней. Материк на всей площади раскопа II состоит из мелкого пылеватого песка светло-оранжевого цвета.

Как на поверхности пашни, так и при разборке пахотного слоя встречались обломки лепных и гончарных горшков. Лепная керамика здесь в

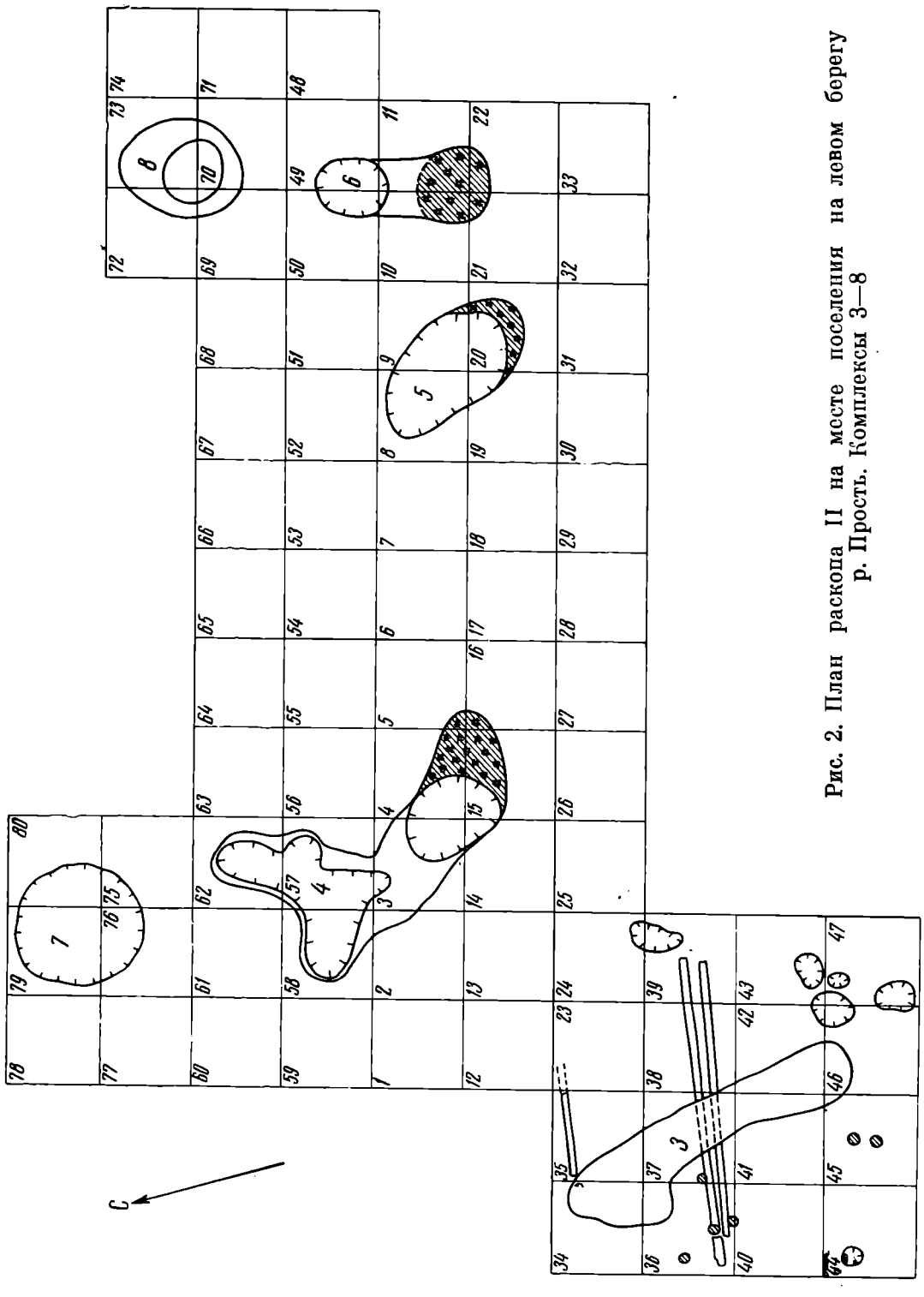


Рис. 2. План раскопа II на месте поселения на левом берегу р. Прость. Комплексы 3—8

массе преобладала над гончарной. В пахотном слое раскопа II найдено свыше 190 обломков от лепных сосудов и только 36 обломков гончарных горшков. Массовое скопление обломков лепной керамики в пахотном слое было связано с местами разрушенных комплексов. Например, в квадратах 3, 8, 4, 14, 15 найдено 45 обломков, в квадратах 8, 9, 19, 20—61 обломок и в квадратах 10, 11, 21, 22—24 обломка лепных горшков. Во всех трех пунктах обнаружены остатки комплексов, частично сохранившихся ниже пахотного слоя. На площади раскопа II обнаружено шесть комплексов в виде остатков разрушенных печей-каменок, понижений и ям (рис. 2). На всей остальной площади ниже пахотного слоя выступал материк в виде светло-оранжевого песка. Ниже дается характеристика открытых комплексов.

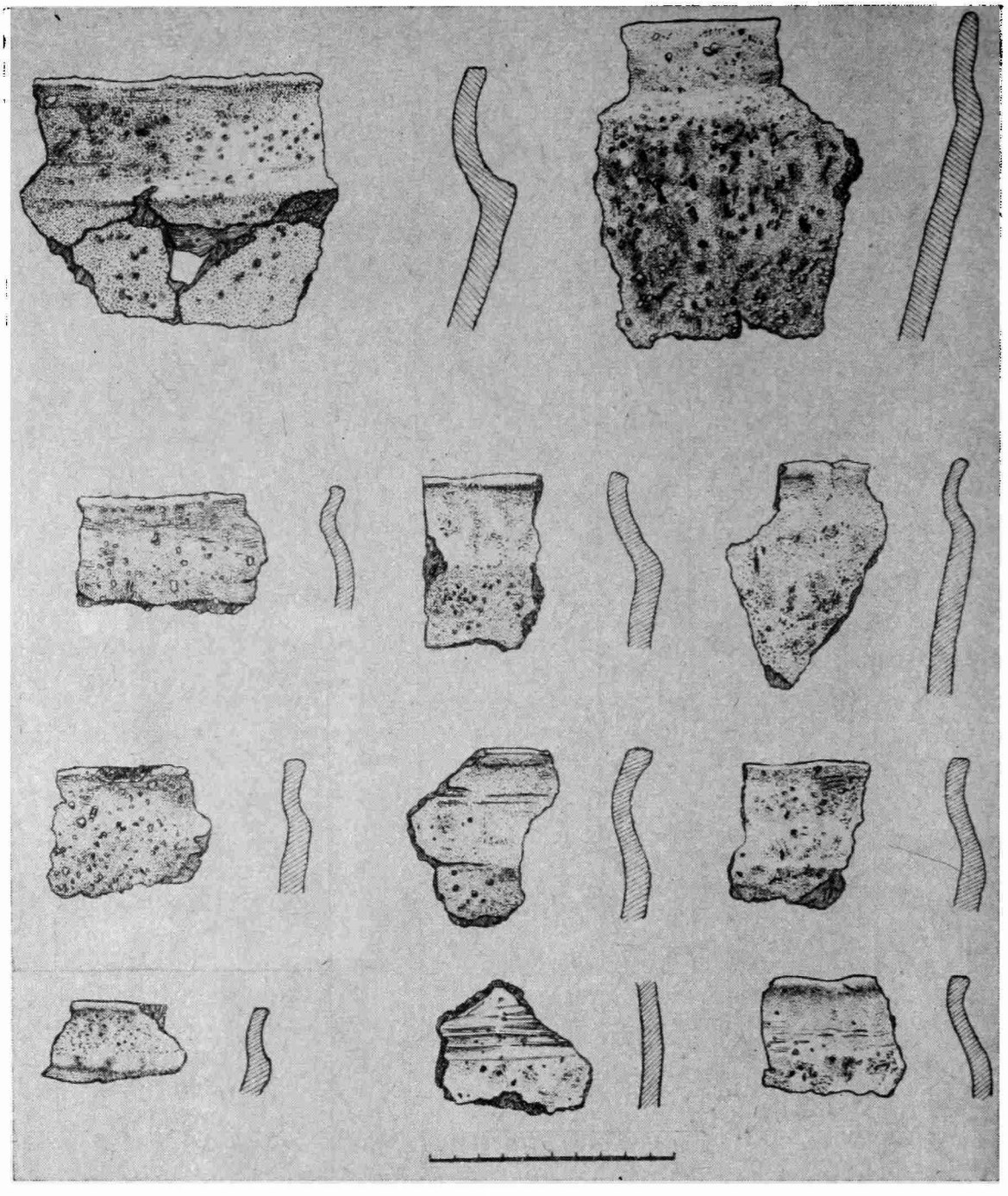


Рис. 3. Находки из раскопа II поселения на левом борегу г. Прость

1—8, 10 — образцы лепной керамики без орнамента; *9, 11* — обломки лепных горшков с отпечатками пальцев по тулову

Комплекс 3 расположен в юго-западном углу раскопа (рис. 2). На площади 16 квадратов (64 $м^2$) здесь обнаружено несколько небольших ям, ям от столбов и развал двух печей-каменок, который вытянут с юга на север на 6,7 и шириной 1—2 *м*. Развал остатков двух печей — основная часть этого комплекса. Центральная часть развала заполнена углистой массой в смеси с большим количеством пережженных и колотых камней, лежащих бессистемно. Камни и углистая масса лежат на материке, они углублены всего на 0,10—0,15 *м* в материковый песок. На обоих концах этого развала обнаружены ямы. Яма в квадратах 41, 42, 46 имеет размеры 2,00 × 1,4 и глубину ниже пахотного слоя 0,44 *м*. На другом конце развала, в квадратах 34, 35 обнаружена яма длиной 1,40, шириной 1,00 при глубине 0,3 *м*. Ямы заполнены песком углистого цвета с углями и осколками переторевшего камня.

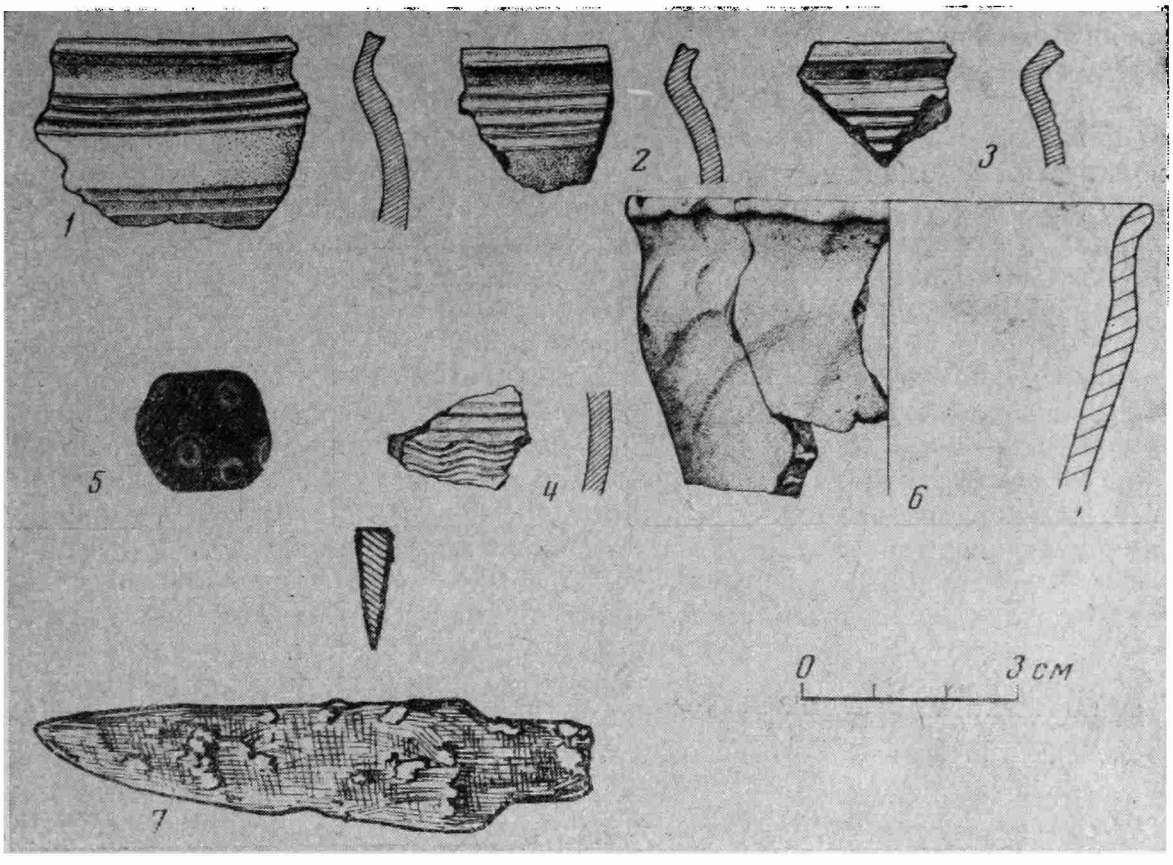


Рис. 4. Находки из раскопа II поселения на левом берегу р. Прость

1—4 — обмотки раннегончарных горшков; *5* — бусина из темной пасты с глазками; *6* — часть лепного горшка без орнамента; *7* — железный нож

О наличии остатков двух печей-каменок в комплексе 3 свидетельствует тот факт, что при зачистке материка вокруг остатков развала печей в светло-оранжевом песке были обнаружены темные полосы гумусированного песка, которые тянулись с востока на запад, шириной 0,2—0,25 и глубиной — 0,05—0,07 *м*. В квадратах 36, 37, 38, 39 на протяжении 6 *м* тянулись две такие же почти параллельные полосы. В квадратах 35 и 23 прослежена одна темная гумусированная полоса длиной около 3 *м*. Очень похоже, что эти гумусированные полосы являются отпечатками сгнивших бревен от построек. Это подтверждается и тем, что полосы в квадратах 23, 35 и 36, 37, 38, 39 параллельны. Вторая полоса в квадратах 36, 37, 38, 39 расположена между ямами от столбов. Подобные же две ямы от столбов обнаружены и в квадрате 45, где возможно, лежало второе параллельное бревно от южной стены второй постройки. Длина построек около 6, ширина около 3 *м*. Бревна от поперечных стен не могли оставить отпечатков в песке, так как лежали поверх продольных бревен выше поверхности земли.

Таким образом, наличие отпечатков бревен и развала двух печей-каменок с предпечными ямами перед ними дают основание сделать вывод о наличии остатков двух наземных жилищ. Основания обоих жилищ расположены не параллельно друг другу; следовательно, вряд ли они существовали одновременно. Очевидно, одно жилище сменило другое, что подтверждает и яма от столба в квадрате 36, которая разрезала отпечаток бревна. Остатки жилища в квадратах 34—39 более ранние, а остатки жилища в южной части квадратов 36—45 более поздние. Но по находкам, которые собраны при расчистке развала печей, нельзя было увидеть разницу жилищ во времени, и поэтому все эти остатки мы относим к одному комплексу.

При разборке остатков печей и предпечных ям найдено 90 обломков

лепных горшков и 35 фрагментов гончарных. Лепные горшки слабо профилированы, изготовлены из глины с примесью грубого песка, стенки гладкие, без всякого орнамента (рис. 3, *1—11*). Гончарные горшки толстостенные, имеют слабый профиль, короткую шейку венчика. По тулову и ниже венчика — орнамент в виде редких бороздок. Два фрагмента с волнистым орнаментом (рис. 4, *1—4*). Гончарная керамика залегала совместно с лепной, и та и другая встречались в остатках обеих печей и в заполнениях обеих предпечных ям. Кроме керамики, в заполнении печей и предпечных ямах найден обломок грузила из белой гальки с отверстием, точильный камень из темного сланца, костяная проколка, куски глиняной обожженной обмазки. Из органических остатков в небольшом количестве найдены кости и чешуя рыбы, кости животных.

В квадратах 46, 47, 42 и 39 обнаружено пять небольших округлых ям диаметром от 0,5 до 1,00 *м*. Глубина ям не превышала 0,5 *м*. Заполнены они были гумусированным темным песком с колотым камнем. В заполнении встречались отдельные черепки лепной керамики. Яма в юго-западном углу квадрата 47 имела в плане округлую (диаметр 0,7 *м*) и в профиле — чашеобразную форму; глубина ее 0,45 *м*. На дне ямы на груде валунов лежал раздавленный лепной горшок. Сделан он грубо, имеет темно-серый цвет, глина с примесью крупной дресвы. Горшок удалось реставрировать. Высота его 0,28, диаметр вверху 0,23, диаметр дна 0,12 *м*. Стенки сосуда гладкие, без орнамента, но имеют неровности и шероховатости от примеси грубого песка в глине. Вместе с лепным горшком в заполнении ямы найден обломок боковой части гончарного горшка с бороздчатым орнаментом. Таким образом, остатки двух наземных жилищ с печами-каменками, предпечными ямами и ямами, их окружающими, мы относим к одному комплексу 3, так как керамика, собранная в их заполнении (лепная и гончарная), однообразна и, следовательно, одновременна.

К комплексу 4 нами отнесены остатки развала печи-каменки и ямы в квадратах 2—4, 14—16, 52, 53 и 61. При зачистке пахотного слоя обнажилось темное пятно длиной около 7,00 и шириной от 1,5 до 3,5 *м*. В квадратах 4, 15, 16 в юго-восточном конце пятна наблюдались остатки печи-каменки в виде развала перегоревших камней и углистой массы. К северо-западу от остатков печи в квадратах 15, 4, 14 и 3 находилась округлая яма диаметром 2,20 × 1,6 и глубиной 0,3 *м*. Дальше к северо-западу шло небольшое понижение, которое в квадратах 2 и 3 смыкалось с целой системой ям. При расчистке остатков развала печи-каменки и заполнения ямы в квадратах 2—4, 14, 15 найдено 44 обломка грубых лепных горшков без орнамента и один точильный брусок. При расчистке заполнения ям в квадратах 52, 53, 61 найдено 235 обломков лепных грубых горшков без орнамента. Часть из них принадлежит одному сосуду, который удалось реставрировать (рис. 5). В комплексе 4 не обнаружено ни одного обломка от гончарных горшков. При разборке ямы в квадрате 53 найден нож со сломанным черенком, большая бусина (диаметр 1,5 *см*) из темного стекла с голубыми глазками, обведенными светлыми кружками (рис. 4, *5*). Найден кусок железного шлака и восемь кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками пазов от бревен. В заполнении ям часто встречались кости животных, но очень плохой сохранности, много костей рыбы и рыбьей чешуи.

Комплекс 5 расположен в квадратах 8, 9, 19, 20. Он состоял из остатков печи-каменки и предпечной ямы. Но остатки печи полностью оказались вывернутыми плугом, в нетронутом состоянии находилось основание северного края печи, примыкающего к предпечной яме. Углистая масса с большим количеством пережженных камней и массой обломков лепной керамики находилась на поверхности пашни в квадратах 9, 10, 21, 22 (рис. 2). При разборке пахотного слоя в этих квадратах найдено свыше 40 обломков грубых толстостенных горшков. Многие облом-

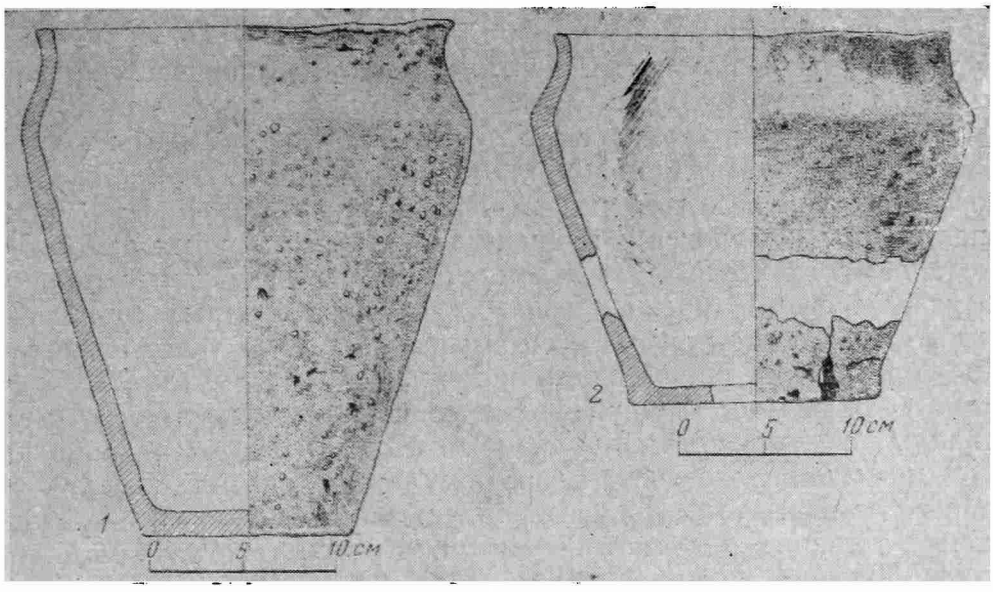


Рис. 5. Находки из раскопа II поселения на левом берегу р. Прость
1 — лепной горшок из комплекса 4; *2* — лепной горшок из комплекса 8

ки принадлежат одному горшку. Предпечная яма овальной формы вытянута с юга на север. Длина ямы 3,2, ширина 2 *м*. Яма была чашеобразна, с наибольшей глубиной 0,20 *м* ниже пахотного слоя. При расчистке остатков печи-каменки и предпечной ямы в квадратах 8, 9, 19, 20 найдено 20 фрагментов грубых лепных горшков без орнамента и два обломка гончарного горшка. Обломки лепных горшков, собранные в пахотном слое из разрушенного комплекса 5 и найденные при расчистке остатков печи, совершенно тождественны, и многие принадлежат одному сосуду. Кроме обломков керамики, в комплексе 5 найдено два кремневых отщепа и кусок глиняной обмазки.

К комплексу 6 относятся остатки печи-каменки и предпечная яма в квадратах 10, 11, 21, 22, 49, 50. Основание печи-каменки вырисовывалось в квадратах 10, 11, 21, 22 на площади 1,6 × 1,6 *м*. Печь находилась на поверхности материка, а к северу от нее тянулось небольшое понижение шириной 1,00—1,2 *м*, которое заканчивалось ямой размером 1,6 × × 1,2, глубиной 0,5 *м* (рис. 2). На месте остатков печи находился слой углистой массы и отдельные пережженные камни. Основная часть остатков печи уже была разрушена плугом. Ямы были заполнены сильно гумусированным песком в смеси с золой и угольками. Встречались и отдельные колотые камни. При разборке заполнения ямы найден 21 обломок лепных грубых горшков без орнамента.

К комплексам 7 и 8 относятся две ямы на раскопе II, аналогичные по размерам, форме и структуре заполнения. Одна из них находилась в 1,6 *м* к северу от комплекса 6, а другая — в 2 *м* к северу от комплекса 4 (рис. 2). Яма комплекса 7 расположена в квадратах 69, 70, 72 и 73, имеет округлую форму шириной с юга на север 2,8 и с востока на запад 2,2 *м*, чашеобразна, с наибольшей глубиной 0,7 *м*. Яма была заполнена темным, сильно гумусированным песком с угольками и осколками перегоревшего колотого камня. По дну ее наблюдалась углистая прослойка толщиной от 0,5 до 0,10 *м*. В заполнении ямы комплекса 7 при расчистке найдено всего 118 обломков грубых лепных горшков, изготовленных из глины с большим количеством примеси крупного песка. Горшки слабопрофилированы, орнамент отсутствует.

Комплекс 8 представляет собою яму в квадратах 75, 76, 79, 80 (рис. 2). Яма имеет округлую форму (2,84 × 2,70 *м*). Профиль ямы чашеобразный, наибольшая глубина 0,7 м. Яма была заполнена темным, сильно гумуси-

рованным песком с угольками и значительным количеством перегоревшего колотого камня. В заполнении прослежено три углистых прослойки, которые были густо насыщены костями мелкой рыбы, чешуей, встречались и кости животных. Одна прослойка наблюдалась в основании ямы, вторая в середине заполнения, на 0,25—0,80 *м* выше дна ямы и третья — по поверхности неразрушенной части заполнения. Толщина углистых прослоек с наличием костей не превышала 0,05—0,08 *м*. При расчистке заполнения ямы комплекса 8 найдено 133 обломка грубых лепных горшков без орнамента. Некоторые обломки принадлежат одному горшку, который удалось реставрировать (рис. 5, *2*). Кроме лепных горшков в заполнении найдено два черепка от гончарного горшка, один из них имеет линейно-бороздчатый орнамент по тулову.

Кроме раскопов I и II, экспедиция заложила четыре шурфа на местах разрушенных объектов. Шурф 1 заложен в 30 *м* к югу от раскопа I, к западу от шоссейной дороги, на бровке канавы (рис. 1). Здесь в западном обрезе канавы выступал выброс материковой глины и наблюдалось понижение с наличием лепной керамики. В результате изучения понижения шурф 1 достиг размеров 18 $м^2$. Площадь его была разбита на однометровые квадраты. Под пахотным слоем, который здесь имеет толщину 0,2—0,3 *м*, вокруг понижения выступил материк в виде вязкой красной глины. На фоне красной глины четко выступали контуры понижения, заполненного темным перегноем. После расчистки оказалось, что это сооружение типа полуземлянки с остатками глинобитной печи. Размеры сооружения с юга на север — 2,8, с востока на запад — 3,4 *м*. В юго-восточном углу сооружения находился пандус для входа, а в северо-западном углу — развал глинобитной печи (рис. 6, *1*).

Разборку культурных отложений в понижении вели послойно, с оставлением перемычек для контроля и изучения профилей. С поверхности понижения под пахотным слоем шел слой плотного, темного перегноя и кусков обожженной глиняной обмазки. Толщина этого слоя достигала 0,3—0,38 *м*. Вдоль всей восточной части понижения в основании слоя плотного перегноя выступил материк в виде вязкой красной глины (рис. 6, *2*). В западной части комплекса под слоем темного плотного перегноя обнаружилась яма округло-вытянутой формы. Длина ямы 2,8, ширина 1,9 *м*. Западная стенка ее смыкалась с линией западной стороны комплекса.

Культурные отложения заполнения ямы резко отличались от лежащего выше слоя темного перегноя. В центре северной части ямы залегала прослойка белой глины толщиной 0,05—0,10 *м*. Ниже глины и во всей остальной части ямы залегал слой углистой массы, насыщенный кусочками обожженной глины. Среди раздробленной массы обожженной глины встречались и крупные куски, на которых четко отпечатались слои древесины или следы прутьев, следы пазов от бревен и досок. Слой углистой массы с обожженной глиной заполнял всю глубину ямы и достигал толщины 0,32—0,36 *м* (рис. 6, *3—6*).

В основании углистого слоя в северной и центральной частях ямы обнажился хорошо сохранившийся под печи из обожженной глины. С поверхности он был хорошо прокален, глина кирпично-красного цвета, лежит непосредственно на материковой глине, имеет толщину 3—4 *см*, с трех сторон резко обрамлен полосой темной необожженной глины, которая образует подковообразную фигуру длиной 1,5 и шириной 1,22 *м*. Совершенно очевидно, что это остатки стенок и пода глинобитной печи. Западная и северная стенки печи примыкали к стенам ямы. Толщина стенок печи из необожженной глины достигает 0,1—0,15 *м* (рис. 6). В южной части ямы, перед устьем печи, имеется углубление размером 62 × 1,30 *м* и глубиной 0,10 *м* (по отношению к поверхности пода) [3].

[3] Остатки пода и основание стенок глинобитной печи нами не разобраны и вновь зарыты в таком состоянии.

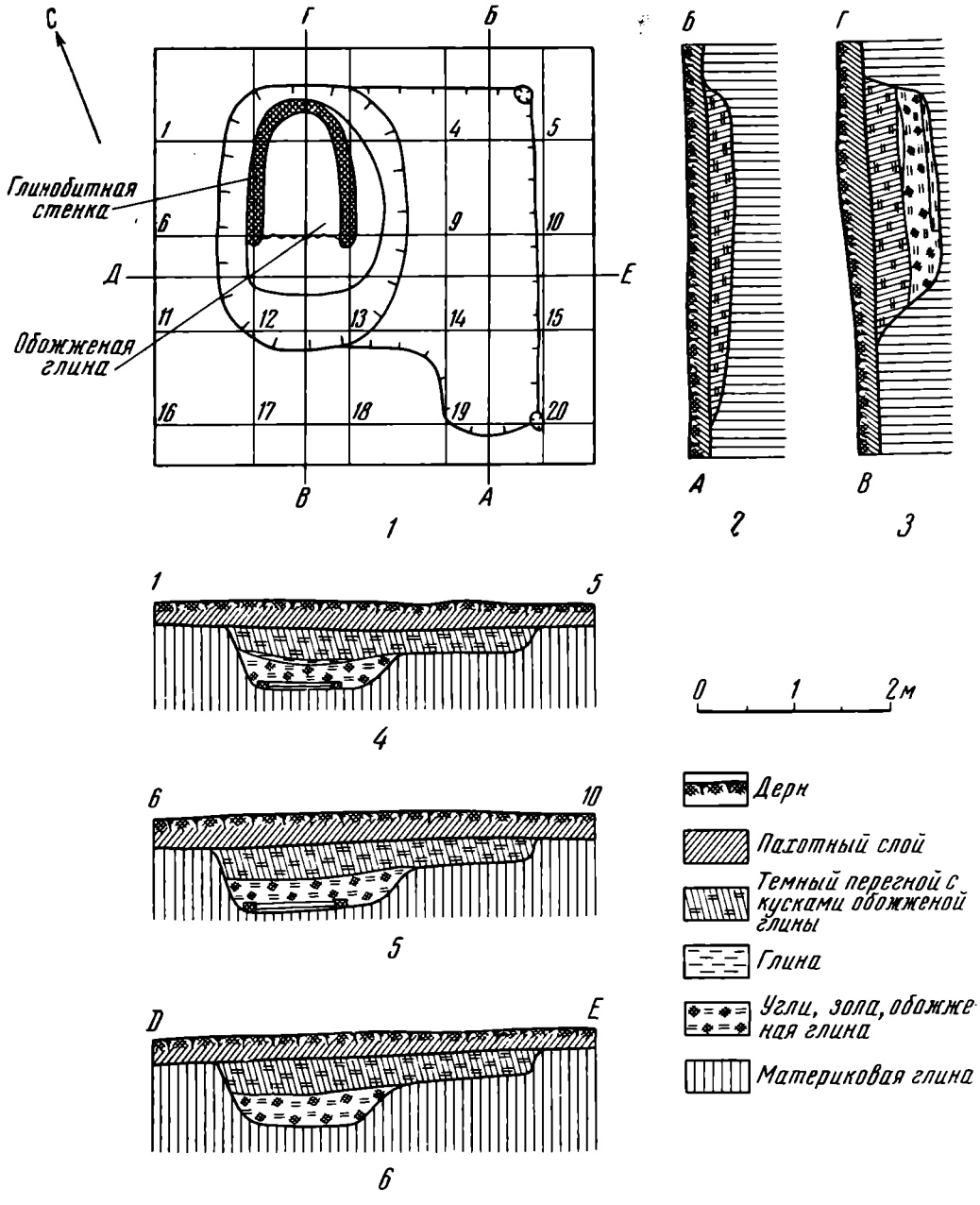


Рис. 6. План и разрезы полуземляночного помещения на левом берегу р. Прость

Таким образом, нижнее заполнение ямы — это остатки развала глинобитной печи, о чем свидетельствует и масса обожженной глины, среди которой собрано свыше 100 больших кусков обмазки с отпечатками прутьев, досок и пазов от досок. Мелкие кусочки обожженной глины невозможно было учесть. Все это, очевидно, составляло свод глинобитной печи. Исходя из всего сказанного, совершенно четко можно представить сооружение размером 2,8 × 3,9 *м*, углубленное в материковую глину на глубину 0,25—0,28 *м*, с пандусом для входа с южной стороны и глинобитной печью, которая находилась в специальной яме в северо-западном углу на 0,32 *м* ниже пола сооружения. Сооружение имело перекрытие, которое поддерживалось столбами. Следы ям от столбов обнаружены в северо- и юго-восточном углах помещения. Вдоль западной стены столбы, очевидно, стояли за пределами углубления и разрушены поздней канавой (рис. 6).

Чтобы понять функциональное назначение сооружения, необходимо охарактеризовать находки, найденные при расчистке заполнения сооружения. Характерно, что во всей толще углистого слоя с обожженной гли-

ной, который залегал в яме ниже прослойки белой глины, не найдено ни одной бытовой находки, ни одного обломка от глиняного горшка. В нем встречались только куски и россыпи обожженной глины. В слое темного плотного перегноя, который залегал в углублении непосредственно под пахотным слоем, найдено 98 обломков лепных горшков, два куска железного шлака и пять фрагментов гончарных горшков (рис. 4, *б*). Все находки обнаружены в верхнем заполнении сооружения и попали туда, очевидно, уже после того, как сооружение перестало функционировать и служило простой ямой для отбросов.

В нижнем же заполнении их нет, в частности в предпечной яме, где, как правило, в остатках жилых комплексов встречается больше всего бытовых находок. Этот факт дает основание заключить, что полуземлянка не служила жилищем, а имела производственное значение, очевидно, для копчения сетей и мереж. Из этнографических наблюдений в этих районах нам известно, что рыбаки после просушки коптят мережи и сети дымом, чтобы они не перегнивали и дольше служили. Для этой цели и устраиваются специальные коптильни с навесом и закрытой печью. Расположение сооружения ближе к берегу реки на глинистой почве (в то время как сам поселок был расположен на песчаном грунте) и углубление печи по отношению к полу (что нехарактерно для жилища),— все это подтверждает наш вывод (рис. 6) [4].

Шурф 2 заложен в 280 *м* к северо-востоку от раскопа II у карьера, вырытого для извлечения песка. Но грунт здесь оказался глинистым, и карьер не разрабатывался. В отвале карьера обнаружена углистая масса с перегоревшими камнями и собрано свыше 70 обломков лепной и раннегончарной керамики. С целью изучения остатков разрушенного комплекса с трех сторон к карьеру были сделаны прирезки общей площадью около 5 $м^2$ (рис. 1). Западная сторона карьера примыкала к обрезу траншеи военного времени. Очажное пятно с углистой массой оказалось полностью разрушено.

В прирезках с трех сторон к карьеру под дерном мы обнаружили темный гумусированный слой толщиной 0,3 *м*, аморфный по структуре, с наличием перемешанных культурных остатков: поздняя светло-серая гончарная керамика встречалась вместе с черепками лепных горшков. В северо-восточном углу прирезки к карьеру обнаружена яма (0,7 × 0,42, глубина 0,20 *м*). В ней находились ненарушенные отложения в виде темного перегноя с углями и наличием лепной керамики. Материк в шурфе 2 состоит из глины и красного суглинка. Таким образом, в данном пункте имеются следы остатков поселения конца I и начала II тысячелетия, но культурный слой с поверхности также перепахан.

Чтобы убедиться окончательно в данном выводе, мы заложили шурф 3 в 25 *м* к северо-западу от шурфа 2. Размер шурфа 2 × 2 *м*. Под дерном обнаружился темный перемешанный перегной, без наличия прослоек, т. е. перепаханный слой. Этот слой шел до материка и вместе с дерном имел толщину 0,4 *м*. Материк здесь состоит из супеси светло-желтого цвета. Никаких ям и понижений в материке с ненарушенными культурными отложениями на площади шурфа 3 не обнаружено (рис. 1). При разборке пахотного слоя на площади шурфа найдено пять обломков лепных гладкостенных горшков без орнамента, девять обломков гончарных горшков, обломок рыболовного грузила из светлой гальки с отверстием и железная лодочная скобочка.

Шурф 4 заложен между раскопами I и II, в 22 *м* к востоку от шос-

---

[4] Полуземлянки подобной же формы, обнаруженные Новгородской экспедицией на Перынском скиту, по-видимому, также не были жилищами. Как известно, полуземляночная форма жилищ для лесных районов с каменистыми почвами не была характерной. Возможно, что полуземлянки Перыни XII—XV вв. использовались как коптильни для рыбацких сетей. В. П. Седов. Поселение XII — начала XV в. в Перыни, КСИИМК, 62, 1956.

сейной дороги, на месте выпаханных плугом остатков печи-каменки в виде углистой массы с перегоревшими камнями и обломками лепной керамики (рис. 1). Размеры шурфа 4 × 4 *м*. При разборке пахотного слоя в углистой массе встречались крупные обломки керамики и много перегоревшего камня. Остатки печи-каменки полностью разрушены при вспашке, так как при зачистке материка их не обнаружено. В центре шурфа, ниже пахотного слоя обнаружена округлая яма (длина 2,00, ширина 1,10, наибольшая глубина 0,4 *м*). Яма была заполнена темным, углистого цвета песком с наличием углей и колотого камня.

При разборе ямы найдены обломки грубых лепных горшков без орнамента, которые совершенно тождественны обломкам лепных горшков, собранным при разборке углистого пятна в пахотном слое. Всего в шурфе 4 собрано 46 обломков лепных грубых горшков. Некоторые из них принадлежат одному сосуду. В заполнении ямы найдена лопаточная кость крупного животного.

Датирующим материалом для остатков данного поселения является гончарная керамика X в. Она характеризуется слабым профилем, короткой шейкой и слабо отогнутым наружу венчиком. Орнамент в виде широких бороздок расположен ниже венчика по тулову горшков. Стенки горшков толстые, глина содержит примесь песка (рис. 4, *1—4*). Такая керамика на Неревском раскопе в Новгороде встречается в самых нижних горизонтах культурного строя, в предматериковой почве, и датируется X в.[5]. Следовательно, дата X в. для поселения бесспорна. Но учитывая, что гончарная керамика совместно с лепной встречена в трех комплексах, а в остальных обнаружена только лепная керамика и что гончарная керамика найдена в незначительном количестве, а лепная встречается в массе, можно предположить, что поселение возникло значительно раньше. Об этом свидетельствует и найденная крупная бусина из темной стеклистой массы с глазками (рис. 4, *5*). Такие бусы в Неревском раскопе Новгорода за 11 лет раскопок найдены только в двух экземплярах в слое X в.[6]. Но подобного типа крупные бусы из темной стеклянной массы со светлыми глазками чаще встречаются на северо-западе в более ранних памятниках. Они найдены в поселении Старой Ладоги в слоях VIII—IX вв.[7] и в погребении в сопке[8]. К датировке памятника мы можем привлечь находки с другого славянского поселения, которое находилось в этом же районе Поозерья, в 6 *км* южнее, у д. Георгия, на левом берегу г. Веряжи[9]. В культурном слое этого поселения найдена только лепная керамика, совершенно аналогичная рассмотренной выше. Кроме того, здесь найдены хорошо датируемые предметы: железные ножи архаической формы, один из них с завитками на концах железной ручки, подковообразная железная фибула и наконечник стрелы с плоским черенком. Эти предметы бытовали в более ранний период, а в IX—X вв., как отмечают исследователи, они уже редко встречаются[10]. Приведенные материалы дают основание подтвердить ранее предложенную нами датировку для данных поселений, по-видимому, они возникли еще в XI в.[11].

Поселение продолжало существовать и в последующий период — по-

---

[5] Г. П. Смирнов. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951—1954 гг.). МИА, 55, 1956, стр. 235, рис. 3, *г*.

[6] Ю. Л. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 177—178.

[7] Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 169—186; З. А. Львова. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Археологический сборник. Л., 1968, стр. 64 сл.

[8] С. Н. Орлов. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. СА, XXII, 1955, стр. 190—211.

[9] С. Н. Орлов и М. М. Аксенов. Раннеславянское поселение в окрестностях Новгорода. «Новгородский исторический сборник», 10, Новгород, 1961, стр. 163.

[10] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 99, рис. 65, *3*; Т. Н. Никольская. Щуклинское городище, КСИИМК, 72, 1958, рис. 19, 12.

[11] С. Н. Орлов и М. М. Аксенов. Ук. соч., стр. 166.

сле X в., так как в пахотном слое встречается керамика более позднего времени. В шурфе 3, например, обнаружена керамика XIII—XIV вв. В раскопе I зачищена хозяйственная яма с керамикой XV—XVI вв. Существовал ли поселок весь этот период непрерывно, или он периодически возникал сказать пока трудно, так как изученная площадь еще очень незначительна. Общую площадь поселения также установить не удалось, но, судя по шурфам 2 и 3 и предварительным наблюдениям, поселение занимало значительную площадь и тянулось вдоль левого берега р. Прость на протяжении около 500 *м* (рис. 1). Это бесспорно славянское поселение вызывает еще больший интерес и потому, что оно расположено в непосредственной близости к дохристианскому святилищу Перынь, которое, возможно, и возникло на его базе.

S. N. Orlov

UN SITE SLAVE AUX DE LA RIVIÈRE DE PROST' AU VOISINAGE DE NOVGOROD

Résumé

L'auteur publie les résultats de recherches d'un site slave situé sur la berge gauche de la rivière de Prost', à 6 km au sud de Novgorod. Le site n'avait pas de remparts. Ses couches archéologiques sont révélées sur une étendue de 500 m près le long de la rive (la largeur d'aire fouillée est jusqu'à 200m). Le lieu du site est occupé par des labourages. Les couches archéologiques ne sont conservées que dans les fosses et les creux. On a fouillé 7 ensembles sous formes de fosses de ménage et de celles «sous-fours» qui sont remplies de couche archéologique, un local semi-souterrain aux vestiges d'un four de pisé et la base d'un habitat en bois à un four. Sont trouvés en masse des tessons de poterie parmi lesquels prédominent les fragments de récipients modelés à la main sans tour de potier. Il n'y a que très peu de tessons attribuables aux formes les plus anciennes slaves de poteries du Xe siècles faites au tour. De tous les huit ensembles envisagés on n'a découvert dans cinq ensembles que la céramique modelée à la main. Là il y a des pots non dérangés, typiquement slaves. Tout cela donne lieu à rapporter l'apparition du site à l'époque qui n'est pas postérieure au IXe siècle. Ce qui est confirmé par la trouvaille d'une grande perle en masse sombre vitreuse, aux points clairs, trouvée avec la céramique modelée à la main et qui est propre à la période antérieure au Xe siècle.

А. Ф. ДУБЫНИН

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СУЗДАЛЬСКОГО СОБОРА

Давно уже ушло то время, когда считали, что собор Рождества богородицы в Суздале (1222—1225 гг.) не сохранил никаких остатков первого собора, построенного на рубеже XI и XII вв. Владимиром Мономахом. Произведенные в 1937—1938 гг. раскопки[1] показали, что белокаменный собор 1222—1225 гг. действительно стоит, хотя и не совсем точно, на месте древнейшего собора Мономаха. Была реконструирована и конфигурация последнего[2]. Однако суздальский собор представляет слишком большой интерес, многие вопросы, с ним связанные, еще ждут своего разрешения. В связи с этим нам представляется не лишним вернуться к истории его изучения и остановиться на некоторых вопросах несколько подробнее, чем это сделано.

В 1932 г. А. Д. Варганов, обнаружив в центре западной стены кладку заложенного в XVII в. входа на хоры из известкового туфа и плиткообразного кирпича, впервые сопоставляет его с киевским кирпичом «великокняжеского типа»[3]. При вскрытии в том же году шурфа у северного притвора, а затем небольшого раскопа в 1935 г. у северной апсиды и в углу южного притвора А. Д. Варганов обнаружил плиткообразный кирпич как в самом белокаменном фундаменте собора, так и в виде отдельных обломков, часто сохранявших толстую прослойку связующего раствора (цемянки). Несмотря на это, все же вопрос о кирпиче «великокняжеского типа» был им оставлен открытым. Не был решен до конца и вопрос о наличии остатков строительства Владимира Мономаха в здании суздальского собора. А. Д. Варганов видел в нижних частях существующего собора основание здания Мономаха, сложенного из известкового пористого туфа.

Отсутствие ясного решения вопроса о применении кирпича киевского типа в Суздале и в то же время частые находки при раскопках 1936—1937 гг. фрагментов кирпича данного типа в комплексе с вещами XI—XII вв. послужили поводом для автора поставить своей первоочередной задачей найти в Суздале остатки кирпичных построек этого времени путем археологических раскопок.

С этой целью уже в 1937 г. был заложен пробный раскоп в 1,5 × 3 *м* у южной стены здания суздальского собора. Он сразу открыл часть фундамента, сложенного из бутового камня, на котором имелись остатки кир-

[1] А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля. КСИИМК, XI, 1945. Исследования производились экспедицией Ивановского областного музея под руководством автора и при участии Суздальского музея в лице его директора А. Д. Варганова, которому принадлежит архитектурная консультация. В работе экспедиции также принимала участие Е. Н. Ерофеева, ею выполнены все чертежи и фотоснимки.

[2] А. Д. Варганов. К архитектурной истории суздальского собора (XI—XVII вв.). Там же, стр. 99—106; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., I, М., 1962, стр. 21—32, рис. 2.

[3] А. Д. Варганов. К истории Владимиро-Суздальского зодчества. «Советский музей», 1938, 2.

пичной кладки из плинфы. С другой стороны, удалось проследить (в нижних слоях бутовой кладки фундамента существующего белокаменного здания собора) присутствие щебня с обломками фресок, причем камни фундамента собора лежали на остатках кирпичной кладки ранее существовавшей здесь постройки[4] (рис. 1).

Результаты этих раскопок подтвердили возможность существования в кремле Суздаля кирпичных построек XI—XII вв., предшествовавших

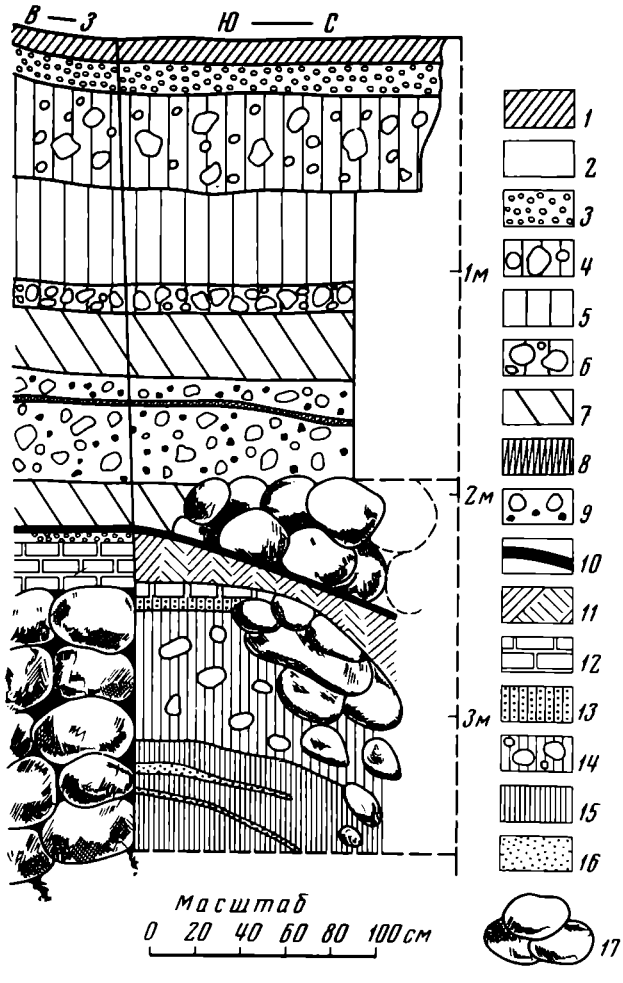


Рис. 1. Профиль западной стенки и юго-западного угла шурфа 1937 г. у южной стены суздальского собора.

1 — дерн; *2* — кладка из белого камня; *3* — прослойка из мелкого щебня; *4* — культурный слой с мелким щебнем и отдельными камнями; *5* — культурный слой с незначительной прослойкой мелкой щебенки; *6* — прослойка крупного щебня; *7* — культурный слой с примесью глины и отдельными прослойками мелкой щебенки; *8* — прослойка извести с толченым кирпичом розоватого цвета; *9* — щебенка белая; *10* — прослойка черного цвета; *11* — слой щебенки из обломков кирпича-плитняка и извести с толченым кирпичом; *12* — кладка из кирпичной плинфы; *13* — известковая промазка с толченым кирпичом; *14* — темный слой с щебнем и обмотками фресок; *15* — слой черной земли; *16* — материковая темно-желтая глина; *17* — бутовая кладка из валунов

белокаменному строительству собора. Уточнение этого вопроса и стало основной задачей экспедиции Ивановского областного музея последующего года.

В 1938 г. с южной стороны здания собора, где в 1937 г. были обнаружены остатки кирпичной кладки, было заложено два раскопа. Первый — по южной стене у юго-западного угла здания, второй — в углу между южной стеной собора и южным притвором. Дополнительно вскрыты еще четыре раскопа на восточной и северной сторонах здания и шурф внутри собора (рис. 2).

Раскоп 1 имел площадь в 17,4 *м*^{2}, а раскоп 2 равнялся 12 *м*^{2}. В раскопе 1[5] до глубины 1,4 *м* шли слои довольно правильно чередующиеся с остатками более поздних строительных периодов. Ниже на значительной площади раскопа находилась забутовка из больших валунов, что, очевидно, укрепляло угол при возведении в 1529 г. верхних кирпичных частей стен существующего здания.

На глубине 1,95 *м* обнажился весь белокаменный фундамент здания

[4] А. Ф. Дубынин. Отчет об археологических раскопках и разведках в Ивановской области в 1937 г. Архив ЛОИА, фонд № 2, д. 205.

[5] Глубина измерялась от «0», который был отмечен на полукруглом цоколе белокаменного фундамента здания собора и соответствовал уровню поверхности земли.

собора (рис. 3). Он находился на бутовой кладке из больших валунов. Бутовая кладка выступала вперед на 0,8—1,0 *м* против вышележащей белокаменной кладки фундамента. Поверхность выступа из валунов была выравнена в горизонтальную площадку. Последняя имела сверху заливку белым известковым раствором с битым кирпичом. Вторые и последующие ряды бутовой кладки пролиты серовато-белым известковым раствором с примесью рубленой соломы [6]. Около метра ниже площадки в бутовую кладку фундамента входят слои черной земли с мелким щебнем розоватого цвета, далеко уходящие в толщу фундамента. В слоях щебня под отдельными камнями бутовой кладки встречено значительное количество обломков фресок.

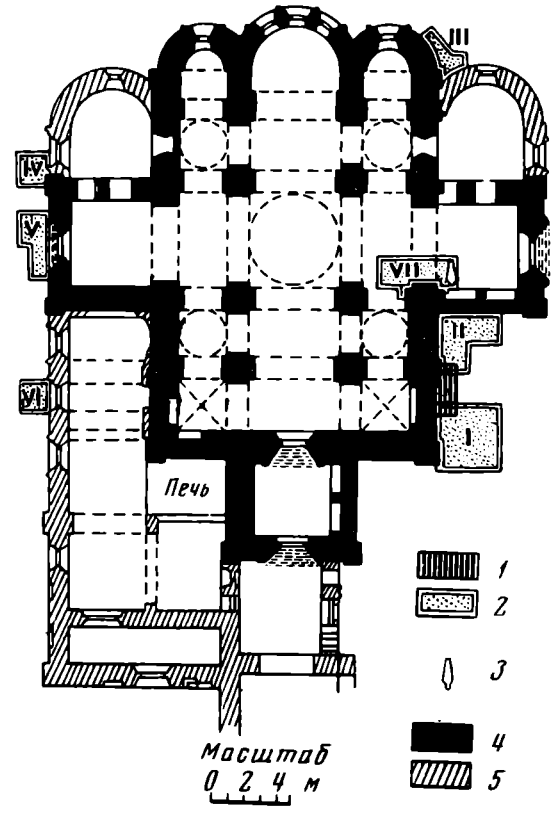


Рис. 2. План суздальского собора с обозначением раскопок 1937—1938 гг. *I—VII* — номера раскопов;

1 — раскоп 1937 г.; *2* — раскопы 1938 г.; *3* — саркофаг из белого камня; *4* — фундаменты собора XII—XIII вв.; *5* — позднейшие кирпичные пристройки

Под слоями с щебнем идет черная илистая земля, богато насыщенная водой, ниже которой на глубине 4 *м* обнаружена желтая плотная материковая глина. В черной илистой массе находились уже отдельные, как бы сброшенные камни бута. Здесь и заканчивался фундамент существующего здания.

Кладка белокаменного фундамента выше бута состоит из больших тесаных ноздреватых камней, достигающих в длину 1 *м*, сложенных на серовато-белом рыхлом связующем растворе. В некоторых частях белокаменной кладки видны вставки отдельных плиткообразных кирпичей. В этих местах следы каких-либо заделок отсутствуют, поэтому следует считать, что кирпичи могли попасть в кладку только в момент строительства.

Затем, при переходе белокаменного фундамента в бутовую кладку, на глубине 1,9 *м* от современной поверхности имеется горизонтальная выравнивающая прокладка из плиткообразных кирпичей (рис. 4). Кирпичи идут в два ряда и сложены на том же известковом растворе, что и белокаменная кладка фундамента [7]. Общая ширина кирпичной прокладки в фундаменте 15 *см*. В отдельных местах под кирпичной прокладкой находится слой плотно сцементировавшегося кирпича с известью. Кирпичная прокладка в дальнейшем прослеживалась по всей южной стене. Ниже ее шла бутовая кладка фундамента из валунов. Прокладка из кирпичей, очевидно, применена в строительстве белокаменного здания для выравнивания бута из валунов под белокаменную кладку.

При обнажении частей фундамента белокаменного здания собора в раскопе 1 на глубине 2,2—2,4 *м* были обнаружены остатки юго-западного

---

[6] Состав проливки: известь, много красного песка, красный коллоидальный кремнезем (при действии кислот сильно вспенивается), солома. Анализы произведены в отделе технологии ГАИМК В. Кононовым.

[7] Состав связующего раствора: известь, белый кварцевый песок, белый коллоидальный кремнезем.

угла первоначального, ранее построенного здесь здания (рис. 4, *1*). Остатки западной стены этого угла выходили из-под бутовой кладки фундамента южной белокаменной стены существующего собора в 1,0—2,7 *м* восточнее юго-западного его угла. Ширина кирпичной кладки стены первоначального здания 1,7 *м*. Размеры кирпичей здесь весьма различны. Их стороны равнялись 13—32 *см* при толщине 3—4 *см*. Некоторые кирпичи были близки к квадратным: 24 × 25 × 4; 23 × 24 × 4 *см*[8]. Связующее кладки имело сероватый цвет с розоватым оттенком от примеси толченого кирпича[9]. Толщина связующих слоев 2 — 5 *см*.

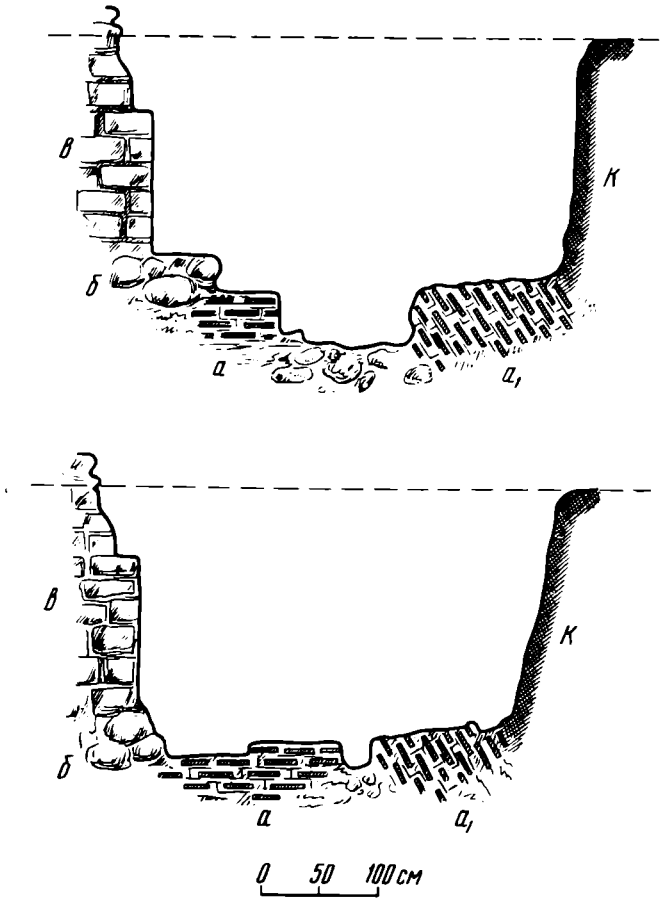


Рис. 3. Профиля раскопа1

а, $а_1$ — кирпичная кладка XI—XII вв.; *б* — бутовая кладка; *в* — белокаменная кладка XII—XXX вв.; *к* — культурный слой

К открытой части западной стены примыкают остатки южной стены, которые уходили под фундамент южного притвора существующего здания собора. Внешний юго-западный угол кирпичного здания оказался разрушенным, как разрушена и наружная половина южной стены. Части упавшей стены лежали в 40—95 *см* к югу от обнаруженной кладки стены и имели опрокинутый вид. Очевидно, при разрушении остатков здания стена с наружной стороны была подбита до половины ее толщины (рис. 5, *1, 3*).

Образовавшееся пространство между сохранившимися частями кладки фундамента и упавшей стеной было заполнено обломками кирпичей. Остатки кладки стен, место разрыва угла и стены, а также весь обнаруженный массив упавших стен оказался сверху залитым известковым раствором розовато-песочного оттенка. Глыбы разрушенной южной стены уходили за пределы раскопов (рис. 5, *3*).

Во внутренней части угла первоначального кирпичного здания обнаружена часть площадки пола (95 × 60 *см*) (рис. 4, *1*). С северной стороны площадка пола уходила под валуны фундамента существующего здания собора. На западной внутренней стенке угла сохранился фрагмент нижней части фрески шириной 60 и высотой 15 *см* (рис. 4, *2*).

Фреска имела орнаментальный сюжет в виде зеленых и синих разводов по белому фону с красной обрамляющей широкой полосой по краю (подольная часть «полотенца»). Поверхность фрески лощеная, штукатурный слой в 2 *см* толщиной, белого цвета, с розовым оттенком от вкрапления толченого кирпича.

Нижняя часть фрески уходила глубже уровня обнаруженного пола

[8] Чаще встречаются кирпичи в 20 × 18,5 × 4 *см*, но также были 24 × 13 × 3; 28 × 20 × 4; 32 × 23 × 4 *см*.

[9] Состав связующего раствора кирпичной кладки и фундамента из валунов того же здания: известь, много кирпича (крупного и тертого), красный коллоидальный кремнезем.

угла здания. При снятии фрески [10] удалось установить, что пол состоит из ряда слоев: 1) сверху известковая проливка (3 *см*) розоватого цвета от примеси толченого кирпича; 2) ниже прослойка «гравия» (2 *см*): ровно битого сухого, как бы пропущенного в грохот кирпича и камня; 3) проливка того же типа, что и первая (3—4 *см*); 4) слой (4 *см*) плиткообразных кирпичей на извести; 5) известковая проливка (3 *см*); 6) слой земли черного цвета с вкраплением мелкого щебня.

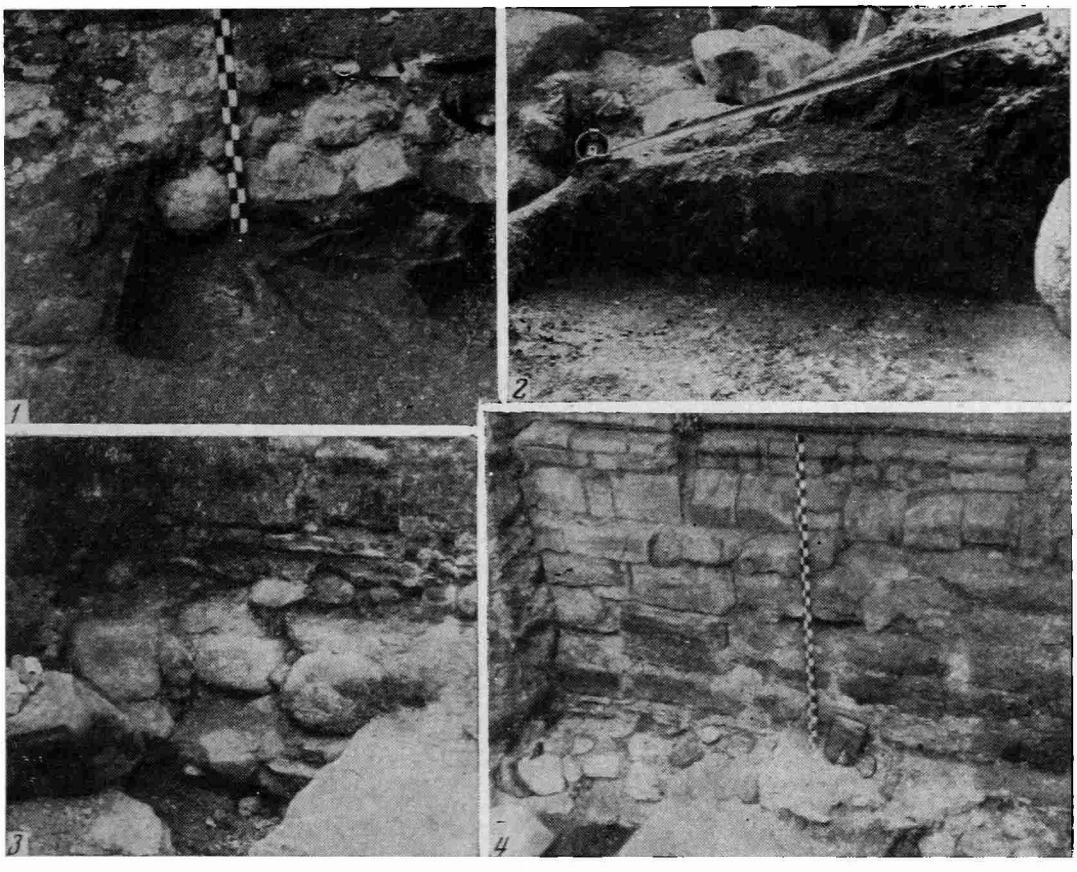


Рис. 4. Раскоп 1

1 — юго-западный угол соборного здания XI—XII вв. из кирпича; *2* — часть западной стены здания XI—XII вв. с остатками фрески; *3* — прокладка (х) из плиткообразных кирпичей над бутовой кладкой фундамента существующего собора (XII—XIII вв.); *4* — белокаменный фундамент собора XII—XIII вв.

От угла с остатками фрески шел хорошо выраженный внутренний профиль кирпичной кладки нижней части южной стены и ее фундамента. Линия внутренней поверхности стены шла на 95 *см* южнее белокаменного фундамента собора.

Направление южной стены современного здания и той же стены вновь обнаруженного памятника почти параллельно, так как имеющееся отклонение первой от второй к северу слишком незначительно — около 2°. Кладка южной стены сохранилась в два-пять рядов кирпичей. Ниже — фундамент из довольно правильно сложенных валунов, внутренний профиль этой кладки шел ровно с кирпичной кладкой. Кладка стен снаружи носила выровненный облицовочный характер коробки. Система наружной кладки коробки стены в то время не была точно установлена ввиду того, что опрокинутые стены лежали на земле фасадной стороной вниз. Лишь в 1959 г. при реставрации здания А. Д. Варганову удалось открыть большой блок древнейшей стены в юго-восточном углу с типичной «полоса-

[10] Снятие фрески производил Г. В. Циган, специально командированный Комитетом по делам искусств при СНК РСФСР; консервация фрески выполнена А. Д. Варгановым. Фреска находится в Суздальском музее.

той» кладкой, с ясно выраженным «утопленным рядом» кирпичей и «подрезкой» подобно киевским памятникам [11].

В центре имелась забутовка с известковой проливкой. Уровень кладки фундамента из валунов кирпичного здания начинался на 35 *см* ниже уровня бутовой кладки фундамента белокаменного существующего здания собора. Фундамент первоначального кирпичного здания был высотой 1,6—1,7 *м* и на глубине 4 *м* находился на материковой желтой глине.

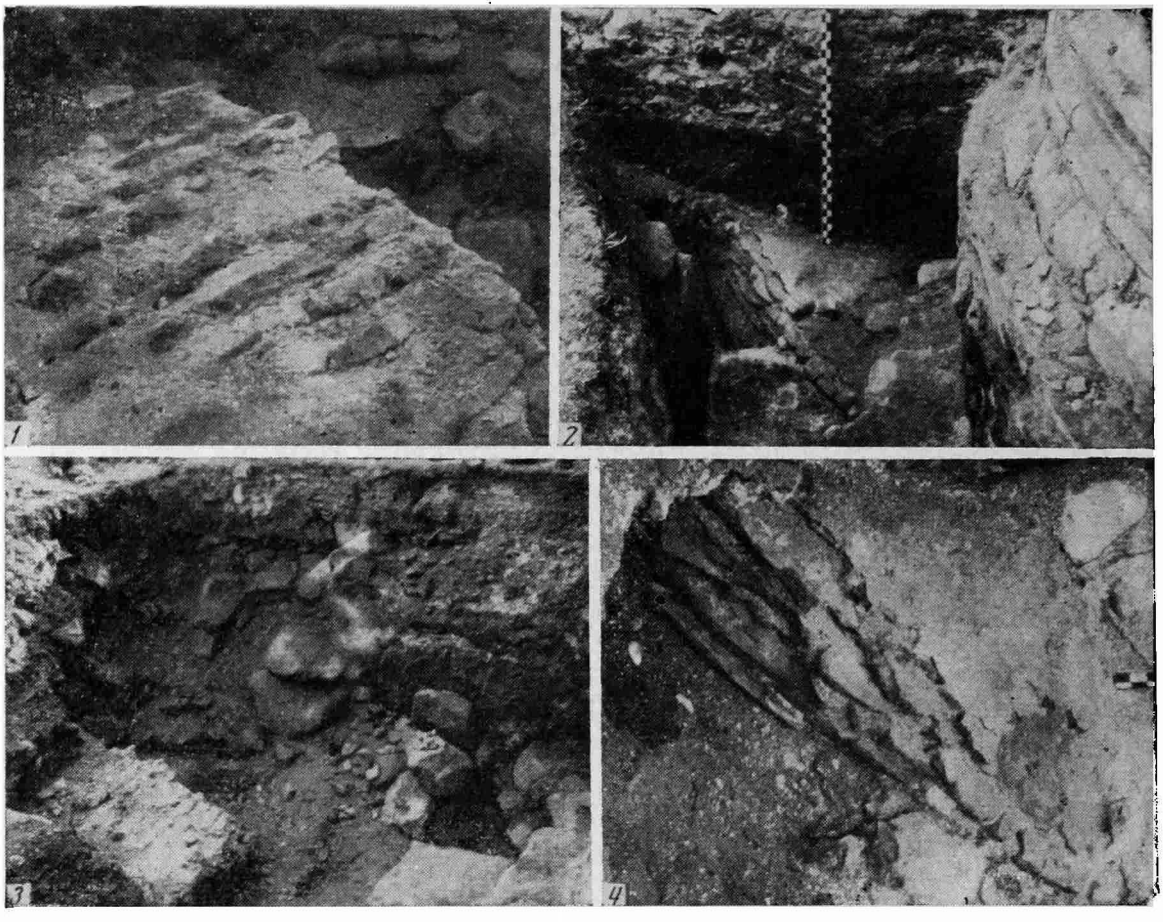


Рис. 5. Раскопы 1 и 3.

1, 3 — части упавшей южной стены соборного здания XI—XII вв.; *2, 4* — остатки южной апсиды собора XI—XII вв.

В 4,6 *м* к востоку от юго-западного угла вновь открытого здания обнаружена вторая, тоже кирпичная стена, идущая на север перпендикулярно южной стене и уходящая под фундамент современного белокаменного собора. Вторая стена (толщина 1,7 *м*) по характеру кладки однотипна с южной стеной и технически с ней связана. Остатки примыкающей с севера стены выходят к югу из-под бутовой кладки белокаменного фундамента всего на 0,8—1,0 *м* и, таким образом, находятся почти целиком под зданием белокаменного существующего собора.

Нахождение остатков данной стены указывает на существование в плане обнаруженного кирпичного здания отдельной западной части — нартекса.

С западной и восточной сторон этой стены выявлены также остатки пола. Сохранившиеся здесь части пола имели тот же характер, что и в юго-западном углу.

В кладке западной стены фундамента южного притвора существующего здания во многих местах тоже имеется плитообразный кирпич

[11] А. Д. Варганов. Новые данные по архитектурной истории суздальского собора XI—XIII вв. СА, 1960, 4, стр. 150.

(рис. 6). Над бутовым фундаментом здесь находится прокладка из двух рядов кирпичей, что уже отмечалось в отношении южной стены белокаменного здания. Эта прокладка из кирпичей шла на той же высоте и, несомненно, тоже служила для выравнивания поверхности бутовой кладки фундамента существующего собора.

Кладка фундамента притвора и фундамента южной стены белокаменного здания собора одновременны, так как нижние части их сложены в перевязку.

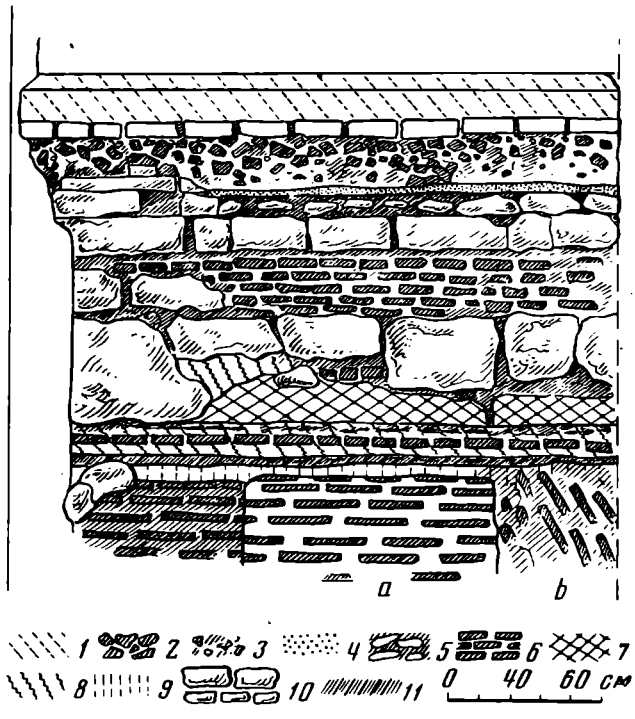


Рис. 6. Кладка фундамента западной стены южного притвора собора XII—XIII вв.

а — остатки кирпичной кладки XI—XII вв.; *б* — поваленная кирпичная стена XI—XII вв.; *1* — цемент, покрывающий кирпичи и каменную кладку; *2* — кирпич с щебнем; *3* — щебень; *4* — белая щебенка; *5* — камни в земле; *6* — кирпичная кладка из плинфы; *7* — цементированная промазка; *8* — светло-желтая известковая промазка; *9* — земля; *10* — кладка из белого камня; *11* — промазка розовато-песочного цвета

Раскоп 3 (около 8 *м*^{2}) был заложен с восточной стороны здания собора, между поздней кирпичной апсидой южного притвора [12] и южной апсидой белокаменного собора.

На глубине 2 *м* между фундаментами апсид притвора и белокаменного здания обнаружены остатки южной апсиды первоначального кирпичного собора. Стена апсиды по фасадной части была выложена полукругом. Кирпичная кладка сохранившейся части апсиды имеет до шести рядов кирпичей, причем толщина ее в южной стороне достигала 50 *см*. Под кирпичной кладкой шел бут из валунов.

Кладка открытой апсиды имела также плиткообразные кирпичи толщиной 3—4 *см*. Размер их довольно разный: 24 × 25, 24 × 20, 24 × 35 *см*. Между кладкой связующий раствор достигал 3—5 *см*. Кладка из кирпичей шла по наружной части апсиды, в середине стены имелась забутовка из обломков кирпичей и камней, залитых известковым раствором (рис. 5, *2*, *4*).

Сохранившиеся части апсиды с плиткообразной кирпичной кладкой в северной стороне перебиваются бутовой кладкой из валунов фундамента белокаменного здания собора, под который она и уходит. Обнаруженная часть полукружия апсиды была раскрыта на протяжении 1,6 *м*. С южной стороны кирпичная кладка подходит под фундамент поздней апсиды южного притвора. Под центральной частью апсиды южного притвора на глубине 1,75 *м* обнаружена в виде большой глыбы часть упавшей стены той же кладки, что и апсида первоначального собора. Поверхность ее идет скатом к остаткам полукружия апсиды. Раскопы 4 и 5 (общая площадь 7 *м*^{2}) были заложены у северного притвора белокаменного здания собора. Верхние слои раскопов оказались нарушенными заложенными здесь ранее небольшими шурфами.

[12] В настоящее время разобрана.

Осмотр фундамента апсиды северного притвора [13] (раскоп 4) показал, что на глубине 22 *см* фундамент апсиды находится на расстоянии 30—40 *см* от фундамента белокаменного притвора и сложен совершенно из другого, более позднего строительного материала — большемерного кирпича XVII—XVIII вв. Фундамент апсиды заложен значительно выше фундамента притвора. Наружное обследование восточной стены северного притвора на различных глубинах дало возможность установить отсутствие

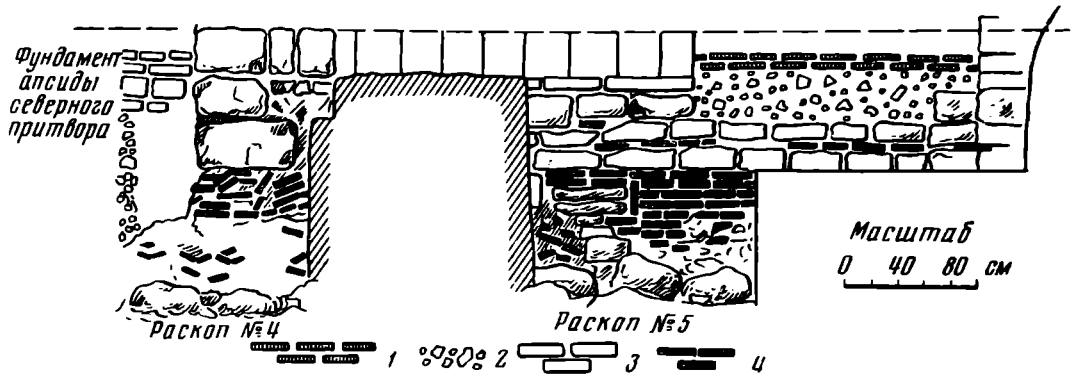


Рис. 7. Фундамент апсиды северного притвора собора XII—XIII вв.

1 — кирпичная вставка из плитняка; *2* — щебень; *3* — белый камень; *4* — тонкий кирпич XI—XII вв.

каких-либо следов примыкавшей к ней древней апсиды. Последнее опровергает предположение о возможности завершения восточной части притворов апсидами по типу рязанских памятников XII в. [14].

Попутно с изучением восточной части северного притвора раскопом 4 был выявлен и характер кладки его северо-восточного угла. На глубине 1,45 *м* находился блок упавшей стены из плиткообразного кирпича разного размера (большей частью 21 × 19 × 4 *см*) на сероватом известковом растворе с примесью толченого кирпича. На него положены блоки также от разрушенных стен, но обтесанные в прямоугольную форму. Они заложены под самый угол притвора с общей проливкой известью. Высота использованных блоков 38 *см*. Поверх их положены большие камни из известняка, тесанные в квадраты, размером 37 × 75, 30 × 60 *см*, образующие северо-восточный угол притвора (рис. 7).

Раскрытая часть фундамента северного притвора в раскопе 5 имела примерно тот же характер кладки. Здесь на глубине 1,61 *м* от цоколя также обнаружен бут из блоков разрушенной древней стены из плиткообразного кирпича. На блоках для выравнивания горизонтальной поверхности фундамента существующего здания были положены отдельные обломки кирпичной кладки и плиты известняка, находящиеся в различном положении. Все это было залито известковым раствором. На слое известкового раствора на глубине 1,04 *м* был положен ряд плиткообразных кирпичей. Наличие прокладки из кирпичей уже нами было отмечено в отношении белокаменного фундамента южной стены существующего собора и фундамента западной стены южного притвора. Выше кирпичной прослойки идут крупные камни известняка, над ними имелась прослойка кирпича и затем уже шла цокольная кладка из белого плотного камня и ноздреватого туфа.

Затем под существующим порталом северного притвора на глубине 0,75 *м* в кладке была прослежена выемка с ровно выложенной площадкой, как бы ступенью из белокаменных плит. Боковые камни ее находятся на первоначальном месте и, очевидно, составляли наружные углы портала.

[13] Эта апсида в данное время также разобрана.

[14] Г. Ф. Корзухина-Воронина. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII вв. «Сборник аспирантов ГАИМК», 1, Л., 1929.

На угловом камне восточной части этого портала обнаружены следы росписи, обращенной внутрь выемки. Все остальные камни такого же размера, как и угловой. Они связаны одним связующим веществом и покрыты тонким слоем штукатурки с лощеной поверхностью, вероятно, тоже ранее расписанной. Наличие описанных камней и выемки в кладке притвора дает повод считать, что здесь мы имеем дело с остатками более раннего портала северного притвора предшествующего строительства,

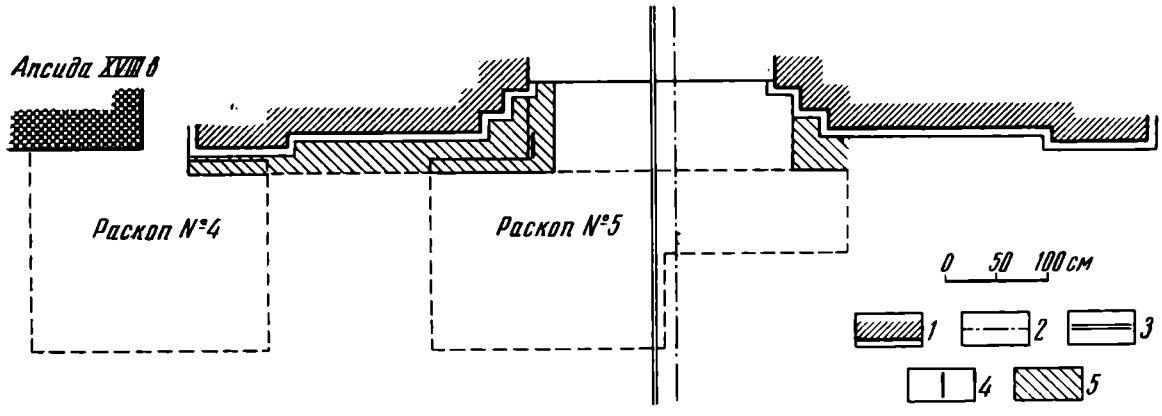


Рис. 8. План раскопов 4 и 5. Условные обозначения:
1 — стена притвора XII в. с порталом XIII в.; *2* — среднее сечение портала собора XII в.; *3* — среднее сечение портала XIII в.; *4* — остатки фресковой живописи XII в.; *5* — нижняя часть белокаменного фундамента стены с порталом XII в.

которое относится, по мнению А. Д. Варганова, к периоду Юрия Долгорукого (1148 г.) [15]. Остатки старого портала находятся под входом XIII в., но центры обоих порталов (XII и XIII вв.) не совпадают. Портал XIII в. оказался несколько сдвинутым к востоку против своего предшественника и против центральной оси всего притвора (рис. 8).

Раскоп 7 заложен внутри самого здания собора под аркой, соединяющей главное помещение здания с южным притвором. Раскоп шел вдоль западной стены притвора и имел длину 4,8 и ширину 1,4 *м* [16]. Наибольшая глубина раскопа доходила до 2,05 *м*. Раскоп заложен с целью уточнить древний план существующего здания, выяснить глубину древних полов и вопрос о «мороморе красном разноличном», употреблявшемся для настила пола собора, согласно указанию летописи под 1233 г.

В раскопе 7 на глубине 40 *см* была обнаружена камера калорифера, выложенная из кирпича 1896 г. Под ней на глубине 90 *см* находились остатки белокаменного фундамента стены, ранее отделявшей главное помещение собора от южного притвора. Эта стена, очевидно, была растесана и укреплена в верхней части путем подвода подпружной арки.

Обнаруженная часть фундамента стены (толщина 2,8 *м*) сложена из белого полуноздреватого туфа (размер в среднем 60 × 13 *см*) с прослойками плиткообразного кирпича 32 × 21 × 4 *см*. Таким образом, южный притвор от центрального помещения был отделен стеной и, вероятно, соединялся порталом аналогично западному.

При вскрытии участка в помещении притвора на глубине 82,5 *см* было обнаружено in situ несколько тонкоотесанных известняковых плит 20 × 20 *см* от пола, причем на той же глубине внутри центрального помещения собора также была найдена большая белокаменная плита. Не исключено, что эти плиты относятся к полу времени Юрия Долгорукого, когда в соборе производились какие-то работы (1148 г.). С южной стороны сохранившихся в притворе плит пола XII в. почти на том же уровне обнаружен белокаменный тесаный саркофаг с мужским погребением.

[15] А. Д. Варганов. К архитектурной истории суздальского собора, стр. 101.
[16] Более полное раскрытие раскопа в восточном направлении произвести было невозможно из-за нахождения на этом месте раки и тяжелой сени в южном приделе собора.

Благодаря раскопу 7 удалось выявить и уровень пола XIII в. В угловом пространстве у западной пилястры была обнаружена (in situ) плитка с желтой поливой, которая и устанавливает безусловную высоту пола XIII в., состоявшего из поливных разноцветных плит. Фрагменты их были найдены в этом же раскопе.

Пол XIII в. оказывается выше пола XII в. на 57 *см*, а по отношению к существующему полу уровень двух установленных полов находится: а) пол 1233 г. из поливных плиток на глубине 25 *см*; б) пол 1148 г. из известняковых плит на глубине 82 *см*.

Весьма возможно, что известковая полоса щебня и прослойка штукатурки по земле в 5 *см* толщиной, лежащие на глубине 44 *см* между полом 1233 г. и 1143 г., являются также остатками пола, устроенного после ремонта собора в 1194 г., или этот пол существовал между 1225—1233 гг., т. е. до устройства пола из плиток с разноцветной поливой.

Вышеуказанный уровень пола XIII в. подтверждается еще уровнем старых крюков для навеса западных «золотых» врат XIII в., которые оказались ниже на 20 *см* против ныне существующих крючьев.

В заключение описания результатов проведенных нами раскопок следует еще остановиться на вопросе о фресках. Обломки их в большом количестве были найдены почти во всех раскопках, начиная с верхних слоев.

Найденные фрагменты фресок А. Д. Варганов делит на три основных различающихся группы.

1. Фрески с глянцевитой, как бы лощеной поверхностью и со штукатурным слоем до 7,5 *см*, без графьи.

2. Фрески с матовой поверхностью, толщиной до 2,5 *см*, с графьей и без графьи.

3. Фрески с шероховатой, более грубой поверхностью, толщиной до 4 *см*, встречаются с графьей и без графьи.

Состав штукатурки у первой группы более чистый, мелкозернистый, с примесью толченого кирпича; у второй группы — без примеси кирпича, белый. Третья группа резко отличается от первых двух. Она имеет более грубую поверхность, крупнозернистая, без толченого кирпича, но с примесью волокна (по-видимому, пакля).

Фрагменты фресок группы 1 аналогичны фреске юго-западного угла, открытого кирпичного здания XI—XII вв. Фрагменты этой группы в нетронутых слоях залегают ниже фрагментов двух других групп. Третья группа фрагментов как по фактуре своей поверхности, так и по составу штукатурки, содержащей волокна пакли, аналогична фрескам XVII в. (1635 г.), открытым в 1932 г. А. Д. Варгановым.

Фрагменты группы 2 представляются менее ясными: здесь мы имеем дело с фрагментами росписи или 1148 г., или 1233 г. Вопрос этот, однако, все же удалось несколько уточнить в связи с открытыми А. Д. Варгановым в 1938 г. фресками в Суздальском соборе, которые им отнесены к росписи собора 1230—1233 гг. Сравнение фрагментов группы 2 с указанными фресками выявило большое сходство как по составу, так и по фактуре поверхности.

Обследование обнаруженной (in situ) фрески, относящейся к группе 1 фрагментов, дало возможность изучить способ нанесения фресковой живописи XI—XII вв. Для росписи стены, выложенной из кирпича, как предполагает А. Д. Варганов, сначала наносили слой из более грубой крупнозернистой штукатурки с примесью толченого кирпича, вместе с которым попадаются и кусочки керамики. Затем на него наносили второй, более тонкий и чистый слой, по которому и делалась роспись.

Итак, в результате работ 1937—1938 гг. по исследованию суздальского собора выяснилось, что белокаменному собору 1222—1225 гг., построенному Юрием Всеволодовичем, по-видимому, предшествовали не только собор Владимира Мономаха, но и строительство Юрия Долгорукого, датируемое около 1148 г.

В. Д. ЛЕНЬКОВ, Н. В. ОВСЯННИКОВ

О РЕЗУЛЬТАТАХ АНАЛИЗОВ КИРПИЧЕЙ И ФОРМОВОЧНОЙ ГЛИНЫ ИЗ ПЛАВИЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ ШАЙГИНСКОГО ГОРОДИЩА

Одним из интереснейших и важных этапов истории народов южной части советского Дальнего Востока по праву можно считать период, когда чжурчжэньские племена объединились в единое государственное целое — империю Аньчунь, т. е. Золотую (1115—1234 гг.). В этот период были построены многочисленные города, значительная часть остатков которых находится на территории советского Приморья. Небольшое количество чжурчжэньских городищ к настоящему времени частично исследовано. Наиболее широкие исследования проводились на территории Красноярского городища в районе г. Уссурийска, а также на территории Шайгинского городища в Партизанском районе Приморского края. Уже первые археологические исследования средневековых городищ в Приморье позволили говорить о разнообразной ремесленной деятельности чжурчжэней. Одной из наиболее развитых отраслей ремесла в то время было гончарство. Глина и изделия из нее находили широкое применение в хозяйственной деятельности чжурчжэней. Большое ее количество шло на изготовление посуды, терракоты, кровельной черепицы и т. п.[1] Широкое применение находили изделия из глины и в строительстве. Кроме кровельной черепицы «...строительным материалом для них служил кирпич синеватого цвета, отличавшийся необычной прочностью»[2], из которого были сложены фундаменты для различного рода зданий[3]. Сырцовые кирпичи чжурчжэньские строители широко применяли и при возведении оборонительных валов городищ[4]. Обожженные кирпичи размером $33 \times 22 \times 55$ *см* употреблялись при кладке печей в жилищах[5].

Итоги археологических раскопок Шайгинского городища, работы на котором ведутся с 1963 г. под руководством Э. В. Шавкунова, позволяют говорить о том, что наиболее массовое применение кирпич находил в сфере металлургического производства. Из кирпича, глины и камня возводились плавильные печи и горны. На территории пяти мастерских Шайгинского городища к настоящему времени вскрыты и изучены остатки 15 плавильных печей, восемь горнов и пять формовочных, или опочных, ящиков. При этом мастерская № 2 оказалась целым металлургическим

---

[1] Н. Н. Забелина. Из области средневекового искусства Дальнего Востока. МИА, 86, 1960, стр. 214—224; Э. В. Шавкунов. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962 гг.). МИС, 2, Новосибирск, 1966, стр. 286—296 и др.

[2] А. З. Федоров. Памятники старины в г. Никольске-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийск, 1916, стр. 12.

[3] Ук. соч., стр. 17.

[4] М. В. Воробьев. Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения. Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. 5. Этнография. Л., 1968, стр. 66.

[5] М. В. Воробьев. Два строения с канами в Красноярской крепости в Приморье. КСИА, АН СССР, 114, М., 1968, стр. 121.

комплексом, включавшим восемь плавильных печей, три горна и три формовочных, или опочных, ящика.

Устройство всех 15 плавильных печей по сути дела было одинаковым. Их основание покоилось на специально сооруженном фундаменте. Для сооружения такого фундамента в материковом слое выкапывалась неглубокая, овальная в плане яма, затем она забутовывалась слоем огнеупорной глины, поверх которой укладывался тщательно пригнанный друг к другу плоский речной галечник, будущее дно печи, и лишь после этого из кирпича возводились стены печи, т. е. собственно ее плавильная ванна. Как правило, печи имеют трапециевидную форму, несколько сужающуюся к устью. Наибольшая ширина печи, в задней от устья части, доходила до 2 *м*, а в передней, т. е. около устья, до 135 *см*. Длина печей от слива до задней стенки колеблется от 2 с лишним до 3 *м*. Стенки плавильной ванны выложены из серого стандартного кирпича размером 30 × 15 × 5 *см* с небольшими отклонениями в ту или другую сторону. Сохранность стен плавильных ванн у печей различна. Лучше всего обычно сохраняется кладка у задней, т. е. дальней от устья печи, стенки. В частности, у задней стенки печи в мастерской № 5 сохранилась кладка в семь рядов кирпичей, высотой, таким образом, до 50 *см* (с учетом толщины семи рядов кирпичей и цементирующей их обмазки). Такая же картина наблюдается и у некоторых печей в мастерской № 2, с той только разницей, что у них довольно хорошо сохранились и боковые стенки. Интересно отметить, что в центре задней стенки плавильных ванн печей отчетливо видно на кирпичной кладке большое, овальной формы красное пятно — результат длительного воздействия на эту часть стенки плавильной печи высокой температуры. Кирпичная кладка в этих местах плохой сохранности, кирпич сильно пережжен и легко крошится. Вполне возможно, что именно в этом районе печи находилась труба, вблизи которой была хорошая тяга. Сюда наиболее активно поступал воздух, в связи с чем здесь создавались наиболее высокая температура.

В том случае, когда у печей не сохранилась кладка плавильных ванн, форму печи и способы кладки их стен вполне можно проследить по остаткам нижнего ряда кирпичной кладки, так как здесь кирпичи хоть иногда и в разрушенном виде, полностью сохраняют свое первоначальное положение.

Все стенки плавильных ванн выложены стандартным кирпичом в два параллельных ряда, в связи с чем толщина стенок соответственно равна ширине двух кирпичей, т. е. 30 *см*. Следует заметить, что кирпичи строго выдержанных форм и размеров шайгинского стандарта были обнаружены в процессе раскопок и на других городищах. В частности, на Николаевском городище при исследованиях фундамента парадной арки было обнаружено, что фундамент ее сложен из четырех параллельных линий кирпичной кладки. При этом форма кирпича и его размеры строго соответствовали кирпичам с Шайгинского городища[6]. Следовательно, при изготовлении кирпича чжурчжэньские ремесленники уже руководствовались определенными стандартами, которые они старались выдержать.

Чжурчжэньские мастера в практике постройки плавильных печей использовали два способа кладки. Первый способ, носящий название «на плашку», состоял в том, что нижний ряд кладки, сложенный «в тычок» двумя параллельными рядами кирпича, перекрывался следующим рядом кладки, где кирпичи своей продольной частью были выложены под прямым углом по отношению к продольной части кирпичей нижнего ряда. Иногда кирпичи клались попарно: т. е. продольные части двух кирпичей нижнего и двух кирпичей верхнего ряда были взаимно перпендикулярны. Такой вид кладки при исследованиях плавильных печей был встречен только один раз. Второй способ, самый распространенный, заключался в

[6] Э. В. Шавкунов. Раскопки на Николаевском городище..., стр. 286—296.

том, что все кирпичи каждого ряда кирпичной кладки клались плоско, т. е. «в тычок» друг к другу. Края стенок плавильных печей получались при этом ровными и прямыми, поскольку ширина двух кирпичей соответствовала длине одного кирпича. Во втором виде кладки строго соблюдалась перевязка швов. Это достигалось смещением кирпичей верхнего ряда на половину или четверть их длины. Сплошные вертикальные швы чжурчжэньские мастера избегали, так как в противном случае швы могли расползтись и нарушить газоплотность печи. По всей вероятности, в связи с этой причиной и не нашел широкого применения в практике постройки плавильных печей первый тип кладки, так как при этом способе избавиться от сплошных швов на стенках плавильной ванны было невозможно. Единственный выход — нанесение толстого слоя огнеупорной глины на обе стороны плавильной ванны печи, что, очевидно, не всегда приносило ожидаемый результат. Во всех печах швы очень тонкие, стенки ровные и чистые. Это, безусловно, свидетельствует о технологической грамотности чжурчжэньских ремесленников. Для лучшего удержания тепла в печи стенки ее снаружи дополнительно обмазывались толстым слоем огнеупорной глины.

При разборке кладки стенок плавильных ванн печей была замечена интересная закономерность. В правом переднем углу нижней линии кладки почти каждой печи лежал кирпич с отпечатком кисти руки. При этом кисть руки всегда была направлена в сторону задней стенки печи. С чем это связано — с культом огня или каким-либо другим обычаем,— сказать трудно. Ясно одно: кирпичи с отпечатком руки мастера или строителя клались в строго определенное место — в правый передний угол.

Заполнение плавильных ванн каждой печи в основном также однородно. На самом верху, непосредственно под дерновым слоем, находился завал верхней части печи из битого и целого кирпича, сильно перемешанного с глиняной обмазкой, в том числе и обожженной. Это, по всей вероятности, остатки от сводов печей, которые не сохранились ни на одной из них. Тем не менее обилие обмазки в районе печей дает основание считать, что свод делался из глины, которая толстым слоем наносилась на сплетенный из лозняка и водруженный на стенки плавильной ванны каркас. При прогреве печей, каркас выгорал, а нанесенная поверх него глина обжигалась, в результате чего получался монолитный и достаточно прочный свод. Свод скорее всего имел арочную форму, т. е. в поперечном сечении представлял собой арку с постоянным радиусом. При ширине печей от 1,3 до 2 *м* радиус арки должен быть равен половине ширины печей, т. е. в среднем 70—80 *см*. Следовательно, при высоте арочного свода в 70—80 *см* и при высоте плавильных ванн, составляющей в среднем 50 *см*, высота печей могла достигать 110—120 *см*.

Необходимой принадлежностью каждой печи была сливная камера, или изложница. Она представляет собой расположенный вдоль передней стенки и врытый в землю ящик, дно и три стенки которого выложены из крупных плоских галечников и кирпича, причем последним выкладывалась, как правило, задняя стенка изложницы, а иногда и дно. В изложницах печей мастерской № 5 кирпичом выложены обе торцовые стенки. Размеры получаемого таким образом каменного ящика колеблются в пределах: длина 30—60 *см*, ширина 20—25 *см* и глубина 20—35 *см*. В одной из печей задняя стенка изложницы была облицована специальным фигурным кирпичом. Одна из сторон кирпича еще в сыром виде была вырезана таким образом, что при соединении двух кирпичей между торцовыми сторонами образовывалось четырехугольное отверстие. Возможно, что отверстие предназначалось для слива жидкого шлака из печи во время работы. Такое предположение в какой-то мере подтверждается тем, что довольно часто на территориях мастерских, обычно около слива, можно встретить кирпичи с наплывами шлака на их плоских сторонах. Создается впечатление, что расплавленный шлак тек по кирпичу и на нем

постепенно образовалась шлаковая корка. Рядом со сливными камерами печей в мастерской № 5 обнаружены остатки кирпичной кладки в один ряд. Кирпичная кладка сохранилась плохо. Но судя по оставшимся в кладке кирпичам, все они были первоначально положены плашмя, плотно друг к другу. В итоге кирпичной кладкой было выложено пространство от начала сливной камеры до передней стенки с таким расчетом, чтобы получилась плоская и ровная площадка с углублением для слива жидкого шлака. Обычно изложницы расположены своей продолговатой частью параллельно передней стенке устья печи. Но бывают и отклонения. Так, изложница одной из печей мастерской № 2 расположена под углом примерно в 45°.

На территории мастерских, как уже говорилось выше, обнаружено пять формовочных, или опочных, ящика. Они представляют собой каменные ящики, дно и стенки которых построены из плоских камней. В одном

Таблица I

Гранулометрический состав глин

Размер частиц, *мм*	Содержание, %	Состав	Содержание, %
5	0,8	Песок крупный	9,2
2	3,25		
1	5,15		
0,5	14,85	» средний	24,72
0,25	9,87		
0,10	14,35	» мелкий	26,28
0,05	12,53		
0,01	15,34	Горная пыль	27,20
0,005	11,86		
0,001	4,25	Глина	12,00
0,001	7,75		

из опочных ящиков было обнаружено заполнение, состоящее из плотной и вязкой глины светло-желтого цвета. Минералогический состав смеси представлен песчаной, пылеватой и глинистой составляющей. Песчаная составляющая состоит из угловатых обломков свежего полевого шпата ряда олигоклаза в количестве 96%. Эгирин и роговая обманка свежие — 3%, редкие зерна кварца, ортоклаза и акцессори — 1%. Пылевая составляющая представлена кварцевой и полевошпатовой пылью (60%) с примесью пылеватых частиц роговой обманки (20%) и большого количества лимонита (20%). Глинистая составляющая представляет: гидрослюды (биотитхлорит) — 23%; лимонит — 14,5%; глинистые частицы — 50,5 % и весьма тонкую горную пыль, по всей вероятности плагиоклаз,—12,0%.

Исследованный материал представляет собой искусственную смесь, что подтверждается следующими соображениями. Гранулометрический состав (табл. I) приближается к оптимальному (пористость 27,0%), что в природных условиях для такого рода образований встречается крайне редко (обычно пористость колеблется в пределах 36,0—42,0%). Песчаная составляющая представлена разнозернистой смесью из остроугольных частиц одного минерала — олигоклаза (кислый плагиоклаз), находящегося в свежем состоянии. Наличие песка такой формы и минералогического состава можно объяснить только искусственным получением его от дробления мономинеральной горной породы олигоклазового состава, так как в Приморском крае и вообще на всем Дальнем Востоке природных глинистых смесей подобного состава пока не обнаружено. Кроме того, существование олигоклазовой природной смеси даже современного (делювий) возраста вообще невозможно, так как этот минерал при естественном разрушении (выветривании) горной породы весьма нестоек и быстро переходит в глину и свободных зерен (тем более очень свежего минерала) не дает.

Если бы эта смесь была природного характера, в ней бы присутствовали зерна кварца (обязательно слабоокругленные), зерно горных пород (роговика фельзита и др.) и в заметно подчиненном количестве полевой шпат типа ортоклаза, но обязательно выветрелый, и различные акцессории (апатит, сфер и др.). Примесь полевого шпата типа олигоклаза и ему подобных в природных песках редко составляет 1,0—1,5% и чаще относится к группе акцессориев (в песках).

Глинистая масса смеси, согласно минералогическому и химическому анализу (табл. II), представлена каолинитом, окрашенным гидроокислами железа в желтый цвет, к которому примешана полевошпатовая (наличие окиси кальция) и гидрослюдистая (наличие окислов и щелочей) пыль. По всей вероятности, перед введением глины в массу смеси она подвергалась простейшему обогащению (отмучиванию), так как в ней нет примесей манералов, обыкновенно сопутствующих природным каолинитовым глинам (кварц, акцессории).

Таблица II

Химический состав глинистой составляющей, %

Соединение	%
Кремнезем	43,30
Окись алюминия	28,21
» железа	12,49
» кальция	0,68
» магния	1,30
Сумма окислов щелочи	0,30
Серный ангидрид	Нет
Потери при прокаливании	12,64

Наличие в глине большого количества железа, отмеченного при химическом (табл. II) и минералогическом анализе (лимонит), указывает на засоренность ее вторичными примесями. Исследования под бинокуляром лимонитовых зерен показали, что они мало похожи на образования природного лимонита (округлые, ноздреватые песчинки), а представлены пластинчатыми, игольчатыми и угловатыми частицами, напоминающими собой дробленую «окалину» железа. Последнее вполне вероятно, если предположить, что исследованная масса ранее использовалась как формовочная земля при чугунном литье. Тот факт, что в опочных ящиках отливались чугунные изделия, подтверждается находками мелких кусочков окалины около них, а также выплеском металла с содержанием углерода в нем 4 % и микроструктурой, характерной для белого чугуна, обнаруженного рядом с опочным ящиком. Кроме того, соотношение песчаного скелета (88%) и глины (12%) примерно соответствует составу массы, которая в настоящее время употребляется как «формовочная» земля (см. табл. I).

Таким образом, анализируемая смесь является и искусственной. Она составлена из специально приготовленного (дробленого и рассеянного по фракциям, что обеспечило смеси высокую оптимальность песка) состава, образованного обломками и зернами минерала олигоклаза и обогащенной каолинитовой глины. По данным исследования, эта смесь может быть определена как «формовочная земля» для чугунного литья. Наличие в смеси частиц «окалины» указывает на то, что она ранее использовалась для изготовления литейных форм.

Обращает на себя внимание тот факт, что чжурчжэньские мастера для придания стенкам форм легкой проницаемости в качестве песчаного скелета вводили полевошпатовые (олигоклазовые), а не кварцевые пески, которые используются в настоящее время.

Для отливки изделия, не требующих трудоемких и длительных процессов формовки, вполне пригодны такого рода формовочные, или опочные, ящики. В них отливались вещи, которые формовались одним приемом в формовочной смеси. К таким отливкам можно отнести, например, чеки для колес повозок, втулки для ступиц колеса, сравнительно часто встречающиеся на территориях как мастерских, так и жилищ.

Взятые из кладок плавильных печей мастерских № 2 (Ш 5-2), № 4 (Ш 6-4) и № 5 (Ш 7-5) целые кирпичи были подвергнуты исследованиям

в лаборатории неметаллических полезных ископаемых Дальневосточного политехнического института имени В. В. Куйбышева, в которой ранее была исследована формовочная земля. Помимо этого в качестве сравнительного материала изучался кирпич из кладки парадной арки Николаевского городища (Н 2-1).

Макроскопическое исследование показало, что три образца имеют светло-серый цвет, а четвертый серо-буроватый, мелкозернистый с единичными включениями крупных, угловатых зерен горной породы (аргелит — плотный глинистый сланец) размером от 3 до 18 *мм*. В кирпичной массе выявлено большое количество макропор различной величины (от 0,1 до 15 *мм*). Мелкие поры почти круглые, сплюснутые, длинная ось их всегда параллельна поверхности кирпича. Верхняя сторона кирпичей неровная, бугорчатая; боковая и нижняя — ровные, гладкие. Распределение крупных кусков отощателя (крупнее 3 *мм*) неравномерное, они разбросаны в беспорядке по всей массе изделия. Мелкий отощатель с множеством мелких белых включений (каолинизированный полевой шпат) распределен достаточно равномерно.

Таблица III

Содержание глины (цемента) и песка (отощателя) в изделиях

№ пробы	Содержание, %	
	цемент (глина) и его характер	отощатель (песок), слабоокатанный
Ш 5-2	12—15 контактно-поровый	85—88
Ш 6-4	15 контактно-поровый	85
Н 2-1	15—20 контактный, переходящий к поровому	80—85
Ш 7-5	12—15 контактный	85—88

Микроскопическое исследование выявило зернистую структуру; цемент в породе контактовый, реже переходит к порово-контактному, равномерно распределен по всей массе породы, склеивая приближающиеся друг к другу кусочки (песчинки) отощателя. Микропоры между отдельными частицами (в уголках) редки, а в массе изделия их много, но они окружены несколькими песчинками и остались на месте «задельной» воды, которая была введена при изготовлении кирпича. Состояние отдельных минералов (песчинок) следующее: аргиллит обезвожен (превращен в метааргиллит) и находится в форме шамота; кварц частично превращен в тридмит; полевой шпат превращен в метакаолинит. Последнее можно объяснить только тем, что в керамическую массу он был введен уже в стадии начального разрушения (серицитизация, каолинизация).

Темноцветные и стекло слабо изменены (легкое помутнение) с весьма незначительным изменением их констант. Рудный минерал (скорее всего пирит) превращен в порошок серого цвета. Общей степени вторичного выветривания кирпича не установлено, за исключением тонкой лимонитовой пленки на поверхности образцов (Ш 5-2), (Ш 6-4), (Ш 7-5) и ясно заметной лимонитизации глинистого цемента в образце (Н 2-1).

По окраске образцы делятся на светло-серый (Ш 5-2, Ш 6-4, Ш 7-5) и серо-буроватый (Н-2-1).

Общие исследования петрографических и физико-механических свойств приведены в табл. *III—VI*.

Все четыре образца подверглись прокаливанию до 800° С с целью определения их гигроскопической влажности. Результаты приведены в табл. *VII*.

На основании разносторонних исследований можно заключить следующее. Кирпичи, которые подверглись лабораторному изучению, приготовлялись ручным способом (уплотнением). Масса «бросалась» в форму отдельными порциями и затем уплотнялась руками. Заброска готовой массы шла отдельными небольшими порциями, примерно в 0,25% от мас-

Таблица IV

Минералогичексий состав отощателя (песка)

№ пробы	Содержание, %					
	кварц	полевой шпат	темноцветные	стекло вулканическое	рудные минералы	аргиллит
Ш 5-2	65,0	15,0	4,0	3,0	3,0	10,0
Ш 6-4	70,0	7,0	3,0	10,0	8,0	2.0
Н 2-1	60,0	10,0	8,0	12,0	7,0	3,0
Ш 7-5	55,0	15,0	15,0	5,0	5,0	5,0

Таблица V

Гранулометрпческий (зерновой) состав отощателя

№ пробы	Среднее содержание песчаных зерен, %			
	крупнее 1 *мм*	от 1 до 0,5 *мм*	от 0,5 до 0,1 *мм*	от 0,1 до 0,01 *мм*
Ш 5-2	8,0	12,0	30,0	50,0
Ш 6-4	5,0	5,0	40.0	50,0
Н 2-1	5,0	5,0	40,0	50,0
Ш 7-5	Нет	15,0	30,0	55,0

Таблица VI

Физико-механические свойства кирпича

№ пробы	Удельный вес, *г/см³*	Объемный вес, *г/см³*	Пористость	Водопоглощение, %	Прочность в сухом состоянии, *кг/см*
Ш 5-2	2,71	1,70—1,77 ср. 1,74	37,5—40.0 ср. 36,0	16,5	56,7—76.9 ср. 65,3
					36,5—57,5 ср. 38,6
Ш 6-4	2,70	1,69—1,88 ср. 1,79	30,3—37,4 ср. 33,6	16,5	39,5—57,5 ср. 49,1
					18,5—30,5 ср. 25,0
Н 2-1	2,71	1,60—1,86 ср. 1,73	31,5—40,9 ср. 36,3	19,1	15,1—19,2 ср. 17,1
Ш 7-5	2,70	1,65—1,82 ср. 1,72	30,6—39,6 ср. 35,2	18,1	58,6—81,2 ср. 75,11
					18,1—21.2 ср. 20,8

сы изделия, так как в кирпиче много крупных пустот (пор), которые могли образоваться только при ручном (слабом) уплотнении, когда выдавить весь воздух из массы не представлялось возможным. При приготовлении всей общей массы в яме или бунте таких пор получиться не могло. При ручном уплотнении отдельных набрасываемых порций воздух, попавший между ними, образовывал крупные пустоты; принимавшие «сплюснутую» форму при давлении сверху, длинная ось их, т. е. пустот, параллельна поверхности изделия (перпендикулярна направлению давления). Изделие формовалось при максимальном количестве

задельной воды (до 30—35%). Последняя была нужна для придания формуемой массе требуемой «легкоукладываемости». Глина была высокопластична, природно отмытая или искусственно обогащенная (отмученная), так как в кирпичной массе не обнаруживается кусочков материнской породы (фельзит, полевошпатовый порфир или слюда гранитов). Под микроскопом видны «облачные» поля на месте глин, что говорит о ее хорошей подготовке до момента приготовления шихты и общего замеса. Для придания массе необходимых керамических свойств (усадка, избежание трещин, легкость сушки) в нее вводился отощатель, сначала при тщательном перемешивании (первая стадия) — горный песок, а затем при небольшом повторном перемешивании (вторая стадия) — аргиллит, который играл роль шамота, т. е. компенсатора при огневой усадке. Песок в качестве отощателя брался из отложения горных рек, на что указывает слабая окатанность зерен кварца и присутствие темноцветных. Если бы песок брали из кос рек предгорья, в нем не было бы темноцветных, так как последние при длительном пути волочения очень быстро дробятся в тонкую пыль и исчезают. Перемешивание песка и глины было длительным и весьма тщательным процессом, так как их распределение в керамической массе равномерно. Добавка аргиллита после первого замеса проходила перед самой формовкой изделия и была менее тщательна — распределение последнего в общей керамической массе менее равномерно, чем песка. Песок перед замесом просеивался, так как в нем нет зерен крупнее 3 *мм*, а аргиллитовая добавка была несортированной (куски аргиллита имеют размеры от 0,1 до 18 *мм*). В целом керамическая масса была хорошо подобрана, так как на кирпичах нет трещин огневой усадки. Обжиг изделий проводился в восстановительной среде, на что указывает серый цвет изделий. Один кирпич (Н 2-1) был слабо-бурого цвета. Огневые исследования показали, что он подвергся поверхностному выветриванию и железо, находившееся в

Таблица VII

№ пробы	Влага при 800° С	Цвет черепка после обжига
Ш 5-2	0,43	Розовый
Ш 6-4	0,53	»
Н 2-1	1,12	Кирпично-розовый
Ш 7-5	0,61	»

Таблица VIII

	Кирпич современный	Кирпич чжурчжэней
Прочность, *кг/см²*		
Направление усилия перпендикулярно «планке»	89,0—143,0	49,1—75,2
Направление усилия параллельно «планке»	Не определялось	20,8—38,6
Пористость, %	23,0—32,0	36.0—39,0
Водопоглощение, %	17,6—23,1	16,5—18,1
Объемный вес, *г/см³*	1,68—1,86	1,72—1,79

нем в форме гематита, перешло в гидрогематит. Прокаленные в печи остальные образцы при температуре 800° С тоже изменили свой цвет до состояния нормального красного кирпича, которое изделие приобретает при обжиге в окислительном пламени. На то, что кирпич (Н 2-1) подвергся поверхностному выветриванию, указывает и его пониженная по отношению к другим образцам прочность (табл. VI), не свойственная прочности ранее испытанных кирпичей. Скорее всего кирпич, применявшийся

в строительстве различных бытовых и культовых построек, обладал меньшей прочностью по сравнению с кирпичом, который шел на постройку плавильных печей. Это и понятно, поскольку в последнем случае кирпич был рассчитан на длительную эксплуатацию при высоких температурах. Поэтому его предварительно хорошо сушили и обжиг производили при температуре 880—920° С (кварц частично изменил свои оптические свойства, полевой шпат перешел в метакаолинит, а темноцветные не изменили заметно своих констант, что бывает лишь при температуре 960—980° С). Нагрев был равномеро-постепенным, кирпич прогревался одинаково, на всю глубину изделия, что избавляло от появления в них трещин неравномерной усадки и трещин коробления.

Сравнивая данные испытаний средневековых кирпичей с величинами физико-механических свойств кирпичей современного изготовления (табл. VIII), нетрудно заметить, что величины физических свойств у них почти одинаковы, но прочность на сжатие у современного кирпича почти вдвое больше средневекового. Это явление вполне объяснимо, если принять во внимание почти 800-летний срок «службы» последних, в течение которого они непрерывно находились под непосредственным действием агентов химического и механического выветривания и, конечно, должны были потерять свою свежесть, что в первую очередь отражалось на прочности изделия. Несколько большая пористость древнего кирпича по сравнению с современным объясняется наличием в их массе крупных пор, являющихся результатом ручной выделки.

Все данные позволяют предполагать, что «свежие» чжурчжэньские кирпичи по своей прочности были не хуже современных, а их долговечность (сопротивление выветриванию) была несомненно лучше последних, поскольку они после 800-летнего пребывания в очень тяжелых условиях (абсолютно не защищенных от интенсивного разрушающего действия атмосферных агентов) сумели сохранить такую прочность, которая и для наших изделий считается хорошей. Хорошая сохранность изделий, а особенно относительно большая марка прочности при весьма длительном времени существования их говорят о высокой культуре технологии изготовления кирпичей средневековыми чжурчжэньскими ремесленниками.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно заключить следующее. Чжурчжэньские ремесленники были хорошо знакомы с гончарным делом, в том числе и с его отдельной отраслью — производством кирпича. В зависимости от назначения кирпич изготовлялся различного качества и размера. Для возведения оборонительных валов городища применялся сырцовый кирпич больших размеров. Больших размеров кирпич, но уже обожженный, шел на кладку печей в жилищах дворцового типа. Хорошо обожженный кирпич строго определенного стандарта применялся для кладки стен плавильных печей и горнов, а также под фундамент зданий дворцового типа и парадных арок. Безусловно, для того чтобы ремесленник при изготовлении мог строго выдержать размеры кирпича, он должен был применять специальные формовочные ящики, которые были скорее всего деревянными. Отформованный кирпич определенное время выдерживался на солнце — сушился. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что на некоторых обожженных кирпичах можно увидеть отпечатки лап домашних животных, чаще всего собаки. Очевидно, кирпич изготовлялся сразу большими партиями и просушка его требовала большой площадки, вблизи которой могли находиться и домашние животные.

Массовое производство кирпича, несомненно, уже носило специализированный характер. Возможно, что наряду с производством посуды по мере надобности гончар изготовлял и кирпич, который шел на нужды не только жителей Шайгинского городища, но и вывозился, очевидно, за его пределы в другие близлежащие районы. Для того чтобы было ясно, кому предназначалась та или иная партия кирпича, мастер ставил на них своего рода тамгу, или клеймо. Одна из обнаруженных тамг представляет

собой прочерченный по сырой глине прямоугольник с крестом внутри. Иногда определенные партии кирпича, по всей вероятности, нумеровались, поскольку на одном из кирпичей обнаружен знак в виде чжурчжэньской цифры «семь», по определению Э. В. Шавкунова[7].

Поскольку кирпич стал находить широкое применение в хозяйстве чжурчжэней, был введен его стандарт, из которого наиболее распространенным стал кирпич размером 30 × 15 × 5 *см*. Такого размера кирпич очень хорошо подходил в цепкой кладке, перевязке, широко применявшейся чжурчжэньскими ремесленниками. Вообще кирпич, имеющий отношение длины к его ширине 2 : 1, был наиболее выгодным и удобным при строительстве и применялся у многих народностей[8].

V. D. Lénkov, N. V. Ovsiannikov

L'ANALYSE DES BRIQUES ET DES ARGILES À MOULER PROVENANT DES ATELIERS DE FONDERIE DE LA GORODICHTCHÉ CHAIGHINSKOÏÉ

Résumé

De récentes recherches archéologiques des monuments moyen-âgeux du Primorié (la région littorale de l'Extrême Orient Soviétique) ont montré que chez les artisans de Tchourtchen était très repandu l'emploi des briques en vue d'édifier des bâtiments civils et cultuels ainsi que pour construire des fours et creusets de fonderie. Des études de laboratoire des briques permettent de conclure que, d'après sa composition et ses propriétés physico-mécaniques, ce matériel de construction était très durable et se distinguait de haute qualité.

Préparée d'une façon appropriée, l'argile était mise en oeuvre comme terre de moulage en vue de couler des objets de fonte. A en juger selon des analyses minéralogiques et chimiques la terre de moulage fut préparée d'un mélange spécialement conçu. Ce dernier se diffère de la terre à mouler moderne par la présence, dans son squelette sableux, des sables feldspathiques (d'oligoclase) et non pas des sables quartzeux. Par ses propriétés physico-techniques ce mélange se distingue peu de la terre de moulage de nos jours.

A la fin de l'article il y a des tables où sont récapitulés tous les résultats des essais des briques et des terres de moulage.

---

[7] Э. В. Шавкунов, В. Д. Леньков. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1968 году (Рукопись). Архив ДВФ СОАН СССР, ф. 1, оп. 6, № 112, табл. II.

[8] М. Ю. Чертов. Повесть о глине. М., 1968, стр. 23.

Заметки

Н. И. БУРЧАК-АБРАМОВИЧ, В. П. ЛЮБИН

ОРНИТОФАУНА ПЕЩЕРЫ КУДАРО I (ЗАКАВКАЗЬЕ)

Карстовая пещера Кударо I расположена на территории Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР, у верхнего предела горно-лесной зоны южного склона центральной части Большого Кавказа, в среднем течении р. Джоджори (левый приток р. Риони), на абсолютной высоте 1600 *м*. Пещера обнаружена в 1955 г. палеолитическим отрядом Института археологии АН СССР, работавшим в составе Юго-Осетинской экспедиции Академии наук Грузии, и раскапывалась этим отрядом в 1956—1959, 1961 гг. В колонке культурных напластований пещеры отмечено девять слоев: энеолитический (слой 1), мезолитический — финально-верхнепалеолитический (слой 2), мустьерские (слои 3а, 3б, 3в, 4), ашельские (5а, 5б, 5в). Стерильные прослои между слоями отсутствуют [1].

Палеонтологические остатки насчитывают около 100 000 костей, 65—70% которых оказались диагностичными: установлена их принадлежность 85 видам крупных млекопитающих, грызунов, птиц, рыб, амфибий, рукокрылых (определения Н. К. Верещагина, И. М. Громова, Н. И. Бурчак-Абрамовича, Е. А. Цепкина, И. С. Даревского, Д. В. Гаджиева). Среди них наиболее интересны Macaca sp. (единственный представитель ископаемых приматов в плейстоцене СССР), красный волк, пещерный медведь, пещерный лев, леопард, сурок, дикобраз, прометеева мышь, кавказский тур, баран-аммон, носорог, празубр и др. [2]

Остатки птиц представлены 252 костями; 145 из них были определены Н. И. Бурчак-Абрамовичем. В список входит 25 видов. Не законченное еще определение костей мелких воробьиных увеличит список на несколько единиц.

В списке значатся: 1) черная желна Dryocopus martius (L.) — 1 кость взрослой особи; 2) сизый голубь Columba livia L. — 1 кость взрослой особи; 3) чирок-свистунок Anas crecca L. — 1 кость/ad.; 4) утка-широконоска Anas clypeata L. — 1ad.; 5) белоглазый нырок Aythya nyroca (Güld.) — 1/1ad.; 6) красноголовый нырок Aythya ferina (L.) — 1/1ad.; 7) обыкновенная неясыть Strix aluco L. — 3 кости/2ad.; 8) домовый сыч Athene noctua (Scop.) — 1/1ad.; 9) лесной сарыч Buteo buteo (L.) — 2 кости/2ad.; 10) орел-беркут Agulia chrysaetos L. — 1/1ad.; 11) ястреб-тетеревятник Accipiter gentilis (L.) — 1/1ad.; 12) ястреб-перепелятник Accipiter nisus (L.) — 1/1ad.; 13) сокол-дерб-

[1] В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). ИВГО, Л., 1959, 91, 2, стр. 173—183.

[2] Н. К. Верещагин. Плейстоценовые позвоночные из пещеры Кударо в Юго-Осетии и их значение для разработки истории фауны и ландшафта Кавказа. ДАН СССР, 113, 1957, 6, стр. 1347—1349; его же. Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.— Л., 1959.

ник Aesalon columbarius (L.) — 1/1ad.; 14) обыкновенная пустельга Cerchneis tinnunculus (L.) — 20 костей от нескольких особей; 15) кавказский тетерев Lyrurus mlokosiewiczi (Tac) — 20 костей от нескольких особей; 16) серая куропатка Perdix perdix (L.) — 5 костей/2 ad.; 17) кеклик Alectotis kakelik (Falk) — 3 кости; 18) фазан Phasianus colchicus L. — 2 кости / 2 ad.; 19) перепел Coturnix coturnix (L.) — 1 кость; 20) горная индейка (кавказский улар) Tetraogallus cf. caucasicus (Pal) — 4 кости / 2 ad.; 21) дикая курица Gallus sp. — 5 костей / 2 ad., 1 semiad.; 22) гусь (серый?) Anser sp. — 1 кость; 23) клушица Pyrrhocorax pyrrhocorax (L.) — 11 костей от нескольких особей; 24) альпийская галка Pyrrhocorax graculus (L.) — 49 костей от нескольких взрослых и молодых особей; 25) скальная ласточка Riparia rupestris — 1/1ad.; 26) мелкие воробьиные Passeriformes — несколько косточек.

Кости птиц составляют лишь 0,25% общего количества найденных костей, но по количеству видов — почти третью часть (29,4%) общего списка видового состава.

По количеству остатков птиц и их видовому богатству пещера Кударо I превосходит все известные в настоящее время палеолитические стоянки Кавказа. 20 из 25 отмеченных в списке видов птиц вообще впервые констатированы в нижнем палеолите Кавказа (пять видов — улар, кеклик, кавказский тетерев, дикая курица и альпийская галка — ранее были известны: один-три из этих видов указаны в списках фауны нижнепалеолитических слоев пещер Цонской, Джручула, Кепшинской и Ереванской). В нижнепалеолитических (мустьерских и ашельских) слоях пещеры Кударо I представлены все семь видов куриных (Galliformes), отмеченные до сих пор в фауне палеолита и мезолита Кавказа [3]. Некоторые из встреченных в Кударо I видов птиц (обыкновенная неясыть, ястреб-перепелятник, сокол-дербник) не были до настоящего времени известны даже в кавказских местонахождениях четвертичной фауны (в том числе и в Бинагадах).

Особая ценность кударской орнитофауны заключается в том, что фиксация находок по стратиграфической вертикали придает ей значимость дополнительного показателя при реконструкции природной обстановки в период обитания в пещере мустьерского и ашельского человека. Комплекс имеющихся литологических, археологических, палеонтологических и палинологических данных позволяет отнести орнитофауну мустьерских слоев к первой половине последнего (вюрмского) оледенения, верхняя граница которой определяется радиоуглеродной датой самого позднего мустьерского слоя пещеры (слой 3а) в 44 150±2400, 44 150±1850. (Cr № 6079) [4]. Орнитофауна же ашельского слоя предположительно относится ко времени предпоследнего (рисского) оледенения или к концу миндель-рисского межледниковья.

Орнитологические находки, как кажется, не противоречат этим хронологическим привязкам. Так, об изменении ландшафтно-климатической обстановки в районе пещеры в начале вюрма говорит значительная концентрация костей альпийской галки в низах мустьерских отложений (слой 4). Об условиях похолодания и увлажнения свидетельствует также нахождение в мустьерском слое почти всех остатков водоплавающих птиц и, что особенно показательно, всех встреченных костей кавказского улара, относимого к числу наиболее характерных альпийских птиц Кавказа. При рассмотрении же палеогеографических условий времени накопления ашельских слоев следует отметить, что только в этих слоях встре-

[3] Н. И. Бурчак-Абрамович. Куриные (Galliformes) в фауне палеолита и мезолита СССР. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 33—37.

[4] В. П. Любин. Мустьерская эпоха на Кавказе. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 11—14.

чены остатки дикой курицы и фазана. Среди указанных в списке видов птиц один вымерший (Gallus sp.), остальные и ныне продолжают существовать на Кавказе. К высокогорным (альпийским) относятся горная индейка, альпийская галка, кавказский тетерев; к обитателям леса — лесной сарыч, обыкновенная пустельга, ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, обыкновенная неясыть, черная желна; к птицам скалистых участков — кеклик, клушица, сизый голубь, обыкновенный сыч. Серая куропатка, перепел могли населять горные луга и опушки лесов. Дикие гуси и утки, по-видимому, были добыты первобытными охотниками на горных озерах и реках осенью или весной во время сезонных перелетов. Фазан и дикая курица, должно быть, гнездились где-то в кустарниковых зарослях речных долин.

Остановимся на некоторых видах более подробно.

Кавказский тетерев — эндемик фауны Кавказа, распространенный на Главном Кавказском хребте, горах Малого Кавказа и в сопредельных районах Турции. Населяет альпийские и субальпийские луга на высотах 1500—3000 *м* над уровнем моря, зимой спускается ближе к верхнему пределу леса или заходит в него. В ископаемом состоянии впервые обнаружен в верхнем палеолите пещеры Гварджилас-Клде в Имеретии по материалам, собранным еще в 1916 г. (раскопки С. Круковского) и хранящимся в Геологическом отделе Государственного музея Грузии. Впервые упомянут в 1964 г. в списке птиц Гварджилас-Клде и пещеры Кёп-Багаз в Южной Абхазии[5]. Затем, в 1965 и в 1966 гг., упоминается для пещер Кёп-Багаз и Хупынипшахва в Абхазии и более подробно описан в статье о птицах палеолита пещеры Гварджилас-Клде[6]. Сейчас кавказский тетерев констатирован в ряде палеолитических и мезолитических пещерных стоянок Закавказья (Кударо I, Джручула, Кепшинская, Ереванская пещеры и др.). Пока ископаемый кавказский тетерев не найден в Азербайджане. Кости его ничем не отличаются от костей современного кавказского тетерева, тогда как различия в костях между кавказским и обыкновенным северным тетеревом наблюдаются.

Горная индейка (улар). Распространена на Кавказе по Главному Кавказскому хребту (Tetraogallus caucasicus (Pall.)) и в горах Малого Кавказа (Tetraogallus caspius tauricus Dress.). Остальные 11 подвидов четырех видов населяют горы Центральной Азии, Турции, Ирана, Монголии, Пакистана и Афганистана. Улары — типичные жители альпийской и субальпийской зон, встречаются на высоте от 1800 до 4000 *м* и выше, до границы вечных снегов. Это очень осторожная птица, и охота на нее среди скал и пропастей весьма трудна и опасна. В ископаемом состоянии ни один из видов уларов не был известен, и только в 1964 г. две кости улара (левая плечевая кость и каракоид) впервые были встречены в ашельских слоях пещеры Цона в Южной Осетии среди материала раскопок А. Н. Каландадзе. Улар был оставлен под наименованием «Tetraogallus sp.».[7] В 1966 г. улар (левая плечевая кость) найден в мустьерском слое Кепшинской пещеры в сочинском Причерноморье

[5] N. I. Burčak-Abramovič. Fosilní ptáci krasových jeskyní SSSR. Vytahy z referatů Mezinárod, speleolog. konference v Brně 29.VI.— 1.VII, 1964, Brno, 1964, стр. 89—91.

[6] Н. И. Бурчак-Абрамович. История четвертичной орнитофауны Кавказа. Новости орнитологии. Материалы IV Всес. орнитол. конф. 1—7 сентября 1965 г. Алма-Ата, 1965, стр. 50—52; его же. Птицы верхнепалеолитической стоянки пещеры Гварджилас-Клде в Имеретии. «Пещеры Грузии», 4. Тбилиси, 1966, стр. 93—110; его же. К изучению плейстоценовой фауны Кавказа (ископаемые птицы). Изв. АН АзербССР, сер. наук о Земле, 6. Баку, 1966, стр. 38—42. N. I. Burchak-Abramovich. Fossil Birds in the Caves of the USSR. Problems of the Speleological Research. II. Proceeding of the Internat. Speleol. Conf. held in Brno June 29 — Jule 4 1964. Brno, 1966, стр. 231—245.

[7] N. I. Burčak-Abramovič. Fosilní ptáci...; его же. История четвертичной орнитофауны Кавказа; его же. К изучению плейстоценовой фауны Кавказа...; его же. Fossil Birds in the Caves of the USSR...

(на р. Мзымта, в ущелье Ахцу, на высоте 200—250 *м* над уровнем моря). В это же время четыре кости улара (в том числе каракоид и синсакрум) были определены при изучении костных материалов, найденных в 1957—1958 гг. в мустьерских уровнях 3б и 3в восточной галереи пещеры Кударо I. Таким образом, сейчас известны три находки ископаемых уларов (пещеры Кударо I, Цона, Кепшинская) с южных склонов Главного Кавказского хребта. Из них находка в Кепшинской пещере интересна своим низким положением над уровнем моря, что может быть объяснено иным распределением ландшафтных высотных зон в мустьерское время, т. е. резким смещением тогда их книзу, ближе к высотному уровню Кепшинской пещеры [8]. Систематическое положение ископаемого улара из этих пунктов пока остается неясным, но скорее всего это Tetraogallus caucasicus или близкая к нему форма, так как по своим особенностям кости ископаемого улара из указанных трех мест стоят ближе к T. caucasicus (Pall.), чем к T. caspius (Gm). Только новые ископаемые материалы помогут решить вопрос систематического положения ископаемых кавказских уларов и их отношение к современным T. caucasicus (Pall.) и T. caspius (Gm.).

Дикая курица (Gallus sp.). Исключительный интерес для орнитофауны Кавказа представляет нахождение в палеолите Грузии дикой курицы (Gallus sp.). Ашельская дикая курица пещеры Кударо I представлена пятью костями от одной взрослой и одной полувзрослой особей средних размеров. Присутствие молодой особи говорит о том, что дикая курица гнездилась где-то не слишком далеко, вероятно, ниже по склону, возможно, в зарослях речной поймы вместе с фазанами. В плейстоценовой фауне Грузии (и всего Кавказа) известны две находки остатков дикой курицы. Первая была описана в 1965 и 1966 гг. в составе орнитофауны верхнепалеолитической стоянки (мадлен) пещеры Гварджилас-Клде в Имеретии [9], но первое упоминание о ней относится еще к 1964 г. — в списке птиц стоянки Гварджилас-Клде, опубликованном в ЧССР [10]. Дикая курица из Гварджилас-Клде отличается небольшими размерами (величиной с белую куропатку), значительно уступая в размерах ашельской курице из Кударо I. В Гварджилас-Клде было найдено четыре кости, принадлежащие одной взрослой и одной молодой особи. Последнее, как и в Кударо I, указывает на близкие места гнездования. Местоположение стоянки Гварджилас-Клде значительно ниже (около 500—800 *м* над уровнем моря), чем Кударо I, что предполагает здесь более благоприятные условия для обитания дикой курицы по сравнению с высокогорным Кударо I. Дикие курицы из Кударо I и Гварджилас-Клде имеют разный геологический возраст, отличаются размерами и, по всей вероятности, принадлежат разным новым ископаемым видам рода Gallus — мелкому и средних размеров, но до поступления более полных материалов по плейстоценовым курам Грузии решать этот вопрос нельзя.

Ископаемые верхнетретичные представители рода Gallus известны в фауне СССР по трем находкам с юга Украины и Молдавии. Это Gallus aff. aesculapi Gaud. из меотической гиппарионовой фауны с. Ново-Елизаветовки, описанный А. Алексеевым в 1916 г., и Gallus aesculapi Gaud., приводимый В. Ласкаревым [11] в списке меотической фауны Колкотовой

[8] В. П. Любин, Н. И. Бурчак-Абрамович, М. Н. Клапчук. Кепшинская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена сочинского Причерноморья. КСИА АН СССР, 126, 1971.

[9] Н. И. Бурчак-Абрамович. История четвертичной орнитофауны Кавказа...; его же. Птицы верхнепалеолитической стоянки Гварджилас-Клде...; его же. К изучению плейстоценовой фауны Кавказа: его же. Fossil Birds in the Caves of the USSR.

[10] N. I. Burčak-Abramovič. Fosilní ptáci...

[11] В. Ласкарев. Геологические наблюдения в окрестностях Тирасполя. Зап. Новороссийск. о-ва естествознания, 33, 1908; его же. Заметка о новых местонахождениях ископаемых млекопитающих в третичных отложениях Южной России. Зап. Новороссийск. о-ва естествознания, 38, 1911.

Балки возле Тирасполя, но оставшийся неописанным. А. Я. Тугаринов [12] кратко описывает Gallus aesculapi Gaudry (две половинки таза) в составе среднеплиоценовой фауны карстовых пещер Одессы.

В плейстоценовой фауне СССР дикая курица (Gallus sp.) в последнее десятилетие была констатирована в ряде пунктов Украины, Крыма, Молдавии и в Грузии на Кавказе. Так, впервые в 1959 г. «дикая курица Gallus sp.» приводится М. А. Воинственским и А. С. Уманской для раннего голоцена аллювиальных отложений Нижнего Днепра [13]. В резюме авторы высказывают мысль, что в плейстоцене Европы существовала какая-то курица, близкая к азиатской Gallus gallus L., которая явилась, по-видимому, предком европейских домашних кур. Аналогичные взгляды высказывает М. А. Воинственский в 1959 г. и в другой работе [14].

В 1962 г. дикая курица (Gallus sp.) кратко описывается И. В. Марисовой и К. А. Татариновым по грудной кости из верхнего плейстоцена пещеры Крывчанской Тернопольской обл. Западной Украины [15]. В том же году И. В. Марисова приводит Gallus sp. в списке антропогеновых птиц Подолии («дикая курица, близкая к современной домашней» из Крывчанской пещеры [16]). В 1963 г. И. В. Марисова указывает дикую курицу (Gallus gallus L.) в списке птиц раннего голоцена окрестностей г. Кременца Тернопольской обл. (13 костей/4 особи) [17]. В 1965 г. И. В. Марисова и К. А. Татаринов помещают «дикую курицу» в списке плейстоценовых птиц сел Кривче и Синяково Тернопольской обл. и в конце статьи пишут: «дикая плейстоценовая курица, встречавшаяся на юго-востоке Европы (в частности, на Украине), могла быть родоначальником европейских пород домашних кур» [18]. Наконец, в работе 1969 г. И. В. Марисова снова возвращается к дикой курице (Gallus sp.), помещая ее в списке плейстоценовых птиц Крывчанской пещеры (I sternum, I carpometacarpus sin.). В тексте дано краткое описание грудной кости, «объединяющей в себе черты современной домашней курицы и фазана... Возможно, что в плейстоцене на Украине существовала какая-то дикая курица (род Callus), сравнительно небольших размеров, которая и была позднее одомашнена человеком» [19]. Дикая курица (Gallus gallus L.) приводится и в списке антропогеновых позвоночных Нижнекрывчанской пещеры (2 кости/1 особь) в работе К. А. Татаринова и Г. А. Бачинского [20]. О молдавских находках дикой курицы сообщают И. М. Ганя, Н. А. Кетрару (2 кости / 2 особи) в мадленских слоях грота Старые Друиторы [21]. В Крыму остатки дикой курицы (Gallus sp.) найдены в нижнем мустьер-

---

[12] A. J. Tugarinov, New Finding of Pliocene Ornitofauna at Odessa. Comptes Rendus (Doklady) de l'Academie de l'USSR, 1940, XXVI, 3, стр. 304—306.

[13] М. А. Воінственський, А. С. Уманська. Птахи з сучасних алювіальних відкладів Нижнього Дніпра. ДАН УРСР, 3, 1959, стр. 326—330.

[14] М. А. Воинственский. Новые данные о предках домашней курицы. II Всес. орнитол. конф. 18—25 августа 1959 г. Тезисы докладов, I. М., 1959, стр. 24, 25.

[15] І. В. Марисова, К. А. Татаринов. Плейстоценові птахи Кривчанської печери. Зап. Кременецьк. пед. ін-ту, VII, сер. природн. наук, 1962, стр. 63—75.

[16] И. В. Марисова. Антропогеновые птицы Подолии. III Всес. орнитол. конф. Материалы конференции, 2, 1962, стр. 85—87.

[17] І. В. Марисова. Викопна антропогенова орнітофауна Поділля. Тези доповідей Звітно-наук. конфер. катедр інституту за 1962 рік. Кременецький пед. ін-т, 1963.

[18] И. В. Марисова, К. А. Татаринов. Ископаемая авифауна западных областей Украины и темпы микроэволюции некоторых птиц. Материалы IV Всес. орнитол. конф. 1—7 сентября 1965 г., стр. 23—33.

[19] И. В. Марисова. Плейстоценовая орнитофауна Подолии. «Орнитология», 9, 1969, стр. 316—322.

[20] К. А. Татаринов, Г. А. Бачинский. Пещерные захоронения плиоценовых и антропогеновых позвоночных в западных областях Украины. Бюл. МОИП. Отд. биол. LXXIII (5), 1968, стр. 114—122.

[21] И. М. Ганя, Н. А. Кетрару. Некоторые данные об орнитофауне из палеолитического грота Старые Друиторы. Изв. АН МолдССР, 1, 1964, стр. 45—48.

ском слое пещеры Киик-Коба (фрагмент затылочной части черепа) [22]. Для верхнего мустьерского слоя этой же пещеры курица (Gallus gallus) (1 плюсна) была указана еще в 1937 г. А. Я. Тугариновым. Однако тогда она была определена как «домашняя курица», попавшая сюда случайно, «ибо в палеолите курица еще не была приручена человеком» [23].

Таким образом, накопилось достаточно много вещественных доказательств существования в плейстоцене и раннем голоцене дикой курицы (Gallus sp.) на Украине (поздний плейстоцен, ранний голоцен), в Молдавии (мадлен), Крыму (мустье, верхний плейстоцен), Грузии (средний ашель, мадлен; средний и верхний плейстоцен). Пришло время пересмотреть вопрос происхождения домашних кур. Вполне уместно допустить, что домашние куры указанных стран (Кавказа, Украины, Молдавии) и, по-видимому, всей Европы ведут свое происхождение от местной аборигенной дикой курицы, а не от южноазиатской банкивской курицы, как предполагал Ч. Дарвин.

[22] М. А. Воинственский. Ископаемая орнитофауна Крыма. Тр. комплексной карстовой экспедиции. АН УССР, 1, 1963, стр. 106—122; его же. Ископаемая орнитофауна Украины. «Природная обстановка и фауны прошлого», 3. Киев, 1967, стр. 3—76.

[23] А. Я. Тугаринов. Птицы Крыма времени вюрмского оледенения. Тр. Советск. секции Междунар. ассоц. по изуч. четвертичн. периода (INQVA), 1, 1937, стр. 97—114.

Л. Л. КАРАПЕТЯН

РАСКОПКИ КАРМИРБЕРДСКОЙ (ТАЗАКЕНДСКОЙ) КРЕПОСТИ

Развалины Кармирбердской крепости расположены на правом берегу р. Раздан (Зангу), напротив пос. Канакер, более чем в 12 *км* к северу от Еревана, южнее ныне не существующего селения Тазакенд [1]. В 0,5 *км* от крепости находится широко известный некрополь, именуемый в археологической литературе как могильник Тазакенд, Кизил-Кала или Гая-Хараба, насчитывающий несколько сот погребений. Однако местные жители — канакерцы — называли и называют эту местность Кармир Берд (Красная крепость). Могильник исследовался несколько раз, различными лицами. Документация хранится в ИА АН СССР. Материал находится сейчас в трех музеях — ГИМ (Москва), Государственном музее Грузии (Тбилиси) и в Институте антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград) [2].

Могильник получил широкую известность благодаря находке там расписной керамики, в то время мало известной в Закавказье. Раскопки прошлых лет выявили два типа погребений: ранние — грунтовые, и более поздние — каменные ящики, перекрытые туфовыми плитами. Первые исследования здесь провел служивший на Кавказе полковник П. В. Чарковский, который вскрыл в 1896 с разрешения Императорской археологической комиссии 22 погребения, содержавшие и расписную керамику [3]. В 1903 г. М. Захарьянц раскопал еще 17 погребений. Однако его отчет, представленный Археологической комиссии, свидетельствовал о низком уровне раскопок [4]. В 1904 г. Московское археологическое общество направило в Кармир Берд Э. Рёслера [5], который исследовал оставшиеся 28 могил. Сохранившийся дневник был написан им чрезвычайно небрежно, лаконично, на немецком языке. Среди других крупных специалистов, изучавших кармирбердские древности, важная роль принадлежит П. С. Уварову, А. С. Спицыну, А. А. Захарову, Б. А. Куфтину, Ст. Пржеворскому, Ф. Ганчару.

[1] Ныне здесь расположены сел. Зовуни и курдское сел. Амо.

[2] К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник. СА, 1960, 1, стр. 137—147.

[3] См. архив ИИМК, ф. 1, д. № 140/1896, л. 7.

[4] См. архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 241/1895, л. 28; о том же: А. А. Спицын. Некоторые Закавказские могильники, ИАК, 29, Спб. 1909.

[5] Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 122/1904, л. 39; ОАК за 1904 г.; Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 34/1905, л. 53.

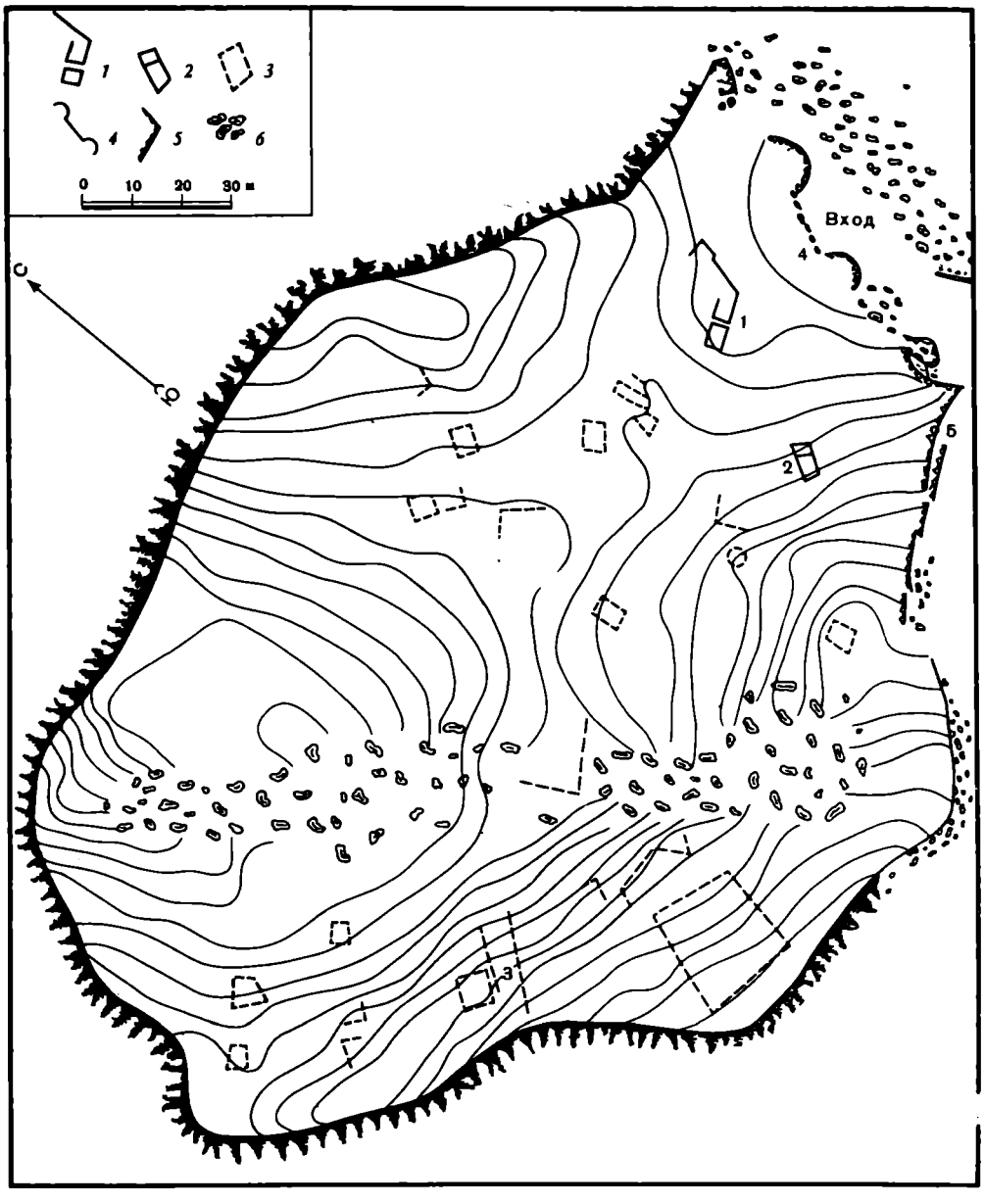


Рис. 1. Схематический план Кармирбердской крепости (Тазакенд)

В 1934 г. по архивным данным Б. Б. Пиотровский установил идентичность могильника, раскапывавшегося П. В. Чарковским и М. Захарьянцем[6]. В последующие годы могильник доследовался А. А. Мартиросяном (1962) и С. А. Есаяном (1965).

Тазакендская крепость, занимающая площадь 3,5 *га*, расположена на высоком мысу (рис. 1). Территория ее представляет почти ровную поверхность с небольшой покатостью у краев. С трех сторон крепость окружена ущельем р. Раздан, глубиной почти 80 *м*. Лишь северная и отчасти северо-восточная стороны крепости ограждены мощными крепостными стенами.

Нижняя кладка, сохранившаяся частями, сложена из мощных базальтовых глыб, до 2 *м* высотой, без строительной примеси. Она относится, по всей вероятности, к середине II тысячелетия до н. э. (рис. 2). Верхняя кладка сложена из туфовых камней средних размеров и имеет прочную строительную примесь. Сохранились нижние кладки трех башен. Следует отметить, что нижняя циклопическая кладка сложена в два ряда шириной до 2 *м* каждый; промежуток между ними заполнен мелкими камнями базальтовой породы. Приблизительно в 200 *м* северо-западнее крепостных ворот сохранились развалины внешних стен со входом, обнимающие севе-

[6] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 43, 44.

Рис. 2. Нижняя циклопическая кладка крепостной стены

ро-западные отроги крепости. Судя по подъемному материалу, поселение здесь возникло в середине II тысячелетия до н. э. и просуществовало до раннего средневековья. На поверхности нами были собраны тонкостенные фрагменты хорошо лощенной расписной керамики. Орнаментальные мотивы (вписанные друг в друга черной краской по красному фону четырехугольники) аналогичны узорам на керамике из раскопок П. В. Чарковского, Э. Рёслера и М. Захарьянца (рис. 3, *1*). Этот мотив встречен на глубокой расписной чаше из грунтового погребения Лчашена (раскопки 1959 г., инв. ГМА 2118—45).

В последние годы из разных мест Армении получен материал, частично перекликающийся с нашим. Так, погребение № 31 Арича (Артикский р-н) дало чернолощеную керамику в сочетании с расписной тазакендского облика [7].

Особенно много аналогий находит керамический материал, относящийся к позднебронзовой эпохе. Сходная керамика известна из раскопок погребений и поселений многих районов Армении (Редкин Лагерь, Головино, Хртаноц, Дилижан, Норатус, Артик, жилые кварталы города Тейшебаини и т. д.), Азербайджана (Мингечаур) [8], Грузии.

Среди подъемной керамики выделяется фрагмент сосуда с монохромной росписью: по кремовому фону широкая красная лента, напоминающая эллинистические образцы. Что касается подъемного средневекового материала, то он сравнительно малочислен и, судя по некоторым характерным признакам, вероятно, раннесредневековый. На поверхности цитадели встречены полуобработанные и обработанные обсидиановые, реже кремневые орудия в виде отщепов, ножевидных пластин и т. д. Следует отметить также фрагменты базальтовых ладьевидных зернотерок (рис. 3, *2*) и речного голыша, являющегося полуфабрикатом для орудий труда.

Отличительная черта памятника — насыщенность строительными сооружениями, встречающимися сплошь и рядом на всей территории крепости. Интересен широкий проход (ширина более 2 *м*), на юго-западной окраине крепости, сложенный из крупных полуобработанных базальтовых

[7] Сообщение Т. Хачатряна. Материал не опубликован.

[8] Г. М. Асланов, Р. М. Вайдов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 65, рис. 44, 60, табл. XXXIII, *2, 4*.

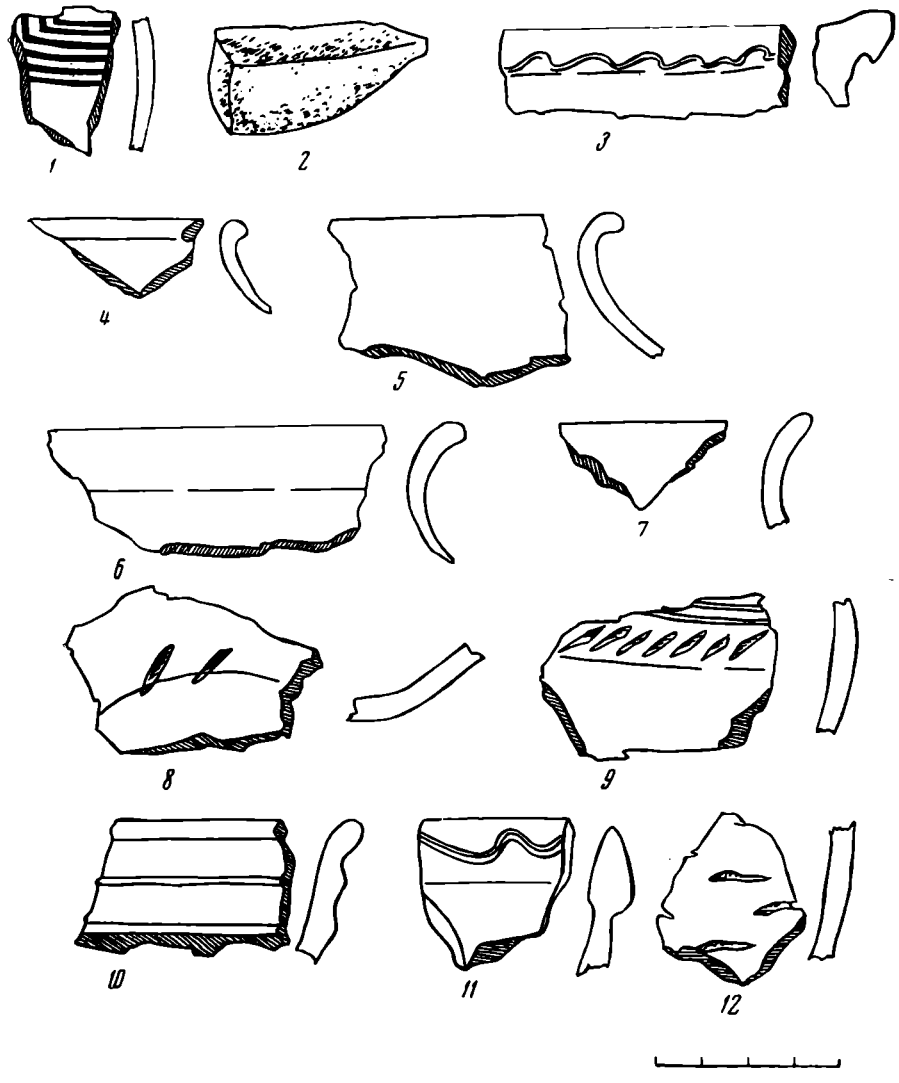


Рис. 3. Керамика Кармирбердской крепости

глыб. Помимо цитадели остатки построек есть в западной части, за пределами крепости. Это прямоугольные помещения, расположенные на берегу р. Раздан, приблизительно на 30 *м* ниже поверхности цитадели. По конструктивным особенностям помещения делятся на два типа — круглоплановые и прямоугольные, часто приближающиеся к квадратным. Следует отметить, что помещения центральной и юго-восточной площади цитадели трудны для раскопок, так как засыпаны громадным количеством обвалившихся со стен камней туфовой породы от очень поздних построек, возведенных над верхним строительным горизонтом.

П. В. Чарковский, производивший раскопки могильника, первый обратил внимание на развалины древней крепости [9]. Сделав, однако, схематичный топографический план крепости, он ограничился лишь раскопками вышеуказанных 22 погребений.

В течение октября 1966 г. мы вели раскопки на территории крепости, целью которых было выяснение как конструктивных особенностей, так и стратигафии памятника.

Помещение 1 (рис. 4) расположено на северо-западном склоне крепости, в 30 *м* от главных ворот, где сохранились ранние циклопические кладки из крупных базальтовых глыб высотой более 2 *м*, поверх которых видны поздние (по всей вероятности, раннесредневековые) стены из мелких и средних размеров камней с прочной строительной примесью. Четко

[9] См. Архив ИИМК, ф. 1, д. № 14/1896; о том же: К. Х. Кушнарева. Ук. соч., рис. 1.

выделяются стены помещения, сложенные из крупных плит розового туфа (западная стена — 5 *м*). Максимальная высота стен над поверхностью земли до раскопок 1,15 *м*. При удалении верхнего слоя у северной стены на глубине 0,30 *м* найдены обломки крупного средневекового сосуда. Он красноватого цвета, слабо лощеный, с выпуклым прямым горизонтальным пояском, ниже которого проходит вдавленная до обжига зигзагообразная линия. У юго-западной стены встречены желтоватые и красноватые фрагменты простой средневековой керамики. Отсюда же происходит обломок тулова небольшого черного сосуда с вдавленной волнообразной линией, который очень напоминает характерные образцы керамической продукции раннежелезного века известной из раскопок могильников и поселений многих районов Армении. Этот обломок, вероятно, попал сюда из другого слоя. Фрагменты простой средневековой керамики с выпуклой прямой горизонтальной линией и жгутовым орнаментом обнаружены также у западной стены помещения. Найден венчик от большого толстостенного сосуда с широким плоским срезом и вдавленным арочным орнаментом на нижней части (рис. 3, *3*). Средневековый слой продолжался и на глубине 50 *см*. Вдоль западной стены помещения выявлено скопление фрагментов простой средневековой светлой керамики от одного большого сосуда с крупным шнуровым орнаментом. Здесь же найдены кости крупного и мелкого рогатого скота и большое количество обработанных и полуобработанных изделий из обсидиана. На глубине около 50 *см* была обнаружена огромная гладкая туфовая плита, перекрывающая не менее половины пола.

Непосредственно от западного угла помещения начинается стена шириной до 1,1 *м*, которая тянется на север на 10 *м*, затем резко сворачивает на запад (длина 13 *м*), потом вновь образует угол, идя на юг, где через 4 *м* внезапно прерывается. Здесь при проведении разведочных работ нами была расчищена верхняя 10-метровая стена; на глубине 55 *см*, как и в самом помещении, обнажилась сплошная туфовая плита.

После завершения раскопок в помещении 1 оказалось, что весь пол состоит из туфа, причем половину помещения (его восточную часть) занимает 3-метровая целая плита. Юго-восточная часть пола состоит из трех кусков туфа, несколько нарушенных и образовавших ступеньки, а западная половина — из восьми. Максимальная глубина помещения — 1,6 *м*.

Помещение 2 (рис. 5) расположено в 30 *м* восточнее помещения 1, на северо-восточном склоне крепости, в 60 *м* южнее циклопической кладки стен. Состоит из двух смежных помещений — малого (4×2 *м*) и большого (4×6 *м*), отделенных друг от друга перегородкой из средних размеров туфовых необработанных камней, шириной 85 *см*. Небольшое помещение имеет с трех сторон четкие стены, выложенные из целых необработанных туфовых плит; материал из него малочислен и, к сожалению, не поддается точному определению. Это в основном керамика во фрагментах: ручки от средневековых сосудов, обработанные и полуобработанные разнообразные обсидиановые орудия. Есть остеологический материал — челюсти овцы (?) и кости мелкого рогатого скота. На глубине 105 *см* обнажился пол, выложенный из туфовых плит.

Верхний слой остальной части раскопа дал средневековый материал: фрагменты керамики, обсидиановые орудия, а также два обломка венчика от небольших черных лощеных кувшинчиков с бомбовидным туловом, типичных для эпохи раннего железа и попавших сюда из раннего слоя. На глубине 75 *см* начала встречаться керамическая продукция, типичная для поздних этапов бронзового века и начала железного. Это черные лощеные широко- и узкогорлые кувшинчики с низкой шейкой и отогнутым наружу венчиком разнообразных профилировок, а также миски с профилированным корпусом. Орнаментальные мотивы также весьма характерны для указанной поры: резные горизонтальные линии на плечиках, реже косые резные линии, а также косые насечки на краю дна и т. д. (рис. 3, *4—13*). На глубине более 1 *м* цвет грунта стал черным.

Рис. 4. Помещение 1

Рис. 5. Помещение 2

В юго-восточном углу обнажилось скопление костей крупного рогатого скота хорошей сохранности. Керамика аналогична описанной и хорошо увязывается с погребальным материалом рубежа II—I тысячелетия до н. э. из раскопок М. Захарьянца и Э. Рёслера. Есть фрагменты с блестящим лощением. Орнаментация в виде двухрядного ногтевого узора в сочетании с волнообразным, вдавленным, а также в виде наклонного семячкового и ногтевого узоров, широко известных по материалам из поселений и могильников на территории Армении (Головино, Хртаноц, Дилижан, Лчашен, Артик, жилые кварталы города Тейшебаини и т. д.), Грузии и Азербайджана. Есть и новые формы сосудов: миски с округлым венчиком, небольшие узкогорлые кувшины с ярко выраженным венчиком и более крупные толстостенные сосуды (толщина стенок 2 *см*) с прекрасным лощением и круглым горизонтальным валиковым узором. Встречена керамика с рядами горизонтальных вдавленных параллельных линий, а также черно-блестящие миски с типичным профилированным корпусом и закругленным венчиком. Цвет сосудов в основном черный, реже бурый. Следует отметить, что на глубине 1,50 *м* вдоль южной стены помещения обнажились тонкие округлые прутьевидные фрагменты дерева весьма плохой сохранности, вероятно служившие перекрытием.

В Закавказье сравнительно мало изучены поселения с оборонительными сооружениями. До последнего времени считали, что самые ранние циклопические крепости относятся к доурартскому и урартскому времени. Однако окружавшая Шенгавитское поселение мощная стена свидетельствует о том, что еще в III тысячелетии до н. э. уже существовали оборонительные сооружения, сложенные из крупных камней. Территорию Гарнийской крепости III тысячелетия до н. э. занимало раннебронзовое поселение, окруженное циклопической стеной, сложенной из необработанных каменных глыб[10]. Б. А. Куфтин связывает энеолитический материал из Триалети с некоторыми циклопическими крепостями[11]. Поселение Мешоко (Северный Кавказ) было защищено мощной стеной, сложенной из каменных плит[12].

Возвращаясь к крепости Кармир Берд, мы можем отметить, что она на протяжении своего существования имела оседлый земледельческо-скотоводческий характер. Свидетельство этому — остатки наземных жилищ, обилие строительного мусора, керамических, каменных и обсидиановых изделий, костей животных и т. д.

Характер культурных слоев крепости свидетельствует об интенсивной хозяйственной жизни его обитателей начиная с момента основания поселения. Немаловажную роль в жизни крепости-поселения сыграло его выгодное географическое расположение на берегу г. Раздан.

Нами уже были определены приблизительные хронологические рамки памятника; поселение, вероятно, просуществовало несколько столетий, примерно с середины II тысячелетия до н. э. до VII в. до н. э. Опираясь на стратиграфические данные, можно утверждать, что жизнь здесь возобновилась лишь в раннем средневековье.

Таким образом, Кармир Берд является одним из важнейших памятников Армянского нагорья эпохи средней и поздней бронзы и раннего железа. Археологический материал, полученный при раскопках, позволяет судить об уровне производительных сил и свидетельствует о наличии в указанное время широких межплеменных связей как между отдельными районами Армении, так и соседними странами.

---

[10] Э. В. Хапзадян. Гарни IV (результаты раскопок 1949—1966 гг.), Ереван, 1969 (на арм. яз. с русским резюме), стр. 7.

[11] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1949, стр. 108.

[12] А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. Сб. «Материалы по археологии Адыгеи», II. Майкоп, 1961, стр. 83—87.

А. Ц. ГЕВОРКЯН

ХИМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАЛЛА ИЗ ЛЧАШЕНСКИХ КУРГАНОВ

В 1969—1971 гг. в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР была поставлена новая исследовательская тема, посвященная древнему горному делу и металлургии на территории Армении. Кавказская горно-металлургическая область (ГМО) играла ведущую роль в снабжении металлом значительных территорий Восточной Европы в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Искусственные мышьяковистые бронзы, выплавленные в металлургических очагах кавказской ГМО, импортировались на север. В связи с этим целый период ранней металлургии Восточной Европы был назван кавказским [1]. Однако целый ряд публикаций и исследований, посвященных этой важной проблеме, касается в первую очередь Грузии [2] и Азербайджана [3]. Армения, бывшая одним из важных районов древнего горнорудного дела с ее известными и еще неизвестными рудниками, остается в значительной степени белым пятном. Между тем именно на ее территории были найдены одни из древнейших находок медных изделий на Кавказе (Техут) [4].

Бросается также в глаза отсутствие исследований и публикаций по металлу II тысячелетия до н. э., представленному богатейшими собраниями великолепных бронз, в том числе коллекцией из Лчашенского могильника. Имеющийся пробел в этих публикациях часто лишает нас возможности исследовать конкретные этапы развития древней металлургии не только Армении, но всего Кавказа в целом. С целью заполнения этих лакун мы намерены предложить серию публикаций спектральных анализов металла этого времени. При этом будут поставлены вопросы выделения конкретных химических и металлургических групп меди и бронз, которые затем будут сопоставляться между собой [5].

Привязка химических групп к рудным источникам, чему также мы уделим определенное внимание, будет, однако, возможна лишь после более или менее исчерпывающего исследования в первую очередь окисленных руд с территории Армении. Эта работа только началась [6]. Первую публикацию из этой серии мы посвящаем материалу из очень важного для древней металлургии Армении Лчашенского могильника, сравнительно хорошо известного по публикациям автора раскопок А. А. Мнацаканяна.

Памятник находится на северо-западном побережье оз. Севан, где уже в течение 15 лет археологическая экспедиция Исторического музея

---

[1] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 88 (карта), стр. 90.

[2] Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.); Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959; Ц. Н. Абесадзе. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э., Тбилиси, 1969 (на груз. яз. с русск. резюме).

[3] И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960; его же. К истории развития металлообработки и горнорудного дела в Азербайджане. ВАН СССР, 1958, 9; его же. О химическом исследовании металлических предметов на территории Азербайджанской ССР. СА, 1957, 3, и ряд других.

[4] И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян. Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье. СА, 1969, 3, стр. 230—231.

[5] Здесь и далее под металлургической группой подразумевается «совокупность изделий, металл которых легирован однородной примесью или группой таковых (например, оловянистые, мышьяковистые, сурьмяно-мышьяковистые бронзы и т. п.)», под химической — «совокупность изделий, связанных единством рудного источника» — определение Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 12—13.

[6] А. Ц. Геворкян, Е. Н. Черных. В поисках древних медных рудников Армении. АО — 1970 года, М., 1971.

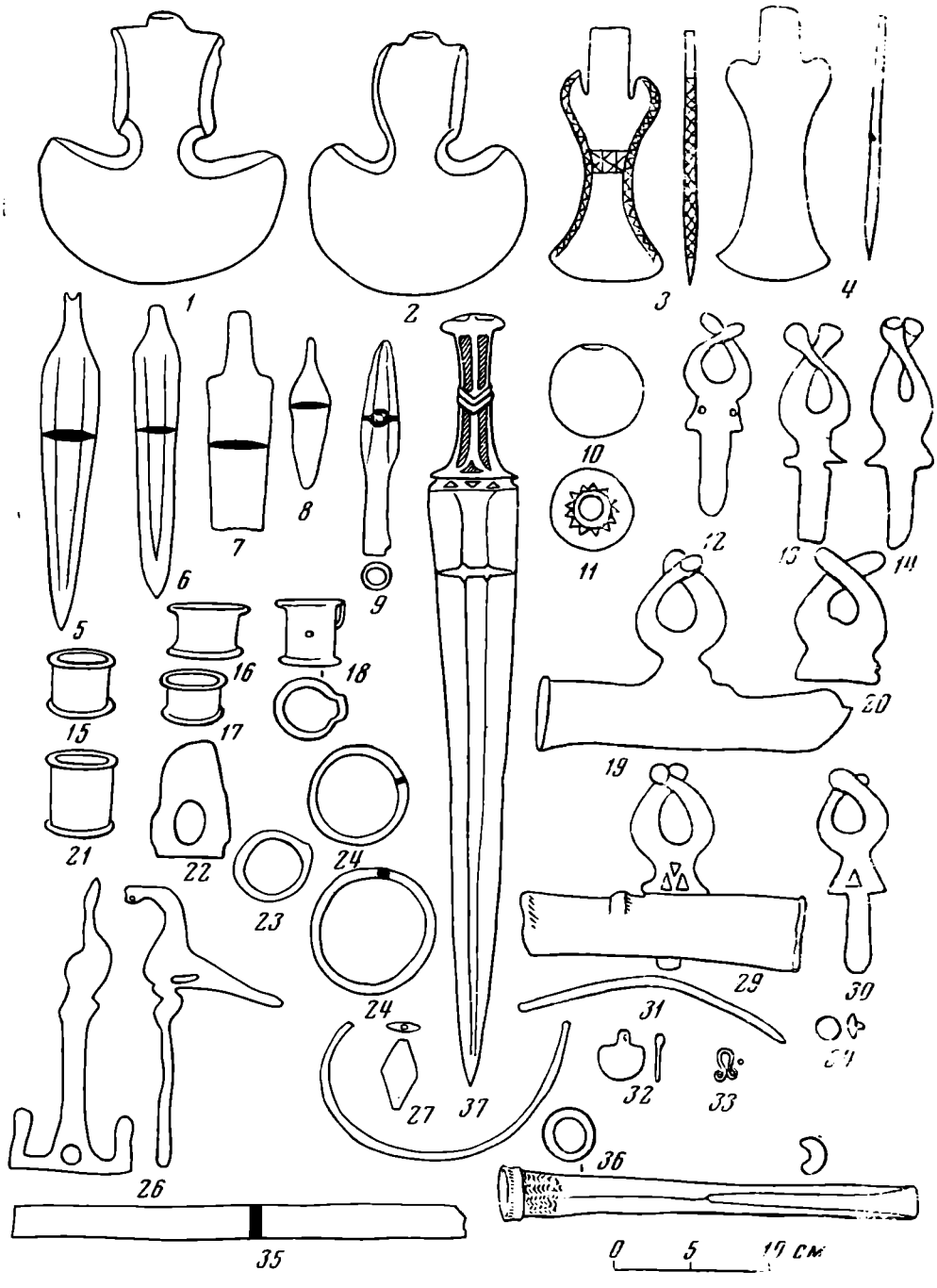


Рис. 1. Изделия из цветного металла из лчашенских курганов

Армении проводит систематические раскопки циклопической крепости и прилегающего к ней могильника[7]. За этот период получен богатый и разновременный материал, хронологические рамки которого колеблются в весьма широком диапазоне — от середины III тысячелетия до VII в. до н. э.[8]. А. О. Мнацаканян, рассматривая весь комплекс лчашенского материала, приходит к заключению, что развитие материальной культуры Лчашена в течение указанного времени достигает своего наивысшего расцвета в XV—XIII вв. до н. э.[9].

Лчашенский памятник наряду с широко известными повозками и колесницами, керамическими изделиями и др. дает весьма обильный металлический инвентарь: оружие, орудия труда, посуду, украшения, многочисленные детали повозок и колесниц, разнообразные зооморфные статуэтки. Даже беглое знакомство с материалом, к сожалению малоопубликованным, показывает, какое важное место занимал металл в жизни племен, населявших во II тысячелетии до н. э. данную территорию, и каких высот достигла металлургия и металлообработка у древних ремесленников Лчашена.

Из этой богатейшей коллекции бронз нам удалось отобрать и проанализировать 46 предметов, происходящих в основном из курганных погребений эпохи поздней бронзы, датируемых автором раскопок XIII—XII вв. до н. э.[10] (рис. 1). Только 4 изделия (2 плоских, 1 прямоугольный с черенком кинжалы и 1 листовидный нож) относятся, по всей вероятности, к XX—XVI вв. до н. э.[11] (рис. 1, *5—8*). Среди оружия имеются кинжалы, секиры, навершия булавы, меч, наконечник копья; из орудий труда — долото, тесло; из украшений — подвески, пуговицы, бусины; кроме того, исследованы различные детали от повозок и зооморфная статуэтка.

В 1935 г., касаясь вопроса развития древнейшей металлургии меди на Кавказе, А. А. Иессен определяет это время как третью «стадию бытования на Кавказе металлических изделий»[12]. Е. Н. Черных относит его к четвертому, финальному этапу[13]. Мы придерживаемся последнего мнения, поскольку оно базируется на новейших археологических открытиях в Закавказье (Кюль-Тапа[14], Техут[15]).

Результаты количественного спектрального анализа (таблица) показали, что при изготовлении лчашенских изделий использовались сплавы на медной, оловянной и серебряной основах.

На частотных гистограммах (рис. 2; Sn) видно, что почти все предметы изготовлены из медно-оловянного сплава. Присутствие олова обязательно, но концентрации его далеко не устойчивы, а колеблются в весьма широком интервале (1—30%). При этом следует отметить, что нам не удалось выявить определенную связь между количественным содержанием олова в предмете и его функциональным назначением. Так, например, в двух функционально однородных изделиях (в данном случае два навершия булавы рис. 1, *10*, *11*; анализы 9582, 9600) в первом случае олово составляет всего лишь 1,9%, а в другом его количество резко

---

[7] А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан, 1960, 2, стр. 139.

[8] А. О. Мнацаканян. Основные этапы развития лчашенской культуры. ИФЖ, 1965, 2, стр. 95 (на арм. яз.).

[9] Там же, стр. 108, 109.

[10] А. О. Мнацаканян. Древние повозки..., стр. 139, 152.

[11] А. О. Мнацаканян. Основные этапы развития..., стр. 103, 104.

[12] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, М.—Л., 1935, стр. 111.

[13] Е. Н. Черных. Основные этапы древней металлургии циркумпонтийской зоны. Доклад для Белградского конгресса протоисториков, прочитанный на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в ноябре 1970 г.

[14] О. А. Абибулаев. К вопросу о древней металлургии Азербайджана. МИА, 125, 1965, стр. 66—68.

[15] И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян. Металлографический анализ..., стр. 230—231.

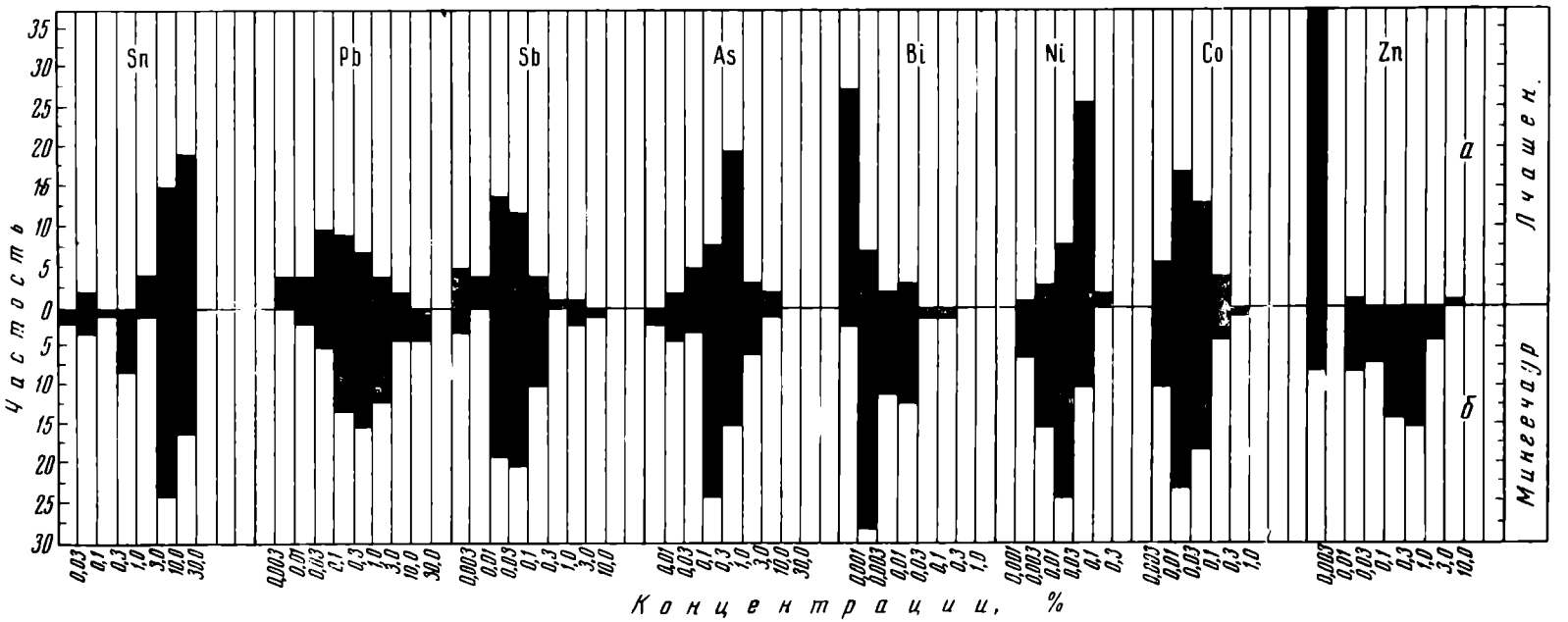


Рис. 2. Гистограммы распределения концентраций примесей к меди из лчашенских курганов и древнего Мингечаура

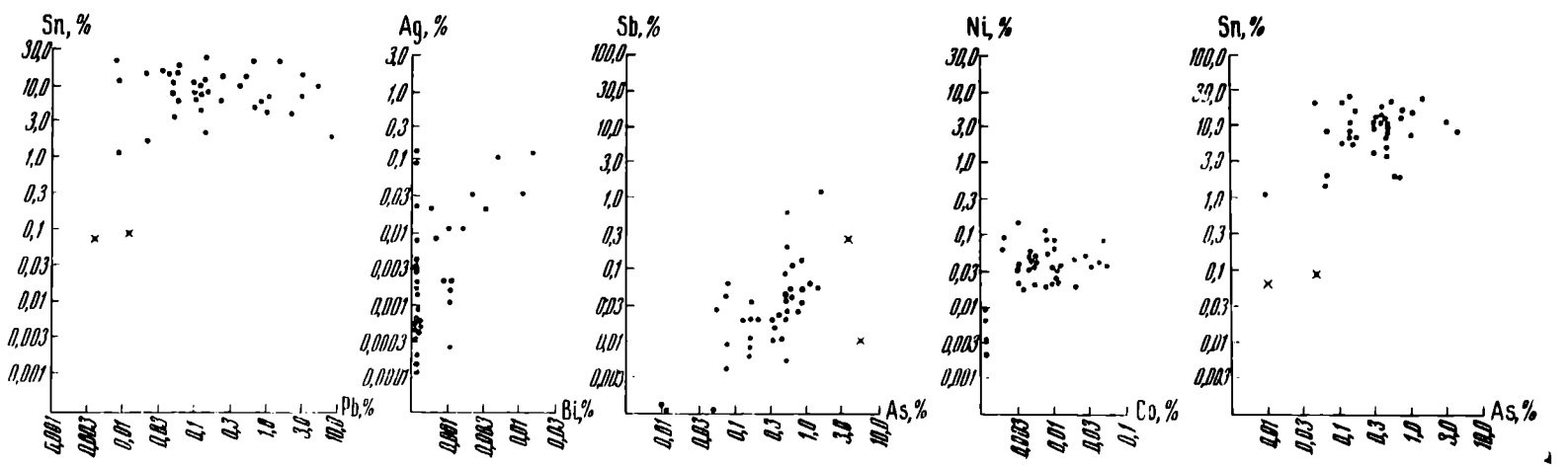


Рис. 3. Корреляция концентраций некоторых примесей к меди из лчашенских курганов

повышается, превосходя 20%. Учитывая к тому же их некоторое внешнее различие (одна с нарезным декором, другая с гладкой поверхностью), можно предположить, что они являются продукциями различных мастерских.

Предметов, изготовленных из меди с содержанием олова менее 1%, всего два (анализы 3727, 3748). Это отчетливо демонстрируется гистограммой (рис. 2; Sn). Следовательно, концентрацию олова, близкую 1%, можно считать здесь границей искусственной примеси. Это же видно на корреляционном графике Sn — Pb (рис. 3), где эти две точки (отмеченные крестиком) отделяются от более или менее плотного центра, где концентрируются точки анализов. Следовательно, помимо бронзовых изделий имеются и предметы, изготовленные из «чистой» меди, в которых не заметно сколько-нибудь повышенной концентрации легирующих компонентов. Присутствие же в незначительном количестве (от сотых или менее долей) некоторых элементов объясняется, вероятно, привносами их из руды в процессе плавки.

Разбор количественных содержаний примесей последующих диагностических элементов — Pb, Sb, As — показывает, что помимо олова в ряде случаев в повышенной концентрации присутствуют свинец, сурьма и мышьяк, однако ни гистограммы, ни корреляционные графики не позволяют отчленять от оловянистых бронз новые виды сплавов (например, медно-свинцовые, медно-сурьмяные, медно-мышьяковистые). Лишь только анализы 3799 и 3740, где концентрация мышьяка превышает 3%, указывают как будто на вероятность применения комплексной лигатуры (медь — олово — мышьяк). То же самое можно предположить и в отношении примесей в браслете, в котором наблюдается отчетливо высокое содержание As и Sb. Точки этих анализов (рис. 3, Sb — As, помечены крестиком) занимают крайне правое положение и находятся в заметном отрыве от других. Крайне правое положение занимают эти анализы и на частотных гистограммах соответствующих элементов.

Отсутствие в настоящее время опубликованных серий анализов металлических изделий из одновременных памятников Армении лишает нас возможности сопоставить их химические характеристики. Но ряд соответствующих публикаций из памятников поздней бронзы Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа позволяет сравнить химический состав лчашенских бронз с металлом упомянутых территорий. Так, если большая часть позднебронзовых изделий Грузии изготовлена из многокомпонентных сплавов [16], то в Лчашене можно заметить лишь единичные случаи таковых, хотя в обоих случаях основной лигатурой является олово. Аналогичная картина получается при сопоставлении металла Лчашена с химическим составом бронзовых изделий древнего Мингечаура, анализы которых опубликованы М. А. Кашкаем и И. Р. Селимхановым [17]. Из сопоставления частотных гистограмм видно, что в обоих случаях в качестве основного вида сплавов употреблялись оловянистые бронзы, что видно из фигуры распределения олова (рис. 2, *а, б*). Характер распределения концентраций висмута, никеля и цинка отличен от лчашенского (рис. 2, Bi, Ni, Zn). Это указывает, по всей вероятности, на разницу химической группы, т. е. на различие в исходных рудных источниках для лчашенской и мингечаурской меди. Особое внимание привлекает сильное различие в содержаниях цинка и отчасти свинца. Для мингечаурской меди возможно предположить ее происхождение из руд полиметаллического месторождения, как это и сделали авторы данного исследования [18]. В то

---

[16] Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии, стр. 50.

[17] М. А. Кашкай, И. Р. Селимханов. Исследование металлических изделий древнего Мингечаура эпохи развитой бронзы. Баку, 1959, табл. 1—7.

[18] Там же, стр. 11, 31—32, 36, 38, 43.

Спектральный анализ металлических изделий из лчашенских курганов

Шифр лаборатории	Наименование предмета, шифр или инвентарный номер	№ рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Mn	Co	Au
3724	Украшение колесницы 2007/20	22—23	Осн.	10,0	3,7	—	0,001	0,001	0,045	0,55	0,008	0,025	—	0,008	—
3725	Деталь украшения колесницы 2007/24	—	»	14,0	2,8	—	?	0,0005	0,022	0,2	0,035	0,035	—	0,035	~0,001
3726	Обломок стенки котла 2007/18	—	»	3,3	0,045	—	—	~0,0003	0,02	0,33	0,08	0,018	—	0,004	~0,001
3727	Бляшка с колесницы 2007/21	34	»	0,09	0,01	—	—	~0,0001	—	0,05	0,37	0,003	0,022	—	<0,001
3728	Обкладка деревянной детали 2007/36	31	»	15,0	0,028	—	—	0,001	0,018	0,45	0,03	0,03	0,03	0,01	~0,001
3729	Украшение колесницы 2007/31	—	Много	Осн.	Есть	—	Мало	—	Есть	?	Есть	—	Мало	—	—
3730	То же		»	»	Много	—	»	—	»	—	»	—	»	—	—
3731	Петля от лука 2007/79	20	Осн.	6,5	0,9	—	—	0,0015	0,008	0,18	0,1	0,02	0,03	0,005	—
3732	Навершие от лука 2007/73	29	»	12,0	0,25	—	—	0,0005	0,01	0,37	0,15	0,035	—	0,009	~0,001
3733	Долото 2007/10	36		8,0	0,08	—	—	0,004	0,6	0,5	0,02	0,04	—	0,005	<0,001
3739	Секира 2007/120	1	»	10,0	0,04	—	—	0,002	0,27	3,2	0,008	0,04	—	0,004	—
3740	Тесло 2009/56	3	»	7,0	0,08	—	—	0,003	0,012	5,0	<0,003	0,035	—	0,035	—
3742	Обкладка деревянной детали 2007/76	28	>1,0	Есть	Есть	—	Есть	Осн.	—	Есть	Много	Мало	Есть	—	Много
3743	Кинжал 2118/14	5	Осн.	6,5	0,2	0,01	0,003	0,02	0,06	1,1	0,007	0,05	—	0,004	>0,001
3744	» 2118/73	6	»	10,0	0,08	—	0,0015	0,01	0,027	0,45	0,3	0,04	—	0,005	<0,003
3745	» 2231/368	7	»	12,0	0,11	—	—	0,12	0,04	0,55	0,14	0,09	—	0,009	?
3746	Фибула 2118/75	—	»	2,5	0,14	—	0,018	0,003	0,05	0,8	0,01	0,11	—	0,008	<0,003
3747	» 2118/76	—	»	7,5	0,045	—	0,001	0,002	0,005	0,5	0,08	0,09	—	0,002	—
3748	Подвеска 2118/72	33	»	0,06	0,0035		—	0,001	—	0,01	0,35	0,002	0,02	—	—
3749	Наконечник копья 2118/74	9	»	1,1	0,007	—	—	0,003	—	0,01	0,35	0,006	0,025	—	—
3750	Подвеска 2007/88	32	Есть	Осн.	>10	—	Мало	—	Есть	0,01	Мало	—	Есть	—	—
3751	Бусина 2007/100	27	3—10	»	Много	Мало	»	Есть	»	0,35	Есть	Мало	»	—	—

Продолжение

Шифр лаборатории	Наименование предмета, шифр или инвентарный номер	№ рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Mn	Co	Au
3752	Меч 2188/32	37	Осн.	8,0	2,8	—	0,0008	0,002	0,022	0,18	0,0220	0,033	—	0,005	0,001
9569	Тесло 2007/6	4	»	10,1	0,1	—	—	0,007	0,25	0,5	0,023	0,16	—	~0,003	—
9570	Секира 2007/4	1	»	10,1	0,007	—	—	1,001	0,017	0,35	0,023	0,02	—	0,011	—
9571	Стержень 1847/65	35	»	2,5	6,6	5,6	0,01	0,03	0,09	0,5	0,2	0,06	—	0,011	0,001
9574	Деталь украшения колесницы 2007/22	18	»	10,1	0,35	—	—	0,0005	0,014	0,18	0,023	0,02	—	0,011	—
9575	То же 2007/22	—	»	4,5	2,3	—	?	0,001	0,035	6,5	0,008	0,009	—	0,011	—
9578	» 2007/74	19	»	6,0	0,05	—		0,001	0,035	0,5	0,023	0,03	—	~0,003	—
9579	» 2007/76	13	»	8,0	0,1	—	—	0,0002	0,013	0,35	0,0008	0,035	—	~0,003	—
9581	Обломок пуговицы 2007/31	—	50	0,0025	Есть	—	—	50	—	—	0,5	—	—	—	—
9582	Навершие булавы 2009/88	10	Осн.	1,9	0,025	—	—	0,025	0,009	0,07	0,023	0,03	—	~0,004	—
9583	Статуэтка птицы 2007/126	26	»	4,5	0,1	—	0,0005	0,025	0,035	0,18	0,008	0,02	—	~0,003	—
9587	Деталь украшения колесницы 2009/414	21	»	6,6	0,7	—	—	0,00014	0,0066	0,18	0,01	0,025	—	0,011	—
9588	То же 2009/424	15	»	1,5	0,86	—		0,007	0,037	0,07	0,033	0,06	—	0,002	—
9589	» 2009/413	17	»	12,0	0,43	—	0,0006	0,00038	0,02	0,37	0,42	0,032	0,0074	0,05	0,001
9590	» 2009/421	16	»	15,0	0,034	—	—	0,0019	0,032	0,78	0,17	0,023	0,0074	0,025	0,001 0,003
9591	» 2009/433	14	»	5,0	0,6	—	—	0,00048	0,02	0,15	0,25	0,032	0,037	0,0045	—
9592	» 2009/430	12	»	25,0	0,138	—	0,001	0,0016	0,11	0,6	0,25	0,042	0,03	0,028	0,001 0,003
9593	» 2049/203	30	»	19,0	0,05	—	—	0,1	0,088	0,72	0,3	0,032	0,011	0,016	0,001 0,003
9594	» 2049/315	—	»	15,0	0,055	—	0,0017	0,0032	0,4	0,86	0,3	0,03	0,021	0,011	0,001 0,003
9595	Нож 2118/15	8	»	14,0	0,018	—	0,016	0,14	0,05	1,47	0,17	0,088	0,01	0,05	0,003 0,01
9600	Навершие булавы 2188/34	11	»	20	0,5	—	—	0,00048	0,028	0,05	0,035	0,04	—	0,025	0,021
9601	Удила		»	20	0,0075	—	0,001	0,00027	—	0,17	0,01	0,032	—	0,018	—
9740	Браслет /134	25	»	20	1,23	—	0,0023	0,33	1,22	1,8	0,021	0,0088	—	0,011	0,001
9741	» /131	24	»	8	0,16	—	0,0045	0,1	0,06	0,074	0,07	0,088	0,01	0,01	0,003 —

же время лчашенская медь вряд ли могла быть выплавлена из месторождений подобного рода. Привязка лчашенской меди и металла из других памятников к конкретным рудным точкам будет возможна лишь после детального обследования медных месторождений Закавказья, которое только что началось [19].

При сравнении лчашенского металла с металлом колхидской и кобанской культур видно, что для последних характерно большое количество случаев с медно-мышьяковистыми сплавами (35%), в то время как в Лчашене таковые полностью отсутствуют. Еще более значительна доля медно-мышьяковых сплавов в прикубанской позднебронзовой культуре (60%) [20]. Таким образом, даже беглое сравнение рецептуры медных сплавов из различных районов Кавказа позволяет видеть их существенную разницу.

Дальнейшие исследования позволят, видимо, наметить интересную картину географического и хронологического распределения сплавов разнообразного типа в пределах Кавказской ГМО.

---

[19] А. Ц. Геворкян, Е. Н. Черных. В поисках древних рудников Армении.
[20] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии..., стр. 81.

Е. К. МАКСИМОВ

ПЕРЕЛЮБСКИЙ КЛАД МЕДНЫХ СЕРПОВ

Осенью 1964 г. при земляных работах на левом берегу р. Камелик, в 500 *м* к юго-западу от с. Перелюб Саратовской обл. был выкопан клад древних металлических изделий.

Перелюбский клад (рис. 1) состоит из 16 медных серпов, общий вес которых около 6 *кг* [1]. Вес одного серпа 330—450 *г*. Они имеют вид слегка вогнутых пластин, один конец которых загнут крючком в противоположную от лезвия сторону. На месте изгиба серп имеет наибольшую ширину — 6,5—7 *см*. Наружный край уплощен в виде обушка, достигая толщины в среднем 3—4 *мм*. Обушок крючка толще (от 3,1 до 5,5 *мм*). Длина орудий 26—27 *см*.

На всех серпах с вогнутой стороны отчетливо видны следы проковки: короткие и неглубокие вмятины, выбитые каким-то орудием. Следы ударов направлены главным образом вдоль серпа. Серпы проковывались для придания большей прочности лезвию, а также получения характерной для серпов продольной изогнутости. Достигаемая при проковке хрупкость не мешала использованию орудия, ибо она вредна лишь при работах по жесткому материалу.

Проковка могла быть и горячая (при температуре 500—700°), и холодная. Холодная проковка, видимо, являлась конечным этапом обработки, так как горячая не давала бы необходимого эффекта упрочнения.

До открытия Перелюбского клада в Саратовском Поволжье были известны лишь отдельные находки серпов. Два серпа изогнутой формы,

---

[1] В Саратовский музей краеведения доставлено 13 целых серпов и один обломанный. Два серпа утрачены.

с крючком на узком конце, найдены в окрестностях с. Старая Яблоновка Хвалынского уезда Саратовской губ.[2]. Такой же серп обнаружен в 1924 г. близ г. Петровска[3]. Обломок бронзового серпа упоминает П. Д. Степанов среди собранных им при осмотре Вольского городища вещей[4].

Из других находок следует отметить серп Вольского р-на Саратовской обл. (рис. 2, *3*)[5]. Он имеет форму перелюбских серпов, но несколько короче и уже. Сходный серп найден в овраге Ягнятник у с. Большая Черниговка Куйбышевской обл. (рис. 2, *2*)[6]. У этого серпа крючок только

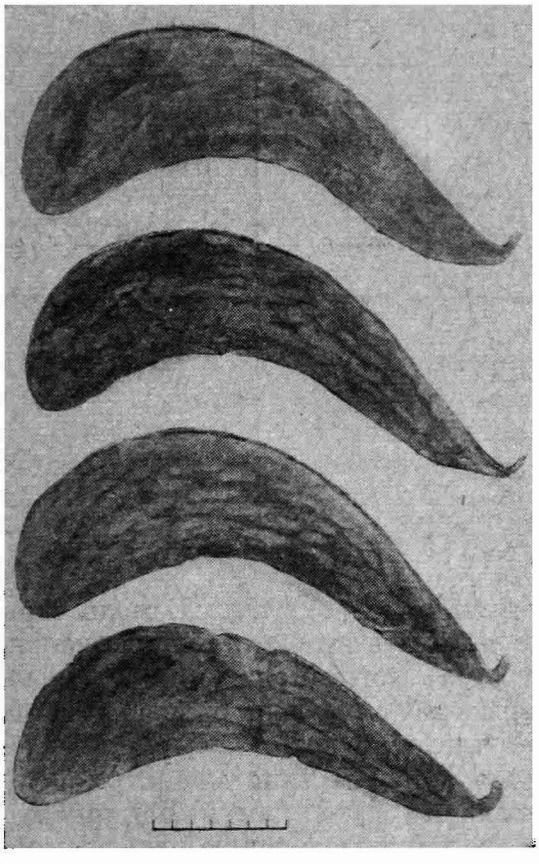


Рис. 1. Медные серпы из Перелюбского клада

Рис. 2. Медные серпы из Саратовского Поволжья

1 — с. Гречихино; *2* — с. Б. Черниговка; *3* — Вольский район

намечен. Несколько восточнее — у с. Овсянки Бузулукского р-на Оренбургской обл. — в разрытом кургане были обнаружены четыре целых и один обломанный серп. Все они сильно изогнутые и крючкастые[7].

Несколько отличен серп, найденный у с. Гречихино в Саратовском Заволжье[8]. У него такой же характерный для этих орудий изгиб, но на узком конце не крючок, а прямая узкая пластинка в виде штыря (рис. 2, *1*.)

---

[2] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Изв. ГАИМК, 119, 1935, стр. 79.

[3] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, СА, XI, 1949, стр. 221.

[4] П. Д. Степанов. Вольское городище. Тр. СОМК, 1, 1956, стр. 9.

[5] Саратовский музей, № 1007.

[6] Пугачевский музей, № 502; В. В. Гольмстен. «Серпы» из Сосновой Мазы. ПИМК, 5—6, 1933, стр. 36.

[7] Куйбышевский музей, № 209; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 62, 63.

[8] Энгельсский музей, № 99; И. В. Синицын, Ук. соч., стр. 221.

В лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР был произведен спектральный анализ трех серпов из Перелюбского клада и серпов из Вольского р-на и с. Гречихино в Заволжье (таблица) [9].

Все серпы медные, без искусственных легирующих добавок, с некоторым количеством естественных примесей, отмеченных преимущественно

Результаты спектрального анализа, %

Элемент	Перелюбский клад			Вольский р-н	С. Гречихино
	ан. 5116	ан. 5117	ан. 5118	ан. 1695	ан. 1787
Cu	Основа	Основа	Основа	Основа	Основа
Pb	0,002	0,003	0,003	0,005	0,008
Sn	?	—	0,0068	0,012	0,08
Fe	0,008	0,01	0,016	0,27	0,45
Zn	—	—	—	?	—
Ag	0,013	0,03	0,025	0,012	0,018
Sb	—	—	—	—	0,01
Bi	—	—	—	—	—
Co	—	—	—	—	—
As	—	0,01?	0,01?	0,012	0,02
Mn	—	0,002	0,002	?	—
Au	—	—	—	—	—
P	—	—	—	—	—
Ni	0,0015	0,0015	0,002	0,004	0,006
Ti	+	+	+	—	—
V	—	—	—	—	—
Mo	—	—	—	—	—

микроконцентрациями. Видимо, они перешли в медь из руд. В медь серпов из Вольского р-на и с. Гречихино в результате вторичных переплавок и вероятной примеси скрапа (оловянного лома) могли попасть ничтожные доли олова, мышьяка и сурьмы, которые обычны для бронз срубной культуры второй половины и конца II тысячелетия до н. э.

Металл исследованных серпов относится к рудам типа медистых песчаников Приуралья, в частности Каргалинским рудникам и Бакир-Тау. Срубные племена могли эксплуатировать и выходы руд так называемой уфимско-оренбургской группы медистых песчаников. Эта группа рудников тянется от Оренбуржья на юго-восток почти до низовья Камы и на северо-запад вдоль левого берега Белой. Из этих руд и происходит большая группа металла региона [10]. Но такие серпы практически встречены только в срубной культуре [11], их производство базировалось, видимо, в северо-восточных районах срубной культуры и оттуда уже распространялось на юг. Предположение П. Д. Степанова о проникновении изогнутых серпов в Саратовское Поволжье именно с юга [12] не находит подтверждения.

Перелюбские серпы относятся к срубному типу. Одновременно в Поволжско-Приуральской области встречаются экземпляры с выгнутой спинкой и почти прямым лезвием. Такие серпы больше похожи на секачи [13].

Аналогии перелюбским серпам можно найти на территории срубной культуры. Довольно обширную, хотя и неполную, сводку находок сруб-

---

[9] Пользуюсь случаем выразить благодарность Е. Н. Черных за спектральные анализы металла и их комментирование.

[10] В. Е. Черных. Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья. КСИА АН СССР, 115, 1969, стр. 8, рис. 3, *б*.

[11] Там же, рис. 5.

[12] П. Д. Степанов. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье (с древнейших времен до XVI в.) Тр. СОМК, 1, стр. 94.

[13] В. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 68, 69.

ных серпов дал Б. Г. Тихонов [14]. Картографирование находок показывает, что находки этих орудий сосредоточены в Поволжье и особенно в Приуралье, что подтверждает тезис о производстве рассматриваемого типа серпов в северо-восточной области срубной культуры.

К сожалению, большинство срубных серпов происходит из случайных находок и лишь немногие экземпляры — из датируемых комплексов. К последним следует отнести массивные и крюкастые серпы, найденные вместе с вислообушным топором южноуральского типа и долотом с открытой втулкой на Ново-Ибракаевском селище в Башкирии [15]. Шесть бронзовых серпов ибракаевского типа, вислообушный топор камского типа и тесло с цапфами входили в клад, обнаруженный в прошлом столетии у с. Миловки близ г. Уфы [16]. Обе эти находки К. В. Сальников относит к XVI—XIII вв. до н. э. [17]. Серп, занимающий промежуточное положение между типичными срубными серпами и секачами, известен из находок в с. Омары Татарской АССР [18]. Он найден вместе с безушковым кельтом сейминского типа, сходным с кельтом из Усть-Гайвенского могильника [19]. Другой подобный серп-секач находился в основном погребении кургана 2 у с. Ягодного Куйбышевской обл. Это погребение по ряду признаков погребального обряда и форме глиняного сосуда Н. Я. Мерперт относит к раннему этапу срубной культуры [20].

Серп из с. Гречихино, аналогичный перелюбским, О. А. Кривцова-Гракова сближает с серпами из Костромского клада, хранящимися в Эрмитаже [21]. А. А. Иессен считал, что датировка Костромского клада и синхронных ему курганов 7 и 8 у ст. Андрюковской может быть определена 1200—1100 гг. до н. э. [22] Более широкую датировку Костромскому кладу дает В. И. Марковин, отнеся его к третьему этапу северокавказской культуры [23]. Совсем недавно А. М. Лесков на основе сравнения клада с ранними срубными памятниками Поволжья, Подонья и Причерноморья датировал его не позднее XIV в. до н. э. [24].

Все приведенные находки показывают широкое распространение серпов в срубное время, что свидетельствует о возросшей роли земледелия. Перелюбский клад, имеющий аналогии в срубных памятниках Поволжья и Приуралья XV—XIV вв до н. э., также относится к этому времени.

---

[14] Там же, стр. 94, 95.

[15] Р. Б. Ахмеров. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИИМК, 59, 1955, стр. 81, 82, рис. 31.

[16] Н. И. Булычев. Древности из Восточной Европы. 1, М., 1902, табл. 1.

[17] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 220—222.

[18] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 68, 69.

[19] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 148.

[20] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 80.

[21] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 62.

[22] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 119.

[23] В. И. Марковин. Культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.), МИА, 93, стр. 86.

[24] А. М. Лесков. О северочерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 170.

К. А. СМИРНОВ

РОГОВОЙ ПСАЛИЙ С ГОРОДИЩА «ГРАФСКАЯ ГОРА»

Работы, проведенные на памятниках дьяковской культуры в послевоенный период, дали большой материал, позволивший исследователям по-новому решить ряд проблем, связанных с историей Волго-Окского междуречья. Ценность этих новых материалов особенно велика потому, что вещи представлены значительными сериями. Однако среди этих предметов есть единичные уникальные находки, которые представляют большой интерес.

К их числу следует отнести роговой псалий, найденный в 1968 г. на городище «Графская гора» около г. Кимры на верхней Волге. Городище имеет культурные напластования трех эпох. Непосредственно на материке была найдена фатьяновская керамика, выше лежал слой дьяковской эпохи, и, наконец, сверху находился слой, относящийся к концу XVIII в., когда сосланный Павлом I в кимрскую вотчину граф Литта начал строительство дворца на городище.

Для нас представляют интерес два нижних слоя, мощность которых колеблется от 1,50 до 2 *м*. Рассматриваемый псалий лежал в нижней части слоя с сетчатой керамикой и костяными стрелами, несколько выше слоя с фатьяновской посудой. Фатьяновский слой был разрушен. В него была втоптана сетчатая керамика.

Однако все фрагменты фатьяновской посуды лежат в предматериковом слое.

Псалий вырезан из рога, вероятно, лося. Сохранившаяся его часть имеет длину 165 *мм*. Он представляет собой слегка изогнутый, сужающийся к одному концу, круглый в сечении стержень с многогранным утолщением в середине (рис. 1, *1*). В утолщении имеются два канала, один сквозной, другой примыкает к нему под прямым углом. Следует отметить, что выходы каналов имеют некоторую (не сильную) потертость.

У тонкого конца псалия диаметр 18 *мм*, у толстого — 27 *мм*. В торцевой стороне толстого конца находится выемка 45 *мм* глубиной. В 15 *мм* от края проходит орнаментированный пояс, состоящий из двух параллельных линий, пространство между которыми разбито на прямоугольники, заполненные точками. Точки нанесены и за пределом линий, на цилиндрической части и на многогранном утолщении.

Кусок цилиндрической части утрачен. Интересно отметить, что край слома грубо сглажен ножом.

По-видимому, это доказывает, что после повреждения предмет не утратил своих механических свойств и по-прежнему был в употреблении. Конец тонкой стороны псалия отломан.

Надо отметить, что при раскопках 1969 г. на этом городище на глубине 1,80 *м* от поверхности в этом же слое был найден обломок цилиндрического, полого внутри предмета, изготовленного из рога (рис. 1, *2*). На его поверхности имеется орнамент, состоящий из прорезанных линий. В диаметре этот предмет совпадает с утолщенной, полой внутри частью псалия.

Можно предполагать, что рассмотренный предмет — обломок псалия, аналогично вышерассмотренному.

Найденный псалий не имеет аналогий среди находок с памятников лесной полосы Восточной Европы. Вещь найдена в слое, поэтому возможна ее датировка на основании находок из того же слоя. В их числе стрелы трехгранные и конические, вытянутых пропорций, что является ранним признаком.

Более точную дату позволяет установить однокрылая стрела. Ряд исследователей рассматривают такие стрелы как подражание бронзовым

скифским [1]. В настящее время они датируются VII—VI вв. до н. э.[2]. О ранней дате говорят и однотипные стрелы, которые существуют на протяжении III—II тысячелетий до н. э. и доходят до середины I тысячелетия до н. э. На городище, кроме того, было найдено восемь грибовидных рукояток ножей, характерных для раннего этапа дьяковской культуры. Таким образом, весь комплекс находок позволяет отнести рассматриваемый псалий ко времени VII—VI вв. до н. э.

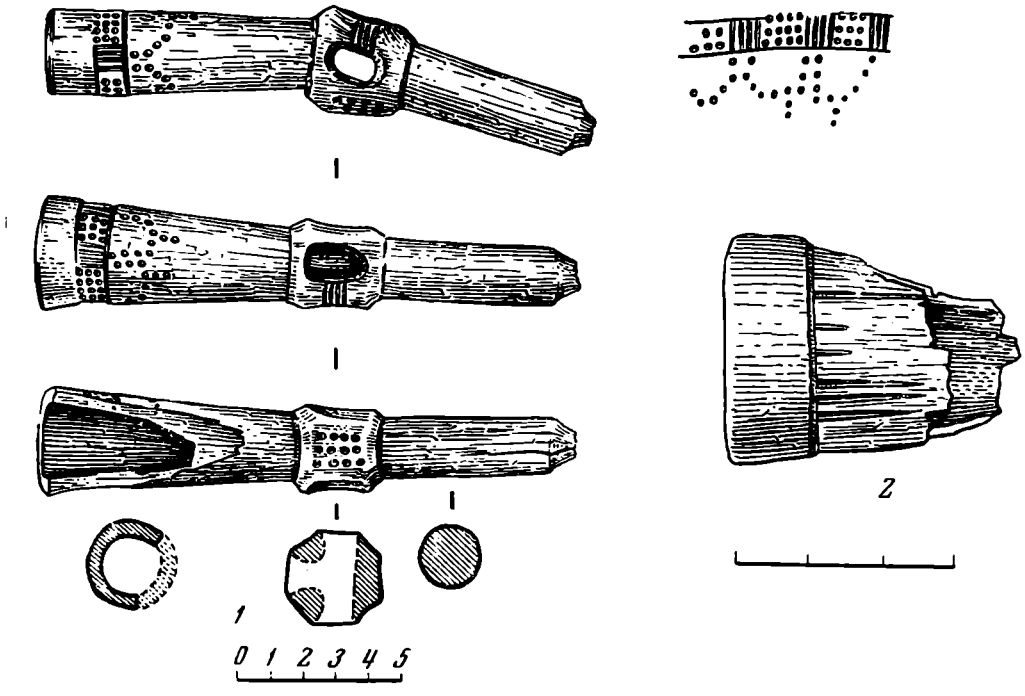


Рис. 1. Псалии городища «Графская гора»

1 — псалий из раскопа 1968 г.; *2* — фрагмент псалия из раскопок 1969 г.

Какова была конструкция узды, деталью которой является рассматриваемый псалий? Вероятно, он применялся не с металлическими, а с мягкими, изготовленными из сухожилий, удилами. К. Ф. Смирнов отмечает, что «мягкие удила с костяными псалиями являются наиболее примитивным видом конского снаряжения» [3]. Вероятно, в лесной полосе развитие верховой езды и всех связанных с этим приспособлений отставало от степей, где жизнь целых народов была неразрывно связана с конем.

Поэтому применение в VII—VI вв. до н. э. такой примитивной узды вполне закономерно.

Как закреплялся псалий в узде, не вполне ясно. Возможны два варианта.

1. Псалий помещался выгнутой частью вперед. Удила соединялись с псалиями при помощи каналов в утолщенной части, тут же крепился повод. Нащечный ремень двоился и присоединялся к псалию у концов. В узкой части ремень завязывался в специальном желобке. По нему произошел облом конца. В широкой ремень крепился при помощи отверстия или отверстий в стенке цилиндрической части. Однако при такой реконст-

---

[1] В. А. Городцов. Старшее Каширское Городище. Изв. ГАИМК, 85. М.—Л., 1933, стр. 23—25; Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, 1958, 4, стр. 3.

[2] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1—4, М., 1964, стр. 8, табл. 6.

[3] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 46.

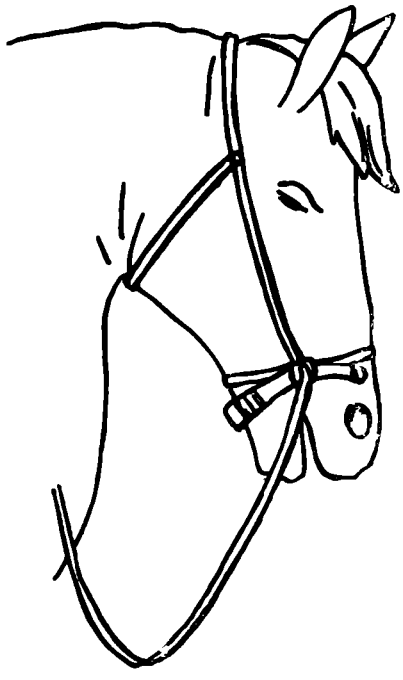


Рис. 2. Вероятное положение псалия в уздечке

рукции возникают два вопроса: а) для чего служил канал в утолщенной части, обращенный вперед, его назначение непонятно; б) заглаживание ножом слома цилиндрической части, как отмечалось выше, свидетельствует о том, что предмет употреблялся и после поломки. Трудно также предположить, чтобы люди, хорошо знавшие механические свойства кости и рога, специально утончали часть, несущую нагрузку.

2. Эти вопросы отпадут, если устройство узды реконструировать иначе (рис. 2). Предположим, что псалии помещались вогнутой частью вперед. В таком случае удила соединялись с поводом при помощи каналов в утолщении. Третий канал, обращенный назад, служил для закрепления нащечного ремня. К. Ф. Смирнов отмечает, что при примитивной форме узды такая вещь возможна. В таком случае псалии предотвращают продергивание. При этом он отмечает, что для устойчивого положения псалиев были необходимы наносный и подгубный ремни. Кроме того, подгубный ремень облегчал управление лошадью, стягивая ей нижнюю челюсть[4]. Второй вариант реконструкции представляется нам более вероятным. Окончательный ответ на этот вопрос могут дать новые находки псалиев данного типа.

---

[4] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 51.

Г. И. СОКОЛОВ

ФАНАГОРИЙСКИЙ ИЗВЕСТНЯКОВЫЙ ШЛЕМ

В 1967 г. местный житель хут. Приморский Краснодарского края Темрюкского р-на А. И. Жизненко нашел обломок древнего изваяния на обочине шоссейной дороги, ведущей из хут. Приморского в пос. Сенная. Находка была сделана после того, как на этом участке на месте западного некрополя древнего города Фанагория проложили асфальтированное шоссе, предварительно произведя большие планировочные работы и переместив много грунта. Автор этой заметки передал древний памятник в отдел археологии Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Обломок изваяния представляет собой исполненное из светло-желтого известняка изображение древнегреческого военного шлема коринфского типа. Высота фрагмента 0,45, ширина в фас 0,22, ширина в профиль 0,35 *м*. Сохранность памятника не очень хорошая. Довольно сильно сколота левая нижняя часть шлема, на верхней части левой стороны много сбоев, глубоких (до 0,02 *м*) царапин, выбоин и сколов (рис. 1—4).

Сохранившаяся под шлемом нижняя часть изваяния убеждает в том, что мастер не предполагал изображать под шлемом лицо человека и голову так, как это можно видеть на известных памятниках классиче-

Рис. 1. Шлем из Фанагории. Вид сбоку

ской Греции — герме Перикла Кресилая [1], портретной голове стратега из Мюнхена [2], герме стратега из Ватикана [3] и других [4], и шлем является не частью изображения воина, а изваянием другого типа.

Непосредственно под шлемом, там, где должно было бы быть изображено лицо, камень обработан в виде параллелепипеда, от верхних граней которого поднимаются уходящие под шлем наклонные плоскости. Передняя стенка параллелепипеда сохранилась плохо, но боковая правая дошла хорошо, и на ее тыльной части лежит тыльная часть шлема.

Шлем, таким образом, если смотреть на него сбоку и видеть высеченный в камне параллелепипед в горизонтальном положении, будет восприниматься запрокинутым назад так, как он носится на голове в небоевом положении. Снизу правая сторона параллелепипеда пересекается грубо высеченным в камне горизонтальным валиком с довольно резкими гранями, обрамляющим изваяние справа, сзади и слева. Часть изваяния, сохранившаяся ниже валика, не предназначалась для обозрения и имела чисто техническое назначение для крепления шлема на

[1] A. Hekler. Die Bildniskunst der Griechen und Römer, табл. 4, *а*, *б*.
[2] Там же, табл. 1, *а*, *б*.
[3] Там же, табл. 5.
[4] Там же, табл. 12*а*, 45*а*, 45*б*.

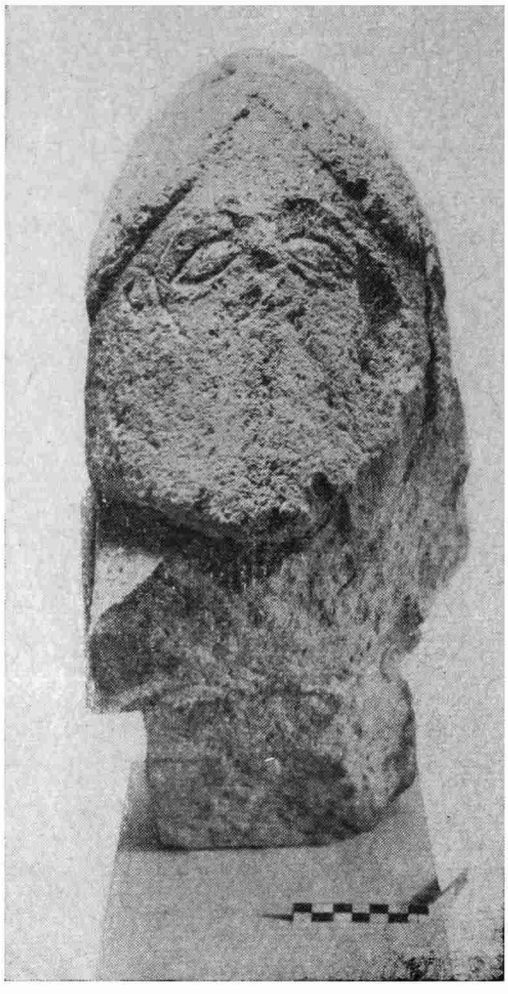


Рис. 2. То же. Вид спереди

Рис. 3. То же. Вид сзади

постаменте. Этот ниже валика расположенный штырь, имеющий форму скошенного спереди куба, служил, бесспорно, для крепления изваяния в паз той каменной основы, которая была для него постаментом. Размеры штыря в верхней части — 0,14×0,14×0,14 *м*.

Изваяние шлема высечено из грубого пористого известняка, но сделано довольно искусно и повторяет форму распространенных в античном мире металлических шлемов. Хорошо показана круглящаяся верхняя часть шлема, ясно видны не очень глубоко прорезанные в камне очертания глазниц, намечающие места, где в реальных металлических шлемах должны были бы находиться прорези для глаз, обозначена полоска наносника. Уже первый взгляд на это изваяние вызывает в памяти известняковый шлем, хранящийся в музее города Керчи, который был в свое время опубликован А. П. Ивановой [5]. Шлем из Керченского музея поступил туда в 1946 г. и был найден, как сообщает А. П. Иванова, очевидно, на горе Митридат. Но «выяснить точнее его происхождение не удалось» [6].

Общих черт у этих памятников очень много. Они, несомненно, выполняли какую-то одну функцию. И керченский шлем и фанагорийский сделаны из местного известняка. Правда, керченский — из известняка темного цвета, а фанагорийский — из камня желтоватого тона, но происхождение камня и в том и в другом случае местное.

Типы шлемов совершенно идентичны. А. П. Иванова, подробно проанализировав керченский шлем, установила его коринфский тип. Она

[5] А. П. Иванова. Новая скульптурная находка в Керчи. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 31—35, рис. 11, 12.

[6] Там же, стр. 31.

рассмотрела в своей статье эволюцию типа коринфского шлема в рисунках на вазах, в мраморных статуях, рельефах и скульптурных портретах. Таким же коринфским является и тип фанагорийского шлема. Тот же сферический верх, так же показаны прорези глаз и наносник, хотя надо отметить, что на фанагорийском шлеме эти детали выполнены несколько суммарнее.

Фанагорийский шлем близок керченскому и своей величиной. Керченский шлем имеет размеры, как дает их А. П. Иванова, 0,398 × 0,178 × × 0,37 *м*. Размеры фанагорийского шлема — 0,45 × 0,22 × 0,35 *м*. Различия, которые можно увидеть в этих двух сходных изваяниях, скорее качественного характера. На керченском шлеме больше деталей: по бокам показаны, очевидно, кожаные подшлемники, закрывавшие в металлических шлемах уши. Имеются отверстия сверху и по бокам, служившие, по всей вероятности, для прикрепления украшений, возможно гребня, свойственного коринфскому типу шлема. Фанагорийский шлем проще по отделке, в нем резче грани высеченных в камне деталей, нет отверстий для крепления гребня.

А. П. Иванова в публикации керченского шлема не останавливается на вопросе о назначении этого памятника, считая, что он бесспорно является частью статуи. Она сожалеет, что для датировки памятника не сохранились лицо и волосы, и называет это изваяние «частью головы в коринфском шлеме». И действительно, степень сохранности керченского шлема не давала возможности предположить какое-либо иное назначение подобного изваяния. Не случайно поэтому долгое время считалось, что керченский шлем — это часть скульптуры, где должно было бы быть изображено и лицо.

Фанагорийский шлем позволяет предположить иное назначение памятников этого типа. Свидетельством того, что подобного рода изваяния в виде шлема не всегда были частью скульптур, где изображались лица под откинутым назад шлемом, как в вышеупомянутых гермах, служит сохранившаяся в фанагорийском памятнике нижняя часть изваяния в виде крупного штыря — та, что в керченском отколота.

Поверхность известняка на месте штыря обработана грубо, видны незаглаженные следы инструментов, особенно на правой и тыльной стороне штыря. В отличие от этого поверхность известняка самого шлема и валика под шлемом обработана лучше. Такая обработка нижней части памятника убеждает, что она не была предназначена для обозрения и вставлялась в паз какого-то постамента.

То обстоятельство, что в нижней части фанагорийского шлема имеется штырь для вставления в паз, убеждает в том, что шлем служил украшением, вернее, завершением какого-то монумента. Не исключено, что фанагорийский шлем, как и керченский, мог венчать надгробный столб — стелу, стоявшую на некрополе.

Изображение шлема на надгробных памятниках античного мира весьма часто встречалось в VI—V вв. до н. э. На белом надгробном лекифе из Аттики можно видеть юношу со шлемом в руке, служившим знаком воинской доблести или, возможно, указанием на то, что он погиб в сражении [7]. Шлем, несомненно, имел большое смысловое значение в росписи этого белого лекифа. На другом погребальном белом лекифе такой же шлем показан лежащим на особой полочке в верхней части надгробия, представляющего собой вытянутую вверх прямоугольную плиту. Не исключено предположение, что на каменном надгробии это изображение шлема могло быть представлено рельефным. Для большей наглядности шлем показан художником сбоку [8].

---

[7] E. Pfuhl. Griechische Malerai und Zeichnung, III. München, 1923, стр. 205, рис. 535.

[8] Там же, стр. 209, рис. 543.

Рис. 4. То же. Вид сбоку

Подобное же изображение воинского шлема встречается и на надгробных памятниках в Малой Азии. К VI в до н. э. относится изображение шлема на рельефных плитах монумента Гарпий в Ксанфе [9]. Умерший, очевидно, воин, показан сидящим в кресле. Вытянув вперед руку, он держит в ней шлем, который занимает в композиции рельефа центральное место. Можно видеть изображение шлема и на надгробном рельефе первой половины V в. до н. э. из Фазоса (собрание Константинопольского музея) [10]. На стене, возле которой стоит ложе с покойным, в сцене заупокойной трапезы среди других предметов показан и шлем. Он изображен в профиль, как и на всех остальных надгробных памятниках — лекифах и рельефах. Шлем нередко изображался и на надгробиях Северного Причерноморья.

Изображение оружия на надгробных стелах Северного Причерноморья особенно часто встречается в Херсонесе [11]. На рельефных надгробиях Боспора даны преимущественно сцены иного характера, но и на Боспоре, в частности в Пантикапее и Фанагории, могли быть надгробные

---

[9] Б. Р. Виппер. Памятник гарпий. «Журнал министерства народного просвещения». Нов. сер., XVI, 1908, стр. 261—274.

[10] G. Rodenwaldt. Die Kunst der Antike. Berlin, 1927, стр. 258.

[11] Л. Г. Колесникова. Воинские надгробия, СХМ, IV, 1969, стр. 44, 54, рис. 22—27.

памятники такого рода, в которых показывались предметы воинского снаряжения.

В связи с характером исполнения нижней части фанагорийского шлема (со штырем для вставления в паз постамента) особенный интерес представляют надгробия, увенчанные каким-либо скульптурным изображением. А такие надгробия на Боспоре существовали. Действительно, в V и IV вв. до н. э. в Боспорском царстве довольно широко были распространены надгробные плиты, не имевшие рельефных изображений, но украшенные сверху каким-либо предметом. На одном из надгробий [12] на верхней плоскости стелы изображены изваяния гранатовых яблок, имевшие, несомненно, значение, связанное с культом мертвых. От этого же времени сохранилось и надгробие, верхняя часть которого украшена изваянием бараньей головы, исполненным, по свидетельству Ватцингера, очень суммарно и бегло [13]. Это изваяние сопоставлено у Кизерицкого и Ватцингера, с гермой, украшенной грубо исполненным изваянием бараньей головы [14]. Надгробие из Керчи с изваянием бараньей головы сохранилось лишь в верхней своей части (низ отколот), оно невелико по размерам — высота 0,69 *м*. Кизерицкий и Ватцингер датируют это надгробие IV—III вв. до н. э.

Украшение верхней плоскости надгробных плит орнаментальными мотивами, пальметками, аканфом и т. п. было распространено и позднее. К I в. относятся надгробия с изображением змееногой богини, известняковое изваяние которой возвышалось над надгробной плитой, исполненной местным мастером [15].

Изваяния, украшавшие в боспорских надгробиях верхнюю плоскую часть каменной плиты, очевидно, крепились в ней различно. В некоторых случаях украшение и само надгробие высекались из одного камня. Иногда же на верхней плоскости надгробной плиты делалось углубление — паз, куда вставлялся штырь украшения. Такие надгробия сохранились в лапидарии Керченского музея. Не дошли, к сожалению, лишь сами изваяния, украшавшие верхнюю часть стелы. Более чем вероятно, что и для фанагорийского шлема в каком-то надгробии существовал подобный же паз для его крепления на верхней части стелы.

Таким образом, в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре, существовали надгробия, плиты которых служили как бы постаментами для изваяний различного рода предметов, связанных с культом мертвых. Изготавливались там же и надгробия, украшенные в верхней своей части изваяниями предметов, напоминавших о воинской доблести. Особенно интересна в этом отношении надгробная плита Парменона и Пармата из древнего Пантикапея, увенчанная известняковым изваянием шлема (рис. 5). Она была найдена в 1889 г. на западном склоне горы Митридат в Керчи и во времена Кизерицкого и Ватцингера находилась у дромоса Царского кургана подобно многим другим памятникам такого же рода [16]. Теперь это надгробие находится в лапидарии Керченского историко-археологического музея в помещении церкви Иоанна Предтечи. На лицевой стороне надгробия сохранилась надпись

ΠΑΡΜΕΝΩΝ
ΙΣΤΙΑΙΟ
ΠΑΡΜΑΤΑ
ΠΑΡΜΕΝΟΝΤΟ
ΣΓΥΝΕ

[12] G. v. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 6, табл. 1, *36*.

[13] Там же, стр. 6, табл. II, *39*.

[14] B. Schröder. Ath. Mitt, 1904, стр. 21; 1905, стр. 408.

[15] G. v. Kieseritzky und C. Watzinger. Ук. соч., стр. 20, 21, табл. X. *153—155*.

[16] G. v. Kieseritzky und C. Watzinger. Ук. соч., стр. 6, табл. II, рис. 38.

Рис. 5. Надгробие из Керчи

Надпись эта приведена у В. Латышева, датирующего ее IV в. до н. э. [17]. Надгробие из Керчи со шлемом в верхней части исполнено из известняка. Высота его сохранившейся части (оно сколото снизу) — 0,78 *м*.

Шлем, украшавший стелу, принадлежит к типу фригийской шапки, верхний конец которой отколот. Высота шлема небольшая — около 20 *см*, т. е. примерно вдвое меньше, нежели высота коринфского шлема из керченского музея и шлема из Фанагории (рис. 6). Материал во всех памятниках один — местный известняк. Кизерицкий и Ватцингер датируют это надгробие со шлемом (стелу Парменона и Пармата) IV—III вв. до н. э.

Сложен вопрос о времени шлема из Фанагория. А. П. Иванова убедительно датировала керченский шлем началом V в. до н. э. Не исключено, что и фанагорийский шлем исполнен в V в. до н. э., и вряд ли стоит, учи-

[17] B. Latyschev. Inscriptiones antiquae Orae septentrionalis Ponti Euxini. II; Petropoli, MDCCCXC, 1890, стр. 79, № 105.

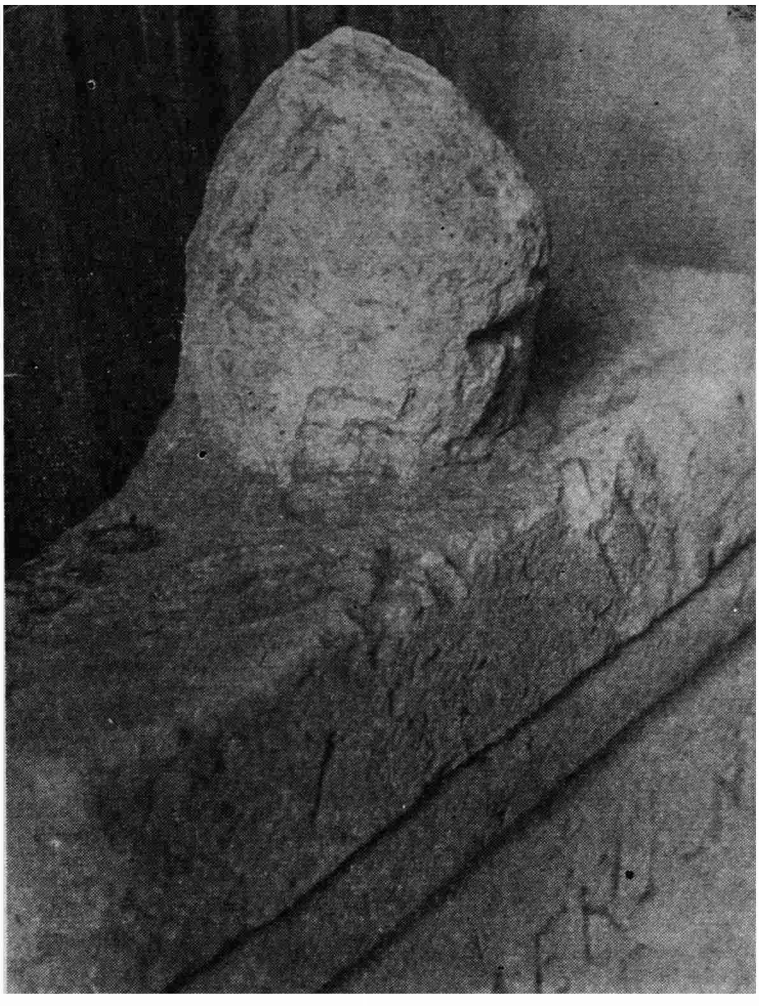


Рис. 6. Надгробие Перменона из Керчи. Деталь. Шлем

тывая свидетельство Латышева, который отнес надпись на надгробии Парменона и Пармата с фригийским шлемом к IV в. до н. э., датировать фанагорийский шлем V—IV вв. до н. э. тем более, что надгробие Парменона и Пармата по характеру обработки поверхности и небрежному нанесению букв близко боспорским надгробиям V в. до н. э., в частности надгробию Мавра Тихона [18]. Более точная датировка, к сожалению, не может быть подкреплена вескими аргументами.

Надгробие из Керченского лапидария позволяет, таким образом, не сомневаться в существовании в Боспорском царстве подобных памятников и предположить, что шлемы — керченский и пайденный на некрополе Фанагории — являлись изваяниями, украшавшими некогда надгробные плиты. Исполнение нижней части фанагорийского шлема говорит о том, что мастер и не думал показывать лицо, а лишь создал штырь для крепления шлема в пазах постамента. Изготовление таких памятников производилось, несомненно, на Боспоре местными мастерами. Об этом свидетельствует и материал, и манера его обработки, в достаточной степени суммарная и обобщенная.

---

[18] В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, II, 1932, стр. 70 сл.; В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 50, 51, рис. 15.

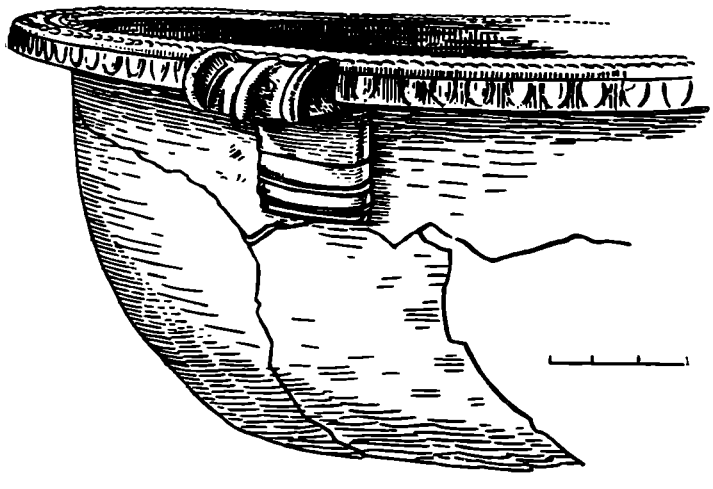
В. П. ШИЛОВ

БРОНЗОВАЯ ЧАША АНДРЕЕВСКОГО КУРГАНА

В 1958 г. при рытье картофельной ямы на кургане, расположенном в 1 *км* к востоку от с. Андреевки Ичалковского р-на Мордовской АССР, местные жители разрушили несколько погребений. Учитель М. Н. Крючков представил часть вещей в Мордовский научно-исследовательский институт. В 1963—1964 гг. этот интересный курган был раскопан П. Д. Степановым [1].

Среди вещей обращает на себя внимание полусферическая бронзовая чаша южноиталийского происхождения [2]. Край ее отогнут под прямым углом сначала горизонтально — на 2 *см*, затем вертикально вниз на 1 *см* (рис. 1).

Горизонтально отогнутая часть чаши украшена по краям двумя круговыми рядами зерни, обрамленными двумя бороздками с внутренней стороны. Вертикально загнутая часть края украшена вверху круговой бороздкой и ниже — рядомов, которые нанесены гравировкой и располагаются реже, чем обычно на чашах этого типа. С двух противоположных концов к краю чаши припаяны бронзовые литые атташе. Нижняя часть атташе — прямоугольная пластина, украшенная тремя поперечными глубокими бороздками. Верхняя часть профилирована тремя продольными валиками, края которых ограничены бороздками (две по краям и одна посередине пластины). В верхней части атташе имеется два соединяющихся вместе конусовидных отверстия, куда вставлялись концы незамкнутых колец-ручек. Корпус чаши сильно коррозирован и распался на несколько кусков. Однако форма ее после реставрации восстановлена почти полностью, хотя и несколько деформирована. Вдоль трещин на дне чаши, образовавшихся еще до положения ее в могилу, было просверлено девять пар отверстий для скрепления сосуда с помощью сухожилий или тонких веревочек. Очевидно, сосуд был сильно поврежден еще при жизни погребенного. Кольца-рукоятки и подставки в могиле не обнаружены. Однако с наружной стороны днища имеются следы припоя. Диаметр корпуса 53 × 54 *см*; высота без подставки 9,3 *см*. Толщина стенок 1— 1,5 *мм*.



О. Альмгрен и Б. Нерман типологически расчленили подобные чаши на две группы. К первой группе (I в. до н. э.) они относят чаши с атташе, без припаянных ниже их пальметок. Во вторую группу включены сосуды с припаянными ниже атташе пальметками (I в.) [3]. Примерно тем же временем датировал эти чаши и Г. Эггэрс, относя первую группу к ста-

[1] П. Д. Степанов. Андреевский курган (предварительное сообщение). Тр. НИИЯЛИЭ МордовскАССР, XXVIII, сер. истор. Саранск, 1964, стр. 206 сл.

[2] П. Д. Степанов. Южные связи племен Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 227, рис. 2. Пользуюсь случаем выразить свою признательность П. Д. Степанову за любезное предоставление мне фотографий этой чаши.

[3] O. Almgren und B. Nerman. Die ältere Eisenzeit Gotlands. Stockholm, 1923, стр. 133, 134.

дии А, а вторую — к стадии BI (0—50 гг.) [4]. Таким образом, по данным исследований О. Альмгрена и Б. Нермана, а также Г. Эггерса, наша чаша относится к ранней группе — позднему латенскому времени.

Важное значение для определения даты этих чаш имеет находка бронзового атташе, тождественного андреевскому, в столице эдуев Бибракте, которая была покинута в 5—6 гг. до н. э. В римском лагере Галтерис, просуществовавшем с 11 г. до н. э. по 16 г., встречена бронзовая пальметка типа тех, которые припаивались обычно на корпусе сосуда ниже атташе [5]. Учитывая, что Бибракта была оставлена жителями в 5—6 гг. до н. э., т. е. спустя 5—6 лет после основания римского лагеря Галтерн на Рейне, и принимая во внимание, что атташе было обнаружено в культурном слое Бибракты, не относящемся к последним годам жизни столицы, можно предполагать, что рассматриваемые чаши без пальметок начали изготовляться в более раннее время, чем с пальметками. Вместе с тем следует учесть мнение Г. Эггерса, что обе разновидности сосуществовали примерно в последние десятилетие до нашей эры [6]. Бронзовые чаши без пальметок встречены в Сойвиде на о. Готланд [7], в одной из могил Рондсена (Rzadz) в районе Гданьска [8]. Атташе с овальным кольцом, а также обломок края и кусок корпуса происходят из могилы с сожжением у с. Обривисти в районе Мелник (Чехословакия), причем на широком, горизонтально отогнутом крае имеются (так же как на сосуде из Андреевского кургана) два ряда зерни с двумя круговыми бороздками. Эта чаша обнаружена вместе с бронзовым ковшом, рукоятка которого завершается кольцом и двумя головками лебедей. Он принадлежит к типу ковшей, относящихся к началу I в. На ручке имеется хорошо читаемое клеймо: Norbani [9]. Имя этого фабриканта уже встречалось на металлических изделиях [10]. Кусок края чаши, совершенно идентично андреевской, обнаружен в могиле с сожжением в с. Радовесице в Чехии [11]. Наконец, обломок края такой же чаши встречен в могильнике Добричев-Печора [12].

Целая серия чаш с пальметкой, припаянной ниже атташе, обнаружена в Дании: Стангеруп, Балслев, Фюнен (?), Томболгард, Штиллинг Марк, Торнебускхой в районе Хаммарума и Бирстед Марка [13]. О. Клиндт-Йенсен датирует их (III тип, по его классификации) главным образом I в. на основании находки у Ливерпуля [14], где в камерной могиле 33 аналогичная чаша обнаружена с монетами Тиберия и Друза и кубком terre sigillata со штемпелем: L. Gellius в рамке из миниатюрного оттиска подошвы ноги [15]. О том же времени свидетельствует находка из Погендорфа. Там подобная чаша встречена с бронзовой кастрюлей, ручка которой завершается головками лебедя. Г. Эггерс датирует эту находку первой половиной I в. [16]. Следует отметить, что овы на погендорфском экземпляре деградировали в насечки. На андреевской же чаше овы еще сохраняются,

[4] H. J. Eggers. Ein frühkaiserzeitlicher Grabfund von Poggendorf. Phaehistorische Zeitschrift, XXIII, 3/4. Berlin, 1932, стр. 254.

[5] Там же, стр. 254.

[6] Там же, стр. 255.

[7] O. Almgren und B. Nerman. Die altere Eisenzeit Gotlands..., табл. VII. 103: S. M. Moberg. Zonengliederungen der vorchristichen Eisenzeit in Nord Europa. Lund, 1941, табл. XXIII; O. Montelius. Antiquites suedoises. II, Stockholm, 1873—1875, стр. 113, рис. 379.

[8] S. Anger. Das Gräberfeld zu Rondsen im Kreise Graudenz. Abhandlungen zur Landeskunde der Provinz westpreussen. I, Graudenz, 1890, стр. 19, табл. XXII.

[9] J. L. Pič. Čechy na úsvitě dějin. Starožithosti zeme České. II, 3, Praze, 1905, табл. LVII, 1, *8*.

[10] H. W. Willers. Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und Niedergermanien. Hannover und Leipzig, 1907, стр. 89, № 149.

[11] J. L. Pič. Ук. соч., табл. I, *9*.

[12] Там же, стр. 299, 300, табл. XV.

[13] O. Klindt-Jensen. Foreign Influences in Denmarks Iron Age. København, 1950, стр. 209.

[14] Там же, стр. 18, 19.

[15] Ch. Simonett. Tessiner Gräberfelder. 1941, стр. 94, табл. 14, *31*, *1*.

[16] H. J. Eggers. Ein frühkaiserzeitlicher Grabfund von Poggendorf..., стр. 258.

но они вырезаны гораздо реже, чем обычно. Вероятно, погендорфский экземпляр более поздний, чем андреевский. Некоторые исследователи считают (на основании находки фрески во дворце Адриана в Тиволи, где изображена такой формы чаша с сидящими по краю голубями и тремя ножками в виде катушек), что такие чаши бытуют и во II в. Однако известно, что эта фреска — копия более ранней. Об этом же свидетельствуют катушкообразные подставки-ножки [17].

Таким образом, дата андреевской чаши падает на рубеж I в. до н. э. — I в. или на самое начало нашей эры. Исходя из карты распространения этих чаш, можно предполагать, что центром их изготовления был один из городов Южной Италии [18]. При определении времени погребения чаши в Андреевский курган следует учесть, что, прежде чем попасть в могилу, она находилась в течение длительного времени в употреблении, о чем свидетельствуют просверленные парные отверстия, предназначенные для скрепления дна сосуда, где образовались трещины.

[17] O. Klindt-Jensen. Ук. соч., стр. 18, 19.
[18] Там же, стр. 18, 19.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ГОРОДИЩАХ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У г. ПОДОЛЬСКА

Среди памятников раннего железного века бассейна р. Пахры (приток р. Москвы) хуже других изучено Борисоглебское городище, расположенное рядом с полностью исследованным Щербинским городищем [1], в 2 *км* к востоку от г. Подольска, на правом берегу р. Пахры.

Работы на памятнике были затруднены наличием на его площадке современного кладбища. Проведенная нами в 1964 г. шурфовка склонов Борисоглебского городища и сбор подъемного материала в последующие годы дали значительное число находок [2]. Найдены три скобеля из ребер коровы, с заостренным краем (рис. 1, *1*) и несколько костяных наконечников стрел (рис. 1, *2—5*) — один с уступом при переходе от пера к черешку, другой одношипный, асимметричный, предназначенный для стрельбы из лука по рыбе; встретились многочисленные костяные проколки, в том числе и с подправленными головками (рис. 1, *6—8*). Были обнаружены также сравнительно небольшой костяной однозубый гарпун с муфточкой (рис. 1, *9*), клык кабана со следами обработки и коготь медведя со сверлиной (рис. 1, *10*), которые, по-видимому, использовались как амулеты.

Особенно многочисленны изделия из глины. Опять встретились грузики дьякова типа нескольких разновидностей, преимущественно поздние (рис. 1, *11*, *12*). Глиняные бусы были трех видов — круглые, цилиндрической формы, лепешковидные (рис. 1, *13—15*). Интересна треугольная глиняная подвеска с выделенным ушком (рис. 1, *16*). Найдено одно пряслице биконической формы (рис. 1, *17*) из глины черного цвета, подлощенное. Интересны находки обломков глиняных фигурок, изображающих людей. Верхняя часть их схематизирована и имеет вид креста (рис. 1, *18—20*), на одной — точечный орнамент. На расположенном рядом Щербинском городище среди огромной коллекции нет ни одной подобной фигурки, хотя памятники одновременны. По-видимому, территория

[1] И. Г. Розенфельдт. Щербинское кладбище. СА, 1964, 1, стр. 165—177; А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Щербинского городища в Московской области в 1963 г. КСИА АН СССР, 107, 1965, стр. 103—110.
[2] Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 104—113.

Борисоглебского городища какое-то время использовалась как культовое место. Такие фигурки встречаются только на отдельных городищах, среди которых нам известны три: Дьяковское, Отмичи и Кузнечики (по-видимому, они также были религиозными центрами) [3].

Были найдены еще миниатюрные «рогатые кирпичи» и обломки больших «рогатых кирпичей» (рис. 1, *22, 23*). Интересно, что для Южного

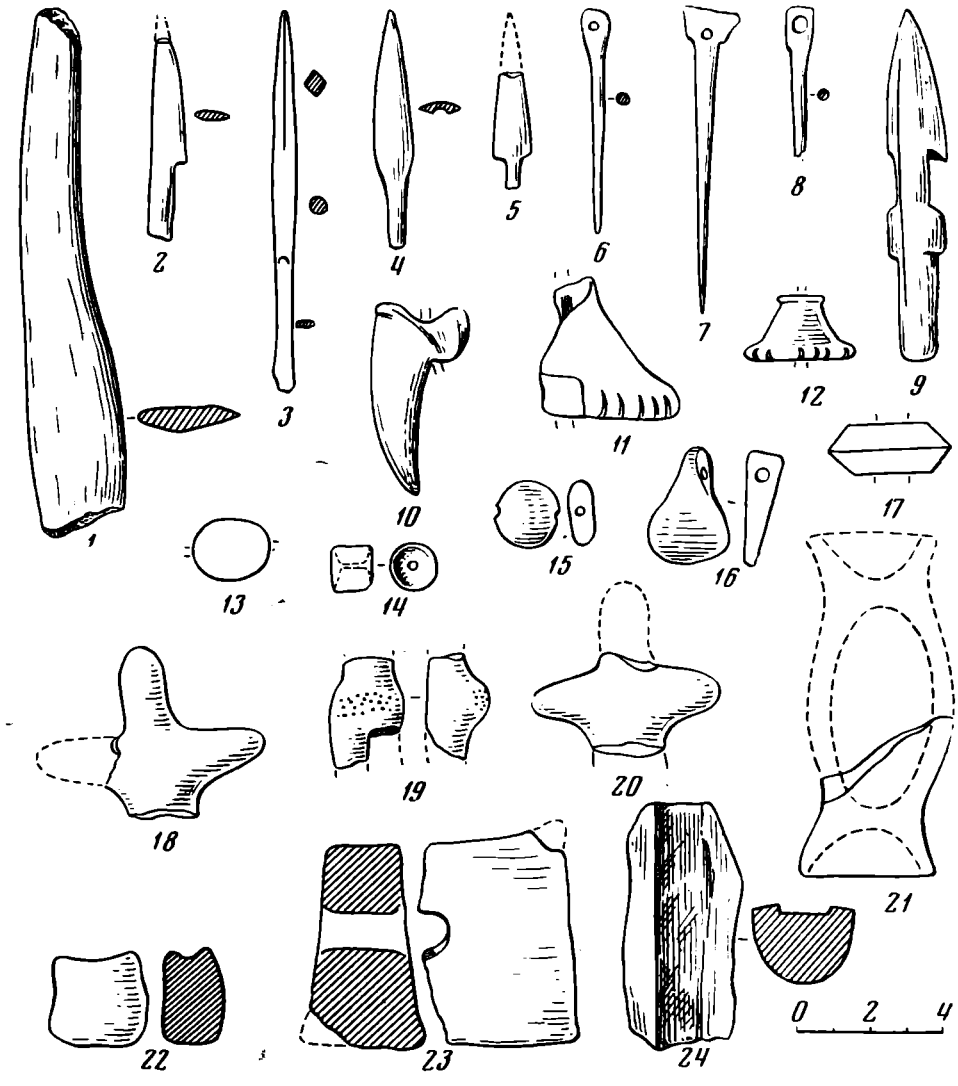


Рис. 1. Находки из раскопок и сборов на Борисоглебском городище

1 — скобель; *2—5* — наконечники стрел; *6—8* — проколки; *9* — гарпун; *10* — коготь медведя со сверлиной; *11—12* — грузики; *13—15* — бусы; *16* — подвеска; *17* — пряслице; *18—20* — обломки человеческих фигурок; *21* — погремушка; *22—23* — «рогатые кирпичи»; *24* — литейная форма.
1—11 — кость; *21—24* — глина

Подмосковья характерны свои разновидности изделий этого рода. Там были распространены «рогатые кирпичи» с продольной канавкой по верху глиняного блока.

Среди орудий литейного производства отметим форму для отливки медной пластины (рис. 1, *24*), один целый и несколько обломков крупных с сильно шлакированной поверхностью тиглей-льячек особой конструкции, с канавкой по верхней части «рукоятки» (рис. 2, *1*). Такие тигли мы относим ко второй половине I тысячелетия н. э. Они существенно отличаются от распространенных на той же территории мелких льячек с

[3] А. Ф. Дубынин. Городище Кузнечики в Подмосковье. СА, 1970, 1, стр. 163, рис. 3, *27—30*; 5, *1—3*; *4—7*; 6, *21*.

дыркой в рукояти для деревянной ручки (последние датируются временем до первой половины I тысячелетия н. э. и, как правило, не бывают ошлакованными). Такие крупные тигли встречались ранее на Щербинском и Троицком городищах в верхних горизонтах. На Троицком городище, где открыта мастерская литейщика, было до десятка подобных тиглей. Тигли-льячки такой конструкции ставились в горн и вынимались

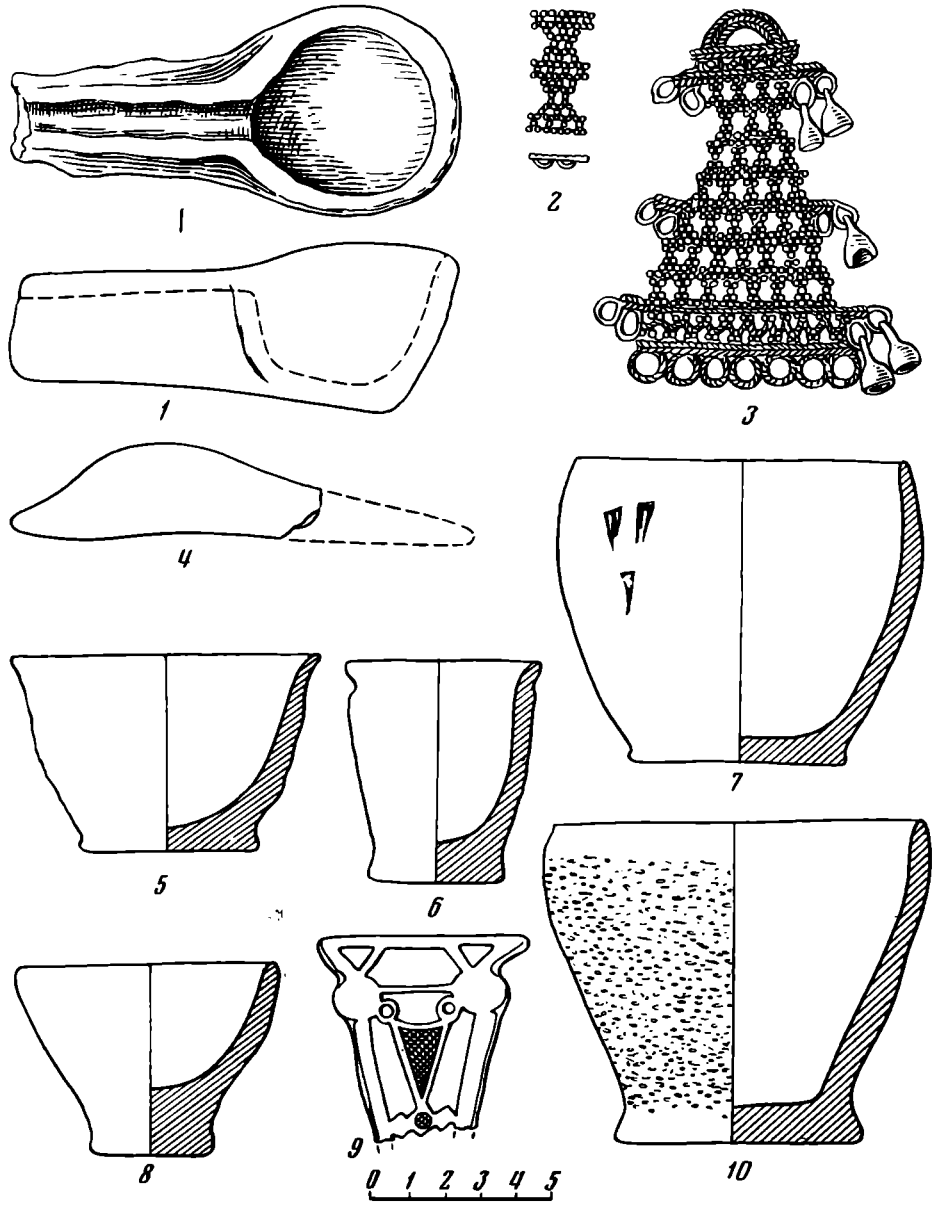


Рис. 2. Находки на Борисоглебском и Щербинском городищах

1 — тигель-льячка; *2* — нашивная медная бляшка; *3* — нагрудное медное украшение; *4* — железный нож; *5—8, 10* — горшки; *9* — обломок медной цепи с выемчатой эмалью от ритона
9 — Щербинское городище, остальные — Борисоглебское

из него специальными клещами, напоминающими по виду кричные. Их губки, округлые у перекрестья и вытянутые к концам, плотно охватывают тигель. Такие клещи для тиглей встретились на Щербинском городище[4]. Канавка по верху «ручки» тигля служила литком для расплавленного металла.

---

[4] А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Щербинского городища, рис. 41, *9*.

Среди изделий из меди интересна, по-видимому, поясная, ложнозерненая накладка в виде сложного бантика (рис. 2,*2*). Украшения, выполненные в такой манере, казалось бы, датируются IV—V вв. по нахождению их в кладе на Троицком городище вместе с венчиком мощинского типа [5]. Нам представляется, однако, что украшения эти бытовали и позже, так как в этом же кладе есть пластинка, украшенная волютами с двойными точечками зерни по краям. Этот прием орнаментации характерен для VIII—IX вв. [6] Сам «мощинской венчик» в Троицком кладе производит впечатление более позднего предмета по сравнению с экземпляром, найденным на Мощинском городище вместе с эмалями. Поэтому клад на Троицком городище, как и ложнозерненую пластинку с Борисоглебского городища, следует датировать VI—VII вв.

К тому же времени следует относить и выполненную в ложнозерненой технике нагрудную подвеску, украшенную по краям колокольчиками (рис. 2,*3*). По нижнему краю ее семь петелек для шумящих подвесок, которые на этом украшении отсутствуют. Более скромная и, по-видимому, несколько более ранняя подвеска такого типа есть в составе клада, найденного на Троицком городище. На длинных цепочках к ней подвешены прорезные колокольчики [7]. Это наиболее ранние образцы шумящих подвесок в Подмосковье.

Изделий из железа на Борисоглебском городище найдено немного. Среди них несколько ножей первых веков нашей эры с горбатыми спинками, железные шилья, обломки железных колец. Один из ножей (рис. 2,*4*), несмотря на фрагментарность, оказался почти несточенным и поэтому дает хорошее представление о первоначальной форме изделий такого рода. Обычные же находки ножей не дают возможности судить о первоначальной форме предмета. Все они сточены на износ.

Из собранных обломков керамики составилось только пять целых сосудов. Один горшок раннего типа, с простым венчиком на плиточном поддоне и с закраиной, датируется последними веками до нашей эры. Поверхность его покрыта сетчатыми отпечатками (рис. 2, *10*). Четыре других сосуда гладкостенные. Три из них небольшие, почти миниатюрные. Высота самого крупного 9,3 *см* (рис. 2, *5, 6, 8*). Последний, пятый, под обрезом края имеет орнамент из отпечатков косопоставленной палочки, сгруппированных в треугольники (рис. 2, *7*). Кроме предметов раннежелезного века на Борисоглебском городище найдены изделия XII—XIV вв. (в это время у подножья древнего поселения располагалось славянское селище) — славянские ножи, шиферные пряслица, ключи, части замков и керамика.

Большой интерес представляет обнаруженный на Щербинском городище в 1967 г. обломок звена прорезной цепи от ритона, украшенный выемчатой эмалью красного цвета. По форме предмет сходен с фибулами мощинского типа (рис. 2, *9*) и, по-видимому, датируется V в. Это первая находка цепи ритона в Подмосковье и пока одна из немногих здесь находок предметов с выемчатыми эмалями мощинского типа.

---

[5] Сборник. Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970, стр. 32, рис. 19.

[6] В. А. Оборин. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье. ВАУ, 2. Свердловск, 1961, рис. 41, *6*.

[7] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, 6, 1941, рис. 27.

Р. В. НИКОЛАЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ БЛИЗ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ МИНУСИНСК

В 1961—1962 гг. археологической экспедицией Красноярского краевого музея производились раскопки двух курганных групп в 1,5 *км* северо-западнее ж. д. ст. Минусинск. Обе группы располагались на второй террасе протоки Енисея на развеянных песчаных дюнах.

Первая группа насчитывала 16 курганов. Это округлые и овальные в плане насыпи диаметром от 6 до 15 и высотой от 0,5 до 1 *м*. Все они в прошлом имели на вершинах выкладки из валунов и крупных обломков песчаника, но к моменту раскопок выкладки были нарушены строителями.

Вторая группа включала 60 курганов с округлыми в плане насыпями высотой 0,3—0,8 и диаметром 3—15 *м*, с площадкой или кольцом окатанных валунов сверху (иногда плит песчаника с валунами).

В северной части второй группы, где курганы расположены наиболее кучно, местами насыпи примыкают и сливаются одна с другой. Возле курганов сбоку заметны небольшие углубления (отличающиеся и характером растительности), откуда брался грунт для сооружения насыпей.

В первой группе удалось исследовать три кургана, во второй раскопаны все 60 курганов. Курганы первой группы оказались ограбленными. Лучше других сохранился кург. 1, под насыпью которого обнаружены следы долбленой колоды, ориентированной по линии запад — восток, и разбросанные, частью поломанные, человеческие кости. Вокруг погребения на расстоянии до 1 *м* прослежены остатки кольев.

Каменные выкладки в составе насыпей — характерная черта «кыргызских» курганов [1]. Деревянные столбики также встречаются в погребальных камерах этой эпохи [2]. Наличие следов трупоположения в колоде сближает указанный курган с погребениями могильника Капчалы II (раскопки В. П. Левашовой) [3].

Обряд захоронения в курганах второй группы — трупосожжения в яме (округлой, овальной или подчетырехугольной формы) на глубине 0,2—0,6 *м* от прежней дневной поверхности (кург. 1—10, 13—52; 54, 57). В кург. 11, 12, 22, 55, 56, 58 имело место трупосожжение и трупоположение в отдельных ямах; в кург. 53— обнаружено только трупоположение.

Яма с прахом сожженного находилась в центре кургана (44 случая), под восточной полой (5 случаев), под северо-восточной (2 случая), под северной (2 случая), под южной (1 случай), под западной полой (1 случай). В кург. 11 найдены две ямы с трупосожжениями — под северо- и юго-восточной полами; в кург. 30— две ямы в восточной и западной полах; в кург. 55 — пять ям (одна под северной полой, одна под восточной, три под южной). В кург. 58 — две ямы под северо- и юго-западной полами.

В яме кург. 52 пепел был помещен в каменный ящик с дном и покрытием, состоявший из шести массивных песчаниковых плит, а в яме кург. 55 — огорожен песчаниковой оградкой. В ямах кург. 11 и 53 (рис. 1) найдены скелеты женщин, а в кург. 55, 56, 58 (рис. 2) — детей, похоро-

---

[1] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 10, 14, 53, 60.

[2] Там же, стр. 10.

[3] В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952, стр. 131, рис. 7, *1*.

ненных по обряду трупоположения. Скелеты лежали вытянуто на спине, а в одном случае — на левом боку (детское захоронение в кург. 58).

Ориентировка во всех случаях головой на запад. В кург. 12 было две ямы: одна в центре с трупосожжением, во второй (северо-восточная пола) находились разрозненные кости ребенка. В кург. 22 в стороне от ямы с трупосожжением обнаружены человеческий череп и ребра.

Керамика в основном сконцентрирована при трупосожжениях и располагалась обычно с южной стороны от него. Это типичная для кыргызской эпохи «ваза» и один — три обычных горшка, причем ваза располагалась восточнее других сосудов. Вазы встречены в кург. 3, 7 (2 экз.), 11, 33, 37, 49, 52, 54 (2 экз.), 57 и 59. В кург. 3 и 37 вазы в верхней части тулова имеют тамговые знаки: у первой в виде спирали (рис. 3, *2*), у второй — креста (рис. 4, *1*). Ваза из кург. 52 (рис. 4, *3*) опоясана по верхней части плеча двумя кольцевыми линиями, от которых на тулово спускаются двойные спирали наподобие бараньих рогов. Зоны между линиями украшены частыми оттисками мелкой гребенки.

Прочие вазы лишены орнамента. Одна из них (рис. 3, *1*) имеет петлеобразную ручку в нижней части тулова. Остальная посуда — плоскодонные горшки с прямыми венчиками, чуть отогнутыми наружу; к середине сосуд слегка расширяется и затем суживается ко дну (рис. 3, *4*). Есть и сосуды баночной формы (рис. 3, *5*). Горшки входили в состав инвентаря кург. 3, 7, 11, 13, 28, 49, 53—55, 57.

Дважды встречена привозная посуда. В кург. 4 стояла белая фарфоровая низкая чашечка (рис. 5, *12*), напоминающая среднеазиатскую пиалу, в кург. 20 — фрагмент венчика фаянсового сосуда (рис. 4, *2*), покрытого зелеными и коричневатыми полосами по белому фону. Из других разновидностей посуды в кург. 28 найдены куски берестяного туеска, скрепленного по краю бронзовой обкладкой. Разрозненные фрагменты туеска встречены и в кург. 13.

Металлический инвентарь представлен в первую очередь деталями конской сбруи. Удила встречены в погребальных камерах кург. 5, 24 (только кольца), 52. В первом случае это двусоставные железные удила из витого стержня с двойными кольцами, из которых первые составляют продолжение стержня и перекручены в виде восьмерки, а вторые свободно вращаются (рис. 5, *1*). Удила из кург. 52 снабжены псалиями (рис. 6, *1*). Стремена, также из железа, найдены в одном комплексе с удилами в тех же курганах.

Стремена из кург. 5 и 52 сделаны из выгнутого восьмеркой толстого стержня (рис. 5, *2*) с плоским подножием, украшенным прорезями. Петли стремян из кург. 24 представляют плоские пластинки с узкими горизонтальными прорезями (рис. 6, *6*). Из других деталей сбруи в кург. 10 найдена железная обкладка, а в кург. 24 и 29 — бубенцы (рис. 6, *5*). Бубенчик из кург. 24 сделан из железа, а из кург. 29 — из бронзы.

В кург. 21 и 24 встречены железные наконечники стрел (рис. 6, *3*—*5*) — трехлопастные, с широкими лопастями и длинными черешками, вставлявшимися в древко. Две лопасти каждого наконечника имеют округлое отверстие, а одна лопасть сплошная. В кург. 28, 36, 49, 52 найдены железные черешковые ножи. Из них три с прямыми спинкой и лезвием (рис. 5, *4*), а один из кург., 36,— вогнуто-обушковый (рис. 5, *3*).

Весьма интересным оказался инвентарь кург. 54. Здесь вместе с прахом в могильной яме найдено два ножевидных предмета из оленьего рога, один обломок такого же предмета и три фрагмента шилообразных поделок из того же материала (рис. 5, *6*—*11*). Интересно, что один из ножевидных предметов (рис. 5, *6*) напоминает по форме типичный карасукский нож. В кург. 53 найден обрывок кожаной обуви очень плохой сохранности.

В восточной части кург. 9 (рис. 7, *2*) находилась железная сабля (рис.

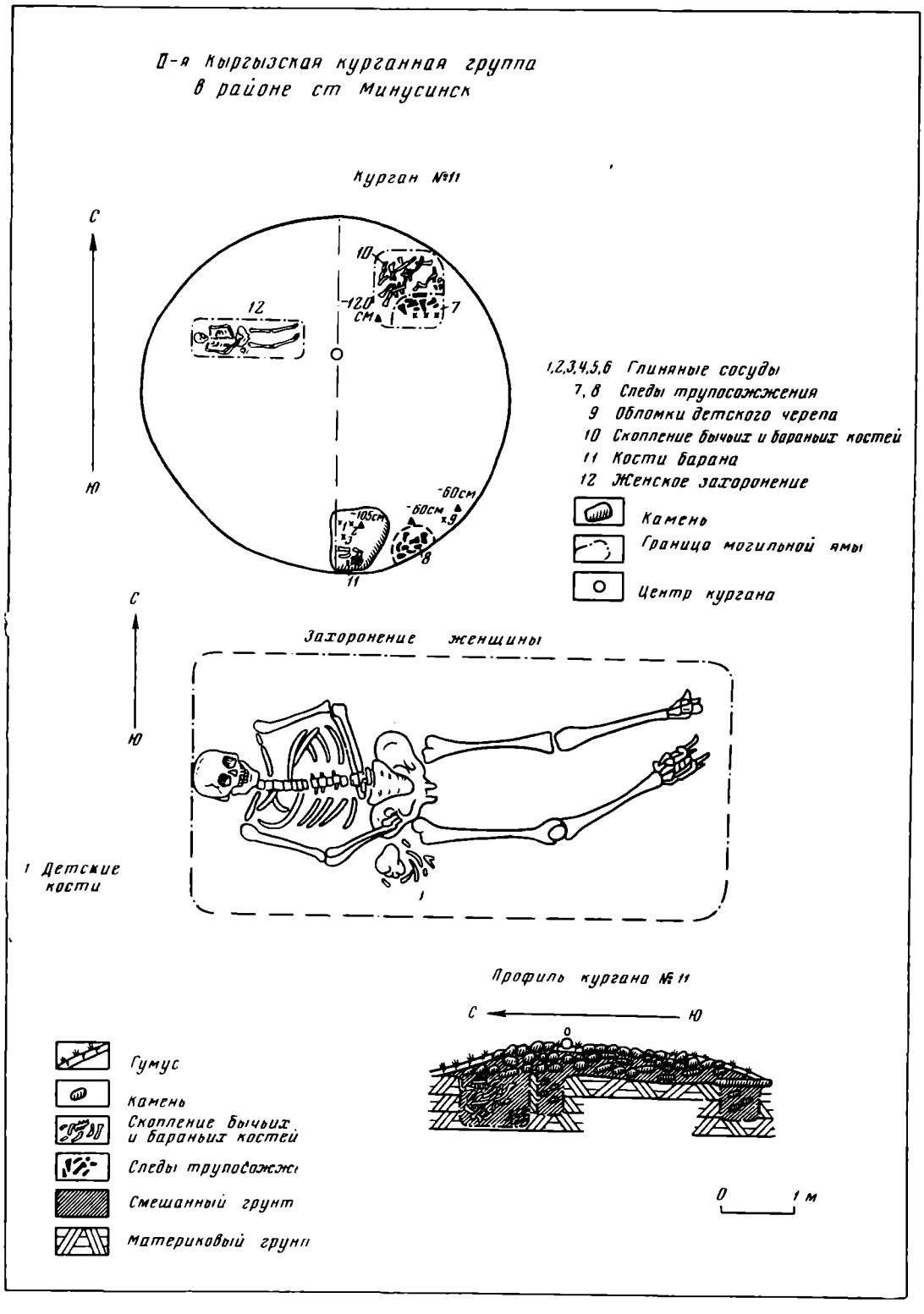


Рис. 1. Вторая курганная группа. Курган № 11. Женское погребение

7, *1*) весьма хорошей сохранности, но со следами воздействия огня. В насыпи кургана сабля помещалась наклонно и была ориентирована по линии север — юг, острием в южную сторону. Верх рукояти обнаружен при расчистке камней выкладки кургана.

Большая часть клинка сабли прямая. Лишь конец близ острия имеет плавный изгиб, и в этом месте клинок обоюдоострый. Основание рукояти, выкованное из одной полосы с клинком, имеет форму сильно вытянутого треугольника с круглым отверстием у вершины. Основание согнуто кольцом, вероятно, под воздействием пламени. Перекрестье изготовлено отдельно от сабли. Оно имеет овальную прорезь и надето на основание.

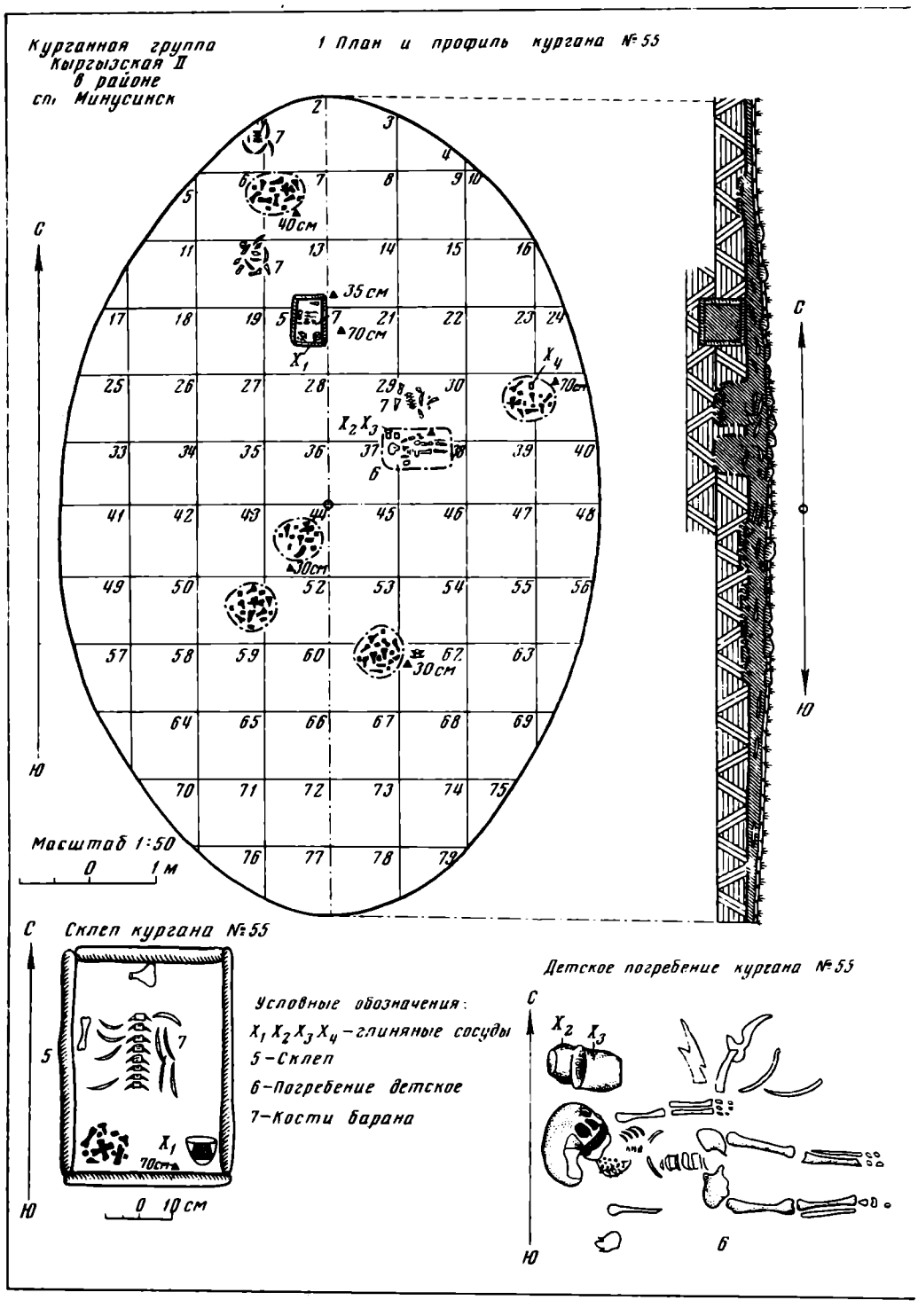


Рис. 2. Вторая курганная группа. Курган № 55. Детское погребение

Очевидно, посредством прорези скреплялась нижняя часть деревянной обкладки рукояти сабли. Обкладка эта, по-видимому, сгорела. Перекрестье имеет форму сильно вытянутого ромба с округлыми углами. От границы клинка и рукояти лезвия идет декоративная железная обкладка с фигурными вырезами в виде полумесяцев. Под перекрестьем на саблю была надета железная обойма, несомкнутая, эллипсовидная в плане. Концы ее скреплены железным стержнем со вдетым в него свободно вращающимся кольцом. Обойма эта скрепляла верхнюю часть ножен. Каких-либо остатков от них не сохранилось.

В кург. 36 обнаружена танская монета из белого сплава с четырехугольным отверстием (рис. 7, *3*). В засыпке кург. 9 была найдена массив-

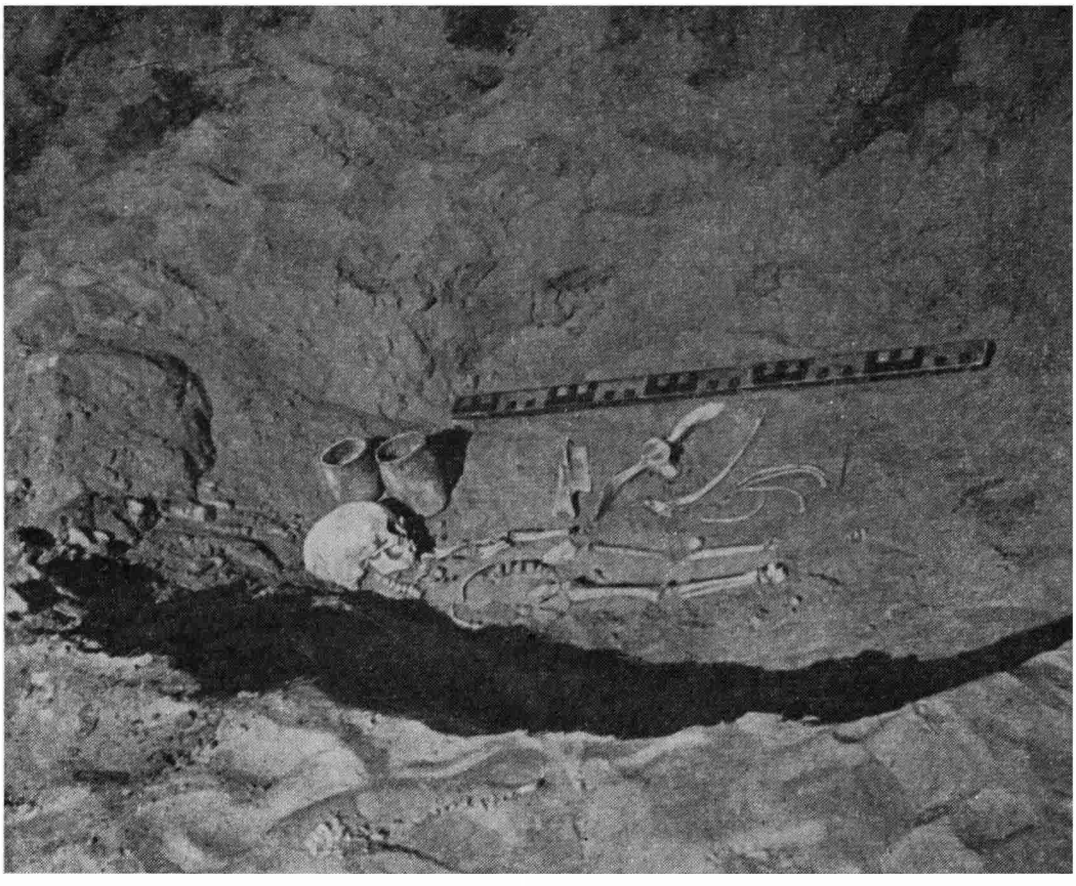


Рис. 2а. Фото детского погребения из кургана № 55 второй курганной группы

ная известняковая плита с выпуклостью, похожей на начатый барельеф. Очертания напоминают изогнутую шею и грудь могучего коня. В кург. 1, 3, 7, 9—12, 15, 19, 22, 42, 45, 49, 52—55 и 57 встречены кости животных (во всех случаях передняя часть туши). Из них в 14 курганах — кости мелкого рогатого скота, в трех — крупного рогатого скота и в одном — косули.

Переходим к датировке курганов. Конструкция (небольшая насыпь со значительным количеством камня, пережженные кости человека на дне ямы и кости животных) сближает их с первым типом «кыргызских» погребений, выделенных Л. А. Евтюховой[4]. Что же касается детских костяков, не тронутых огнем, то В. П. Левашовой отмечен обычай этого времени хоронить детей, не сжигая[5].

Интересно наличие в курганах женских скелетов, похороненных по обычаю трупоположения.

В «классических» средневековых могильниках этой эпохи женские трупоположения отсутствовали. Возможно, что мы имеем дело с обрядом какой-то локальной группы.

Двусоставные кольчатые удила с псалиями рассмотренного выше типа господствовали на Енисее в VI—X вв.[6]. Стремена с пластинками на дуге выделывались на Енисее в IX—X вв., а стремена в виде восьмерки с плоским подножием бытовали с таштыкской эпохи до X в.[7]. Трехлопастные с широкими лопастями и длинными черешками стрелы были распространены главным образом в VI—VIII вв., но встречаются и в IX—X вв., на-

[4] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 10.
[5] В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов, стр. 124.
[6] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 590.
[7] Там же, стр. 578, 579.

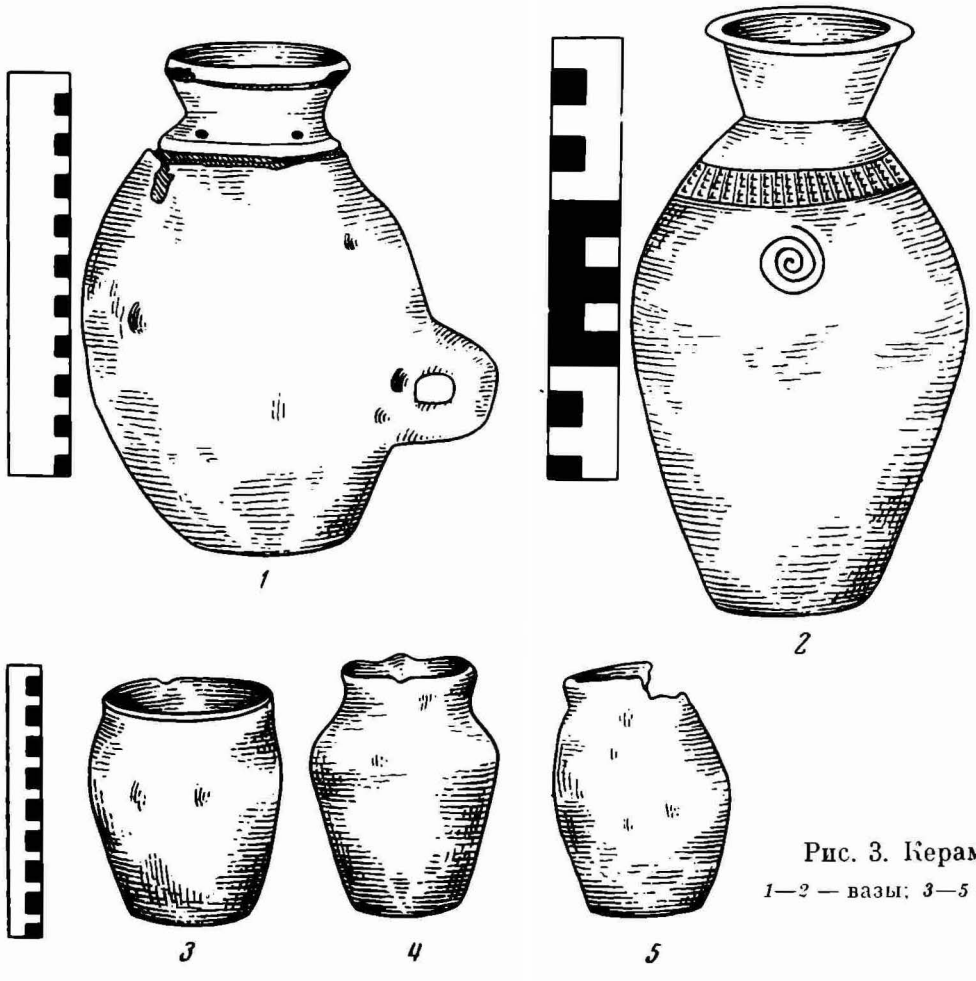


Рис. 3. Керамика
1—2 — вазы; *3—5* — горшки

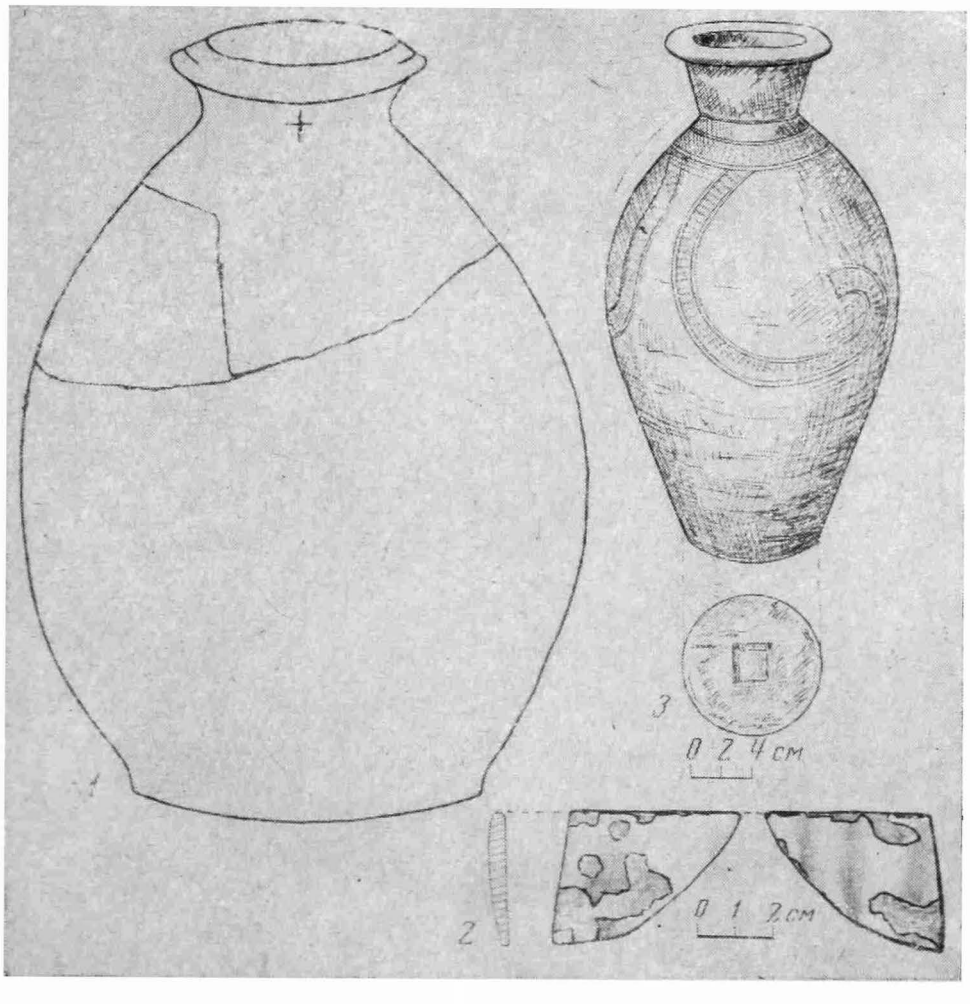


Рис. 4. Керамика
1, 3 — вазы; *2* — фрагмент венчика фаянсового сосуда

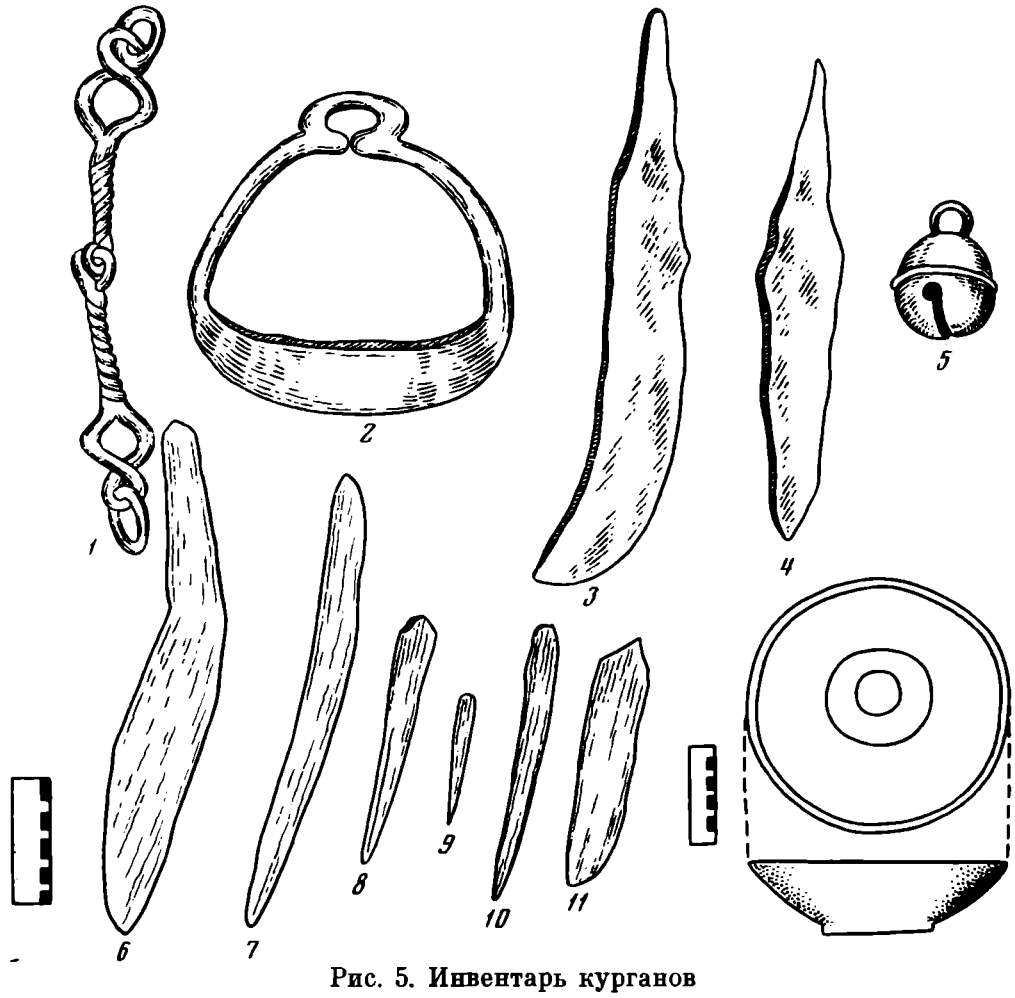


Рис. 5. Инвентарь курганов

1 — удила; *2* — стремя; *3, 4* — ножи; *5* — бубенчик; *6, 7, 11* — ножевидные предметы; *8, 9, 10* — шиловидные предметы; *12* — сосуд в виде пиалы.
1—5 — железо; *6—11* — рог оленя; *12* — фарфор

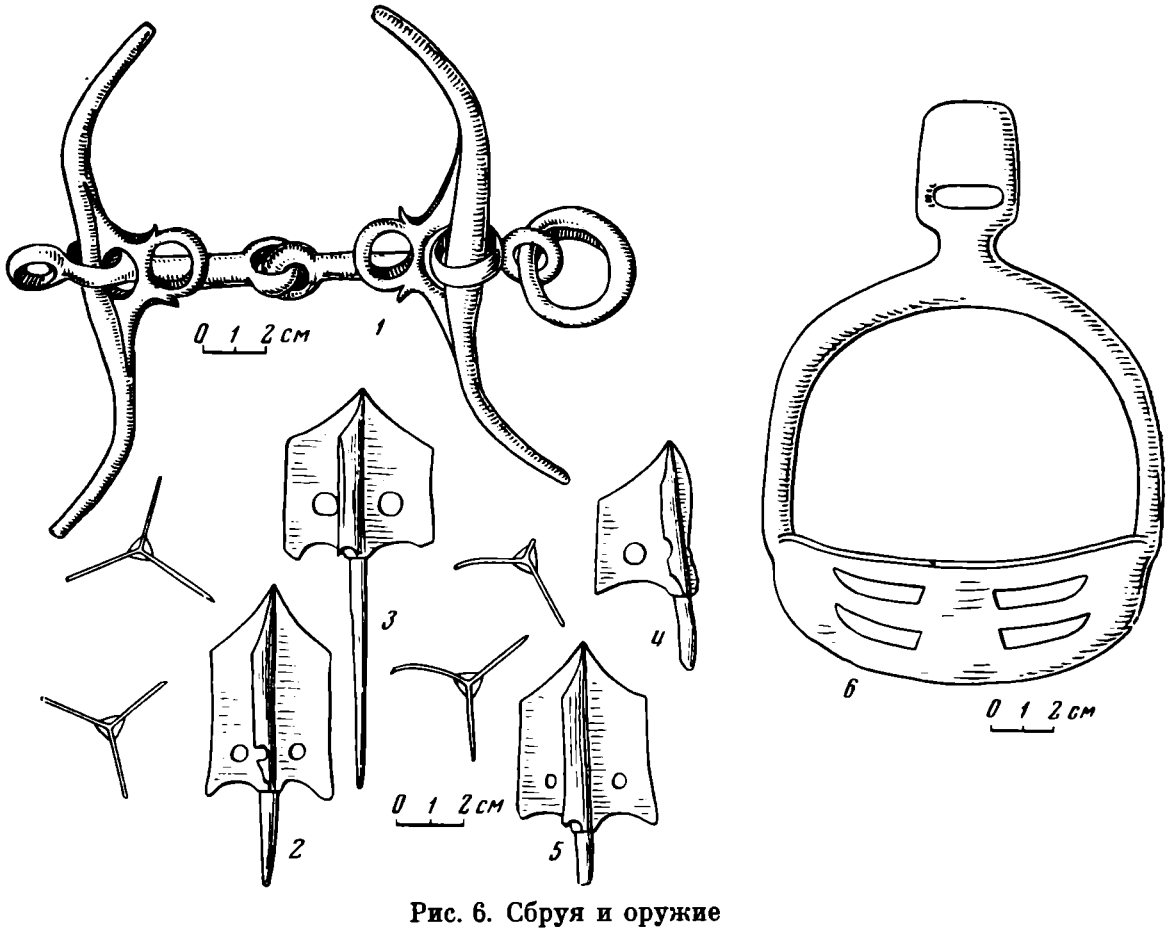


Рис. 6. Сбруя и оружие

1 — удила; *2—5* — стрелы; *6* — стремя

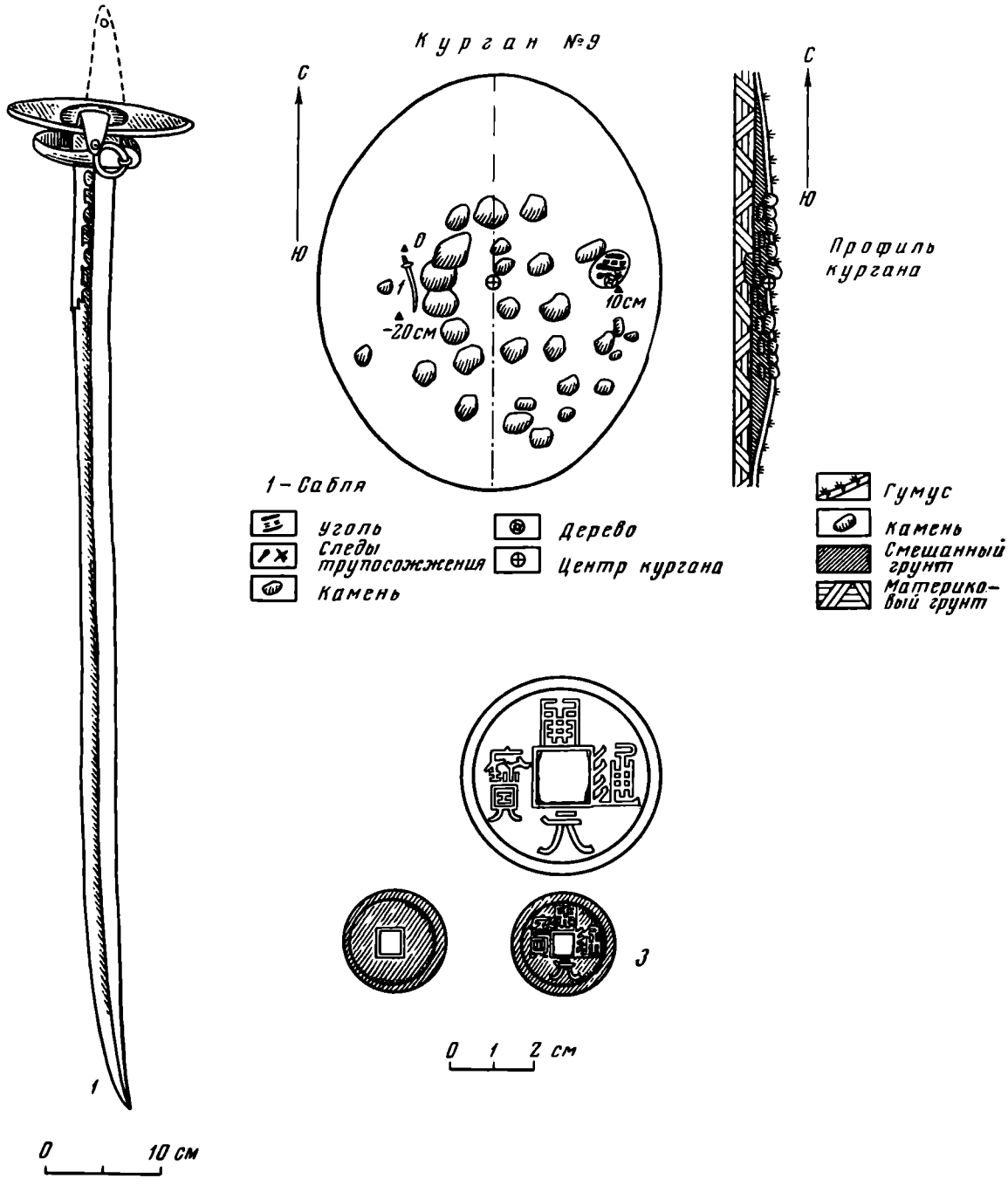


Рис. 7

1 — сабля из кургана № 9; *2* — план и профиль кургана № 9; *3* — танская монета

ряду с ромбоидальными[8]. Сабля из кург. 9 находит близкие аналогии среди раннесредневековых сабель Восточной Европы, которые Н. Я. Мерперт датирует временем до X в.[9]

Таким образом, вторая группа курганов у станции Минусинск должна быть отнесена ко времени около VII—X вв. Инвентарь курганов дает яркое представление о быте и материальной культуре средневекового населения окрестностей нынешнего Минусинска.

---

[8] Там же, стр. 577.

[9] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы. СА, XXIII, 1955, стр. 134, 162, рис. 1, *1*; 2, *1* сл.

В. П. ДАРКЕВИЧ, А. Л. МОНГАЙТ

СТАРОРЯЗАНСКИЕ КЛАДЫ 1967 г.

Ввиду того что большинство древнерусских кладов было спрятано в период вражеских нашествий и междоусобных войн, а Старая Рязань в начале XIII в. дважды была сожжена (в 1208 г. Всеволодом и в 1237 г. татарами), естественно ожидать здесь находок многочисленных кладов. Однако в досоветское время здесь было найдено всего три клада. Правда, среди них был один из самых замечательных древнерусских кладов золотых ювелирных изделий (найденный в 1822 г. и известный под названием «Рязанских барм»), но все же по сравнению с Киевом, где обнаружено почти 50 кладов, в Старой Рязани их было удивительно мало. В 1950 г. Рязанская археологическая экспедиция нашла клад серебряных ювелирных изделий, спрятанный в печке полуземлянки [1]. Потом наступил многолетний перерыв в раскопках, и они возобновились лишь в 1966 г. В первый же год был найден клад женских украшений из серебра, в 1967 г. два клада, в 1970 г. еще один клад. Теперь со своими восемью кладами Старая Рязань занимает третье место после Киева и Княжей горы по количеству находок на одном городище. Старорязанские клады подтверждают рассуждение археологов об обстоятельствах закапывания кладов, зарытых в основном в период монгольского нашествия.

Однако как бы мы ни оценивали значение количества найденных в Старой Рязани кладов, каждый клад представляет большую художественную ценность, он важен как источник для истории русского ремесла, истории искусства, истории костюма и потому заслуживает отдельной публикации.

Клады 1966 и 1967 гг. были найдены при раскопках большой усадьбы, вероятно сгоревшей при взятии города Батыем 21 декабря 1237 г. Усадьба сгорела в отсутствие хозяев, о чем свидетельствуют находки дверных замков, висевших на петлях. Но прежде чем покинуть свое жилище, его владельцы закопали в землю наиболее ценные вещи. Три клада женских украшений из серебра, найденные возле дома, говорят о богатстве обитателей усадьбы. О том же свидетельствуют и другие находки: большое количество импортной стеклянной посуды, поливная керамика, обрывки парчовой ткани и т. п. Клады были зарыты второпях в твердой смерзшейся земле и поэтому неглубоко. Клад 1966 г. (№ 1) уже подробно описан и опубликован [2].

Клад № 2 найден в 1967 г. на глубине 0,3 *м* в глинистом слое покрытия двора. Ориентиром мог служить юго-восточный угол здания, от которого клад закопан в 1,5 *м*. Вместе с вещами обнаружены обломки прямоугольных железных пластин толщиной 0,2 *см*, со штифтами для крепления к деревянной основе. Вероятно, железом был окован ларец, куда были сложены драгоценности. Под воздействием сильного огня серебряные украшения разрушились. В реставрационной лаборатории ГИМ некоторые из них удалось частично восстановить [3]. В состав клада входили следующие вещи.

1. Большая серебряная подвеска с полым коническим верхом и свисающими цепочками (рис. 1). Вероятно, она прикреплялась к женскому головному убору. Конусообразная верхушка с петлей, в которую продето кольцо для подвешивания, разбита на семь частей продольными полосками из крупной зерни. Каждая часть украшена ромбическим узором из зерни. Крупная зернь обрамляет и основание конуса, покрытое поразн-

[1] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 148—152.

[2] В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт. Старорязанский клад 1966 года. СА, 1967, 2; А. Л. Монгайт. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967, стр. 12—13, рис. 19—21.

[3] Результаты этой сложной реставрации будут опубликованы В. Н. Даркевич в Ежегоднике Государственного Исторического музея.

тельным по тонкости сканным узором из мельчайших проволочных колечек, припаянных вплотную друг к другу (рис. 2). От края конуса свешиваются семь цепочек, восьмая спускается внутри них — от центра основания верхушки. На каждую цепочку было нанизано по две круглые полые бляшки, украшенные по ободку зернью. На концы цепочек насажены ромбические полые подвески, украшенные по краю зернью.

Аналогичные подвески хорошо известны по кладам, зарытым между 70-ми годами XII в. и 1240 г. Они найдены в Старорязанском кладе 1868 г.[4], у с. Кресты Тульской губ.[5], возле Мартыновки[6] и Смелы (Каневский уезд Киевской губ.)[7]. Мелкие фрагменты подвески с коническим верхом и свисающими цепочками происходят из клада в местечке Мирополь Житомирской обл.[8] и из раскопок Ярополча Залесского во Владимирской Руси[9].

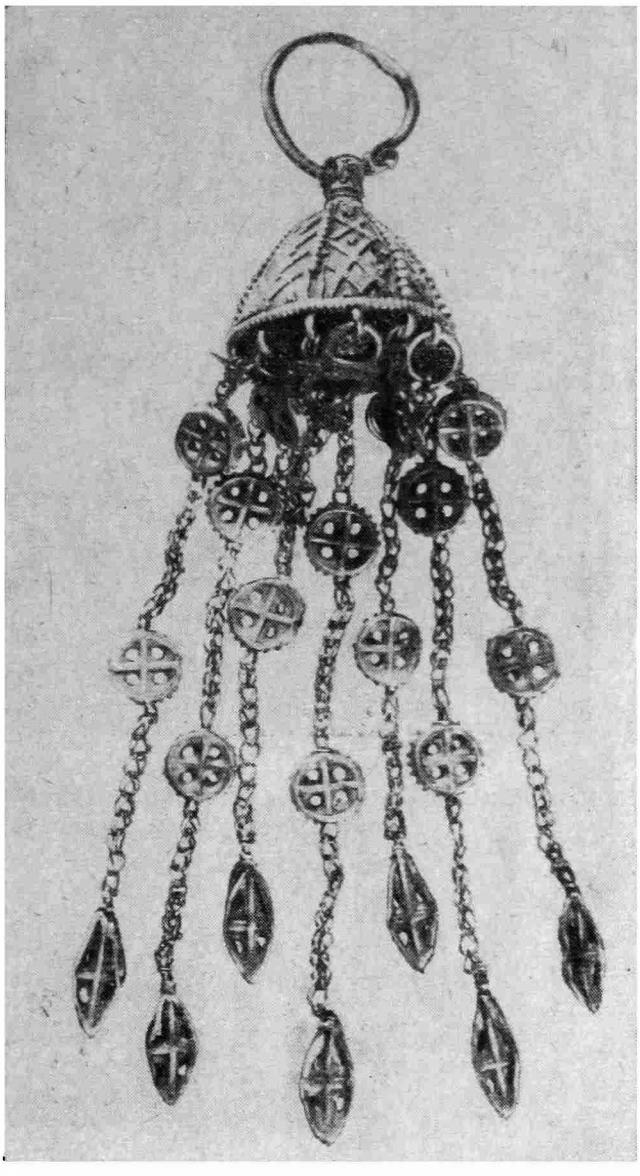


Рис. 1. Серебряная подвеска с цепочками

2. Низка из тисненых серебряных колодочек (рис. 3). Удалось восстановить и соединить 16 колодочек, но первоначально их было больше. Каждая колодочка представляет собой полый полуцилиндрик, состоящий из двух частей. К нижней плоской пластинке припаяна краями наружная выпуклая пластинка с поперечными бороздками-перехватами, образованными штампом. Каждый полуцилиндрик с обеих сторон имеет по три отверстия, через которые проходили соединительные льняные нити (их обрывки сохранились). На крайних колодочках припаяны петли с продетыми кольцами.

Назначение низок из колодочек с точностью не выяснено. Известны случаи, когда их находили в качестве ожерелий на шее[10] или нашитыми на очелье[11]. Мнение Б. А. Рыбакова, что на этих декоративных цепях («ряс-

---

[4] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.— Л., 1936, табл. XXVI, рис. 5 и 11; А. Л. Монгайт. Старая Рязань, рис. 115, *2, 4*.

[5] Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, табл. LX, *1—2*.

[6] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. I. СПб., 1887, табл. XIX, *2, 3*; А. С. Гущин. Указ. соч., рис. 8.

[7] Там же, рис. 7.

[8] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. LVII, *2, 3*.

[9] М. В. Седова. Раскопки Ярополча Залесского (1961 г.). КСИА АН СССР, 96, 1963, рис. 12, *9*.

[10] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 54.

[11] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 317.

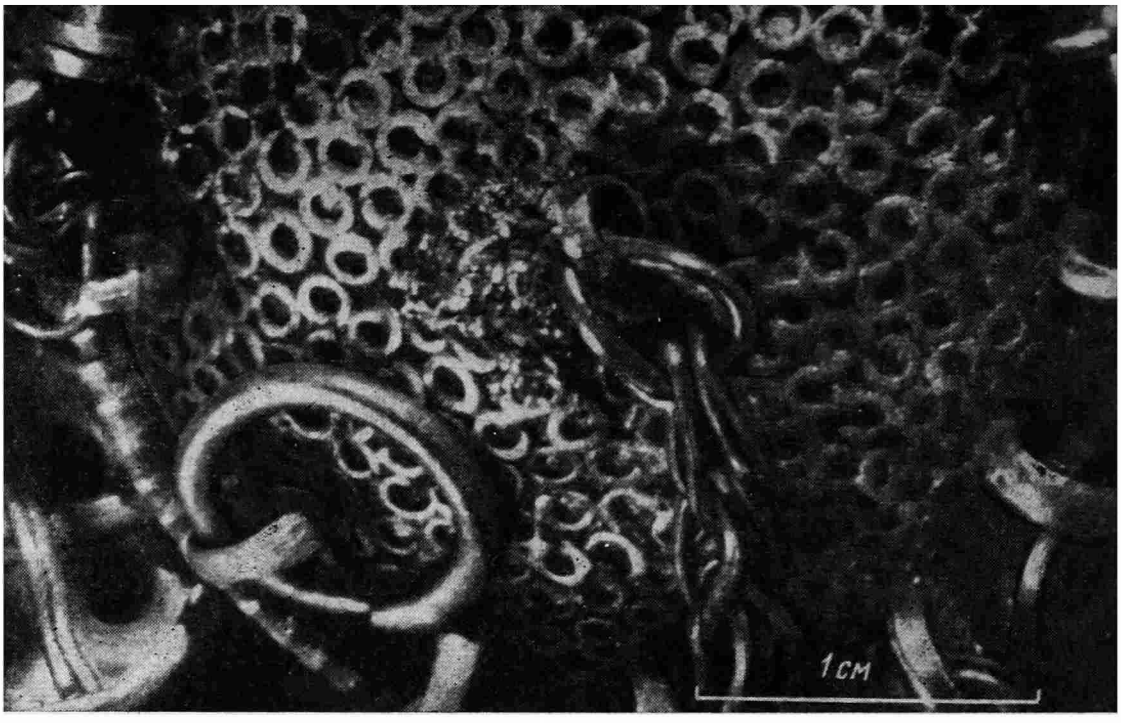


Рис. 2. Серебряная подвеска с цепочками. Деталь. Скань в основании конической верхушки

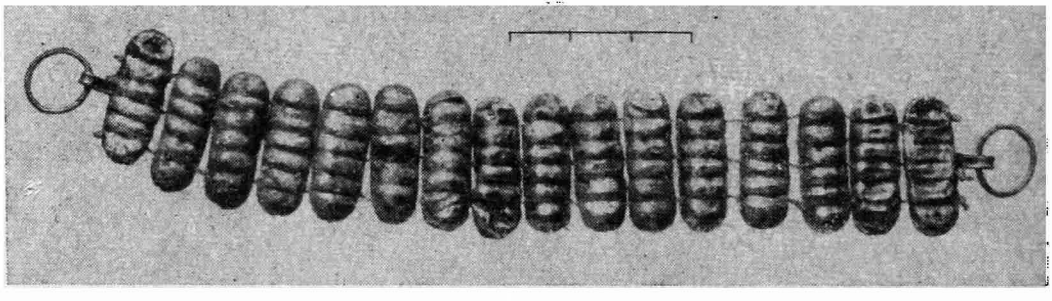


Рис. 3. Цепочка из тисненых колодочек

нах») к головному убору подвешивались колты [12], вызвало возражения Г. Ф. Корзухиной [13]. Одним из главных аргументов Г. Ф. Корзухиной было то, что некоторые низки колодочек имеют на концах тонкие цепочки, а находки колтов, дужки которых были бы вдеты в кольца цепочек, неизвестны. Кроме того, Г. Ф. Корзухиной казалось непонятным, «почему между колодочками и колтом должна быть какая-то тоненькая цепочка, на которой висит круглый, широкий колт». Сейчас найдены доказательства правильности предложенной Б. А. Рыбаковым реконструкции женского головного убора. Оказалось, что в тех случаях, когда низка колодочек служила не ожерельем, а «рясном», колт подвешивался не на цепочке, а на кольце, прикрепленном к крайней колодочке.

В 1970 г. в Старой Рязани нами был найден серебряный колт (с изображением на черневом фоне птиц в плетенке и с обнизью из полых шарпков), дужка которого продета в кольцо серебряной колодочки. Здесь же найдены и другие колодочки, входившие в низку, но она рассыпалась, так как сгнили соединявшие колодочки нити. Еще более показательны вещи из клада, найденного в Хмельницкой области (как полагает руководитель раскопок В. Якубовский, это был летописный Божск). Клад ока-

[12] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 317; его же. Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 58, рис. 23.

[13] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 53, 54.

зался прекрасной сохранности, низки из колодочек не рассыпались, и на них подвешены колты. В одном случае у колта две низки — вероятно, это украшение носилось в виде ожерелья на шее. В другом случае колт скреплен с одной низкой и, вероятно, подвешивался к головному убору.

Наборы из полуцилиндрических колодочек, золотых или серебряных, обычны в кладах Киева (10 кладов) [14] и Киевщины (8 кладов) [15], встречены в Львовской обл. (один клад) [16], на Черниговщине (6 кладов) [17] и в Старой Рязани. Матрицы для тиснения рельефной стороны колодочек найдены в Сахновке [18] и трижды в Старой Рязани [19].

3. Серебряные трехбусинные «аграфы». Из семи экземпляров удалось целиком собрать только три (рис. 4). На изогнутую проволочную дужку с расплющенными и загнутыми в трубочки несомкнутыми концами надеты три круглые полые бусины. Промежутки между ними обмотаны витой сканной проволокой. Каждая бусина делится двойной или тройной витой сканной проволокой на восемь кружков. У двух аграфов кружки глухие с маленькими дырочками в центре, у остальных экземпляров ажурные бусины прорезаны восемью круглыми отверстиями. Четыре ромбовидных промежутка между кружками разделены крест-накрест двойной витой сканной проволокой. На углы и в центр ромбов напаяны шарики зерни. Каждай шарик посажен в колечко из тончайшей сканной нити.

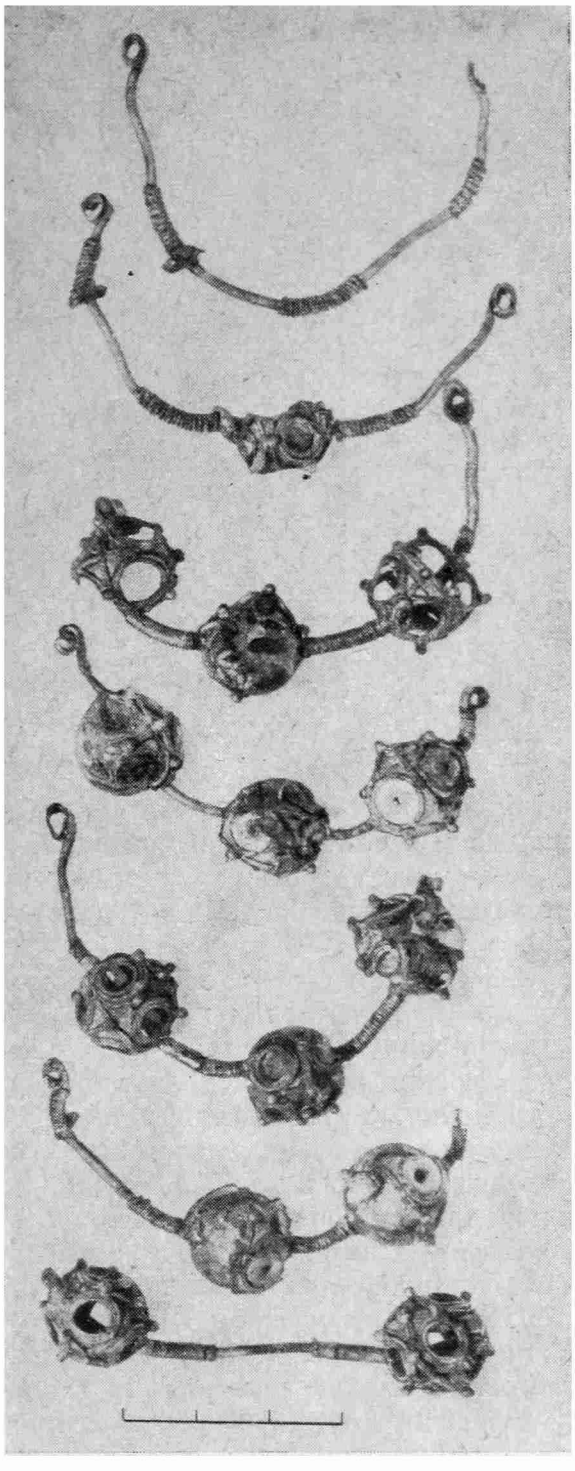


Рис. 4. Трехбусинные аграфы

Серебряные или реже золотые «аграфы» с согнутыми или выпрямленными дужками встречены во многих кладах (Киевский с территории Михайловского монастыря 1903 г.; Княжегорский и Мартыновский Киевской губ.; Вербовский Львовской обл.; Льговский Черниговской губ.; Тереховский Орловской губ.; Старорязанский 1868 г., Владимирские клады 1837, 1865, 1896 гг.) [20]. «Аграфы», тождественные старо-

[14] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., клады 67, 68, 71, 79, 85, 98, 99, 100, 103, 108.
[15] Там же, клады 117, 119, 120, 122, 123, 127, 129, 131.
[16] Там же, клад. 143.
[17] Там же, клады 149—152, 154, 157.
[18] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 317.
[19] А. Л. Монгайт. Старая Рязань..., стр. 136, 137, рис. 103, *5, 6*.
[20] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., клады 103, 122, 129, 143, 151, 154, 163, 166, 167, 168.

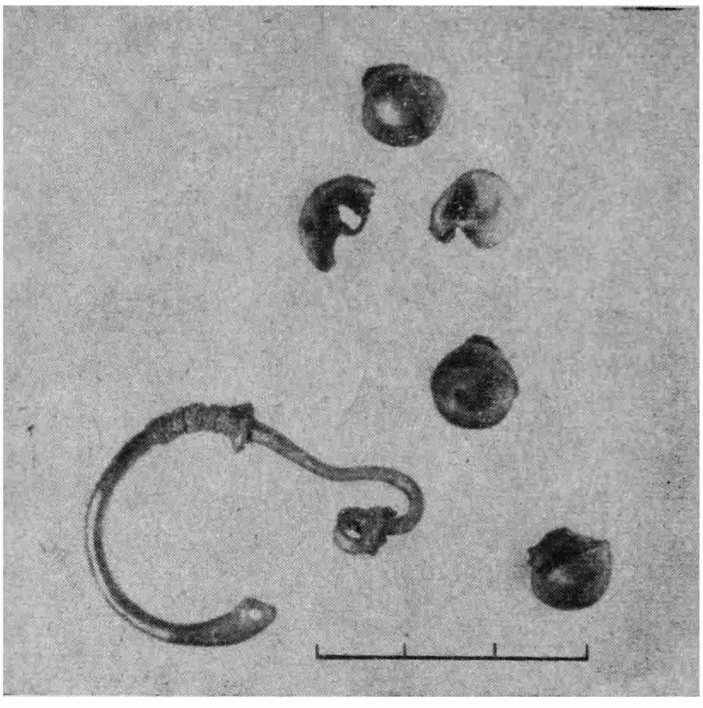


Рис. 5. Обломки звездчатого колта

рязанским, найдены в кладах из с. Вербов [21] и во Владимирском 1837 г. [22] Назначение «аграфов» пока не выяснено. По мнению Г. Ф. Корзухиной, они составляли «очелья» для декоровки нижней части женского головного убора [23].

4. Обломки серебряного звездчатого колта (рис. 5). От колта уцелели только проволочная дужка и четыре крупных полых шарика, которыми заканчивались лучи. Один из расплющенных концов дужки образует ромбический щиток с отверстием, другой, входивший внутрь колта, загнут в трубочку. У основания дужка колта обвита витой серебряной нитью. В местах соединения шариков с лучами сохранились ряды зерни — это доказывает, что колт был именно звездчатый. Каждый шарик зерни заключен в сканное колечко, еле видимое невооруженным глазом.

Звездчатые колты с пятью или шестью лучами найдены в кладах Киева [24], Княжей горы, Каменнобродском (Киевская губ.), у д. Лески (Орловская губ.), Тереховском 1876 г., у с. Кресты (Тульская губ.), Старорязанских 1887 и 1937 гг., Владимирских 1837, 1896, Тверском 1903 г. [25]

5. Маленькие серебряные нашивные бляшки двух видов (рис. 6). Сделаны из загнутого по краям тонкого листа серебра, в углах отверстия для пришивания. Четыре бляшки квадратные и одна прямоугольная, тисненная, с бороздками в виде «елочки» (рис. 6, *1—2*). Шестая сердцевидная бляшка, отлитая из бронзы, не имеет отверстий. Она цельная, с гладкой внутренней поверхностью (рис. 6, *3*).

6. Ромбовидные привески —2 (рис. 6, *4*). От одной из них сохранился только фрагмент. По форме ромбы напоминают те, которые насажены на цепочки «шумящей» подвески на рис. 1. Они тоже полые, но не ажурные и отличаются более тонкой ювелирной работой. Каждый шарик зерни, украшающей ребра привесок, заключен в микроскопическое сканное колечко. С обеих сторон край привесок украшают две витые сканные нити, которые обрамляют напаянное асимметрично сканное колечко. В одном из

[21] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. LIX.
[22] А. С. Гущин. Ук. соч., табл. XVI, *7*.
[23] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 62.
[24] Там же, клады 65, А, Г, 84, 103.
[25] Там же, клады 121, 138, 153, 154, 157, 164, 165, 166, 168, 170.

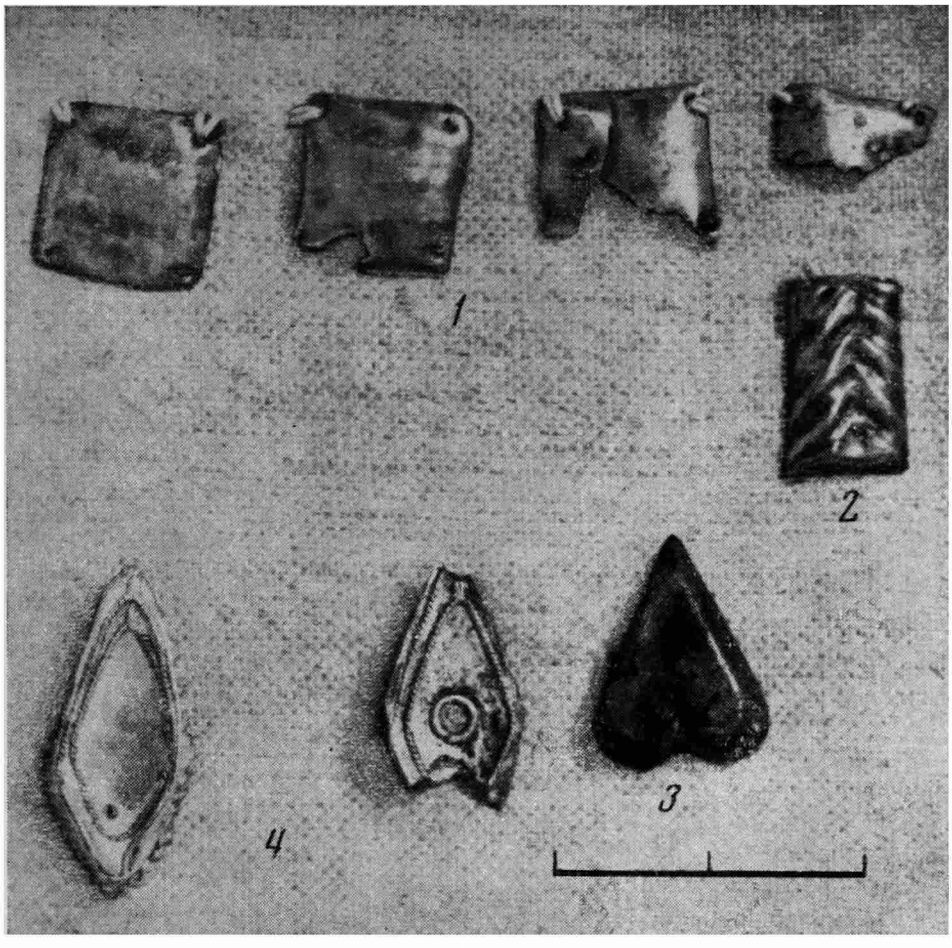


Рис. 6. Мелкие украшения

1—3 — нашивные бляшки; *4* — ромбовидные привески

острых углов ромба пробито маленькое отверстие для продевания нити. Возможно, привеску носили в составе ожерелья (во вторичном употреблении?).

7. Моток серебряных нитей и мелкие кусочки серебряной фольги.

Клад № 3 найден в 1967 г. на глубине 0,45 *м* в 1,5 *м* от клада № 2 возле юго-восточного угла жилой половины здания. Вещи лежали в заполненной угольками продолговатой выемке, оставленной сгоревшим бревном. Украшения, побывавшие в сильном огне, стали хрупкими и разрушились. Вещи восстановлены только частично, полная их реставрация оказалась невозможной.

В состав клада входило 11 трехбусинных височных колец из серебра, которые иногда называют «серьгами киевского типа» (рис. 7). От «аграфов» они отличаются кольцевидной формой проволочного стержня, на который насажены три шаровидные полые бусины. Как обычно у трехбусинных серег, один конец стержневого кольца заканчивается ромбическим щитом с отверстием, другой — трубочкой. Промежутки между бусинами обвиты сканной проволокой. Каждая бусина разбита на три части двойными кольцами из витой сканной проволоки. От шарика зерни в центре каждого кружка отходят шесть «лучей», образованных такой же сканью. Оба треугольных промежутка между кружками украшены по углам тремя сканными колечками.

Височные кольца с тремя аналогичными бусами встречены в кладах Киева, Киевского и Переяславского княжества[26]. В Старой Рязани они найдены в кладе 1887 г.[27]

[26] Там же клады 68, 98, 115, 123, 146.

[27] А. С. Г у щ и н. Ук. соч., табл. XXVIII, *14*, *15*.

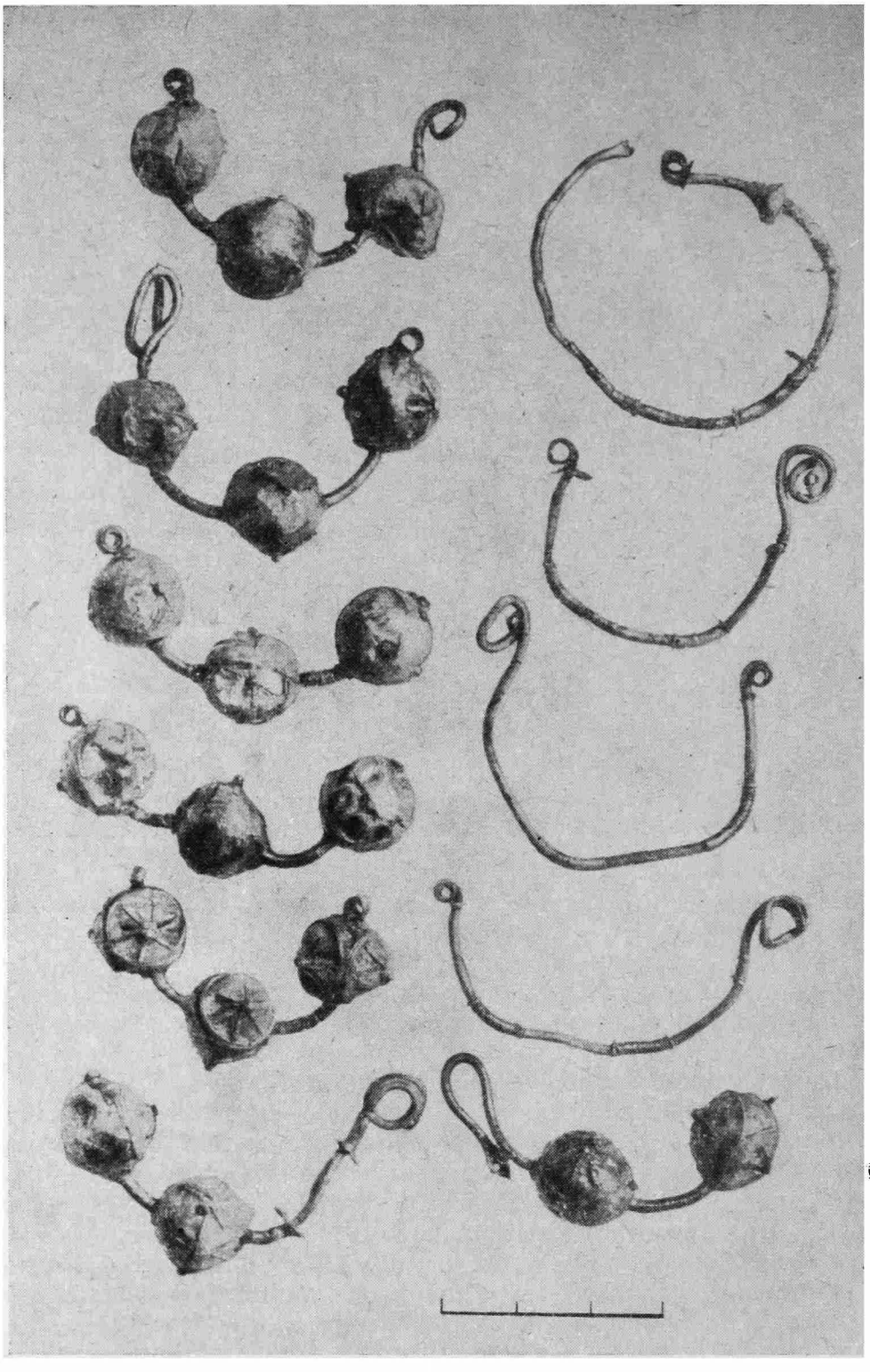


Рис. 7. Клад № 3. Трехбусинные височные кольца

Набор серебряных украшений из кладов № 2 и 3 характерен не только для Рязанского, но и для других южнорусских княжеств. Особенно часто мы их встречаем в кладах Поросья, Киева, Чернигова, Верхней Оки, что как будто намечает первичный путь распространения типов украшений (Среднее Приднепровье — Десна — Ока). На западе их ареал охватывает территорию Галицкого княжества, на северо-востоке — Владимиро-Суздальского. По-видимому, украшения перечисленных типов, мода на которые пришла с юга (из Киева?), во второй половине XII — первой трети XIII в. производили во многих городских центрах южной и северной Руси. Их отсутствие в Новгородской и Смоленской землях не может опровергнуть этой гипотезы, так как там почти нет кладов.

Критика и библиография

Nikolaas J. van der Nerwe. The Carbon-14 Dating of Iron. Chicago, 1969.

Радиоуглеродный метод обычно применяется при датировании образцов древесного угля, дерева, раковин, торфа или других подобных материалов. Как известно, углерод содержится и в железе, однако датировкой его по радиоактивному углероду до сих пор никто не занимался. Рецензируемая работа излагает результаты пятилетних исследований, начатых в 1962 г. в радиоуглеродной лаборатории при Иельском университете (США) по датированию древних железных предметов и шлаков.

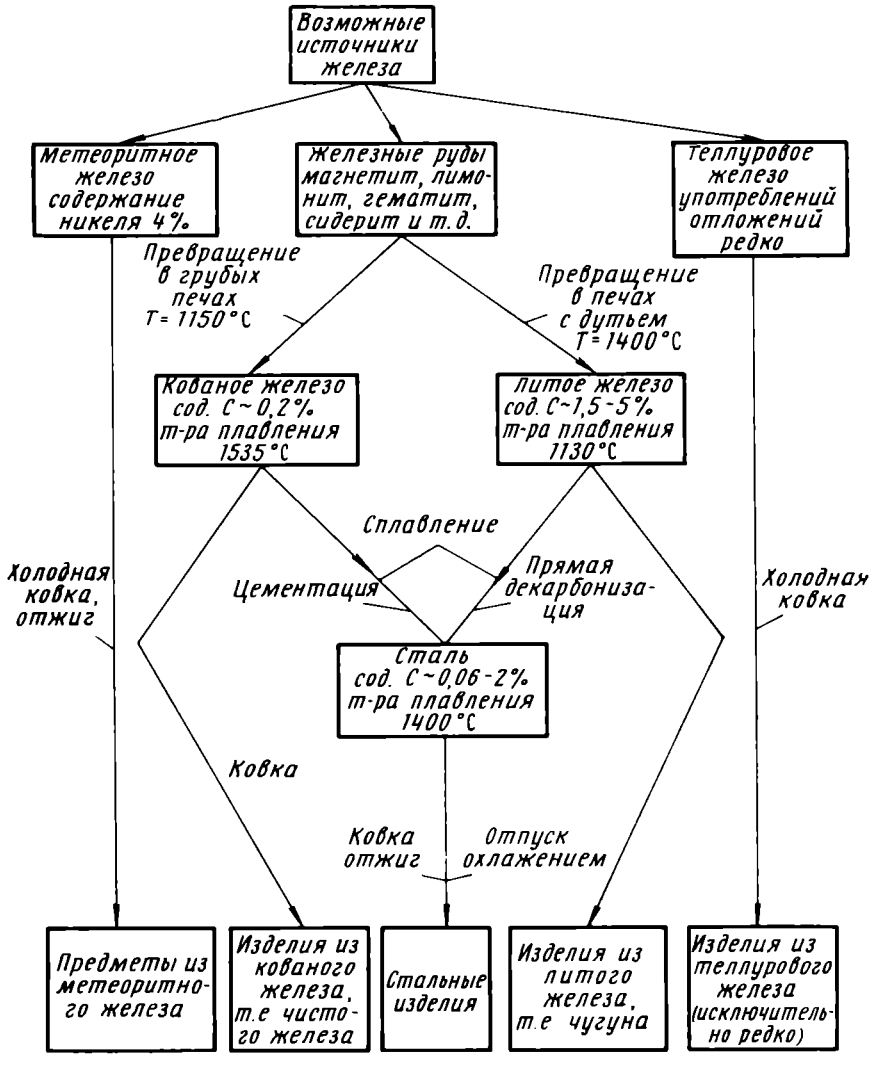


Рис. 1. Возможные источники железа и изделия

Авторы рассматривают древнюю технологию производства железа, которая может быть представлена в виде схемы на рис. 1. Использование дерева в качестве топлива при сыродутном процессе имеет решающее значение для радиоуглеродного датирования железа. Можно считать, что значительного промежутка времени между рубкой дерева и его использованием в качестве топлива не было. Когда для выплавки железа используется кокс или каменный уголь, никакой активности C^{14} нельзя определить и прямое измерение возраста невозможно. Применение каменного угля и кок-

са для выплавки железа хорошо документировано и относится к началу XVIII в., за исключением отдельных экспериментальных попыток.

Основные формы производимого железа — кричное железо, кованое, литое и стали — сплавы железа и углерода. В кричном и кованом железе углерод связан в форме Fe_3C (цементит) с концентрацией 0,2% или менее. В литом железе углерод может находиться в виде свободного графита, цементита или того и другого. Стали содержат углерод в форме цементита в концентрациях от 0,1 до 2%. В отлитом (формовом) железе содержание углерода 1,5—5%.

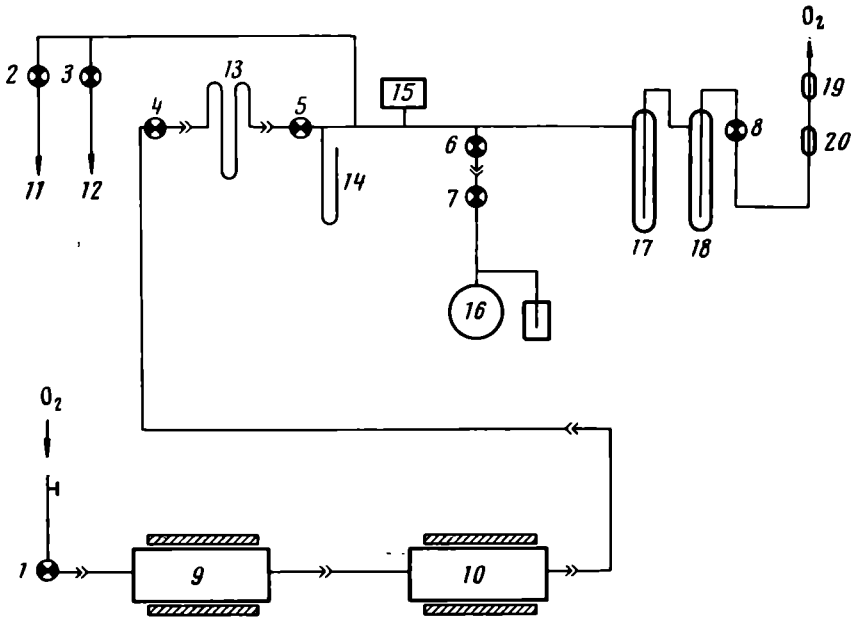


Рис. 2. Принципиальная схема сжигания и очистки газа

1—8 — краны; *9—10* — печи сжигания; *11* — форвакуумный насос; *12* — диффузионный насос; *13* — теплообменник (охлаждение до —80° С); *14* — ртутный манометр (0—100 *мм* Hg); *15* — манометр Мак-Леода (высокий вакуум); *16* — сосуд с ловушкой для хранения CO_2; *17—18* — ловушки, охлаждаемые жидким азотом; *19—20* — клапаны

Углерод в образце железа не подвержен таким загрязнениям, как корни деревьев, карбонаты и гумусовые кислоты; фактически во время производства он находится в стерильных условиях. Железо, однако, легко корродирует, когда оно пребывает во влажной почве и подвергается действию кислорода. Большинство древних образцов покрыто пленкой окиси железа, которая может поглощать незначительные количества органических материалов. Корродированная поверхность железа поглощает больше атмосферной CO_2, чем чистая. Кованое железо страдает особенно сильно — предмет часто превращается в слоистую массу окиси. Поверхность белой стали и формового железа корродирует в меньшей степени. В зависимости от степени сохранности образца могут быть применены различные методы для удаления продуктов коррозии и загрязнений. Образец, который имеет сохранившуюся структуру и корродирован только на поверхности, может быть хорошо очищен наждачной бумагой. Сильно корродированные предметы лучше очищаются при обработке слабой щелочью в течение длительного промежутка времени, после чего образец интенсивно промывают дистиллированной водой. Когда предмет корродирован до такой степени, что эти методы применять нельзя, его достаточно измельчить и использовать для сжигания. Далее в рецензируемой работе излагается весь процесс (представлен на рис. 2) извлечения из образца CO_2.

Продукты процесса сжигания состоят из CO_2, паров воды, тонко измельченных окислов железа и окислов многих металлов, присутствующих в сплаве железа, которые все выносятся избытком кислорода. Большая часть окислов железа и паров воды задерживается кварцевым стекловолокном и ловушкой для водяных паров, хотя малые количества того и другого попадают в охлаждающие ловушки, тогда как весь кислород выходит. Конечным содержимым замораживающих ловушек является довольно грязный CO_2 образца с примесью кислорода, замороженные пары воды, малые количества серы, окислы азота, газообразный хлор и другие вещества. Конечная очистка газа достигается обычной системой очистки, используемой в радиоуглеродных лабораториях. В Иельской лаборатории принята система, описанная Де Фризом и Барендсеном, в которую включены различные химические операции для удаления электроотрицательных примесей, нежелательных при счетных операциях [1]. Окончательно очищенный образец газа подается в пропорциональный счетчик под давлени-

[1] Jan Vries, de G. W. Barendsen. Physica, XIX, 1953, стр. 987.

ем в три атмосферы. Время счета изменяется от 24 до 48 часов в зависимости от объема газа и предполагаемого возраста.

Теоретически 1 *г* углерода может быть выделен из 50 *г* кованого железа с содержанием углерода 2%. Средняя потеря при дроблении образца такого веса составляет около 30%, а эффективность процесса выделения — 90%. Таким образом, для усиленного анализа образец должен весить на самом деле около 80 *г*. Отлитое железо часто содержит более 2% углерода, и поэтому на анализ может быть взят меньший вес образца; для стали и кричного железа с меньшим содержанием углерода вес образцов

Веса образцов железа, выходы CO_2, содержание углерода

Тип образца. Возраст	Вес образца очищенного, *г*	Вес образца раздробленного, *г*	Количество анализированного образца, *г*	Выход CO_2 неочищенного, *л*	Выход CO_2 очищенного, *л*	Содержание CO_2 вычисленное из выхода CO_2, %
Совр. литое железо	129,3	89,6	82,4	5,7	4,2	2,7
»	187,3	114,6	74,5	4,7	3,7	2,6
»	181,3	124,2	74,0	4,7	4,3	3,1
Литое железо 360±60 В. Р.	279,8	223,5	81,3	5,4	4,5	2,9
» 1600±60 В. Р.	198,0	139,2	97,5	5,9	4,4	3,0
» 1750±60 А. Д.	289,0	211,3	112,8	5,1	4,2	2,0
Совр. литое железо	228,5	184,9	83,3	4,5	4,2	2,7
»	333,1	208,2	95,2	6,0	4,7	2,6
Литое железо 1770±60 А. Д.	231,9	162,3	102,1	5,8	3,4	2,3
Кричное железо 100±80 А. Д.	1232,1	579,3	579,3	2,8	2,4	0,2
Литое железо 100±80 А. Д.	187,4	151,6	102,1	7,0	3,5	3,2
» 1550±60 А. Д.	200,4	172,8	97,8	4,5	3,5	1,9
» 430±80 В. С.	46,4	Размельченный	42,3	3,4	2,5	3,1
» 180±100 В. С.	32,7	»	32,4	1,7	1,6	2,6
Сталь 180±60 В. С.	216,0	»	216,0	3,2	2,7	0,66

должен быть больше. Обычно после определения содержания углерода в образце навеску образца железа увеличивают на 60%, с учетом потерь при очистке, дроблении и выделении углерода. Реальные веса образцов, которые были успешно датированы авторами книги, колеблются от 35 до 100 *г* для литого железа, для кричного железа 600 *г* (содержание С — 0,2%) и образца стали до 220 *г* (содержание С — 0,66%). О весах образцов и выходах CO_2 можно судить по таблице.

Что касается шлаков, то их радиоуглеродное датирование возможно при наличии в них непрогревшего древесного угля. Тогда этот уголь механически извлекается из шлака, а дальнейшая обработка его точно такая же, как и древесного. Для датирования шлака требуются большие количества его, так как его приблизительный состав: 50% железа, малый процент кремнезема, глинозема, извести и т. д.

Результаты исследований показали, что все образцы сплавов железа могут быть датированы методом C^{14}. Радиоуглеродные даты ряда образцов обнаружили соответствие между измеренным и известным возрастом. Следует иметь в виду, что раньше при выплавке стали в шихту в небольшом количестве добавлялись карбюризаторы (куски кожи, стружка рогов, копыт, кости) и что большинство изделий (ножи, мечи, серпы, косы, топоры и т. д.) делались наварными. Все это может внести ошибку в установление возраста. Но эта погрешность, очевидно, крайне незначительна.

С археологической точки зрения сочетание знаний истории технологии железа с данными ее хронологии по C^{14} позволит более полно нарисовать картину железного века.

Ю. С. Свеженцев

К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. «Наука», Л., 1970.

Одним из важнейших результатов многолетних систематических исследований раннеземледельческих культур юга нашей страны является выделение трех основных центров древнейшего земледелия: среднеазиатского, «буго-днестровского» и кавказского.

В изучении раннеземледельческих культур Кавказа имело место некоторое отставание, обусловленное главным образом слабой изученностью неолитических и энеолитических памятников, а отчасти недостаточной разработанностью общекавказской

схемы периодизации и хронологии раннеземледельческих культур. За древнейшую земледельческую культуру Кавказа нередко принималась куро-аракская культура III тысячелетия до н. э., считавшаяся к тому же энеолитической, что приводило к некоторому искажению исторической перспективы, в частности, к недооценке древности и значимости кавказского земледельческого центра.

Однако уже с середины 50-х годов, после раскопок нижней толщи слоев Нахичеванского Кюль-Тепе, начинается приток новых материалов, характеризующих более древние этапы развития раннеземледельческой культуры на территории Азербайджана. Параллельно с этим в республиках Закавказья продолжается изучение памятников куро-аракской культуры. Среди них оказалось несколько многослойных поселений, в том числе и таких, в которых были выявлены комплексы, предшествовавшие куро-аракской культуре. Важное значение имело типологическое и химико-технологическое исследование металлических изделий из куро-аракских памятников, позволившее установить более высокий, чем представлялось прежде, уровень развития закавказской металлургии. И наконец, были получены первые радиокарбонные даты для некоторых раннеземледельческих памятников Закавказья. Все это создало определенные предпосылки для внесения корректив в существовавшие представления о раннеземледельческих культурах Кавказа, точнее Закавказья, и их историческом месте.

Переломным в этом отношении был, по нашему мнению, 1963 год, когда появилось несколько статей кавказских археологов, обобщавших известные к тому времени данные. В этих работах обосновывался тезис о принадлежности куро-аракской культуры не к энеолиту, а к ранней бронзе [1].

Своевременность и правомерность выдвинутых положений нашли убедительное подтверждение после введения в научный оборот новых материалов из раннеземледельческих памятников V—IV тысячелетий до н. э. Азербайджана, Армении, Грузии и Дагестана [2]. Вместе с тем остро назревала потребность рассмотрения их в общекавказском масштабе, все более ощущалась необходимость четкой характеристики вновь выявленной энеолитической культуры Кавказа, ее хозяйственной основы, хронологии, связей с одновременными культурами сопредельных областей и, наконец, ее отношения к последующей раннебронзовой, куро-аракской культуре III тысячелетия до н. э.

Этим принципиально важным вопросам кавказской археологии посвящена монография К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили «Древние культуры Южного Кавказа», значительное место в которой уделено рассмотрению огромного фактического материала, накопленного за последние годы по раннебронзовой культуре Южного Кавказа. Многоплановость темы исследования во многом осложнялась неравномерностью изученности археологических объектов как по региону в целом, так и внутри рассматриваемых эпох. Публикации материалов рассеяны по многочисленным и «разноязычным» центральным, местным и зарубежным изданиям. Все это потребовало от авторов большой скрупулезной источниковедческой работы, выполнив которую они создали достаточно прочный фундамент для своих построений.

В кратком введении к монографии обосновывается необходимость специального исследования древних культур Южного Кавказа.

Первая глава представляет собой подробную и обстоятельную историографическую сводку, посвященную вопросам изучения древних культур Южного Кавказа. Читатель найдет в ней достаточно полный и вместе с тем критический обзор исследований памятников V—III тысячелетий до н. э., проведенных отечественными и зарубежными учеными.

Глубоко и верно охарактеризовано важное значение работ советских ученых — Б. А. Куфтина, Б. Б. Пиотровского и А. А. Иессена — в выявлении и первом осмыслении раннебронзовой и энеолитической культур Кавказа. Авторы воздают должное большому вкладу, который внесли в изучение конкретных археологических памятников и разработку общей проблематики О. А. Абибулаев, Л. И. Глонти, А. И. Джавахишвили, О. М. Джапаридзе, Г. С. Исмаилов, Д. Л. Коридзе, Е. И. Крупнов, А. А. Мартиросян, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов, Д. Н. Рустамов, Р. М. Торосян, А. А. Формозов,

[1] А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до н. э. КСИА АН СССР, 93, 1963; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. СА, 1963, 3; О. А. Абибулаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА, 1963, 3.

[2] И. Г. Нариманов. Древнейшая земледельческая культура Закавказья. «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге». М., 1966; И. Г. Нариманов, Ф. А. Махмудов. Энеолитические памятники на Мугани. Изв. АН АзербССР, 1967, 2; А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. Вестн. общ. наук АН АрмССР. Ереван, 1967, 3 (на арм. яз.); О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). «Мацне», Тбилиси, 1967, 3 (на груз. яз.); Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа. «Мацне», Тбилиси, 1967, 6; М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э. КСИА АН СССР, 108, 1966.

Э. В. Ханзадян и многие другие археологи-кавказоведы. Рассмотрены также результаты исследований Т. Бартон-Брауна, Ч. Барнея, Х. Кошая, Дж. Мелларта и других зарубежных ученых в Северо-Западном Иране и Восточной Анатолии и их вклад в освещение проблемы раннеземледельческих культур Южного Кавказа. В заключение историографического обзора авторы формулируют очередные проблемы, вставшие перед кавказской археологией в результате непрекращающегося притока археологических данных.

Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа рассмотрены во второй главе, которая, по словам самих авторов, не претендует на исчерпывающую полноту сведений, но представляет первую сводку материалов, определяющих общий облик культуры в том виде, как она рисуется в настоящее время.

Основное внимание в этом обзоре уделено наиболее изученным памятникам: поселениям Арухло, Шулавери, Цопи (Грузия); Шому-Тепе, Тойре-Тепе, Кюль-Тепе I (Азербайджан); Техут (Армения); Геой-Тепе (М), Яник-Тепе, Пиждели-Тепе (Северо-Западный Иран). Довольно подробно освещены результаты раскопок этих памятников, стратиграфическое положение энеолитических слоев, описаны особенности представленных в них строительных остатков и материальной культуры. Выявленные при этом признаки послужили своеобразными эталонами для сопоставлений с материалами других, менее изученных энеолитических памятников тех же областей. Картографирование всех этих комплексов позволило очертить обширный ареал энеолитической культуры в границах Южного Кавказа.

Большое место в главе отведено общей характеристике энеолитической культуры Южного Кавказа, которую авторы начинают с рассмотрения ее хронологии. Основываясь на наблюдениях над длительностью жизни энеолитических поселений (особенное значение здесь имеет эволюция форм сырцового кирпича и привозной — халафской, обеидской и хассунской — керамики) и широко привлекая данные радиокарбонных датировок, авторы убедительно обосновывают время существования южнокавказского энеолита в рамках V—IV тысячелетий до н. э., определяя внутри этого периода хронологическое место некоторых конкретных памятников.

Характерной особенностью южнокавказской энеолитической культуры является прочная оседлость ее носителей, документированная, с одной стороны, достаточно мощными свитами культурных напластований, а с другой — сложением основных элементов строительной техники и архитектуры, отличающихся к тому же известным разнообразием планировки и устройства жилищ. Основу прочной оседлости авторы справедливо усматривают в хозяйственном укладе южнокавказских энеолитических племен, где главную роль играли земледелие и скотоводство. Особенно важны данные, характеризующие относительно высокий уровень развития земледелия с довольно большим набором культивировавшихся в ту пору злаков, следами виноградарства и даже зачатками искусственного орошения.

Совершенно верно, на наш взгляд, поставлен вопрос о путях становления металлургии у энеолитических племен Закавказья, первому знакомству с которой они, вероятно, были обязаны воздействию соседних культур Передней и Малой Азии, послужившему толчком к началу разработки и использования местных руд.

Определив общие признаки энеолитической культуры Южного Кавказа, авторы подчеркивают и локальное своеобразие ее отдельных элементов, основываясь на которых они выделяют два ее локальных варианта — шому-тепинский и кюль-тепинский.

Много места уделено рассмотрению широкого круга культурных и производственных связей южнокавказских энеолитических племен. Подчеркнуты особенно тесные связи носителей «кюль-тепинского» варианта с одновременными культурами раннеземледельческих племен Переднего Востока (особенно халафской). В этой связи хочется заметить, что и керамика из памятников «шому-тепинской» группы также находит себе аналогии за пределами Южного Кавказа. Мы имеем в виду памятники сиро-киликийского неолита, в частности поселение Амук, в нижних слоях (A, B) которого встречена посуда, изготовленная из глины (тоже содержавшей примеси крупнозернистого песка), нередко украшенная налепным и прочерченным орнаментом, а также кухонная посуда с характерными проколами под венчиком [3].

В свете приведенных данных вырисовывается уже сложившаяся во всех своих определяющих чертах культура, в основном не уступающая по уровню развития одновременным культурам соседних областей Передней и Средней Азии.

В самой большой по объему, третьей главе характеризуется период ранней бронзы — один из наиболее изученных в древней истории Кавказа. Это облегчило и вместе с тем осложнило задачу авторов, которым предстояло среди огромного количества имеющихся материалов и довольно обширной проблематики раннебронзовой (куро-аракской) культуры выделить главные, узловые моменты.

Как известно, существует значительная литература, посвященная куро-аракской культуре в Закавказье и ее вариантам, представленным в памятниках, расположенных далеко к юго-западу и северо-востоку от Куро-Араксинского междуречья. В ней обстоятельно рассмотрен широкий круг вопросов и проблем, связанных с изучением различных аспектов этой культуры, проводившимся, однако, преимущественно в узко

---

[3] R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Exavations in the Plain of Antioch. I. Chicago, 1960, табл. 24—27, 40, 41, 49.

локальных рамках, ограниченных пределами небольших районов и областей внутри ее обширного ареала.

Авторы по-иному подошли к решению задачи, сознательно ограничив свой выбор сравнительно небольшим числом памятников, археологически наиболее изученных, по возможности многослойных и хорошо стратифицированных. Такой подход позволил им, с одной стороны, обрисовать общую картину развития раннебронзовой культуры Южного Кавказа и стратиграфически обосновать три хронологически последовательных этапа ее эволюции в рамках III тысячелетия до н. э., а с другой — выделить в пределах Южного Кавказа шесть групп памятников, различающихся между собой некоторыми локальными особенностями. Хотя нынешнее состояние изученности не всегда позволяет авторам с одинаковой полнотой охарактеризовать все этапы эволюции культуры внутри каждого региона, результаты проделанной ими в этом направлении работы существенно конкретизируют наши представления о сложных исторических процессах, которые протекали в различных частях Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э.

Во втором разделе этой главы рассмотрены некоторые поселения из различных территориальных групп, их топография, планировка, архитектура, строительная техника. Авторы показывают не только преемственные связи с предшествующей энеолитической культурой, но и весьма удачно оттеняют то новое, что характеризует уже раннебронзовый период. В архитектуре это увеличение размеров жилищ, появление у них хозяйственных пристроек и крупных общественных хранилищ для запасов зерна, большое разнообразие приемов строительной техники, где по отдельности и в разных сочетаниях широко употребляется глинобит, сырцовый кирпич, камень. Появляются новые типы «скальных» поселений со ступенчатым, террасообразным расположением жилищ. В различных частях Южного Кавказа отмечается новый тип расселения, характеризуемый наличием одного крупного, нередко укрепленного поселения, сопровождаемого несколькими небольшими поселениями, расположенными цепочками на некотором расстоянии друг от друга. Авторы совершенно справедливо усматривают в этом свидетельство процесса сегментации и расселения раннеземледельческих общин, столь присущего раннеземледельческим племенам и других областей.

Много внимания уделено в работе описанию планировки и устройства жилищ, их интерьеру. Приведенные данные позволяют живо представить себе то многообразие типов поселений и жилищ, которое оказывается присущим различным группам памятников куро-аракской культуры в пределах Южного Кавказа. Нельзя не согласиться с мнением авторов, видящих в этом признак известного усложнения общественных отношений в раннебронзовый период, равно и как доказательство этнографических различий внутри массива куро-аракских племен.

Небольшой, но содержательный раздел о хозяйстве открывается очерком естественно-географических условий Кавказа, благоприятствовавших, по мнению акад. Н. И. Вавилова и других видных биологов, раннему возникновению здесь производящего хозяйства. Справедливо отмечая недостаточность археологических материалов, характеризующих ранние этапы этого процесса, авторы правильно акцентируют внимание на наличии здесь таких мезолитических и ранненеолитических остатков, которые позволяют поставить вопрос о возможности появления уже в те эпохи предпосылок к зарождению производящего хозяйства. К упомянутым в этой связи памятникам хотелось бы добавить комплексы конца верхнего палеолита — раннего мезолита из Гварджилас-Клде и нижних слоев Чохской стоянки, близкие по времени и культуре соответствующим комплексам Зарзи и Шанидара (В) в Ираке, пещеры Гар-и-Камарбанд и Дам-Дам-Чешме в Южном Прикаспии, с которыми многие исследователи связывают начало формирования предпосылок перехода к регулярному собиранию дикорастущих злаков и доместикации некоторых видов животных. А находки в позднемезолитических слоях грота Сосруко и Чохской стоянки примитивных жатвенных ножей с прямой костяной и каменной основой свидетельствуют уже о том, что регулярные сборы дикорастущих злаков действительно становятся важными источниками питания для ряда племен, обитавших в эту эпоху на Кавказе. Все это наряду с приведенными К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили данными существенно подкрепляет высказанную ими мысль о возможности перехода некоторых кавказских племен к производящей экономике задолго до энеолитической эпохи.

На конкретных археологических материалах авторы характеризуют относительно высокий уровень развития в энеолите земледелия, которое в ряде засушливых районов сопровождается уже зачатками ирригации. Ярко показаны важные сдвиги, происшедшие в этой отрасли хозяйства в раннебронзовом периоде. Они выразились в заметном расширении ассортимента возделывавшихся злаков, начале культивации льна и некоторых садовых культур, появлении плужного земледелия, совершенствовании земледельческих орудий и т. д.

Характеризуя скотоводство, авторы показывают количественный рост поголовья скота в стадах древних общин и качественные сдвиги, выразившиеся в возрастании поголовья мелкого рогатого скота. Последнее обстоятельство они вслед за Б. Б. Пиотровским справедливо расценивают как свидетельство пастушеского, отгонного скотоводства, послужившего в свою очередь толчком к возникновению в предгорных и горных районах множества новых оседлых поселений. Удачно показано, как развитие основных отраслей хозяйства стимулировало возникновение имущественной и социальной дифференциации.

Интересен раздел главы, посвященный металлургии и металлообработке. Авторами собран и тщательно проанализирован значительный материал, характеризующий горное дело, техническую и технологическую стороны плавильного и литейного производств, различные приемы металлообработки и, наконец, ведущие типы металлического инвентаря, среди которых выявлены как заимствованные, так и местные формы. Тем самым подведена фактическая база под основной вывод, что Южный Кавказ, особенно Армянское нагорье, уже в III тысячелетии до н. э. становится мощным очагом металлургии, снабжавшим в порядке обмена своим металлом ряд стран Древнего Востока и областей юга Восточной Европы.

Один из центральных в этой главе разделов посвящен керамике. В отличие от предшествующих исследователей, строивших свои рассуждения преимущественно на типологическом анализе керамического материала, авторы сосредоточили внимание на анализе хорошо стратифицированных комплексов из многослойных поселений, нередко имеющих к тому же радиокарбонные даты. Благодаря этому им удалось создать для некоторых областей Южного Кавказа надежно документированные трехчленные схемы, отражающие динамику типологического развития керамики и ее орнаментики, дополняемые наблюдениями над изменениями технологии керамического производства на разных этапах данной культуры.

Особо следует отметить то обстоятельство, что в результате изучения керамических комплексов из разных территориальных групп куро-аракских памятников были выделены элементы некоторого своеобразия в приемах изготовления, типах и орнаментации сосудов. Это подкрепило ранее высказанный тезис о существовании в пределах основного ареала не менее шести локальных вариантов. Авторам удалось показать преемственность связей между керамическими комплексами энеолита и первого этапа ранней бронзы, что является еще одним весомым аргументом, подтверждающим существование преемственных связей между самими культурами.

В небольшом, но весьма насыщенном материалами и интересными наблюдениями разделе рассматриваются культы, обряды и верования южнокавказских племен в эпохи энеолита и ранней бронзы.

Четвертая, заключительная глава работы посвящена определению исторического места Южного Кавказа в V—III тысячелетиях до н. э. Здесь излагаются основные выводы, касающиеся энеолитической и раннебронзовой культур Южного Кавказа. Авторы приводят многочисленные признаки, характеризующие их специфику, подчеркивают элементы, указывающие на преемственную связь между ними. Вместе с тем отмечены большие изменения в хозяйстве, особенно в металлургии, которые четко определяют качественные различия между этими эпохами, еще раз подтверждая правомерность отнесения куро-аракской культуры именно к раннебронзовому периоду.

Много места уделено обоснованию хронологических рамок южнокавказского энеолита в пределах V—IV тысячелетий до н. э. и хронологии трех последовательных этапов развития куро-аракской культуры в рамках III тысячелетия до н. э.

Большой интерес представляют наблюдения над эволюцией жилищ и хозяйственных построек на протяжении обоих рассматриваемых периодов, позволившие авторам сделать интересные выводы о возрастании хозяйственной самостоятельности отдельных семей, началах имущественной, а затем и социальной дифференциации. Последняя особенно ярко выступает в появлении первых пышных, нередко подкурганных, захоронений родовой знати.

Останавливаются авторы и на вопросе о происхождении куро-аракской культуры, справедливо усматривая истоки ее хозяйственного уклада и корни многих элементов материальной культуры в культуре предшествующего энеолитического периода. Вместе с тем они отмечают воздействие, которое оказало на ее формирование тесное общение с городскими цивилизациями Передней Азии в III тысячелетии до н. э. и с ирано-месопотамским миром в энеолите. Нам бы хотелось подчеркнуть, что отмечавшееся выше сходство керамики «шому-тепинской» группы памятников с керамикой сиро-киликийского неолита может свидетельствовать о влиянии последней на формирование как самого «шому-тепинского», так и через его посредство последующего «куро-аракского» керамического комплекса. В свое время Б. А. Куфтин отмечал тяготение куро-аракской посуды к керамике древних памятников Восточного Средиземноморья[4]. Это обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов при освещении сложного процесса формирования энеолитической, а затем и раннебронзовой культуры Южного Кавказа.

В целом монография К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили должна быть оценена как весьма важное и нужное исследование, подводящее итоги многолетним и целенаправленным работам кавказских археологов по изучению местных раннеземледельческих культур. В этом большом обобщающем труде впервые с такой полнотой обрисованы два чрезвычайно важных периода древней истории Южного Кавказа, убедительно показано отсутствие культурно-хронологического разрыва между энеолитом Южного Кавказа и яркими халколитическими культурами Передней и Малой Азии и, наконец, раскрыта важная роль кавказского горно-металлургического центра

[4] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XIII-В. Тбилиси, 1944, стр. 119, 127.

в III тысячелетии до н. э., питавшего своей продукцией не только племена, обитавшие на юге Восточной Европы, но и архаические цивилизации Древнего Востока. Столь же ярко раскрывается здесь и роль кавказского раннеземледельческого очага, где уже в V — IV тысячелетиях до н. э. мы наблюдаем сравнительно высокий уровень развития земледелия и скотоводства и порожденные ими атрибуты прочного оседлого быта, а в III тысячелетии до н. э.— их дальнейшее развитие и усложнение.

В заключение хочется выразить надежду, что в ближайшее время появятся подобные обобщающие труды по раннеземледельческим культурам северо-восточных и северных областей Кавказа, что будет, наконец, уделено должное внимание изучению кавказского неолита, куда несомненно уходят своими корнями многие элементы энеолитической культуры.

Гаджиев М. Г., Котович В. Г., Котович В. М.

В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М., «Наука», 1970, тираж 2700.

Ценная монография В. П. Алексеева представляет большой интерес не только для антропологов, но и для специалистов по смежным дисциплинам, работающим в области этногенеза и этнической истории. Она интересна для археологов, лингвистов, этнографов и историков древнего мира. В пяти главах раскрыта история вопроса, освещена методика исследования, разобран антропологический материал народов балтийской языковой системы, летто-литовских народов, финно-угорских и восточнославянских. Каждая глава заканчивается списком использованной литературы, всего более 850 номеров. Заключение подводит итоги исследования. К книге приложено 75 таблиц краниологических измерений.

Для археологов интересно использование автором археологического и исторического материала при анализе антропологических данных. Следует заметить, что эта сторона работы оставляет самое положительное впечатление. Автор несомненно знает археологию и может критически использовать положения археологов. Сопоставление результатов, полученных при анализе антропологических данных, с выводами археологов является довольно надежной проверкой заключений автора.

Положительная сторона исследования — критический разбор работ предшественников и строгий отбор материала. Хорошее впечатление оставляют первые две главы. В третьей главе, касающейся летто-литовских народов, правильно отмечена роль фатьяновской культуры в сложении физического типа древнего населения Прибалтики. Автор прав, отрицая роль Кавказа в происхождении фатьяновской культуры.

Особый раздел третьей главы посвящен происхождению у народов Восточной Европы монголоидного компонента и времени его появления на исследуемой территории. Приведенные автором соображения в пользу раннего железного века встречают подтверждения в археологическом материале. С самого начала I тысячелетия до н. э. прослеживаются инфильтрация населения из Западной Сибири, а также тесные связи Восточной Европы с Саяно-Алтайским нагорьем, которые хорошо документируются вещами тагарского типа из Перми, опубликованными еще Аспелином.

В свое время А. В. Збруева убедительно показала тесные связи племен ананьинской культуры с населением Верхнего Поволжья и более западных областей (до Прибалтики включительно), что сказывается в формах керамики и некоторых орнаментальных мотивах. Значительное число вещей ананьинского типа встречено на территории Финляндии. Связи Приуралья с западными областями прослеживаются на протяжении длительного периода времени, во всяком случае начиная с неолита. Особенно они усилились в ананьинскую и пьяноборскую эпохи.

Построения автора в разборе физического типа прибалтийских народов хорошо подтверждаются археологическими данными. Что касается компонента южного происхождения, вошедшего в состав литовцев, то, возможно, он проник не во времена неолита и ранней бронзы, а несколько позже. Тесные культурные и этнические связи юга с Прибалтикой хорошо документируются с первых веков нашей эры. На территории Литвы, Латвии, Эстонии находят большое число вещей южного происхождения, в их числе различные фибулы, бусы, пряжки и другие части костюма. Продвижение отдельных групп населения с севера на юг и в обратном направлении освещено в ряде письменных источников того времени. Не исключено, что проникновение южного элемента датируется началом нашей эры.

Автор считает, что большую роль в сложении поволжских финнов сыграли племена срубной культуры. С этим выводом можно согласиться. Правобережье Волги приблизительно с XV—XIV вв. до н. э. было занято срубными племенами, которые оставили здесь свои курганы и поселения. Они встречены на нижней Оке близ Мурома и в южной части Чувашской АССР. Влияние срубной культуры прослеживается в керамическом материале городецкой культуры. И. В. Синицын открыл на территории Танавского городища близ Саратова бескурганные могилы, в погребальном ритуале которых можно видеть черты, напоминающие, с одной стороны, срубные, а с другой — проникшие с севера финно-угорские. Аналогичные захоронения исследовал Н. Я. Мер-

церт близ дер. Б. Палицино Ульяновской области, где скорченные костяки со срубным инвентарем находились в простых грунтовых ямах. Характер этих памятников позволяет говорить о процессе ассимиляции срубниками местного населения, жившего здесь в неолите и в эпоху ранней бронзы. Приблизительно на рубеже II и I тысячелетия до н. э. на территорию, занятую срубными племенами, пришло с севера финно-угорское население, ассимилировавшее срубников; сюда же проникли фатьяновцы и абашевцы. Археологи отмечают весьма смешанный характер населения этого района на рубеже эпохи бронзы и раннего железа, что подтверждает положение о сложном расовом составе мордвы, сформировавшемся в результате широкого смешения различных этнических групп.

Значительную роль сыграли, видимо, срубные племена и в формировании удмуртов и мари. Основу этих народов составили племена приказанской культуры, сложившиеся на базе местного неолита. Однако позднее сюда стало проникать население срубной культуры. Памятником их пребывания среди приказанских племен является родовое святилище на Балымской стоянке. Там открыты финно-угорские вытянутые захоронения на спине, обычные для приказанской культуры (исследования Н. Высоцкого на Большом Бугре около с. Малы Отары в 1881 г.) и другие, тоже бескурганные погребения, где костяки лежали в скорченном положении, что характерно для срубной культуры. Керамика и вещи, сопровождавшие покойников, типично срубные. Таким образом, археологические данные подтверждают участие южного срубного компонента в формировании удмуртов. В дальнейшей их судьбе некоторую роль сыграли, по-видимому, угорские или сарматские волны, заходившие довольно далеко на север.

Не расходятся с выводами автора и соображения археологов о происхождении народа коми, который близок по краниологическим данным эстонцам и финнам. Бассейн Вычегды долгое время оставался белым пятном на археологической карте нашей страны. Только за последнее десятилетие здесь были проведены большие систематические работы, позволившие пролить некоторый свет на проблему происхождения коми. Этими вопросами на материале памятников I тысячелетия н. э. занимается Э. А. Савельева. Правда, ее раскопки не дают антропологического материала, так как древние коми своих умерших кремировали. Однако анализируя обряд захоронения, его детали, могильный инвентарь, она пришла к обоснованному выводу о большой роли западных и южных компонентов в формировании коми. Главную роль, по ее мнению, сыграли западные племена. Э. А. Савельева отрицает этническую связь с населением Прикамья.

Обстоятельно написана пятая глава «Краниологический тип восточнославянских народов и их происхождение». Автор подробно остановился на локальных вариантах, сравнил современное население со средневековым. Им использован материал не только славянских могильников. Он привлек Салтовский, Зливкинский, Каменский и Каирский могильники, принадлежавшие восточным соседям славян, которые жили на территории, на которой по археологическим данным, прослеживается инфильтрация славянства. Такая же сравнительная работа по средневековым памятникам проделана и для белорусов. Автор особо остановился на роли субстрата в происхождении русского и белорусского народов. Он не отрицает роль финнов в формировании антропологических особенностей восточнославянского населения, но и не считает финский субстрат, как многие историки, основным компонентом в сложении русской народности.

Интересны соображения автора относительно основного антропологического компонента в этногенезе восточных славян. Он склонен считать, что пути его проникновения на Украину, Белоруссию и Русскую равнину шли с запада и юго-запада. Этапы этого проникновения из-за отсутствия палеоантропологических материалов I тысячелетия н. э. пока неясны. К сожалению, автор не использовал материалы черняховской культуры. Соображения антрополога об отношении ее к славянской проблеме были бы для археологов весьма интересны.

В целом книга В. П. Алексеева представляет большой интерес для всех занимающихся этнической историей Восточной Европы. Автор критически отнесся к оценке материала и существующих в науке точек зрения, умело привлек археологические данные. Труд В. П. Алексеева — ценный вклад в литературу по антропологии Восточной Европы и этнической истории ее населения.

А. П. Смирнов

Обзор исследований скульптуры Боспора за 10 лет

После книги А. П. Ивановой «Скульптура и живопись Боспора» (Киев, 1961) обобщающих работ, посвященных этой теме, не было. Однако за это время было открыто много новых произведений скульптуры, получивших освещение в ряде публикаций и исследований и относящихся к различным периодам, начиная с древнейшего времени существования боспорских городов и кончая временем сарматизации Боспора. Исследования этой скульптуры раскрывают культурные связи городов Боспора с главными центрами греческой и эллинистической культуры, позволяют выделить

произведения собственно боспорской местной скульптуры и ее своеобразие. Рассмотрим эти исследования соответственно историческим периодам развития искусства Боспора.

Самый ранний памятник из вновь найденных произведений скульптуры на Боспоре — голова юноши исследован в статье Н. И. Сокольского «Курос из Кеп» (СА, 1962, 2, стр. 132—141, рис. 1—3). Автор приходит к заключению, что она принадлежит небольшой статуе куроса (высота головы 0,118 *м*), исполненной около 530—510 гг. до н. э. мастером ионийского круга, предположительно из Милета. Это первый памятник скульптуры дневнемилетского круга, открытый на территории Боспора.

В статье М. М. Кобылиной «Древняя стела из Фанагории» (Историко-археологический сборник, М., 1962, стр. 121—129, рис. 1 и 2) исследован фрагмент мраморной плиты из Фанагории с частью рельефного изображения юноши в хламиде. Плита восстанавливается как роскошный надгробный памятник знатного гражданина Фанагории (около 490 г. до н. э.), входящий в круг греческих вотивных и погребальных рельефных стел второй половины VI — начала V в. до н. э., выполненный ионийским, вероятно хиосским, мастером. Подтверждением этого является качество белого крупнозернистого мрамора, а также техника применения камня для сглаживания поверхности камня и углубления деталей складок.

Ряд работ посвящен исследованию произведений аттической скульптуры, завезенных на Боспор в период расцвета связей с Афинами. И. Т. Кругликова в статье «Мраморный рельеф из Анапы» (СА, 1962, 1, стр. 282, рис. 1) восстанавливает сложный сюжет фрагментированной рельефной плиты с возлежащей мужской фигурой и приближающимися к ней мужскими и женскими персонажами, несущими дары. Автор определяет плиту из Анапы как аттическое произведение вотивного значения — наиболее ранний памятник этой группы аттических рельефов, относящийся к началу IV в. до н. э.

В связи с этим Б. В. Лунин в статье «О мраморном рельефе из Анапы» (СА, 1964, 4, стр. 189 сл.) напоминает о мраморном рельефе с изображением погребального пира, найденном в 1932 г. на Елизаветовском городище в дельте Дона, который является полной аналогией анапскому. При общем тождестве композиции автор указывает на некоторые различия в деталях рельефов, свидетельствующие об отсутствии строгого стандарта в мастерской, где они изготовлялись.

Ввоз аттических произведений искусства продолжался и в III в. до н. э., но наряду с ним наблюдается появление на Боспоре скульптуры из Александрии, Родоса, Малой Азии.

В статье М. М. Кобылиной «Новые находки скульптуры из Пантикапея» (МИА. 103, 1962, стр. 180—189) исследовано несколько произведений скульптуры, среди них тонко исполненный мраморный мужской торс, открытый в Керчи при раскопках фундамента церкви Иоанна Предтечи в 1958 г. Автор определяет этот торс как фрагмент статуи бога Асклепия, повторяющий аттический тип статуи Асклепия и, вероятно, выполненный в Афинах. Более легкие пропорции и бóльшая четкость передачи мускулатуры датируют статую концом IV — началом III в. до н. э., когда в греческой скульптуре распространились достижения Лисиппа. Эта статуя связана с культом Асклепия в Пантикапее в IV—III вв. до н. э.

И. Б. Зеест в статье «Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла» (Культура античного мира, М., 1966, стр. 77—82, рис. 1) определяет мраморную плиту с изображением Геракла, стоящего, опираясь правой рукой на палицу, с яблоками гесперид в левой руке. Она считает, что это произведение греческого скульптора, по всей вероятности, аттического — III в. до н. э.— и вместе с тем усматривает в фигуре Геракла черты стиля Лисиппа. Автор доказывает, что Геракл из Гермонассы дополняет число достоверных реплик не дошедших до нас знаменитых акарнанских бронз Лисиппа; исполнение его относится ко времени на 40—50 лет позже оригинала. Эта новая скульптура еще раз свидетельствует о популярности культа Геракла на Боспоре.

В статье В. Скудновой и К. Зайцевой «Нимфейская экспедиция 1962—1964 гг.» (СГЭ, XXVII, 1964, стр. 92) воспроизведена мраморная головка — фрагмент статуэтки бородатого Геракла (размер не указан). Авторы полагают, что, возможно, это оригинал греческого мастера круга Скопаса.

Ряд исследователей определяют вновь найденные статуи и их фрагменты как изображения Афродиты, самого популярного божества на Боспоре, особенно азиатском, в эллинистический период.

В статье Н. Л. Грач «Мраморная скульптура из Горгиппии» (СА, 1970. 1. стр. 245—247, рис. 1 и 2) дан тонкий стилистический анализ мраморной женской головы из Горгиппии, хранящейся в Тбилиси. Голова определена как изображение божества, возможно Афродиты; исполнение и стилистические аналогии ведут в александрийскую школу III в. до н. э.

В статьях Н. И. Сокольского «Афродита Таманская» («Искусство», 1964, 7. стр. 68—72) и «Святилище Афродиты в Кепах» (СА. 1964 4, стр. 101—102) опубликована небольшая мраморная статуя (высота 0,455 *м*), открытая в 1963 г. в Кепах. Торс статуи великолепно сохранился, но отсутствие головы мешает точному определению сюжета. Автор предположительно называет статую Афродитой. Он отмечает мастерство изображения обнаженного тела, свойственное эллинистическому искусству, и датирует статую позднеэллинистическим временем; дату статуи

Н. И. Сокольскии подтверждает и обстоятельствами находки в комплексе остатков сооружения, которое было разрушено уже в I в. до н. э. Из сопоставлений с аналогичными изображениями он приходит к заключению, что статуя могла быть выполнена родосским скульптуром. Автор устанавливает также, что она представляет собой тип скульптуры, известный в различных районах античного мира и имевший устойчивую традицию; поэтому он выдвигает предположение о существовании общего прототипа.

К эллинистической скульптуре круга Пергамской школы Н. П. Сорокина относит мраморную женскую голову, открытую в Кепах в 1963 г. (Новый памятник античного искусства. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 278—283, рис. 1, 2), и определяет ее как голову статуи Артемиды или Афродиты.

Кроме исследований отметим несколько публикаций эллинистической скульптуры.

А. И. Салов в заметке «Случайные находки в Анапе и ее окрестностях» (СА, 1968, стр. 203, рис. 2) сообщил о случайной находке женского торса у входа на пристань (высота 0,175 *м*), возможно, изображения Афродиты (часть горельефа). И. Т. Кругликова в статье «Из раскопок Анапы» («Искусство», 1963, 9, стр. 67, 68), касаясь этой находки, отмечает прекрасную работу, мягкую трактовку форм, тщательную отделку поверхности и считает эту скульптуру произведением греческого искусства.

В статье Л. И. Чуистовой «Фонды Керченского музея» (Археология и история Боспора, I, 1962, стр. 248) на рис. 5 воспроизведена чрезвычайно интересная скульптура — небольшая мраморная статуя трехликой Гекаты, найденная при охранных раскопках в Керчи в 1951 г. Фотография плохая, исследования нет. Но важен сам факт находки изображения Гекаты в Пантикапее. В несколько огрубелой форме в статуе повторен тип Гекаты, представленный в Эрмитаже великолепной сохранности и тончайшего исполнения римской копией аттической статуи IV в. до н. э.

Целый ряд исследований раскрывает произведения местного искусства Боспора как ранние, исполненные в традициях греческого искусства боспорскими скульпторами-греками, так и поздние, более или менее варваризованные.

И. П. Приходько опубликовал (СА, 1963, 3, стр. 221, 222) заметку «Плита с изображением грифона из Фанагории». На плите изображен в барельефе мощный орлиноголовый гриф, идущий, медленно передвигая тяжелые мягкие лапы. Автор убедительно датирует плиту по аналогичным изображениям на оружии, металлической посуде и монетах Боспора IV — началом III в. до н. э.

Статья М. М. Кобылиной «Скульптурный портрет из Фанагории» (СА, 1962, 3) является исследованием мужской головы из мягкого известняка, случайно найденной в районе фанагорийского курганного некрополя. Автор определяет голову как фрагмент надгробной статуи. Черты негреческого лица изваяны обобщенно, с приемами греческой пластики второй половины IV в. до н. э. Необычна узорчатая орнаментальная трактовка волос. Тип мягкого головного убора, повязка, элементы индивидуализации лица позволяют, по мнению автора, считать эту голову портретом знатного боспорца работы местного скульптора-грека.

В указанной выше статье М. М. Кобылиной «Новые находки скульптуры из Пантикапея» исследован фрагмент мраморной головы орла (высота 0,185 *м*). Он возможно, принадлежит статуе орлиноголового грифа. По аналогиям на боспорских краснофигурных пеликах фрагмент датируется третьей четвертью IV в. до н. э. Автор определяет эту скульптуру как произведение местного мастера-грека: в исполнении «патетического» глаза грифа видны греческие традиции, влияние приемов Скопаса; местное своеобразие заключается в сочетании пластических средств выражения с графическими приемами: прорезанными очертаниями глаза и линии сомкнутого клюва.

Н. И. Сокольский выделил из массы памятников местной скульптуры синдскую скульптуру. Он опубликовал наиболее значительные и хорошо сохранившиеся изваяния в четырех статьях: «Синдская скульптура» (Сб. «Античное общество». М., 1964, стр. 193), «Новые памятники синдской скульптуры» (КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 8), «La sculpture sinde» (Huittième congrès international d'Archèologie classique. Paris, 1963, стр. 107), «К вопросу о синдской скульптуре» (Культура античного мира. М., 1966, стр. 243).

Основой для исследования послужили каменные статуи и рельефные плиты, раскопанные автором на берегу Ахтанизовского лимана в 1963 г.; они были найдены в фундаменте здания. По мнению Н. И. Сокольского, здание было сооружено аспургианами, которые заняли эту территорию во II—I вв. до н. э. во время междуусобной войны на Боспоре. Автор предполагает, что эти изваяния могли быть собраны в окрестностях с ближайших курганов и могил обитателей синдских поселений; они хорошо датируются временем до сооружения здания.

Н. И. Сокольский устанавливает среди них несколько типов: 1) мужские статуи-полуфигуры, изображающие воинов в плаще и панцире; 2) мужские статуи-полуфигуры в плаще и, как вариант, в рубашке и плаще; 3) женские статуи-полуфигуры в длинном, спускающемуся с головы покрывале и головном островерхом уборе под покрывалом, с широким полным лицом. Те же типы повторяются на рельефных плитах, но часто с новыми, очень яркими этнографическими деталями. Автор указывает также, что кроме полуфигур на рельефных плитах встречаются и фигуры в полный рост; на рельефных изображениях они выполнены или в горельефе на плоском фоне плиты без бортиков, или же в углубленном поле в обрамлении наискось. Среди множества

вновь открытых синдских памятников только на одной плите изображен всадник [1]. Как особенности синдской скульптуры Н. И. Сокольский отмечает местный негреческий тип изображения, отход от греческих канонов, фронтальность и плоскостность изображений, стремление к точной передаче этнографических черт и деталей и к портретности. Автор отмечает общность этнического типа и деталей, а также и различие качества исполнения рельефов: часть их изготовлена серийно, лучшие памятники — на заказ.

В статье «К вопросу о синдской скульптуре» автор оценивает эти изваяния как исторический источник. Он полагает, что исследованные им статуи-полуфигуры и рельефные плиты, найденные на территории Синдики в треугольнике Фанагория—Тузла — Горгиппия, изображают в основном синдов. Эти изображения свидетельствуют, что, несмотря на сильную и раннюю эллинизацию, синды сохраняют этнические особенности, и «иллюстрируют» роль синдов в формировании синкретической культуры Боспора. Н. И. Сокольский выдвигает положение, что статуи-полуфигуры, найденные в пределах Пантикапейского некрополя, связаны с переселенцами с азиатской стороны Боспора, прежде всего представителями меото-синдской знати. Эти положения чрезвычайно интересны, они направляют наше внимание на большие исторические вопросы. Но есть отдельные высказывания, которые можно оспаривать. Н. И. Сокольский уверенно относит вышеупомянутую портретную голову IV в. до н. э. из Фанагории к ранней группе полуфигур синдской скульптуры. Но во всех синдских полуфигурах, как отмечает сам автор, виден отход от греческих канонов. Эту же скульптуру делал боспорец-грек, вероятно фанагориец, и скорее всего она принадлежала целой фигуре. На синдских рельефных плитах, как показал сам автор, изображаются не только полуфигуры, но и фигуры в полный рост.

Вызывает возражение определение группы надгробий Анапского музея, случайно найденных во время строительных работ, как чисто синдских и притом эллинистических («Синдская скульптура», стр. 202, рис. 11). Автор сам отмечает, что они отличаются от изваяний синдской скульптуры; они более варваризованы, в их стиле больше схематизации, в исполнении больше простоты и грубоватости. Эти различия автор объясняет тем, что Горгиппия была главным городом Синдики и основная масса населения этого города была менее эллинизована, чем синдское население вблизи других крупных городов — Фанагории, Гермонассы, Кеп. Однако раскопки Горгиппии показывают, что здесь синды были не менее эллинизованы, чем в Фанагории и Гермонассе; об этом свидетельствуют находки керамики, мелкой пластики, скульптуры. В коропластике Горгиппии варваризованные изображения относятся только к первым векам нашей эры. Эти изваяния относятся скорее всего к первым векам нашей эры, ко времени сарматизации Боспора. В некоторых из этих надгробий видны огрубелые синдские типы, в других — те черты, которые П. Н. Шульц называет сарматскими (см. ниже).

Нельзя согласиться, что все полуфигуры и рельефные плиты с изображениями полуфигур должны быть датированы не позднее I в. до н. э. В боспорской скульптуре периода сарматизации еще долго держатся типы статуй и рельефные композиции, созданные в эллинистический период, особенно в I—II вв. н. э.

Кроме исследований синдской культуры, отметим две публикации Н. И. Сокольского. В заметке «Работы Таманской экспедиции» (АО, 1968. М., 1969, стр. 89) опубликована фотография статуи с восточного курганного некрополя Фанагории — вариант надгробной синдской статуи-полуфигуры. В статье «Раскопки городища Кепы в 1961 г.» (КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 52—57, рис. 21) Н. И. Сокольский опубликовал надгробие из некрополя у с. Соленого на берегу Ахтанизовского лимана — плиту из известняка с рельефным изображением в углубленном поле трех фигур, стоящих на постаменте.

Яркое произведение местной скульптуры опубликовано М. М. Кобылиной «Надгробие из Фанагории» (КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 112, рис. 43). Материал — песчаник, оригинальна форма плиты (высота 0,52 *м*) в виде высокой трапеции с боковыми выступами у основания. Узкое углубленное пространство плиты заполнено рельефным изображением стоящей женской фигуры в длинной одежде, в покрывале, спадающем с головы. Суммарная трактовка одежды сочетается с удивительно правдиво и пластично переданным лицом с негреческими чертами.

А. К. Коровина опубликовала ряд стел из Фанагории, Тирабмы, Кеп и с Ахтанизовского лимана (Группа надгробных стел Таманского полуострова. «Сообщения Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», IV, М., 1968, стр. 100—109). Автор выделяет две группы. К первой группе отнесены меото-синдские полуфигуры и рельефные плиты со своеобразными особенностями исполнения: приземистые фигуры с неправильными пропорциями имеют своеобразные энтические черты; лицо, полное, с узкой переносицей, широкими скулами, маленьким ртом, выступающим подбородком. Несколько полуфигур и рельефов из Фанагории и Ахтанизовского лимана, т. е. с территории Синдики, дополняют типы синдской скульптуры, выделенные Н. И. Сокольским. Это две женские полуфигуры с прижатой к груди рукой,

[1] Нам представляется, что термин «полуфигура» не очень удачен; ведь речь идет не о полуфигуре, а о поколенном изображении человека. Но этот термин вошел в литературу с легкой руки А. П. Ивановой, он удобен, однако необходимо помнить, что «полуфигура» — это условное обозначение.

в хитоне и покрывале, спадающем с головы (островерхий убор под покрывалом здесь отсутствует), и две рельефные плиты: одна с изображением стоящей женщины, аналогичная плите, найденной на горе Бориса и Глеба [2], другая с изображением мужчины в плаще, со свитком в руке. Вторая группа памятников определена А. К. Коровиной как вообще боспорская.

Чрезвычайно интересна плита из Тирамбы, на которой представлены два всадника: один на переднем, другой на заднем плане, как бы появляющийся из глубины пространства (рис. 15). Дата этой плиты определяется условиями находки: она была вторично употреблена как закладная плита в земляном склепе I в. до н. э.— I в. н. э. Дата этой плиты II—I вв. до н. э. Всадник, на ней представленный,— один из самых ранних типов всадника времени начинающейся сарматизации Боспора.

Другой ранний тип боспорского всадника опубликован В. П. Скудновой в статье «Надгробие из Нимфея» (СА, 1968, 1, стр. 239—241, рис. на 240 стр). Автор датирует плиту с рельефным изображением всадника II—I вв. до н. э. В трактовке всадника автор отмечает традиции греческого искусства — уникальный для Боспора вариант: под ногами всадника изображена фигура поверженного врага; оригинальна и пространственная трактовка сидящей на троне женщины, к которой приближается всадник.

Эти хорошо датирующиеся изображения боспорских всадников определяют время изготовления рельефной плиты из Тамани, опубликованной А. С. Башкировым в 1949 г. [3] На плите представлено несколько скачущих всадников, один из них показан в перспективе, в глубине пространства; в углублении плиты под ногами коня изображена фигура поверженного врага.

В статье А. П. Ивановой «Образ вершника в боспорському надгробному рельефу» (Сб. Археологічні пам'ятки УССР», XI, 1962, стр. 169—180) решаются некоторые общие вопросы. Один из них — вопрос о социальном положении тех людей, которым были поставлены надгробия. А. П. Иванова ссылается на надписи на плитах, которые указывают на принадлежность некоторых надгробий рабовладельцам. Надпись на стеле Агафа из Фанагории говорит о его высоком политическом положении (политарх, космет). Ряд стел принадлежит вольноотпущенникам. А. П. Иванова считает, что необычайная численность боспорских рельефных надгробий указывает на их широкое распространение среди масс местного населения.

Второй вопрос — об исполнении этих плит. Автор отмечает, что бóльшая часть рельефных плит изваяна рядовыми мастерами (ограниченное количество сюжетов, повторение традиционных иконографических схем, связанных с культом героизированного умершего), и выдвигает предположение, что мастера пользовались готовыми моделями и копировали один и тот же оригинал.

В статье А. П. Ивановой указаны также варианты изображений всадников и их сопровождения и раскрывается связь этих изображений с сарматизацией Боспора. Более распространены образы спокойно стоящего всадника, реже — скачущего. В последних изображениях встречаются попытки передать перспективу (один из двух всадников изображен сзади в меньшем масштабе). Автор отмечает изображения двух противопоставленных всадников, которые напоминают по композиции и особой иератичности всадников на ритоне из Карогодеуашха. Опираясь на исследования М. И. Ростовцева, автор считает, что они связаны с верой в загробный выезд героизированного умершего, и предполагает, что изображение всадника с непокрытой головой, очевидно, диктовалось ритуальным обычаем.

На двухъярусных стелах, например на стеле Стратоника вольноотпущенника, в верхнем ярусе представлен умерший Стратоник, стоящий около столика со свитками написанных им сочинений, а внизу — он же в виде всадника. На многих стелах фигура всадника представлена стоящей на постаменте — это изображения статуй. Автор считает, что они повторяют типы статуй, распространенные на Боспоре. На некоторых стелах под главным изображением умершего иногда видно изображение коня. Последнее связано, по мнению автора, с огромной ролью коня в быту сарматизированного Боспора.

Редким сюжетом является изображение всадника-ребенка (рис. 11). Возможно, предполагает автор, в сарматизованном Боспоре рано начинали обучать верховой езде. Отражение сарматизованной боспорской жизни А. П. Иванова видит на стеле Левкия, где Левкий изображен заряжающим лук, рядом слуга держит коня.

Особое место среди работ, посвященных исследованию рельефных боспорских стел, принадлежит статьям А. И. Болтуновой, которая, занимаясь надписями на этих плитах и датируя последние, тем самым датирует и весь памятник. Вопрос о датах местной боспорской скульптуры очень сложен, особенно в период сарматизации Боспора, так как даты, установленные по стилистическим особенностям для античной скульптуры, здесь не всегда приемлемы. В таких случаях чрезвычайно важных точ-

[2] Н. И. Сокольский. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове. СА, 1957, 1, стр. 243.

[3] А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1949, стр. 167, 168, рис. 75.

но датированные элементы памятника и их сочетание — формы плиты тип архитектурного обрамления, детали изображения и т. д.

Отметим две статьи А. И. Болтуновой: «Неизданные надгробия из Керчи и окрестностей» (ВДИ, 1965, 2, стр. 95—100, рис. 1—6) и «Неизданные надгробия из Пантикапейского некрополя») (КСИА, АН СССР, 116, 1968, стр. 49—63). Приведем несколько примеров рельефных плит, наиболее точно датированных надписями. По надписи к I в. А. И. Болтуновой отнесена прямоугольная плита с изображением женщины, стоящей в углубленном пространстве с архитектурным обрамлением, имеющим арочное завершение (КСИА, АН СССР, рис. 9, 116). К I в. тоже по надписи, отнесена плита другой формы, сильно сужающаяся кверху, с изображением мужчины, играющего с собачкой. Изображение помещено в углубленном квадратном поле внутри упрощенной квадратной рамки, завершающейся высоким фронтоном с акротериями в виде полупальметт (там же, рис. 12). К концу I — началу II в. по надписи отнесена прямоугольная плита, слегка расширяющаяся кверху, с изображениями сидящей женщины и стоящего мужчины в углубленном пространстве, в простой рамке, завершающейся рельефно исполненным широким фронтоном с плоскими акротериями и розеттами; в трактовке одежды видны тенденции к орнаментальности (рис. 11).

В статье «К истории Танаиса» (Данные эпиграфики, 42, 1964, стр. 195—208) А. И. Болтунова поднимает вопрос об истолковании известного рельефа на стеле «фиаситов, справляющих день Танаиса». На стеле представлен всадник в сарматской одежде с ритоном в руке, перед алтарем. За алтарем изображено дерево. А. И. Болтунова возражает против истолкования изображения всадника как речного божества; она считает его изображением «бога высочайшего», опираясь на полную аналогию на золотой пластинке из царского погребения в кургане близ Керчи.

В статье «Новая строительная надпись из Танаиса» («Klio, 1964, 42, стр. 195) А. И. Болтунова опубликовала плиту с надписью начала III в., увенчанную фронтоном; в тимпане фронтона — рельефное погрудное изображение женщины, которое А. И. Болтунова определяет как изображение хтонической богини-матери; богиня представлена в подпоясанном хитоне, на голове ее калаф, с которого спускается на плечи покрывало. Лицо имеет местный тип: оно широкое и мясистое, на полной шее. Исполнение этой скульптуры жесткое и схематичное, трактовка суммарная.

П. Н. Шульц в статье «Надгробный рельеф из с. Поповки» (Культура античного мира, М., 1966) ставит вопрос о стилевых чертах рельефов сарматского круга. Для полной характеристики искусства Северного Причерноморья I—IV вв., пишет П. Н. Шульц, важно выяснить, что внесли сарматы в художественную культуру античных городов Северного Причерноморья и что было воспринято сарматами от искусства других народов.

Этот вопрос он рассматривает на примере рельефа из позднескифского городища у с. Поповки, открытого в 1935 г. Это каменная четырехугольная плита неправильных очертаний с плоским рельефным изображением сцены охоты, обрамленным плоской рамкой. П. Н. Шульц подчеркивает, что этот рельеф отличается от рельефов греческих, синдских и позднескифских не столько иконографическими мотивами, сколько стилем и обращает внимание на резкость и линеарность контуров и характер резьбы камня; такая резьба под углом к полю рельефа не характерна ни для греческих, ни для позднескифских рельефов, где грани фигур обычно закруглены. Автор указывает на наличие такой резьбы в наиболее сарматизованных, наиболее варваризованных рельефах, например на стеле Хедособия конца III в. из Керчи. Интересен его анализ фрагмента боспорской рельефной плиты в Керченском музее как примитивной работы мастера-варвара: на плите изображен всадник с двумя копьями (рис. 2); силуэт коня и воина вырезан под прямым углом к полю рельефа, конь имеет характерно вытянутый корпус, всадник очень велик по сравнению с конем и напоминает всадников в сарматских граффити; два копья и поводья переданы резьбой. Тип всадника из с. Поповки и керченский имеют общие черты, манера изображения всадника и сцены охоты одинакова.

П. Н. Шульц считает, что истоки сарматского стиля уходят корнями в резные, может быть наскальные, изображения и в отдельных случаях в деревянные и костяные изображения и рисунки на камнях, характерные для сарматов первых веков, и высказывается мысль о том, что, может быть, законченное воплощение этот стиль получил в сарматских знаках и геометрически четком узорчатом орнаменте на зеркалах.

Рельефные плиты, вотивные и надгробные, составляют характерный и наиболее богато представленный раздел скульптуры Боспора, особенно в период сарматизации Боспора. Другим разделом скульптуры, особенно развитым на Боспоре уже с IV в. до н. э., но более всего в первые века нашей эры, была портретная скульптура.

В нашем обзоре мы должны указать несколько работ, посвященных боспорскому портрету. В. В. Веселов в статье «Новые находки в Керчи» (СА, 1963, стр. 233, 234) опубликовал скульптурный портрет пожилого мужчины, найденный вблизи стены стадиона «Авангард». Он подробно описал место находки, материал портрета (желтовато-белый мрамор) и его размеры (высота 0,349 *м*).

Исследование этого портрета предпринято Н. М. Лосевой (Голова бородатого мужчины. «Сообщения Государственного музея изящных искусств им. А. С. Пушки-

на». М., 1965, III, стр. 23—26, рис. на стр. 24). Н. М. Лосева определяет его как голову статуи-портрета знатного боспорца, как произведение незаурядного мастера времени Траяна. Автор указывает на его отличие от римского официального портрета: более мягкая моделировка, обобщенная трактовка нижней части лица и техника выполнения с основными инструментами — шпунтом и скарпелью, малым применением бурава. Мастером, создавшим это произведение, был, вероятно, греческий скульптор, работавший в известной мере в русле траяновского портрета, но придерживавшийся в то же время традиций греческой скульптуры. Н. М. Лосева осторожно предполагает вероятность выполнения этой скульптуры в Пантикапее.

Впервые в литературе появились публикации боспорских портретов из гипса. С. Я. Берзина в статье «Производство гипсовых изделий на Боспоре» (Археология и история Боспора. II, Симферополь, 1962, стр. 248, рис. 7 и 8) среди гипсовых изделий указала на два гипсовых портрета, происходящих из Керчи. Они исследованы в двух статьях Г. И. Соколова. В одной из них — «Боспорский портрет из Керчи» (СА, 1963, 3, стр. 222) автор описывает портрет пожилого мужчины, хранящийся в Керченском музее (найден в 1957 г. в Керчи при охранных работах). Он датирует его последней четвертью II — началом III в. на основании сходства объемной и светотеневой манеры с мраморными римскими портретами второй половины II в. Нам эта дата представляется спорной. Легкое движение головы немного вправо, ярко выраженная асимметрия лица, движение крупных масс лица, живой взгляд в сторону очень далеки от портретов времени Антонинов.

Интересно предположение Г. И. Соколова, что портрет является слепком с мраморного или бронзового оригинала. По его мнению, узкая полоса, которая прослеживается на поверхности головы, изображает повязку; трактовка волос, перехваченных повязкой, близка к изображениям причесок боспорских правителей на монетах.

В статье «О портретной головке из гипса в собрании Гос. Эрмитажа» (СГЭ, XXVIII, 1967, стр. 38—40) Г. И. Соколов описывает небольшой портрет, найденный в 1942 г. в Керчи Карейшей. Отождествление портрета автор считает невозможным по причине его плохой сохранности. Он предполагает, что этот гипсовый портрет принадлежит к типу портретов для украшения интерьера, подобно гипсовым слепкам в библиотеках римлян. На основании трактовки зрачка и волос Г. И. Соколов датирует портрет III в. Однако для того чтобы эта дата была убедительной, нужно было бы подробнее остановиться на обработке скульптуры из гипса после изъятия из формы, на применяемых инструментах, средствах выражения деталей. Соответствуют ли они произведениям из мрамора? Вероятно, нет.

Мы перечислили значительное количество исследований местной скульптуры первых веков нашей эры. Реже, чем в предшествующий период, но и теперь встречаются на Боспоре привозные произведения скульптуры.

В статье И. Т. Кругликовой и Г. А. Цветаевой «Раскопки в Анапе» (КСИА, АН СССР, 95, 1963, стр. 66) опубликована маленькая женская голова (высота 0,075 *м*) — фрагмент статуэтки, вероятно Афродиты. По характеру исполнения она отнесена ко II—III вв., указывается ее близость по типу голове статуи Афродиты из Капуи, которую некоторые исследователи связывают и с Афродитой Скопаса.

Знаменитому мраморному саркофагу из Мирмикия, украшенному на лицевой стороне ящика рельефными изображениями мифологических сцен (Ахилл среди дочерей Ликомеда на о. Скиросе) и скульптурой в виде возлежащей супружеской пары на крышке, посвящена специальная статья И. И. Саверкиной «Мраморный саркофаг из Мирмекия» (Тр. ГЭ, VII, 1962, стр. 247—266, рис. 1—10). Автор отмечает, что саркофаг был уже подробно описан К. Робертом, отнесен им к группе греко-римских саркофагов времени Антонинов; он определил и сюжеты рельефов саркофага по аналогии с рельефами лучше сохранившегося саркофага из собрания графа Строганова [4]. Г. Роденвальд определил этот саркофаг как аттический, не приводя доказательств [5]. И. И. Саверкина детально анализирует форму саркофага, его декор и архитектонику и приходит к заключению, что мягкая и живописная моделировка тела обеих фигур на крышке, разнообразие и тщательность в исполнении одежды отличают скульптуру на крышке от изображений на ящике, и предполагает, что они были сделаны другим мастером.

Сопоставления мирмекийского саркофага с группами саркофагов римско-италийской, малоазийской и аттической позволяют автору говорить о принадлежности саркофага к аттической мастерской, производившей саркофаги с карпатидами, и считать, что он является одним из самых прекрасных памятников аттического искусства второй половины II в.

Из изложенного видно, что за последние 10 лет было исследовано довольно много весьма разнообразных произведений скульптуры, бытовавших на Боспоре; огромное большинство исследований посвящено вновь открытым памятникам. Эти исследования дополнили наши представления об особенностях развития культуры и искусства Боспора: связи с метрополией в древнейший период и импорт произведений скульптуры из ионийских городов, сильное влияние культуры и искусства Азии в IV в. до

---

[4] C. Robert. Die antiken Sarkophagreliefs. Berlin, 1890—1909.

[5] G. Rodenwaldt. Der Kleinensarkophag von S. Lorenyo. JDH, 45; 1930, стр. 116.

н. э., импорт произведений аттического искусства в III в. до н. э. и позднее, даже в первые века нашей эры, культурные связи в период эллинизма с крупнейшими центрами эллинистической культуры — Александрией, Родосом, Пергамом. Большое место занимают исследования произведений местной скульптуры как исполнявшихся в традициях античности, так и более варваризованных; остро поставлена проблема и синдской сарматизации скульптуры. Ряд исследований посвящены характерному для Боспора типу скульптуры — рельефным плитам, а также одному из самых популярных типов рельефной плиты в период сарматизации — плитам с изображениями всадников.

Мы должны отметить также, что скульптура Боспора привлекалась как исторический источник в обобщающих исторических исследованиях. Наиболее ярко это имеет место в книге В. Д. Блаватского «Пантикапей» (М., 1964). Культы и образы почитаемых божеств, портреты правителей Боспора, роль туземного населения и этнические типы, смена миропонимания населения на различных этапах его развития, процесс распада античной культуры и варваризация — все эти явления нашли свое выражение в скульптуре.

М. М. Кобылина

Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, 212 стр.

Прошлое Таврики давно привлекает самое пристальное внимание историков и археологов. Но эта земля столь богата памятниками старины, что еще и сейчас многие вопросы древней и средневековой истории остаются не вполне разрешенными, дискуссионными. Поэтому каждое новое издание, вводящее в научный оборот свежий материал, новые мысли, взгляды, гипотезы, несомненно, является желательным и актуальным.

Рецензируемый сборник — коллективный труд крымских археологов, базирующийся в основном на итогах их многолетних раскопок. Он открывается статьей «О локализации страны Дори», которая состоит из двух частей, написанных соответственно Э. И. Соломоник (стр. 11—27) и О. И. Домбровским (стр. 27—44). В первой дано подробное филологическое толкование текста Прокопия Кесарийского о длинных стенах и о стране Дори, во второй рассмотрена история исследования длинных стен и приведены новые археологические данные о них, полученные в результате разведок на Южном берегу Крыма и прилегающем горном массиве.

Проблема, поднятая в этой статье, является, пожалуй, решающей для правильного понимания всей раннесредневековой истории Крыма, так как она в конечном счете сводится к вопросу о расстановке политических сил в Таврике в дохазарский период. Еще П. Кеппен и Дюбуа де Монпере предложили два взаимоисключающих друг друга мнения о том, как нужно понимать указание Прокопия о стране Дори. В последнее время в науке получила решительное преобладание точка зрения Дюбуа де Монпере, по которой страна Дори была расположена в Юго-Западном Крыму между Главной горной грядой и владениями Херсонеса. Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский возвращаются к незаслуженно забытому мнению П. Кеппена, помещавшего страну Дори на южных склонах Главной гряды. Это мнение получает настолько полное и всестороннее обоснование, что вряд ли оно может вызвать какие-либо сомнения. Заметим с самого начала, что авторы совершенно справедливо настаивают на точности и достоверности сведений Прокопия. Подкрепленное многочисленными примерами из трактата «О постройках», это положение представляется вполне убедительным. Далее в статье не менее обоснованно показано, что Прокопий во всех своих трудах обычно пользовался одинаковой терминологией для определения идентичных явлений.

Попутно отметим, что новым словом в источниковедении является сравнение терминологии Прокопия и Фукидида, которые близки между собой общим методом исторического повествования и отдельными приемами.

Анализ текста Прокопия показывает, что средневековый автор дает достаточно сведений для того, чтобы без ненужных натяжек и перетолкований локализовать страну Дори на южном берегу Крыма. Наиболее серьезное доказательство этого — наличие остатков длинных стен на перевалах Главной гряды (из указаний Прокопия следует, что именно здесь, скорее всего, и должны были находиться длинные стены). Перегораживание горных проходов, ущелий, перешейков или других доступных для продвижения противника мест было широко распространено с глубокой древности до позднего средневековья. Достаточно вспомнить знаменитые Киликийские ворота [1], укрепления Херсонеса Фракийского [2], стену на Истме, которая была построена «от моря до моря» во время греко-персидской войны [3]. С другой стороны, под μακρα τειχη всегда понимались именно стены, а не система отдельных крепостей, как считали

[1] Ксенофонт. Греческая история, IV, 4; Диодор, XIV, 20.
[2] Диодор. XIV, 36.
[3] Плутарх, Фемистокол, IX.

некоторые исследователи[4]. Именно в таком смысле упоминается этот термин у древних авторов[5], в эпиграфических памятниках[6], а также в сочинениях византийских писателей[7].

Но самое главное, что стены действительно найдены; они защищали перевалы Главной гряды и затрудняли, если вообще не перекрывали, доступ на Южный берег. Авторы данной рецензии осмотрели некоторые из найденных стен и лично убедились в том, что места для их сооружения выбраны не только чрезвычайно удачно, но и грамотно с фортификационной точки зрения.

Очень жаль, что в статье дано лишь беглое описание кладок вновь открытых стен. Вопрос этот весьма существенный, его правильное решение может помочь в обосновании времени сооружения стен. Многочисленные аналогии (в том числе византийские горизонты Абхазской стены, укрепления Сердики и пр.) свидетельствуют о том, что для оборонительных сооружений юстиниановского времени совсем не обязательной была регулярная квадровая кладка; многие из них построены из бутового камня. Можно пожелать, чтобы авторы в дополнение к приведенным кратким описаниям дали полную публикацию всех собранных ими данных о постройках на перевалах с подробной характеристикой кладок, керамических и других датирующих материалов.

В рецензируемой работе, к сожалению, отсутствует ситуационная карта, показывающая остатки длинных стен. Это мешает следить за мыслью авторов. Правда, такая карта приведена в более ранней статье О. И. Домбровского[8], но следовало бы ее повторить и, возможно, дополнить. Ведь из опубликованной карты ясно, что восточная граница страны Дори остается как бы незамкнутой, в то время как у П. Кеппена имеются неиспользованные авторами указания на остатки подобных же стен над юго-восточным побережьем в районе Кара-Дага и Отуз[9]; система длинных стен могла простираться к востоку дальше, чем это прослежено авторами.

Подчеркивая, таким образом, необходимость дальнейших углубленных исследований и уточнений, мы считаем возможным констатировать, что проблема местоположения прокопиевых длинных стен страны Дори в основном близка к решению.

Прямое подтверждение мнения О. И. Домбровского и Э. И. Соломоник мы находим в статье Е. В. Веймарна «О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма» (стр. 45—82). На основании археологических данных, полученных в ходе раскопок 1956—1959 гг., автор лишний раз указывает на неодновременность возникновения «пещерных городов» и укреплений Юго-Западной Таврики, подрывая тем самым позиции сторонников отождествления их с «длинными стенами».

В статье Е. В. Веймарна привлекает размах описанных работ и всесторонность охвата темы: скрупулезно проанализированы все предшествующие исследования, раскопки произведены в целом ряде мест на городище Чуфут-Кале и вокруг него, вскрыты интересные объекты, такие как система рвов перед «средней» стеной, подземный ход, зерновая яма, водопровод. Автор впервые обратил внимание на сбросы за пределами городских стен; такое направление археологического поиска оказалось весьма плодотворным; здесь вскрыты мусорные ямы, отражающие все этапы жизни города. Вместе с двумя неясными вопросами, на разрешении которых Е. В. Веймарн сосредоточил основное внимание, им попутно поднят еще целый комплекс проблем: о наличии базилики на Чуфут-Кале, о времени сооружения «средней» оборонительной стены, о принадлежности могильника VI—VIII вв. на юго-западном склоне плато и пр.

В старый спор о местонахождении города Фуллы в результате исследований Е. В. Веймарна внесена некоторая ясность. Может быть принят его негативный вывод: Чуфут-Кале нельзя отождествлять с этим городом. Автор склонен видеть Фуллы в городище Кыз-Кермен. Эту любопытную гипотезу, хотя и не обоснованную достаточным фактическим материалом, все же можно принять как одну из вероятных. Не менее интересна попытка Е. В. Веймарна определить границы Мангупского княжества во второй половине XV в., однако и здесь подыскать достаточные доказательства в пользу предложенного решения чрезвычайно трудно.

Статья О. И. Домбровского о памятниках Бойки (стр. 83—96) открывает читателю настоящий заповедник различных средневековых сооружений, взаимно связанных. Расположенный в самом центре юго-западного нагорья Крыма, этот комплекс выделяется даже здесь обилием и многообразием входивших в него памятников. Это и поселения, и оборонительные стены, и сторожевые укрепления, и остат-

[4] В недавнее время М. А. Тихонова (МИА, 34, 1953; стр. 324) и А. Л. Якобсон (МИА, 63, 1959, стр. 124). Следует оговориться, что А. Л. Якобсон в одной из последних работ отказался от отождествления длинных стен с укреплениями Юго-Западного Крыма (Средневековый Крым, М.— Л., 1964, прим. 41 на стр. 153, 154).

[5] Фукидид, I, 107,1; II, 13,7; Плутарх. Алкивиад, XXXVII и др.

[6] Например, надпись ок. 328 до н. э. В. П. Зубов, Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира. М., 1940, стр. 359—361.

[7] Евагрий. Церковная история, III, 38; VI, 10; Феофилакт Самокатта, I, 7,1; Феофан. Летопись под годом 551, 575, 579.

[8] О. И. Домбровский. Стародавні стіни на перевалах Головного пасма Кримських гір. Археологія, XII, Київ, 1961, рис. 1 на стр. 156.

[9] П. Кеппен. Крымский сборник. Спб., 1837, стр. 101—113.

ки производства, и большой храм базиликального типа. Обследование и введение в научный оборот нового интересного объекта является большой заслугой Отдела археологии Крыма ИА АН УССР.

Считаем нужным сделать одно замечание. В развалинах большого храма встретились два резных надгробия, одно из которых с надписью. Хотя перевод надписи и ее палеографический анализ не сделаны, все же стоило бы привести изображение надгробий; сама их форма и орнаментация могли бы служить указанием на датировку храма и связанных с ним стен.

В завершение статьи четко сформулированы дальнейшие задачи и основные направления археологического исследования этого интереснейшего памятника.

Две статьи М. А. Фронджуло, помещенные в сборнике, тесно связаны между собой. В них изложены главным образом результаты раскопок поселения на холме Тепсень в с. Планерском в 1957—1959 гг. (стр. 99—132), а также раскопок гончарных печей в Чабан-Куле и Канакской балке (стр. 133—151). Заслуживает пристального внимания ряд интересных выводов автора. Так, подчеркивается преемственная связь раннесредневековой и античной культур, прослеживаемая на памятниках Юго-Восточного Крыма, на конкретном материале рассматривается развитие античных традиций. Эта мысль находится в полном соответствии с положением о своеобразии приморских торгово-ремесленных центров, унаследованных от античности, что вполне естественно и характерно для Византии [10]. Представляются также важными для истории Юго-Восточного Крыма заключения М. А. Фронджуло о наличии собственного ремесленного производства, о торговых связях этого района.

К сожалению, работы не лишены ряда существенных недостатков. Отметим некоторые из них.

Прежде всего, вызывает недоумение, почему к первой статье («Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское в 1957—1959 гг.») не приложен ситуационный план всего памятника. Его отсутствие существенно затрудняет понимание описательной части работы. Нечетко выполнены планы и разрезы, сопровождающие описание; на них не видно, какие стены построены вперевязь, какие впритык, иногда не подчеркнуты дверные проемы, о которых идет речь, не обозначены обнаруженные в помещениях поверхности полов. В тексте везде идет речь о VIII—IX вв., а в легенде к сводному плану (рис. 2 на стр. 100) указаны остатки построек только VIII в.

Поздние слои и строительные остатки датируются XIII—XV вв. (стр. 102, 117—118). Такая обобщенная, суммарная датировка вряд ли может быть признана удачной и достаточной. Современная археологическая наука без труда отличает XIII в. от XV, а при наличии большого показательного материала и от XIV в. Комплекс именно таких разнообразных находок дала засыпь хозяйственной ямы, однако вещи из комплекса описаны бегло и датируются все теми же XIII—XV вв. Это тем более странно, что, судя по единственной иллюстрации, показывающей предметы из поздних слоев, здесь были и находки, которые можно отнести к более раннему времени. Так, на рис. 21 (стр. 119) приведен фрагмент поливного сосуда с врезным орнаментом в виде изображения пучков радиальных линий и стригилиев. Поливную керамику с таким орнаментом принято датировать XII в. [11]

Невольное внутреннее сопротивление читателя вызывает главный вывод автора о наличии особой северопричерноморской культуры. Вряд ли механическое соединение разнородных элементов можно классифицировать как культуру. Правильнее было бы говорить, как отмечено и в редакционном введении к сборнику, о локальном, восточнокрымском варианте какой-то одной широкой культуры.

Во второй статье М. А. Фронджуло («О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму») название не вполне соответствует содержанию, так как автор ограничивается описанием найденных при раскопках ремесленных изделий, но не рассматривает вопросов техники ремесла, организации производства, рабочей силы и др.

Обе статьи М. А. Фронджуло изобилуют совершенно ненужными повторениями. Отдельные находки описываются по два и даже три раза (см., например, стр. 115, 128, 144 — описание косы-горбуши; стр. 116, 128, 144 — описание мотыжек и т. п.) по два раза дословно приводятся те же выводы (стр. 123 и 143). Такие повторения неуместны, особенно в одной и той же книге. Их можно было легко избежать, слив две статьи в одну и выделив в ней раздел об изделиях ремесла.

Встречаются в статьях и досадные мелкие недостатки. Часты нечеткие выражения, формулировки: вызывает недоумение, например, такой термин, как «сарматомеотская кухонная посуда» (стр. 128); «печь не могла быть использована для отливки украшений» (вероятно, имеется в виду — для плавки металла, из которого делали украшения, стр. 110); вряд ли верхнюю часть подставки (стр. 117, рис. 19) следует называть конусом и т. д. О назначении одной и той же вещи в одном случае говорится предположительно, в другом — с уверенностью (стр. 109 и 128).

Несмотря на отмеченные недостатки, обе статьи вызывают большой интерес, так как вводят в научный оборот новый обширный материал.

[10] М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, 8, 1956.

[11] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 17, 1950, стр. 172—173, табл. II,*6—10*.

С раннего средневековья в Крыму получают широкое распространение плитовые могильники. Они мало привлекали к себе внимание исследователей и не получили должной оценки в специальной литературе. Такую задачу взяла на себя О. А. Махнева в статье «О плитовых могильниках средневекового Крыма»... (стр. 155—168). Здесь подробно рассмотрены интересные результаты раскопок Зареченского и Алуштинского могильников и сделан обзор всех плитовых могильников Крыма. Широкий охват материала позволил автору сделать обоснованные выводы о времени и обстоятельствах распространения в Крыму плитовых могил.

Статья не свободна от некоторых мелких недостатков. На наш взгляд, напрасно отнесены к плитовым могильникам погребальные сооружения в храмах. Сравнительный материал, приведенный для датировки ювелирных изделий из Алуштинского могильника, недостаточен, а отсюда и датировка их XIII в.— спорной.

Близки по содержанию заметка А. А. Щепинского «Средневековые погребения в грунтовых могилах близ Симферополя» (стр. 169—180) и его же совместно с Е. Н. Черепановой статья «Погребения поздних кочевников в Степном Крыму» (стр. 181—201). В обеих работах рассматриваются могильники средневекового населения, обитавшего в степных и предгорных районах Крыма.

Вопрос о местном населении крымской степи средневековья очень сложен и мало изучен. Можно сказать, что историческая наука делает только начальные шаги в этом направлении. В указанных работах впервые собраны все известные материалы по средневековым погребениям этого обширного района. Детально рассмотрены формы могильных сооружений и погребальный обряд, дана классификация находок, характерных для различных типов погребений.

Жаль, что авторами не поставлен вопрос об этнической принадлежности населения Степного Крыма. Нам кажется, что обильный материал открывает некоторые возможности в этом отношении. Впрочем, обязанность рецензентов говорить скорее о том, что есть в работе, а не о том, чего в ней нет. Тем более, что и А. А. Щепинский и Е. Н. Черепанова в других работах выступают как специалисты по первобытным культурам и, видимо, потому не берут на себя смелость решать спорные вопросы средневековья.

Очень важно включение в рецензируемый сборник описания архива А. Л. Бертье-Делагарда (стр. 205—212, автор обзора Е. Н. Черепанова). Весьма обширный, с большим количеством неопубликованных работ и материалов по самым различным вопросам архив крупнейшего ученого-нумизмата и специалиста в области античной и средневековой истории Крыма представляет несомненную ценность для исследователей. Возможности его использования были ограничены, с одной стороны, тем, что он хранится не в одном из центральных учреждений, а в областном краеведческом музее, с другой — тем, что еще недавно он был не только не разобран и не систематизирован, а даже считался утерянным. Опубликование своеобразного «путеводителя» по архиву безусловно поможет введению в научный оборот его материалов, позволит полнее использовать наследство А. Л. Бертье-Делагарда — ученого, к работам которого обращается каждый исследователь Крыма. Кстати, было бы целесообразно и другим музеям давать подобные информации в печати об имеющихся у них наиболее ценных архивных материалах.

Работы, входящие в сборник, написаны в целом на высоком научном и литературном уровне; в них приведен новый обширный материал, поставлены и квалифицировано разработаны важные проблемы. Можно пожелать, чтобы издание таких сборников стало регулярным, что, кстати, обещано в редакционном предисловии [12].

И. А. Антонова, В. Н. Даниленко

---

[12] Когда эта рецензия уже была сдана в редакцию, мы ознакомились с выступлением А. Л. Якобсона по поводу того же сборника (СА, 1971, 3, стр. 298—306), которое находим неубедительным. Оставляя в стороне его противоречивые суждения и многие неточности в освещении критикуемых им статей, ограничимся тремя замечаниями.

1) А. Л. Якобсон обвиняет авторов статьи «О локализации страны Дори» в том, что они датируют «длинные стены» П. Кеппена по керамике, найденной якобы «около» них и относящейся не к VI в., а к более позднему времени; из статьи же ясно, что эта керамика перекрывает остатки стен и определяет лишь то время, когда они превратились в развалины.

2) Возвращаясь к однажды им отвергнутой точке зрения, касающейся отождествления укреплений Юго-Западного Крыма с «длинными стенами» Прокопия, А. Л. Якобсон не приводит никаких новых данных, а просто повторяет положения, которые критически рассмотрены в рецензируемых им статьях Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского, а частично и Е. В. Веймарна, и по существу не дает на них ответа.

3) А. Л. Якобсон считает, что авторы статьи о стране Дори «умалчивают о критике, которой подверглась их концепция» (стр. 301), в действительности же эта статья (кстати, снабженная ссылками на соответствующие работы Д. Л. Талиса и А. Л. Якобсона) является, по нашему мнению, прямым ответом на критику и отнюдь не содержит «произвольной и неубедительной трактовки сообщений Прокопия».

Хроника

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ НА ПЛЕНУМЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

С 1 по 3 декабря 1970 г. в Москве проходил пленум Научно-методического совета (НМС) по охране памятников истории и культуры Министерства культуры СССР на тему «Претворение ленинских заветов по изучению и сохранению памятников культуры». В работе пленума приняли участие более 300 человек,— представители министерств, научных учреждений и обществ охраны памятников большинства союзных республик и отдельных областей.

Основной задачей пленума явилось обсуждение итогов исследований за предшествующее пятилетие и перспектив развития дела охраны памятников, вопросов выявления, учета, изучения, пропаганды и использования памятников культуры, а также координации действий научно-исследовательских учреждений в этой области.

Открывая пленум, заместитель председателя президиума Научно-методического совета О. Н. Бадер подчеркнул, что он проходит в год 100-летия со дня рождения великого основателя Советского государства В. И. Ленина. Лучшим проявлением памяти о Ленине должно быть претворение в жизнь ленинских заветов о бережном отношении к культурному наследию, об использовании духовного богатства прошлого в создании нового общества и его культуры.

Директор института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков в своем докладе отметил большие достижения археологической науки в изучении отдельных археологических культур, различных форм хозяйства, социального строя, этнических процессов, хронологии и т. д. Первоначальным этапом исследования археологических памятников является их выявление и учет. Сейчас эти работы развертываются особенно широко в связи с намечающимся изданием полного Свода памятников культуры СССР. В деле определения регионов исследования на первое место выдвигаются районы новостроек — гидростанций, водохранилищ, мелиоративных сооружений, транспортных магистралей, массовой жилой застройки и пр. Гигантский масштаб строительных работ в стране, несмотря на значительные суммы, отпускаемые государством на раскопки, приводит к гибели огромного количества порой первоклассных памятников. Такое положение обусловлено, по мнению докладчика, острой нехваткой кадров специалистов, особенно на местах. Отрадный факт бурного развития краеведения в последние годы, однако, таит опасность исследования археологических памятников неквалифицированными людьми и гибели их для науки. Известны также факты самовольных раскопок не только любителями, но и специалистами — без открытых листов и представления отчетов. Иногда возникают трудности при предоставлении открытых листов специалистам в некоторых союзных республиках. Б. А. Рыбаков отметил, что устранению подобных недостатков будет способствовать создание единого центра по координации археологических исследований в стране. Для подъема уровня краеведческой работы необходимо создание ряда руководств по методике археологических исследований, возможно, создание информационного центра и т. п.

Важным моментом является также вопрос хранения музейных археологических коллекций, особенно при дальнейшем увеличении объема работ. Такой материал должен стать не только музейным экспозиционным материалом, но и научным материалом для исследований. Докладчик обратил также внимание на возможности использования раскопанных памятников археологии, как объектов туристического показа.

Директор Института истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР акад. А. П. Окладников выступил с докладом «Итоги проведенных археологических исследований и задачи по изучению и охране памятников в Сибири». Результатом историко-археологических исследований Сибири и Дальнего Востока за последние годы являются пятитомная «История Сибири», ряд специальных работ обобщающего характера по археологии и по отдельным периодам сибирской

истории. А. П. Окладников отметил, что если при крупных строительствах, хотя далеко и неполностью, памятники обследуются, то при работах местного значения гибнет много возможных объектов исследования. Докладчик связывает этот факт и с малочисленностью кадров, и с отсутствием единого руководящего методического центра. Первостепенным делом, по его мнению, является учет и охрана памятников. При этом необходима подготовка охранных мероприятий государственного масштаба: создание заповедников, утверждение охранных зон и т. п. В Сибири остро стоит проблема сохранения писаниц, особенно в связи с ростом массового туризма. Удачные попытки консервации раскопанных объектов в Сибири говорят о широких перспективах в области охраны памятников археологии и использовании их.

В настоящее время в связи с ростом краеведения и туризма на первый план выдвигаются вопросы пропаганды — издание научно-популярной литературы, красочных альбомов, буклетов, значков, сувениров, создание документальных фильмов. При этом следует учитывать, что туризм при правильной организации дает экономический эффект. Часть доклада А. П. Окладникова была посвящена вопросам охраны памятников архитектуры в Сибири.

На заседаниях секции археологии были заслушаны доклады, посвященные учету археологических памятников, работе государственных органов охраны памятников, научно-исследовательских учреждений и обществ и т. п.

Во вступительном слове председатель секции О. Н. Бадер (ИА АН СССР) отметил, что в силу всей специфики археологические памятники подвержены при неправильном к ним отношении наиболее быстрому уничтожению — отсюда и особая острота проблемы их успешного выявления и охраны. Отметив положительные стороны работы НМС по разработке теоретических и методических вопросов охраны памятников археологии, О. Н. Бадер указал на то, что отсутствие новой редакции «Закона об охране памятников культуры» снижает эффективность деятельности организаций, созданных для охраны. Сказывается в большинстве случаев и отсутствие археологов среди работников министерств и управлений культуры. Недооценка значения огромного культурного наследия грозит нанести непоправимый ущерб. Эта проблема важна особенно в современный период огромной перестройки и проектировки городов и сел, размаха строительства гидротехнических, промышленных, транспортных сооружений. Создание Свода памятников — задача первостепенного значения в деле сохранения, изучения и популяризации памятников культуры; археологическая карта — основа дальнейших исследований.

Д. Я. Телегин (ИА АН УССР) рассказал об охране памятников археологии на Украине. Важным моментом явилось создание в 1967 г. Институтом археологии краткого списка памятников археологии и организация Министерством культуры и Обществом охраны памятников при ИА АН УССР курсов по повышению квалификации археологических кадров. По всей республике составляются списки археологических памятников на местах и утверждаются к охране облисполкомами и райисполкомами. Докладчик отметил, что отсутствие координации между организациями, занимающимися охраной памятников,— Министерством, Обществом, Институтом археологии и краеведами республик — в дальнейшем будет отрицательно сказываться на работе. Дают себя знать нехватка кадров (в семи областях нет археологов), трудности в работе инспекторов по охране — отсутствие транспорта, денег. Далее докладчик остановился на вопросах охраны археологических памятников при новостроечных работах. Заслуживает особого внимания опыт создания областных, постоянно действующих археологических экспедиций. В целях улучшения дела охраны на Украине подготавливается издание справочника археологических памятников для каждой области. С 1971 г. начинается централизованная установка на памятниках опознавательных знаков.

В докладе Г. В. Штыхова (ИИ АН БССР) отмечена особая важность новой редакции «Закона об охране памятников культуры» в Белоруссии. Большую роль в деле улучшения охраны призваны сыграть новый журнал «История культуры Белоруссии» и научно-популярные археологические карты, создаваемые Обществом охраны памятников культуры. Далее докладчик рассказал о плановых исследованиях института, намеченных на ближайшие годы, и о расширении их в связи с новостроечными и мелиоративными работами.

В. А. Лыугас (ИИ АН ЭстССР) осветил археологические работы в республике в последние годы, особо отметив значение научных исследований для открытия новых памятников. Основным тормозом в развитии археологических работ в республике является ограниченность средств, выделяемых Академией наук и Министерством культуры. Важнейшую роль для дальнейших успешных исследований должна сыграть правильная постановка дела охраны памятников при поддержке партийных органов. В настоящее время в Эстонии все зафиксированные памятники археологии взяты под защиту закона. Некоторое отставание в последние годы в отношении публикаций сейчас интенсивно преодолевается.

Охарактеризовав историю развития и направление археологических исследований в Литве в предшествующее время, В. Даугудис (НМС МК ЛитССР) остановился на работах последних лет, проводимых различными археологическими учреждениями республики, особенно с целью выявления и учета памятников. Интересен опыт НМС Министерства культуры по составлению картотеки памятников (отчеты,

чертежи, графики и пр.) — основы для издания Свода памятников культуры СССР.

Г. Д. Ременко (ООПИК, МолдССР) отметил большое значение принятого Закона об охране памятников и постановлений правительства Молдавии, обеспечивающих действенную охрану памятников культуры. Однако по-прежнему тяжелым остается положение с консервацией и реставрацией исследуемых объектов в связи с незначительностью кадров реставраторов. Видимо, в этом необходима помощь центральных научно-исследовательских реставрационных организаций. На повестке дня также стоит создание археологического музея в Кишиневе.

Д. А. Халилов (ИИ АН АзербССР) отметил, что отсутствие настоящей работы по составлению археологической карты, и в первую очередь по выявлению и учету памятников, влечет за собой их разрушение, создает трудности в осуществлении действенной охраны и изучения памятников. Сейчас эти работы стали постепенно развертываться. Докладчик высказал мысль о необходимости совместной и согласованной деятельности охранных и исследовательских учреждений республики. Тревожное положение складывается в вопросах подготовки кадров археологов, реставраторов и других специалистов по охране и исследованию памятников культуры.

Доклад Д. А. Крайнова (ИА АН СССР) был посвящен ходу изучения памятников археологии и составления археологической карты Ярославской, Ивановской и Калининской областей. Очень важен опыт Верхне-Волжской экспедиции, работающей в тесной связи и при финансовой поддержке управлений культуры этих областей. Экспедиция опирается также на местные пединституты и краеведческие музеи, что позволяет проводить охранные и исследовательские работы в широком масштабе, а также повышать квалификацию местных археологических кадров. В настоящее время уже составлена археологическая карта Ивановской области и проводится сбор материалов для создания карт Ярославской и Калининской областей. Вся эта работа ведется в плане подготовки Свода. Докладчик предложил включить в Свод памятников все археологические объекты, что обеспечит их учет, охраны и исследование в дальнейшем. В Ивановской области, где хорошо поставлен учет памятников, уже установлены охранные знаки на них, и это сразу привело к более бережному отношению к ним населения. Д. А. Крайнов предложил при разработке «Закона об охране памятников» указать на ответственность местных органов власти за сохранность памятников. В заключение докладчик остановился на вопросе правильной организации методической работы по охране памятников в школах, кружках и печати.

А. Д. Столяр (ЛГУ) подчеркнул, что основная задача кафедры археологии ЛГУ — обеспечение деятельности по охране памятников научной базой (документация, определение и учет памятников, полевое обследование, разведочные и охранные работы в необходимых случаях). Научные силы кафедры принимают участие в составлении археологических карт Ленинградской и Ростовской областей и в исследованиях памятников других территорий. Докладчик поставил вопрос о необходимости подготовки высококвалифицированных кадров по охране памятников культуры с археолого-искусствоведческим профилем. По поручению и заявкам Министерства культуры СССР кафедра археологии ЛГУ готова принять на себя подготовку 6—10 таких специалистов в год.

Выступление Ю. А. Саввateева (Ин-т яз., лит. и ист. Карельск. фил. АН СССР) было посвящено охране знаменитых беломорских петроглифов и неблагополучию в этом деле.

Б. А. Шрамко (ХГУ) рассказал о методах работы по выявлению и учету памятников археологии, используемых в работе кафедры археологии ХГУ и Харьковского общества охраны памятников,— археологических разведках и рассылке анкет на места. Докладчик высказал мысль о необходимости заключения долгосрочных договоров на археологические работы с заинтересованными организациями, что обеспечит успешные учет и охрану памятников. Обязательным, вероятно, явилось бы наличие в областных отделениях общества высококвалифицированных специалистов-инспекторов. Докладчик отметил, что в новом «Законе об охране памятников» следует заострить вопрос об ответственности за разрушения не только памятников, но и охранных знаков. Б. А. Шрамко сделал также ряд предложений по пресечению самовольных раскопок. В заключение докладчик остановился на вопросах подготовки справочников по памятникам археологии и на пропагандистской работе.

В. И. Матющенко (Томск. ГУ) рассказал о направлениях работы кафедры археологии и этнографии Томского университета по выявлению и изучению археологических памятников. Кафедра прилагает все усилия для лучшей согласованности и координации действий различных научных учреждений, занимающихся изучением Западной Сибири. Докладчик поставил вопрос о более эффективном использовании археологических кадров, подготавливаемых университетом. Сейчас очень хороший опыт по осуществлению необходимого контроля и археологического наблюдения за ходом строительства и привлечению средств хозяйственных организаций для изучения археологических памятников накоплен Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете.

Докладчик предложил принять меры к активизации работ Управлений культуры облисполкомов по организации охраны памятников археологии.

В докладе Н. Л. Степановой (Управление культуры Новгородского облис-

полкома) подведен итог большой работы, проведенной различными научными, краеведческими и общественными организациями по выявлению и учету археологических памятников. В результате подготовлен аннотированный список памятников к археологической карте. Однако завершенный два года назад, он до сих пор не издан. Сейчас разработан список памятников археологии, которые необходимо поставить на госохрану. Особенно важный опыт в деле охраны культурного слоя и определения охранных зон накоплен в г. Новгороде и Старой Русе. Сейчас на местах требуются методические рекомендации по сохранению отдельных памятников и целых городов.

О характере и тематике работы секции археологии Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР доложила В. В. Борисова. Присутствующие были ознакомлены с планами и задачами работы созданной в НМС в 1970 г. группы археологии. Одной из важнейших функций НМС должна стать координационная и информационная деятельность в качестве посредника между планирующими и строительными организациями и научно-исследовательскими учреждениями. Секция археологии НМС предполагает популяризировать современные передовые методы полевых исследований. Большую роль в дальнейшем будет играть инспекционная деятельность НМС.

Затем развернулись прения.

Л. А. Евтюхова (ИА АН СССР) выступила с предложением организации учета школьных музеев и контроля над их работой для обеспечения сохранности их материалов для науки. Это предложение поддержали А. Д. Столяр, Г. А. Панкрушев (Ин-т яз., лит и ист. Карельск. фил. АН СССР). Д. А. Халилов отметил необходимость шефства научных учреждений над школьными музеями, В. А. Сафронов (НМС МК СССР) предложил организовать хранение наиболее ценных для науки материалов из школьных музеев в государственных хранилищах и совместно с Министерством просвещения содействовать количественному и качественному росту школьных музеев. О. Н. Бадер выступил с предложнием разработать в НМС варианты школьных музеев, а также их права и обязанности.

В выступлении В. Я. Яника (МГУ) была высказана мысль о необходимости провести в жизнь постановления об охране культурного слоя в древних городах, определив взаимоотношения с органами, ведающими застройкой городов и сельских районов и согласовав их планы с научно-исследовательскими работами. Это предложение поддержал также Д. Я. Телегин.

С. Н. Бибиков (ИА АН УССР) предложил НМС разработать рекомендации по унификации государственных знаков на памятниках культуры, а также выработать определенный модус в составлении археологических карт. Предложения обобщить опыт и выработать определенные предложения по упорядочению охранных знаков поддержали Д. Я. Телегин, В. А. Сафронов, О. Н. Бадер.

О. Н. Бадер высказался в пользу созыва совещания по вопросу унификации методики составления археологических карт, сводных картотек, паспортов, охранных знаков.

О необходимости массовости в работе по охране памятников культуры и использовании университетов культуры для этих целей говорил в своем выступлении А. Д. Столяр. Он подчеркнул важность подготовки инспекторов высокой квалификации по охране памятников и поддержал мысль о работе НМС МК СССР по координации планов крупных новостроечных работ с исследовательскими планами археологических учреждений.

Д. Я. Телегин предложил разработать четкую научную классификацию различных форм охраны памятников археологии. Он возражал против выдачи открытых листов на памятники всесоюзного значения Научно-методическим советом. О. Н. Бадер высказал мысль о необходимости регистрации листов на раскопку этих памятников в НМС.

В результате работы секции была принята резолюция, представленная составной частью в общей резолюции пленума НМС МК СССР.

В. В. Дворниченко

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

За последнее время в Загорской Троице-Сергиевой лавре выполнены и ведутся большие работы, которые следует расценивать не как реставрацию, а как реконструкцию, искажающую памятник. В продолжении столетий складывался комплекс Троице-Сергиевой лавры. Ее образ и художественные решения вошли в традицию и определили вид прекрасного, неповторимого ансамбля. Многоцветный праздничный строй лавры утвердился в сознании русских людей. Лучшие русские художники запечатлевали лавру в своих произведениях.

В результате ведущихся сейчас реставрационных работ (архитектор Балдин) ансамбль теряет свой характерный вид и становится безликим, приглаженным под общий дешевый реставрационный пошиб. Мы, загорские художники, считаем, что ничем не обоснованное уродование Троице-Сергиевой лавры и посада — памятни-

ков, которые несут в себе неповторимые черты, вошедшие в сокровищницу русской культуры, надо прекратить.

Мы просим редакцию журнала «Советская археология» привлечь внимание общественности и компетентных учреждений к обсуждению произведенных и намеченных к осуществлению работ по реставрации и реконструкции лавры, выяснить степень научности и обоснованности этих работ.

В статье И. В. Трофимова (СА, 1970, № 4) своевременно поднят ряд вопросов о реставрации лавры и о бережном и вдумчивом отношении к культурному наследию.

Группа загорских художников — членов Союза советских художников (всего 19 подписей)

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» АКАДЕМИИ НАУК СССР

Недавно я прочитал опубликованную в вашем журнале (1970, 4) статью архитектора И. В. Трофимова «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры». На нас, практиков реставрационного дела, статья эта производит тем более сильное впечатление, что затрагивает вопросы не только нашей собственной работы, но, несомненно, и современной отечественной научной реставрации памятников архитектуры в целом.

Неизбежная субъективность анализа приведенного в статье конкретного примера (критика автором реставрации и работы, продолжающейся без его участия) ни в малейшей степени не нарушает справедливости принципиальных положений И. В. Трофимова для научной реставрации наших памятников архитектуры.

Искусство отбора и выявление наиболее ценных качеств памятника, раскрытие его историко-культурного и художественного оптимума как философской идеи, сложившейся в процессе длительного развития сооружений,— не является ли это действительно той самой главной задачей, без постановки которой подлинная научная реставрация памятников архитектуры немыслима? Основные принципиальные вопросы такой реставрации в каждом конкретном случае могут решаться только индивидуально и только творчески.

Ведь если, как говорит И. В. Трофимов, «рассматривать реставрацию отдельного памятника даже изолированно от ансамбля и только чисто с внешней стороны..., то после удаления позднейших наслоений памятник должен быть понятен». И далее: «Приведенные примеры говорят... о несостоятельности идеи возврата памятника к своему изначальному виду «во что бы то ни стало», без учета привнесенных временем изменений».

Для Ленинграда такое положение особенно убедительно. В прошлом это было и развитие лучших качеств основной градостроительной идеи сооружения (оформление Захаровым коробовского адмиралтейства) и свободная ее трасформация (интерьеры Зимнего дворца, исполненные Стасовым после пожара) и, наконец, беспрецедентный в мировой реставрационной практике факт возрождения великолепных дворцовых ансамблей, уничтоженных врагами во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Силами Специальных научно-реставрационных производственных мастерских и некоторых других организаций в Ленинграде проводится огромная работа по воссозданию заново, капитальному и высококачественному косметическому ремонту памятников архитектуры, главным образом дворцового типа.

Однако сейчас, когда не менее важной задачей реставраторов следует считать максимальное сохранение и научно обоснованную реставрацию большинства зданий и целых микрорайонов старого города (в том числе и не находящихся под государственной охраной, но создающих наряду со всемирно известными ансамблями основу его историко-художественного образа), у нас, как и в случае с Троице-Сергиевой лаврой, нет еще ни перспективного планирования, ни соответственно экономической и организационной базы для такого дела.

Вопрос, поднятый архитектором И. В. Трофимовым, является, таким образом, не только утверждением автором какого-то личного кредо, относящегося к его конкретной творческой практике.

Пример с реставрацией Троице-Сергиевой лавры типичен для Ленинграда, и для большинства наших историко-архитектурных центров. Именно это делает статью И. В. Трофимова особенно актуальной. Вот почему положением с реставрацией Троице-Сергиевой лавры следует заняться уже для того, чтобы на основании практического эксперимента показать пути разрешения главных проблем подлинно научной, творчески продуманной, максимально законченной реставрации памятников нашей архитектуры.

А. Э. Гессен

РЕШЕНИЕ РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА АРХИТЕКТОРОВ СССР ПО ОБСУЖДЕНИЮ СТАТЬИ И. В. ТРОФИМОВА «О ПРИНЦИПАХ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ»

Журнал «Советская археология» в № 4 за 1970 г. поместил статью И. В. Трофимова «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры», в которой высказаны серьезные обвинения в адрес государственных органов охраны памятников культуры и резко критикуются реставрационные работы по этому уникальному ансамблю древнерусского зодчества.

Публикация подобного материала на страницах серьезного научного журнала заставляет отнестись к нему с должным вниманием, и поэтому секция изучения и охраны памятников Московской организации Союза архитекторов поручила специальной комиссии (кандидатам наук В. Либсону, А. Харламовой и Е. Щукиной) проверить правильность изложенных в статье фактов и организовала ее широкое общественное обсуждение.

Автор статьи, занимавшийся ранее реставрацией памятников Троице-Сергиевой лавры, выступает под видом критики Программы реставрационных работ, утвержденной Министерством культуры РСФСР и Мособлисполкомом по выполнению постановления правительства РСФСР о создании в Загорске туристского центра (1969 г.).

Разбору Программы работ автор предпосылает изложение своих взглядов по вопросам методики реставрации, призванное дать теоретическую основу всем дальнейшим рассуждениям. Уже эта теоретическая часть статьи вызывает серьезные возражения, а воззрения автора со ссылками на мнения Рёскина и Виолле-ле-Дюка, т. е. высказывания более чем столетней давности, представляются в наше время странным анахронизмом. Так, И. В. Трофимов пытается возродить представление о непременной реставрации памятников на так называемую «оптимальную дату» — «момент наивысшего художественного расцвета» (стр. 75) и категорически отвергает метод фрагментарной реставрации, совмещающей восстановление разновременных элементов, сохранившихся на памятнике,— метод, широко утвердившийся в настоящее время во всей мировой практике (стр. 76).

В качестве «образца» реставрационной методики автор статьи выдвигает свою работу по реставрации Больничных палат с церковью Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевой лавре (1938—1950 гг.), где, по его же определению, была произведена «докомпоновка воссоздаваемых конструктивных систем», выполненная таким образом, что «претензии могут быть предъявлены лишь к чисто внешней стороне — к архитектурной трактовке деталей, но это уже претензия к художественному почерку реставратора» (стр. 77). Неудивительно, что эта работа, внесшая в древнее сооружение новый «художественный почерк», стала у реставраторов общепризнанным образцом порочной методики: здесь без явной необходимости была разобрана древняя трапезная XVII в. с тем, чтобы вместо нее произвольно добавить два новых крыльца с весьма сомнительной стилизацией архитектуры; при этом, несмотря на сохранившуюся первоначальную побелку стен древнего здания, имевшуюся в натуре, памятник при реставрации был раскрашен в ярко-красный цвет с белыми деталями, из-за чего рядовые Больничные палаты стали выглядеть едва ли не самыми нарядными в центре монастыря, нарушая историко-функциональную и архитектурно-художественную взаимосвязь зданий в ансамбле.

Среди других теоретических высказываний автора особенно настораживает еще одно «положение» в рассматриваемой статье и особенно в книге-отчете о выполненных работах в 1938—1950 гг. («Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследование и реставрация», 1960 г.) И. В. Трофимов ставит себе в заслугу, что все работы производились им не на основе тщательных предварительных исследований и без заранее изготовленных проектов, а, наоборот, велось «создание проектов реставрации памятников Загорского музея методом производства работ в натуре». Этот путь, допустимый только в самых редчайших случаях, возводится им в степень непременного условия: «всякое предварительное, до начала работ, создание проектов реставрации в большинстве случаев является не реальным, а иногда и вредным» (!), (ук. соч., стр. 28). Нечего и говорить, что такая «научная доктрина» находится в грубом противоречии с общепризнанной методикой реставрационных работ и действующими государственными инструкциями, лишает органы охраны возможности предварительного рассмотрения и утверждения проектов, а также правильного планирования распределения средств.

Понятно, что такой антинаучный метод не мог способствовать глубокому исследованию ансамбля и вредно сказался на общей организации работ того времени, когда в условиях аварийности большинства зданий монастыря львиная доля средств поглощалась вслепую «на создание проекта» Больничных палат, реставрация которых «путем раскрытия в натуре» растянулась более чем на 12 лет, но так и не бы-

ла полностью окончена [1]. И не случайно, к 1951 г. продолжали оставаться в угрожающем состоянии конструкции Водяной башни, из-за длительной неисправности кровли обрушились несколько ярусов промокших сводов так называемых Бондарных палат (акт от 22.IV.1950 г.), в ряде мест красовались таблички — «опасно для жизни», многолетняя замусоренность территории нарушила систему ливнестоков и т. д.

Председатель комиссии по учету и охране памятников искусства Комитета по делам искусств при СМ РСФСР акад. И. Грабарь специально писал по этому поводу: «В Государственном Загорском историко-художественном музее-заповеднике реставрационные работы в течении ряда лет производятся Республиканской реставрационной мастерской... В связи с тем, что качество работ, проводимых мастерской, неудовлетворительно главным образом из-за отсутствия постоянного архитектурного надзора и невозможности приглашения для консультации крупных специалистов, а также по ряду других причин», И. Грабарь просил начальник Центральных научно-реставрационных мастерских (ЦНРМ) Академии архитектуры СССР взять эти проекты на себя и «в интересах дела... поручить архитектору В. И. Балдину, живущему в Загорске, хорошо знакомому с его архитектурными памятниками и их реставрацией, требующей постоянного наблюдения» (письмо № ГИЗО-843 от 8.II.1952 г.).

Естественно, что автору статьи чужд метод работы, принятый ЦНРМ по исследованию и реставрации этого сложного ансамбля, когда ни одна работа не начиналась без глубоких предварительных исследований и широкого обсуждения их специалистами — Реставрационно-техническим советом ЦНРМ. Научно-методическим советом Академии наук СССР (теперь Министерства культуры СССР), а также без официального утверждения проекта реставрации органами охраны памятников в установленном порядке.

В первую очередь были произведены исследования и разработана проектная документация по проведению работ на аварийных зданиях, выявлена и отремонтирована древняя система ливнестоков, реконструирована сеть инженерных коммуникаций; для специальных геологических изысканий по определению причин деформации ряда зданий поручением правительства привлекался Мосгоргеотрест, обмер выполнялся с помощью фотостереограмметрии, производство работ велось Специальной научно-реставрационной производственной реставрационной мастерской Московской области (теперь трест «Мособлстройреставрация»), в состав которой вошел Загорский стройучасток.

Наряду с этим на основании тщательного изучения памятников в натуре, их обмеров и раскрытий архитектором В. И. Балдиным был собран материал, который позволил с необходимой научной достоверностью не только представить первоначальный облик каждого здания монастыря, но и проследить их последующее развитие (или искажение) на протяжении всей исторической жизни ансамбля. Данные исследования, сведенные в графические и объемные реконструкции по разным этапам развития ансамбля, дали возможность в наглядно-конкретной форме проанализировать закономерности формирования его художественного облика, рассмотреть пути становления и развития объемно-планировочной структуры, силуэта и цветового решения с учетом конкретных исторических условий и окружения.

На базе проведенных исследований были затем разработаны комплексный проект реставрации ансамбля в целом, проектная документация на реставрацию каждого здания, входящего в его состав, проекты вертикальной планировки, реконструкции центральной площади города, примыкающей к монастырю, отграничения охранных зон и их благоустройства и т. д. (См. перечень проектной документации в архивах ЦНРМ и Управления культуры области). В 1956—1959 гг. с территории монастыря были выселены все учреждения и более 1000 жильцов в специально отстроенные дома. Это открыло новые возможности для реставрационных работ, а проведенные исследования и подготовленная научно-проектная документация позволили развернуть реставрацию ансамбля широким фронтом.

Помимо обсуждений и официального рассмотрения проектов широко практиковались также научные сообщения и публикации материалов исследования Троице-Сергиевой лавры [2]. Характерно, что в конце статьи отмечается, что В. Балдин «в своих литературных трудах проповедует, по существу, те же принципы реставрации, которые проводились в работах по лаврскому ансамблю в 1938—1950 гг.», но тут же следует оговорка: «принципы, резко расходящиеся с действительной практикой его работ».

---

[1] Рассмотрение проекта реставрации Больничных палат утверждающими инстанциями состоялось только 10 лет спустя после начала реставрационных работ — в 1948 г., но и тогда автор не мог представить ни обмерные чертежи, ни пояснительную записку (Протокол ГУОП от 19.VII.1948 г.). Раставрационные работы были завершены к 1962 г. с сооружением сводов над южным крылом здания.

[2] В. Балдин. Архитектура Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Сб. «Архитектурное наследство», 6, 1956; Троице-Сергиева лавра. М., 1958; Загорск. Архитектура городов СССР. М., 1958; Красная башня Троице-Сергиевой лавры. Исследование и проект реставрации. Сб. «Сообщения Загорского музея-заповедника», 3. Загорск, 1960; Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники, раздел Архитектура. М., 1968; Метод исследования архитектурных ансамблей древнерусского зодчества. «Архитектура СССР», 1969, 6.

Что же инкриминируется автором статьи? Прежде всего идея «возврата каждого памятника к своему изначальному виду», которой будто бы стали подчиняться все работы. В доказательство приводится реставрация Введенской церкви, Успенского и Троицкого соборов, Духовской церкви. Ни один из указанных примеров (о Введенской церкви будет сказано позже) не подтверждает этого. Так, восстановление позакомарного покрытия Успенского собора совершенно не означает возврата его «к изначальному виду», так как сохраняются луковичные главы, сделанные в связи с надстройкой колокольни, и даже вычурное крыльцо XVIII в. с западного фасада.

Показательным примером творческого подхода к этим проблемам может служить реставрация Троицкого собора XV в., когда наряду с документальной реконструкцией его первоначального облика при практической реставрации был найден и восстановлен тот наиболее выразительный образ памятника с сохранением купола и кровли XVI в. и всех ценных пристроек, которые он получил в ходе исторического развития ансамбля. Пожалуй, только Духовская церковь XV в. представляет именно тот случай, когда памятнику смело можно было вернуть его изначальный вид, но и здесь реставраторы подошли осторожно и при восстановлении древнего покрытия и звонницы церкви в 1960 г. не спешили с разборкой позднего купола, а оставили решение вопроса о его замене на последующее время.

И. В. Трофимов выдвигает и ряд других необоснованных обвинений в адрес реставраторов Троице-Сергиевой лавры: так, например, он говорит о слишком больших размерах угловых закомар Духовской церкви, восстановленных в действительности по совершенно бесспорным натурным остаткам; столь же неверны заключения автора о якобы губительном значении для конструктивной устойчивости Успенского собора разборки поздних накладок над закомарами по периметру стен здания.

Конкретное претворение научной методики реставрации памятников — сложное и очень деликатное дело, поэтому критику любых реставрационных предложений следует рассматривать как явление закономерное и, более того, неизбежное. Вряд ли могут претендовать на абсолютную бесспорность также и предложения по реставрации Троице-Сергиевой лавры. В частности, можно дискуссировать о том, прав ли В. И. Балдин, совместивший сохранение позднейших глав Успенского собора с восстановлением первоначального позакомарного покрытия, подобно тому как это было сделано до него при реставрации Новгородской Софии, церкви Спаса на Нередице, Софийского собора в Вологде, Успенского собора в Ростове и на ряде других памятников. Однако никакая критика не может и не должна игнорировать два обстоятельства: во-первых, все эти осуществленные проектные предложения не беспочвенны, а имеют под собой убедительные обоснования, и, во-вторых, до осуществления в натуре они неоднократно служили предметом внимательного рассмотрения и обсуждения научной общественностью. Поэтому та категорическая форма, в которой излагает свои критические суждения И. В. Трофимов, абсолютно неправомерна для научной дискуссии.

Так, например, он позволяет себе крайне абсурдное заявление, что утвержденная Министерством культуры и Мособлисполкомом Программа реставрации «не соответствует своему названию, так как является по существу перечнем строительства новых сооружений, для возведения которых нет никакой конструктивной необходимости, и в большинстве случаев полностью отсутствуют документальные данные» (!). Грубо извращая смысл намечаемых работ, автор сообщает далее, что, «например, проектируется уничтожение башни «святых ворот»... и возведение на ее месте новой башни» (!!!).

Как же обстоит дело в действительности? В период работы автора статьи в Троице-Сергиевой лавре он считал (без убедительных доказательств), что древняя воротная башня не сохранилась. По специальному поручению акад. И. Э. Грабаря ЦНРМ провели тщательное исследование памятника и установили, что полный объем Красной башни (XVI—XVII вв. существует в натуре, а в 1856 г. она была «не столько перестроена, сколько надстроена» (протокол НМС с участием акад. И. Э. Грабаря от 14.VI.1957 г.). По заказу музея (письмо от 10.II.1958 г.) разработан проект реставрации этой башни (инв. 636, 1958 г.), который кроме обычных рассмотрений в органах охраны и НМС обсуждался также и в музее, где было решено: «Одобрить проект реставрации Красной башни; считать это вполне обоснованным в научном отношении и приемлемым для практического осуществления» (Протокол от 17.XII.1958 г.). Материалы исследований и проект реставрации были опубликованы затем в «Сообщениях Загорского музея» (1960 г.). Таким образом, все разговоры автора об «уничтожении» башни и «возведении на ее месте новой» не соответствуют действительности [3].

---

[3] При одном из рассмотрений проекта в НМС было рекомендовано «учесть предложение об изготовлении дополнительного чертежа — проекта реставрации башни с показом позднейшей пристройки». (Протокол НМС от 3.VI.1958 г.). Извращая смысл этих чертежей, изготовленных для выявления возможных сочетаний при сохранении поздних добавлений в облике башни по методу доказательства «от противного», автор и здесь не упускает случая ввести в заблуждение читателей, несправедливо подавая это как «отсутствие принципиальности в реставрационных решениях последних лет».

Далее в «перечне строительства новых сооружений» называется восстановление разобранных четырех глав Надвратной церкви (XVII в.). При полной реставрации входной башни, когда Надвратной церкви будет возвращена ее прежняя роль в качестве основного архитектурного акцента парадного входа в монастырь, восстановление торжественного пятиглавия на ней станет совершенно необходимым, тем более что сохранились основания и даже чертежи разобранных глав. Совершенно очевидно, что как этот, так и следующий пример о намечаемом восстановлении разобранных в 1814 г. двух крылец царских чертогов по натурным данным и чертежам XVIII в., не могут трактоваться «как строительство новых сооружений... на которые отсутствуют документальные данные», а являются элементарными случаями реставрационной практики (См. проекты реставрации инв. № 54—636 и 41—406). Вместе с тем с точки зрения воссоздания общей оптимальной композиции ансамбля в целом восстановление этих существенных элементов совершенно правомерно и необходимо.

Продолжая свой перечень «новоделов», И. В. Трофимов указывает далее сооружение «деревянных верхов... на всех крепостных башнях, устройство многочисленных деревянных лестниц жилых монастырей корпусов и деревянных же переходов между ними». И снова неправда. В действительности из 11 башен крепости только на трех — Красной, Пивной и Сушильной — в случае полной реставрации их облика предусматривается восстановление шатровых завершений (см. Программа, пункты 3, 5 и 12), а на восьми других башнях сохраняются существующие покрытия. Восстановление деревянных лестниц по древнему образцу намечено только на Предтеченском корпусе келий, где они совершенно необходимы, так как двери второго этажа сейчас «висят» в воздухе; и только у того здания будут восстановлены один-два перехода от корпуса на крепостную стену, кстати не обязательно деревянных (п. 11). Тревога автора о том, что «деревянные верха башен... лестницы и переходы могут оказаться... огромным костром в центре нового промышленного города», неискренна и надумана, особенно если учесть, что сам город Загорск сегодня более чем на 80% состоит из деревянной застройки.

Восстановление геометрических форм земляных возвышений или бастионов предполагается только у двух башен — Пятницкой и Водяной (п. 16), причем у Пятницкой башни бастион уже восстановлен, и, как видно, даже у автора статьи не вызывает возражений. Известно также, что ров намечается восстановить не по всей восточной стене, а лишь на небольшом участке против главного входа, где обнаружен раскопками сохранившийся каменный мост, а содержание сухого рва на этом небольшом участке не представит никак их трудностей (черт. 41—336, 1962 г.).

Цветовое решение Троицкого монастыря, предложенное Программой, основано на восстановлении той оптимальной расцветки ансамбля, которая сохранялась до 1780 г., когда по прихоти митрополита Платона все стены и башни получили красный цвет с белыми «отбивками» и даже фасады церквей были раскрашены «наподобие мрамора». Но если розово-кирпичный цвет крепостных стен не продержался долго и они снова стали белиться, то семь из 11 башен, так же как и ряд других зданий внутри монастыря, сохраняли эту случайную окраску вплоть до наших дней.

Специальное исследование, проведенное ЦНРМ, позволило установить, что цветовой строй ансамбля до перекраски 1780 г. представлял собой очень логичную систему, отвечающую планировочному построению всего ансамбля. Так, древние соборы в центре монастыря были белыми и только цветные иконы в киотах и закомарах местами оживляли их облик; огромные цветисто-пестрые фасады зданий XVII в.— трапезной и чертогов — как бы заключали центр монастыря в цветовую оправу, а Надкладезная часовня и Надвратная церковь, раскрашенные так же ярко, выполняли связующую роль между ними. Все другие постройки: жилые корпуса, хозяйственные сооружения, а также крепостные стены и башни — создавали фон для главных зданий и красились в белый цвет. Такая стройная цветовая система, четко отражавшая планировочную структуру асамбля, подтверждается документами (икона XVII в., чертежи XVIII в. и др.) и была закреплена с сооружением колокольни, первоначальная окраска которой в бирюзово-голубой цвет прекрасно увязывалась с общим цветовым решением. Новые сооружения XVIII в. с мягкой пастельной окраской их фасадов (Михеевская церковь, Смоленская церковь, Митрополичьи покои, Ризница и др.) тактично включались в общую цветовую гамму. Материалы исследования и проектные предложения по восстановлению цветового решения ансамбля неоднократно обсуждались и были утверждены к осуществению (Протокол НМС от. 2.VII.1965 г.). Так, уже выполнена очистка от холста и окраски фасадов Троицкого собора и его приделов, восстановлена окраска «в шахмат» Царских чертогов, возвращен первоначальный цвет колокольне, подклетным этажам трапезной и чертогов, корпусам келий и башням. В 1968 г. в связи с возражениями автора статьи против восстановления первоначального белого цвета Больничных палат проект был подвергнут дополнительной экспертизе Министерства культуры РСФСР (доктор архитектуры П. Максимов) и рассматривался на секции архитектуры НМС (доктор архитектуры К. Афанасьев); и снова была подтверждена научная обоснованность и практическая целесообразность намеченных работ (Протокол НМС от 17.XII.1968 г.).

Восстановление первоначальной окраски Уточьей башни (беленый низ и красно-кирпичный с белокаменными деталями надстроенный верх) полностью документировано (см. изображения середины XVIII в.) и, кстати сказать, очень логично, так

что заявление автора статьи об «антихудожественности» и «необоснованности» такой раскраски совершенно бездоказательно. То же можно сказать и о Каличьей башне, окраска которой выполнена в соответствии с авторскими чертежами XVIII в.

Что касается Смоленской церкви, где якобы «предусматривается обработка в ордерные капители белокаменных блоков, венчающих пилястры», то речь идет о насечке лишь двух из 16 капителей по сохранившимся чертежам XVIII в., что вполне допустимо.

Затем автор утверждает, что «проектируя постройку новых сооружений, Программа ни одним словом не упоминает о ряде инженерных проблем, связанных с обеспечением устойчивости и сохранности древних зданий». И далее подробно указывает на необходимость конструктивного укрепления Успенского собора, Водяной башни, изучения арочной канализации монастыря (каналы которой «местами обветшали и возможны обрушения»), на необходимость «составления комплексного совмещенного проекта новых инженерных сетей водопровода, канализации, отопления, электросетей» и разработки проекта «вертикальной планировки всей территории», после чего делает категорический вывод: «архитекторов, работающих в настоящее время в лавре, совершенно не заботит сохранность ее памятников».

Безусловно, все перечисленные И. В. Трофимовым работы крайне необходимы для сохранения зданий и должны были быть сделаны в первую очередь, может быть еще в период 1938—1950 гг., но крайне удивляет, как автор статьи не заметил, что они уже давно выполнены[4]: так, Успенский собор обследован (инв. № черт. 1—65, 1952 г.) и укреплен (1953 г.); Водяная башня полностью выведена из аварийного состояния (черт. 706—761, 1960 г., производство работ 1964 г.); подземное хозяйство монастыря по всей его территории и за пределами стен изучено (комплекты чертежей 359, 396, 397, 1955 г.), а каналы ливнестоков прочищены, отремонтированы и с 1955 г. успешно действуют; разработаны и осуществлены в натуре проекты реконструкции сетей фекальной канализации (инв. № 434, 1955 г.), центрального отопления зданий (инв. № 1—590, 1953—1956 гг.), водопровода (черт. 807—812, 1962 г.), электросетей (инв. 385—392, 1963 г.); разработан и осуществляется также комплексный проект вертикальной планировки (инв. № 319, 1961 г.) — все эти документы имеются в музее и используются им при эксплуатации инженерного хозяйства. Создается впечатление, что не только понимание методов реставрационных работ, но и само представление о состоянии ансамбля лавры у автора статьи устойчиво держится на уровне 1950 г.

Специально следует остановиться на утверждениях, что Троицкий собор и Духовская церковь якобы «катастрофически сыреют», «сырость сказывается уже и на ценнейших иконах иконостаса работы Рублева» и даже называется причина этого — «замощение территории вокруг здания». Но так ли это? Иконостас Троицкого собора периодически освидетельствуется комиссиями специалистов. Так, в 1963 г. «в результате осмотра икон письма Рублева и его школы было признано, что состояние их сохранности удовлетворительное. Больших изменений сохранности живописи по сравнению с 1948 г. ...и с 1952 г. ...не обнаружено. В некоторых случаях на иконах потемнела и спеклась олифа (покровный защитный лак), местами наблюдаются случаи разложения олифы, что объясняется недостаточностью дневного света в соборе. Это дает основание утверждать, что... иконы, находящиеся в Троицком соборе с 1420-х годов, вполне здесь акклиматизировались, приспособившись к его температурно-влажностному режиму» (Акт от 26—27.VII.1963 г.). После устройства выстилки вокруг собора (1964 г.) и восстановления древней формы кровли (1966 г.), раскрывшей окна барабана на всю их высоту, что значительно усилило освещение интерьера, осмотр икон показал: «В настоящее время в соборе нормальный температурно-влажностный режим... Комиссия установила, что красочный слой и левкас икон иконостаса в общем находится в удовлетворительном состоянии» (Заключение от 23.X.1969 г.). Другая комиссия с привлечением инженеров-специалистов по камню определила, что «белокаменная отмостка вокруг собора устроена правильно и может оказывать только положительное влияние на состояние памятников архитектуры» (заключение от 22.IV. 1970 г.).

В числе других факторов, искаженно освещенных в статье И. В. Трофимова, особенно следует выделить безответственное заявление о том, что все работы по реставрации памятников архитектуры Троице-Сергиевой лавры ведутся будто бы не по указаниям государственных органов охраны памятников, а «по заказу» (в резюме на французском языке — «по команде») Московской патриархии, что грубо извращает существующую систему организации реставрационного дела в нашей стране.

Итак, внимательное изучение содержания статьи не оставляет сомнения, что она дезинформирует читателей в отношении истинного положения дел по сохранению, исследованию и реставрации памятников этого уникального ансамбля и грубо извращает смысл и задачи Программы реставрационных работ, принятой к осуществлению в плане выполнения постановления правительства РСФСР о создании ту-

[4] В заявлении в адрес дирекции музея от 11.VIII.1958 г. автор пишет: «Музею известно, что я жив и продолжаю вести наблюдения за техническим состоянием древних памятников Троице-Сергиевой лавры и особенно за памятниками, отреставрированными мною»...

ристского центра в Загорске. Становится очевидным, что автор сознательно пытается ввести в заблуждение неосведомленных читателей и вызвать у них недовольство деятельностью архитекторов-реставраторов и государственных органов охраны памятников. Нельзя не обратить внимания также на общий тон статьи, недопустимый для серьезного научного журнала.

В этой связи удивляет позиция теперешней дирекции Загорского музея, которая при малой компетенции в вопросах реставрации активно поддерживает «научные положения» И. В. Трофимова, а в своих печатных изданиях незаслуженно превозносит его работы (см. Путеводитель по музею, 1970 г.).

Следует отметить также, что такая большая и сложная работа, как реставрация комплекса памятников Троице-Сергиевой лавры, конечно, имеет свои трудности и не лишена недостатков. В их числе можно указать на недостаточно четкую организацию работ в последнее время со стороны треста «Мособлстройреставрация» (управляющий трестом архитектор Дворяшин В. М.), когда отсутствуют графики очередности работ, не всегда имеется необходимая проектная документация. Так, например, можно указать на реставрацию Введенской церкви, где уже три года ведутся работы без элементарного исследования и проектной документации, в результате чего допущен ряд ошибок (автор — архитектор Н. Недович); или на забракованную выстилку камнем части территории между колокольней и казначейским корпусом, которая выполнена по требованию музея под руководством архитектора треста Н. Недович «небрежно, без необходимых дренажных работ и вертикальной планировки, а также без согласования с Производственным бюро и с автором комплексного проекта реставрации архитектором В. Балдиным» (Заключение комиссии от 22 апреля 1970 г.).

Все эти вопросы должны получить должное разрешение, для чего необходимо усилить руководство и контроль со стороны органов охраны памятников с привлечением научной общественности за организацией реставрационных работ по этому уникальному объекту.

В заключение собрание признало необходимым довести до сведения Президиума Московской организации Союза архитекторов СССР материалы общественного обсуждения статьи И. В. Трофимова «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры» и просить Президиум:

1. Сообщить редколлегии журнала «Советская археология» и Министерству культуры РСФСР, что статья И. В. Трофимова грубо искажает положение дел с реставрацией памятников Троице-Сергиевой лавры, дает неверное представление о постановке охраны и научной реставрации памятников в стране и вводит в заблуждение широкую научную общественность у нас и за рубежом; просить в ближайшем номере того же журнала опубликовать материалы общественного обсуждения статьи, освещающие истинное положение дел в этой области.

2. Обратить внимание редколлегии журнала «Советская археология» на необходимость тщательной проверки и рецензирования специалистами материалов по архитектурной тематике до их публикации в журнале.

3. Учитывая крайне неэтичное поведение члена Союза архитекторов архитектора И. В. Трофимова, выразившееся в публикации им заведомо необъективного материала, а также в пренебрежении приглашением принять участие в общественном обсуждении его статьи, вынести Трофимову И. В. строгое общественное порицание.

Собрание выражает также сожаление, что члены редколлегии журнала «Советская археология», несмотря на настоятельные приглашения, уклонились от участия в общественном обсуждении статьи, опубликованной на его страницах.

Председатель расширенного заседания
Секции изучения и охраны памятников
архитектуры МО СА СССР
Л. Петров

Члены Президиума заседания:
Л. Давид
С. Подъяпольский

8 января 1971 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О НАПРАВЛЕННОСТИ РАБОТ ПО РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В ЗАГОРСКЕ

Приказом по Министерству культуры РСФСР № 923 от 1 декабря 1970 г. была создана Комиссия по проверке направленности работ по реставрации памятников архитектуры Троице-Сергиевой лавры в следующем составе:

Максимов П. Н. — доцент, руководитель сектора НИИ истории, теории и перспективных проблем советской архитектуры (председатель).

Воробьев А. В. — начальник отдела реставрации Госинспекции по охране памятников истории и культуры.
Верстина Н. Н. — зам. начальника Управления культуры Московского Облисполкома.
Балдин В. И. — директор НИИ музея архитектуры им. А. В. Щусева.
Давид Л. А. — гл. архитектор Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР.
Дворяшин В. М. — директор треста «Мособлстройреставрация».
Васильев Б. Н. — зав. отделом архитектуры Загорского музея-заповедника.
Князев К. Ф. — кандидат архитектуры.
Суслина О. П. — инспектор Госинспекции по охране памятников[1] (секретарь комиссии).

Комиссия ознакомилась с материалами исследования и проектной документацией по памятникам архитектуры ТСЛ, отчетами по произведенным работам, актами их приемки, а также с самими памятниками архитектуры и ведущимися реставрационными работами. На основании изучения указанных материалов, а также ознакомления со статьей И. Трофимова «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры» (Советская археология, 1970, № 4) и письмом (без номера и даты) дирекции Загорского музея-заповедника в адрес Комиссии, установлено следующее:

Начиная с 1951 г. Центральными научно-реставрационными мастерскими (арх. В. Балдин) были в первую очередь проведены исследования технического состояния зданий ТСЛ, укрепление тех из них, которые находились в аварийном состоянии, и выполнены необходимые мероприятия по инженерному благоустройству территории. Одновременно на основании изучения памятников архитектуры в натуре, сопровождавшегося зондажами, раскрытиями и раскопками, а также изучения архивных документов был собран материал, позволяющий с должной научной обоснованностью представить как первоначальный вид каждого здания монастыря, так и последующие изменения их. Эти данные, сведенные в графические и объемные реконструкции ансамбля на разных этапах его исторического развития, дали возможность проанализировать закономерности формирования его объемно-планировочной структуры, силуэта и цветового решения с учетом конкретных исторических условий и изменившегося окружения.

На базе проведенных исследований были разработаны комплексный проект реставрации ансамбля в целом, проектная документация на реставрацию каждого из 50 его зданий, проекты инженерного укрепления их и благоустройства территории монастыря с ближайшим окружением. Все эти проекты были рассмотрены и утверждены в соответствии с существующими законами об охране памятников культуры и инструкциями о порядке ведения архитектурно-реставрационных работ.

В 1956 г. с территории монастыря были выселены все учреждения и жильцы, что вместе с упомянутыми выше исследованиями и проектной документацией позволило вести работы по комплексной реставрации ансамбля широким фронтом. Была произведена реконструкция ливневой и фекальной канализации на всей территории монастыря, водопровода, электросетей и т. п., разработан и осуществлен проект вертикальной планировки и благоустройства, выведены из аварийного состояния с укреплением конструкций и необходимой реставрацией Успенский собор, Водяная, Уточья и Пивная башни, ряд сооружений у западной крепостной стены; проведено инженерное укрепление с восстановлением древних форм боевых ярусов на всем протяжении крепостных стен (более 1 *км*); выполнены реставрационные работы с восстановлением перекрытий, древних форм бойниц и капитальным ремонтом покрытий по Пятницкой, Луковой, Плотничной, Каличьей, Звонковой и Сушильной башням; выполнен капитальный ремонт с частичной реставрацией жилых корпусов: Предтеченского, Варваринского, Экономского, Успенского, Инспекторского, Казначейского и др.

Выполнены сложные работы по реставрации Троицкого собора XV в. с пристройками, по восстановлению позакомарного покрытия и звонницы Духовской церкви XV в., по восстановлению первоначальной кровли и смене обветшавшего покрытия четырех куполов Успенского собора XVI в., по восстановлению первоначальных форм Пятницкого колодца конца XVII в. с устройством покрытия лемехом, по выявлению первоначального объема и реставрации Крепостной и Гостиной палат XVII в. и др. Проведено также укрепление лепного и белокаменного декора, колонн и карнизов колокольни XVIII в. с восстановлением ее первоначальной окраски в бирюзовый цвет; восстановлена окраска «в шахмат» царских чертогов, первоначальная окраска Уточьей башни, Смоленской церкви и других зданий монастыря.

Осуществление перечисленных работ, выполненных на должном профессиональном уровне, в значительной степени способствовало восстановлению архитектурно-художественного облика ансамбля.

---

[1] Князев К. Ф. в работе комиссии участия не принимал, Дворяшин В. М. был только на одном заседании, а на других трест «Мособлстройреставрация» представлял арх. А. С. Алтухов.

Утвержденная Министерством культуры РСФСР и Мособлсоветом «Программа работ по реставрации архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры», намечаемых в связи с постановлением Совета Министров РСФСР о превращении Загорска в туристский центр, составлена на основании глубоких исследований, проведенных ранее ЦНРМ, предусматривает завершение работ по реставрации всего ансамбля и не вызывает возражений.

В статье И. Трофимова критика названной «Программы»», равно как и оценка огромных реставрационных работ, ведущихся в лавре после 1951 г., основана на умышленном замалчивании или, чаще всего, искажении фактов. При этом автор статьи приписывает работавшим после него реставраторам не разделяемые ими взгляды на реставрацию как на обязательное восстановление первоначального вида древних зданий (стр. 78, 79). Больше того, произведенные с 1951 г. работы убедительно говорят о стремлении к тому художественному «оптимуму» в истории реставрируемого здания, о котором сказано на стр. 75. Так, при реставрации Троицкого собора XV в. были сохранены и реставрированы купол и кровля XVI в., а также все пристройки к собору, появившиеся в XVI—XVIII вв.; при восстановлении позакомарного покрытия Успенского собора XVI в. сохранены луковичные формы глав и паперти XVIII—XIX вв.; встроенный в XVIII в. в арки крепостной стены XVI—XVII вв. так называемый «Кавалерский корпус» в своих наиболее сохранившихся частях не только сохранен (вопреки утверждению автора статьи на стр. 74), но и реставрирован.

То же относится и к утверждению автора статьи о якобы «полном отсутствии чувства ансамбля» в работах, произведенных и ведущихся после 1950 г. (стр. 80), тогда как окраска в белый цвет стен и башен монастыря не только возвращает им тот цвет, какой они имели до варварских перекрасок 1780 г., но и повышает целостность всего архитектурного ансамбля, нарушенную случайной расцветкой башен. Особенно наглядно это видно на примере ярко-красной окраски Больничных палат с церковью Зосимы и Савватия XVII в., произвольно, вопреки натурным данным раскрашенными автором статьи (1949 г.), что неоправданно «вырвало» этот памятник от других зданий монастыря; только с восстановлением изначального белого цвета фасадов в 1969 г. Больничные палаты обрели свое место в ансамбле и не только не потеряли «в своей художественной выразительности» (стр. 80), но и в значительной мере способствуют восстановлению общей гармонии в центральной части монастыря.

Бросается в глаза, что автор статьи по-разному оценивает одни и те же работы, в зависимости от того, произведены ли они им или другими. Так, положительно оценивая необоснованную красно-белую окраску Больничных палат, он объявляет такую же окраску Уточьей башни, соответствующую натурным данным и чертежам XVIII в., «антихудожественной и необоснованной» (стр. 80). Намечаемое восстановление боковых глав надвратной церкви и крылец у царских чертогов на основании натурных исследований и сохранившихся чертежей XVIII в. автор статьи причисляет к «строительству новых сооружений» (стр. 79), а постройка им западной паперти Зосимо-Савватиевской церкви и крыльца больничных палат, для чего не было таких материалов, приводится как положительный пример (стр. 77).

Не довольствуясь этим, автор статьи не останавливается и перед прямым искажением истины: намечаемая реставрация башни Святых ворот XVII в., искаженной в 1856 г., названа «уничтожением... постройки начала XIX в. и возведением на ее месте новой башни» (стр. 79); восстановление сохранившегося под землей каменного арочного моста через ров перед этими воротами рассматривается как новая постройка — «никому не нужная подделка под старину» (стр. 80); восстановление деревянных шатров на трех башнях и четырех крылец у Предтеченского корпуса превратилось в статье в восстановление «деревянных верхов... на всех крепостных башнях» и «устройство многочисленных деревянных лестниц жилых монастырских корпусов».

Еще более искажает правду автор статьи, говоря о работах по укреплению аварийных зданий, ремонту ливнестоков, водопровода, канализации, электросетей и т. п. как о не начатых и не предусматриваемых упоминавшейся «Программой», тогда как все они выполнены в 1952—1964 гг., а работы по благоустройству территории продолжаются и сейчас. Противоречит истине и его утверждение о сырости в Троицком соборе и Духовской церкви из-за устройства отмосток и об отстранении Загорского музея от обсуждения и от приемки реставрационных работ. Выдвинутое им требование о предоставлении Ученому совету музея «права контроля и вето» над такими работами противоречит существующим законам об охране памятников культуры и никак не вытекает из Ленинского декрета от 20 апреля 1920 г. (стр. 82).

Особенно следует отметить вредность безответственного заявления автора о том, что производство всех реставрационных работ по памятникам архитектуры Загорского музея-заповедника ведется будто бы «по заказу» (стр. 74), а в резюме на французском языке — «по команде» (стр. 82) Московской патриархии, что грубо извращает существующую систему организации реставрационного дела в нашей стране.

Можно указать еще на ряд примеров искажения истины автором статьи, но и из сказанного видно, что его единственная цель — составить у читателей неверное

представление о реставрационных работах по памятникам Троице-Сергиевой лавры, принизить и опорочить ту огромную работу, которая ведется реставрационными мастерскими и государственными органами охраны памятников. Непонятно, как редколлегия «Советской археологии» — серьезного научного журнала — могла предоставить ее страницы для такой явно недобросовестной статьи.

Дирекция Загорского музея в специальном обращении в адрес Комиссии заявляет без всякой аргументации о своем несогласии с рядом пунктов принятой Программы реставрационных работ. Письмо это, повторяющее вкратце положения статьи И. В. Трофимова, свидетельствует о малой компетенции дирекции музея в вопросах научной реставрации памятников архитектуры. Дирекция протестует даже против позолоты главы Зосимо-Савватьевской церкви и замощения каменной плитой территории между колокольней и музеем, произведенными по ее же требованию трестом «Мособлстройреставрация» и не предусматривавшимися «Программой».

Нужно отметить, что в изданиях Загорского музея и в экскурсионном показе памятников незаслуженно превозносятся реставрационные работы И. В. Трофимова и замалчивается гораздо большая работа, проведенная после него. (См., например, три издания Путеводителя по музею-заповеднику, последнее издание в 1970 г.)

Как уже отмечалось, «Программа работ по реставрации» не вызывает возражения, но положение с осуществлением этих работ в последние годы, ведущихся трестом «Мособлстройреставрация», внушает опасение. По некоторым работам нет до сих пор официальных разрешений и проектной документации (Пятницкая и Введенская церкви на Подоле), не всегда актируется приемка работ, отсутствуют научные отчеты по ним, недостаточен авторский надзор.

Планирование работ путем установления реставрационному участку контрольных цифр выработки в рублях, без утверждения перечня работ и их очередности и без графика выдачи проектной документации приводит к серьезным недочетам организации работ и к срывам сроков их выполнения. Так, к зимнему сезону 1970—1971 гг. не закончена работа по покрытию Сушильной башни, побелены только четыре из пяти барабанов Успенского собора и только часть граней Уточьей башни, ошибочная окраска первого яруса Каличьей башни исправлена лишь на одном фасаде, не закрыты оконные проемы Введенской церкви. В то же время проведены не предусмотренные Проектом золочение глав Введенской и Пятницкой церквей и выстилка белым камнем территории между колокольней и музеем.

Видимо, руководству треста «Мособлстройреставрация» следует уделить больше внимания Загорскому участку, значение которого в связи с упоминавшимся постановлением правительства становится особенно важным.

На основании вышеизложенного Комиссия пришла к следующим выводам:

1. Работы по инженерному укреплению и реставрации памятников архитектуры Троице-Сергиевой лавры после 1951 г. проведены на должном научном и техническом уровне.

Направленность и научная обоснованность «Программы работ по реставрации архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры», составленной в соответствии с постановлением правительства РСФСР о превращении Загорска в туристский центр и утвержденной Министерством культуры РСФСР и Мособлисполкомом, правильны и не вызывают возражений.

2. Отрицательная характеристика работ по реставрации архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры и утвержденной Программы работ на ближайшее время, содержащаяся в статье И. Трофимова, не объективна и основана на умышленном искажении фактов. Комиссия полностью присоединяется к оценке названной статьи, данной при ее общественном обсуждении на расширенном заседании Секции по охране памятников Московской организации Союза архитекторов СССР 8 января 1971 г. и рекомендует Министерству культуры РСФСР предложить редколлегии журнала «Советская археология» опубликовать на его страницах решение этого заседания, а также выводы настоящей Комиссии.

3. Положение дел с осуществлением «Программы работ по реставрации архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры» в настоящее время является тревожным. Обращая на это внимание Министерства культуры, Комиссия считает целесообразным рекомендовать заслушать в ближайшее время отчеты по ведущимся и намечаемым на 1971—1972 гг. работам со стороны ответственных организаций — трест «Мособлстройреставрация», Управление культуры Мособлисполкома, Загорский музей.

4. В связи с превращением Загорска в туристский центр необходимо дирекции Загорского музея-заповедника разработать специальную программу показа туристам памятников архитектуры Троицкого монастыря, включая крепостные стены, башни, погреба и ледники, подъемы на высотные площадки и др., а также памятников города. При этом следует активнее и шире организовать показ в экспозициях и в натуре тех огромных и ценных работ, которые выполнены по исследованию и реставрации архитектурного ансамбля за годы Советской власти.

5. В силу особого значения, которое получают реставрационные работы в Загорске и Троице-Сергиевой лавре в связи с указанным постановлением правительства РСФСР, Комиссия рекомендует Государственной инспекции по охране памятников

Министерства культуры РСФСР обратить особое внимание на Загорский участок треста «Мособлстройреставрация». Учитывая уникальность архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой лавры, целесообразно создать для этого объекта постоянно действующую рабочую комиссию из опытных специалистов для рассмотрения проектов наблюдения за работами и их приемки.

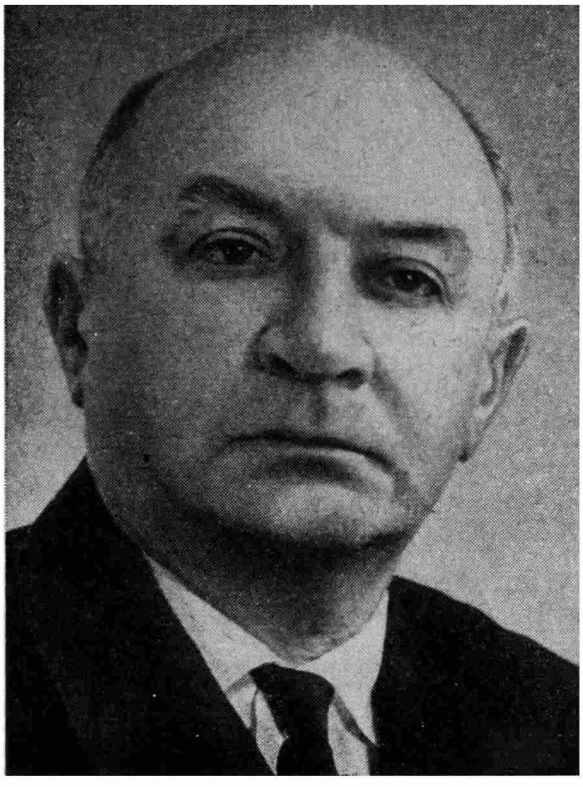
Председатель комиссии:
П. Максимов

Члены комиссии:
А. Воробьев
Н. Верстина
В. Балдин
Д. Давид
В. Васильев

Секретарь комиссии:
О. Суслина

«22» февраля 1971 г.

Особое мнение дирекции Загорского музея передано в Комиссию.



ЛАЗАРЬ МОИСЕЕВИЧ СЛАВИН

30 ноября 1971 г. на 66-году жизни скоропостижно скончался известный советский археолог, член-корреспондент Академии наук УССР, заведующий отделом античной археологии Института археологии АН УССР, член КПСС Лазарь Моисеевич Славин.

Воспитанник Ленинградского университета, ученик выдающегося отечественного антиковеда Б. В. Фармаковского, Л. М. Славин связал свою жизнь с Украиной, где он с 1938 г. начал работать как заместитель директора, а вскоре как директор Института археологии АН УССР. На этом посту и на других должностях Л. М. Славин до последнего дня своей жизни отдавал все силы работе, внеся большой вклад в дело развития украинской советской археологической науки.

В трудные годы Великой Отечественной войны, в далекой от Украины братской Башкирии, куда была эвакуирована Академия наук УССР, руководимый Л. М. Славиным Институт археологии продолжал вести значительную научную работу, в том числе и по изучению местных памятников, уделяя также большое внимание патриотической научно-пропагандистской деятельности.

После возвращения в 1944 г. в освобожденный Киев Л. М. Славин дальновидно и энергично начал собирать рассеянные войной научные археологические кадры. Именно благодаря этим его усилиям и большой работе по организации материальной и научной базы Институт археологии АН УССР смог за короткое время в полном объеме восстановить свою экспедиционную и исследовательскую работу.

Важнейшим звеном в многогранных трудах Л. М. Славина была многолетняя деятельность по воспитанию молодых квалифицированных археологических кадров. В 1944 г. Л. М. Славин возглавил созданную им кафедру археологии и музееведения Киевского государственного университета, которой он успешно руководил до 1970 г. Сотни бывших студентов исторического факультета КГУ до сих пор помнят яркие и содержательные лекции Лазаря Моисеевича, а многочисленные воспитанники кафедры, работающие сейчас в различных вузах и музеях Украины, по праву называют Л. М. Славина своим первым наставником и учителем в археологии.

Научной специальностью Л. М. Славина была античная археология. С 1926 г. он стал участником, а с 1939 г. неизменным руководителем археологических раскопок Ольвии, ставшей одним из наиболее полно исследованных и значительных античных памятников на территории Советского Союза. Раскопки Ольвии, осуществленные под руководством Лазаря Моисеевича, способствовали накоплению исторических источников огромного научного значения, освещающих тысячелетнюю историю этого древнегреческого города в Северном Причерноморье, а также способствующих выяснению многих проблем истории скифов, сарматов, кельтов и других племен, вовлеченных в орбиту ольвийской экономики и политики. Научная публикация найденных при раскопках ольвийских материалов, естественно, осуществлялась под руководством Л. М. Славина и при его непосредственном активном участии, так же как

и обобщенная разработка основных исторических вопросов этой тематики — Л. М. Славин был автором более 100 научных трудов. Редактированные им сборники и его собственные работы по праву вошли в основной фонд нашей научной литературы.

Благодаря заботам и энергии Л. М. Славина на месте древней Ольвии создан и успешно функционирует первый на территории Украины историко-археологический заповедник, ставший важной базой научно-исследовательских разработок в области античной археологии и одним из самых популярных культурно-экскурсионных учреждений на Юге республики.

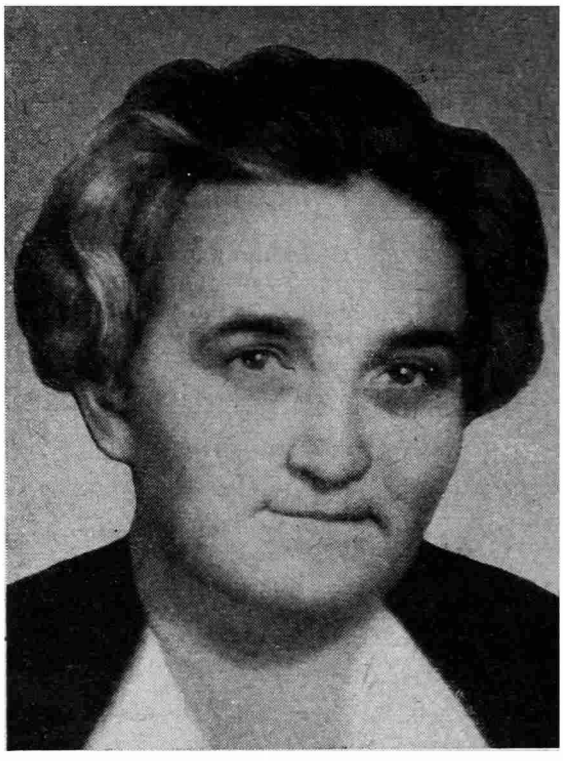
Все, кому пришлось учиться у Лазаря Моисеевича Славина, работать или просто общаться с ним, навсегда сохранят добрую память о нем как о необыкновенно доброжелательном и скромном человеке, выдающемся педагоге, ученом и замечательном организаторе археологической науки на Украине.

Е. В. Максимов

Список важнейших работ

1. К. Маркс и Ф. Энгельс об античности. ИГАИМК, 1931.
2. Розкопки Ольвії в 1935—1936 рр. «Вісті АН УРСР», Киев, 1937, № 4—5.
3. Ольвія. Київ, 1933.
4. Отчет о раскопках в Ольвии в 1935—1936 гг. Сб. «Ольвия», I, Киев, 1940.
5. Населення України з найдавніших часів до Київської держави. «Історія України». Київ, 1940.
6. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города. «Советская археология», VII, 1941.
7. Раскопки юго-западной части Тиритаки в 1933—1934 гг. (в соавторстве с Т. Н. Книпович). МИА, 4, 1941.
8. Основні підсумки вивчення Ольвії за радянський період. «Наукові записки Інституту історії і археології АН УРСР», I, Уфа, 1943.
9. Ольвія як міське поселення. «Юбілейний збіяник Академії наук УРСР до XXV роковин Жовтня», т. I, Куйбышев, 1944.
10. Основы археологии (программа курса). В книге «Археологія», I, Киев, 1947.
11. Розкопки Ольвії в 1945 р. АП УРСР, II, 1949, Київ.
12. Первобытно-общинный строй и зарождение классового общества. «История Украинской ССР», I, (макет), Киев, 1949.
13. Археологічні пам'ятки, їх вивчення й охорона. Киев, 1950.
14. Древний город Ольвия. Киев, 1951.
15. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947—1948 рр. АП УРСР IV, Київ, 1952.
16. Основные итоги исследования Ольвии за последние годы. «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР», 1953, Киев, 2 п. л.
17. До питання про ольвійсько-скіфські відносини. «Наукові записки КДУ», XIII, 10, Історичний збірник, 5, 1954.
18. Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце. КСИА АН УССР, 3, Киев, 1954.
19. Розкопки Ольвії в 1949—1951 гг. АП УРСР, V. Киев, 1955.
20. Основные результаты раскопок Ольвии в 1952 и 1953 гг. и задачи ее исследования в ближайшие годы (в соавторстве с Т. Н. Книпович). КСИА АН УССР, 4, Киев, 1955.
21. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954 г. КСИА АН УССР, 5, 1955, Киев,
22. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр. АП УРСР V, Киев, 1955.
23. Древньогрецьке поселення на острові Березані. «Наукові записки КДУ», XV, Історичний збірник, 7. Київ, 1956.
24. Раскопки Ольвии в 1955 г. КСИА АН УССР, 6, Киев, 1956.
25. Еллінська колонізація Північного Причорномор'я. Ольвія. «Нариси стародавньої історії Української РСР», Київ, 1957.
26. Методика археологічної практики. «Праці і матеріали Науково-методичної Ради», I, Київ, 1957.
27. Поселення ольвійскої периферії біля с. Чортуватого. «Вісник Київського університету», сер. істор. та філос., 2. Київ, 1958.
28. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. «Советская археология», XXVIII, Москва, 1958.
29. Основні результати та найближчі завдання розкопок Ольвії. VII, Київ, 1958.
30. Охорона пам'яток культури в нашій країні. «Нариси музейної справи», Київ, 1959.
31. Периодизация исторического развития Ольвии. «Исторический процесс в античных государствах Северного Причерноморья», 1959.
32. Археологія в Київському університеті за 125 років. «Історія Київського університету». Київ, 1959.
33. Програма з археології для історико-філологічних факультетів педагогічних інститутів. Київ, 1960.

34. Основные этапы изучения Ольвии. «Записки Одесского археологического общества», т. I, Одесса, 1960.
35. Раскопки западной стороны ольвийской агоры в 1960 г. «Краткие сообщения о полевых археологических работах Одесского университета и Одесского археологического музея в 1960 г.», Одесса, 1961.
36. Ольвійскі квартали центральної частини Верхнього міста. «Археологічні пам'ятки УРСР», XI. Киев, 1962.
37. Західна сторона ольвійської агори (по розкопкам 1956—1961 рр.). «Археологія», XV, Киев, 1963.
38. Основи археології. Програма для загальнонаукових факультетів вищих учбових закладів і вечірніх відділень історичных факультетів. Київ.
39. Основи археології. Методичні вказівки до вивчення курсу. Київ, 1964.
40. Раскопки западной части ольвийской агоры. Оборник «Ольвия. Теменос и агора». Москва — Ленинград, 1964.
41. Мистецтво племін скіфо-сарматського часу. «Історія українського мистецтва», I, Київ, 1966.
42. Мистецтво античных держав Північного Причорномор'я. «Історія українського мистецтва», I, Київ, 1966.
43. Здесь был древний город Ольвия. Киев, 1966.
44. Ольвійська агора. «Вісник КДУ», I, серії «Археологія і архівознавство», Київ, 1967.
45. Археологія в Київському університеті за роки радянської влади. «Вісник КДУ», I, серія «Археологія і архівознавство», Киев, 1967.



О. А. АРТАМОНОВА-ПОЛТАВЦЕВА

Ольга Антоновна Артамонова-Полтавцева родилась 14 марта 1897 г. в семье крупного харьковского врача. После окончания гимназии в годы первой мировой войны она поступила на Бестужевские курсы. Гражданская война прервала образование, оно было закончено в середине 20-х годов в знаменитом «зубовском» Институте истории искусств, который только в 1929 г. был влит в Университет.

С 1928 г. Ольга Антоновна начала работать в эллино-скифском отделе Государственного Эрмитажа, а затем в отделе доклассового общества. В те годы она принимала активное участие в раскопках в Ольвии (с И. И. Мещаниновым), на Березани (с М. Ф. Болтенко), на Маныче (с В. В. Гольмстен).

С 1935 г. Ольга Антоновна связала свою жизнь с М. И. Артамоновым. Почти одновременно с этим она ушла из Эрмитажа. Однако ее деятельность как археолога не прервалась. Наоборот, именно с этого времени она становится душой и хозяйкой всех экспедиций, возглавляемых М. И. Артамоновым.

В 1934—1936 гг. начались раскопки Саркела — Белой Вежи — хазарского, а затем русского города на Нижнем Дону. После Великой Отечественной войны М. И. Артамонов принял на себя руководство крупнейшей в нашей стране новостроечной экспедицией — Волго-Донской. Ольга Антоновна стала его заместителем. Все организационные и научные нити этой многомиллионной экспедиции сходились в ее руках. Если М. И. Артамонов был мозгом этой экспедиции, то Ольга Антоновна была ее бьющимся сердцем. После окончания работ на Волго-Доне она опять-таки наравне с мужем работала в другой его большой экспедиции — Юго-Подольской. Ее организационную хватку, педагогический талант и глубокие знания помнят все участники этих двух экспедиций. Многие студенты прошли школу Артамоновых, в которой основными заповедями были любовь к делу, беззаветное служение археологии.

Исследовательская научная деятельность Ольги Антоновны была всецело связана с экспедиционной. В 1950 г. она публикует результаты раскопок раннескифского могильника Исти-Су (СА, XIV, 1950), исследованного в 1937—1938 гг. северокавказской экспедицией под руководством М. И. Артамонова. Статья отличается необычайной полнотой охвата материала, строгой лаконичностью и прекрасным чеканным языком.

Античница по образованию, скифолог по наклонностям, Ольга Антоновна с началом раскопок в Саркеле стала археологом-медиевистом. Блестящие способности позволяли ей уже в немолодом возрасте не только полностью перестроить свои интересы, но и стать большим знатоком древностей Восточной Европы и Азии эпохи раннего средневековья.

Результатом этих новых накопленных знаний явилась великолепная монографическая работа «Могильник Саркела — Белой Вежи», вышедшая в свет в третьем томе «Трудов Волго-Донской экспедиции» (МИА, 109, 1963). Эта работа долгое время будет образцовым трудом по изданию конкретного материала — в данном случае огромного Саркельско-Беловежского могильника. Даже обычные, у других авторов

скучные описания могил у нее сделаны так, что читаются с величайшим интересом. Исходя из обработанного материала и опираясь на него, Ольга Антоновна дала нам полное представление о населении Саркела и Белой Вежи, о его разнообразных погребальных обрядах, связанных с различными этническими группами населения этих городов, об антропологических типах этого населения, меняющихся во времени, об их делах и даже болезнях. Можно смело утверждать, что все остальные статьи в этом сборнике курировались Ольгой Антоновной. Медицинская среда, в которой она вращалась в юности, постоянный интерес к медицине позволили ей на равных разговаривать с проф. Рохлиным, занявшимся изучением болезней саркельцев-беловежцев. Столь же активно она занималась и антропологией, нередко крупнейшие специалисты-антропологи обращались к ней за советом и помощью.

Надо сказать, что и издание первых двух томов Волго-Донской экспедиции в значительной степени были организованы Ольгой Антоновной. Она не чуждалась никакой работы: редактировала, подбирала неумелым молодым авторам иллюстрации, давала многочисленные консультации и практические советы. Авторы этих томов никогда не забудут ее дружескую и заботливую руку.

Тяжелая, быстро прогрессирующая болезнь приковала Ольгу Антоновну к дому, а затем — к постели. Болезнь в последние шесть лет не давала ей возможности в полную меру посвятить себя работе над следующими, задуманными еще в 1951 г. томами Трудов Волго-Дона. Однако и больная, она умудрялась хотя бы 3—4 часа в день разбирать дневниковые, полустершиеся записи, работать над полевыми чертежами и фотографиями, печатать на машинке отчет-исследование по раскопкам городища Саркел—Белая Вежа.

Она сделала уже половину этого титанического труда — нижний слой городища (слой Саркела) закончен. Смерть прервала работу буквально на полуслове. Друзья и товарищи по работе закончат ее.

2 октября 1971 г. Ольга Антоновна скончалась.

Неугомонный и неугасимый пламень, горевший в ее душе, освещал и грел окружающих ее людей. Она была настоящим человеком, неутомимой труженицей. Ее друзья знали силу ее обаяния, ее враги — силу гнева. Она ни к чему не была равнодушной. Именно о таких, как она, написал недавно Роберт Рождественский:

«Позировать не любят.
Планету волокут.
Наивно верят людям
И никогда не лгут.»

Друзья, товарищи, ученики

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Сб. «Археологические открытия»
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Україн. РСР
Бюл. МОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАН СССР — Вестник Академии наук
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВВ — «Византийский временник»
ВГМГ — Вестник Госуд. музея Грузии
ВДИ — «Вестник древней истории»
ДАН СССР — Доклады Академии наук
ДАН УССР — Доклады Академии наук Украин. ССР
ДВФСО АН СССР — Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук СССР
Зап. ИРГО — Записки Русского географического общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИВГО — Известия Всесоюзного Географического общества
ИГАИМК — Известия Госуд. Академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Укр. ССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МГПИ — Московский Госуд. Педагогический институт имени Потемкина
НПЛ — Новгородская первая летопись
НС — Нумизматический сборник. Тр. ГИМ
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИПКГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Собрание Госуд. Эрмитажа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — «Советская этнография»
Тр. ГИМ — Труды Госуд. исторического музея
Тр. ГЭ — Труды Госуд. Эрмитажа
Тр. НИИЯЛИЭ — Труды Научно-исслед. института языка, литературы, истории, экономики Мордов. АССР
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского госуд. университета
Тр. СОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения
Тр. ТАЭ — Труды Таджикской комплексной экспедиции
Тр. ТКМ — Труды Томского краеведческого музея
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Уч. зап. ТГУ — Ученые записки Томского госуд. университета
Уч. зап. НГПИ — Ученые записки Новгородского педагогического института
Уч. зап. Даг. ФАИ СССР — Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР
AAA — Annals of Archaeology and Anthropology
AS — Anatolian Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
WA — Wiadomosci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н. Ф. Богословская (Москва). К проблеме сложения халафской культуры . 3
Е. В. Антонова (Москва). Антропоморфная пластика Древней Месопотамии. Культура Джормо и Хасауна (конец VII—VI тыс. до н. э.) 17
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита 32
Б. Я. Ставиский (Москва). Капители древней Бактрии 41
Ю. Ф. Буряков (Самарканд). К исторической топографии городов средневекового Илака 51
А. Г. Мухамадиев (Уфа). Деньги, денежная терминология и денежный счет Булгара в предмонгольский период 63
М. Н. Федоров (Ташкент). Еще о покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX—XII вв. . . 73
М. Ф. Косарев (Москва). Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы 81
С. Н. Орлов (Новгород). По поводу М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева 96

Публикации

В. П. Третьяков (Ленинград). Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в смоленском Поднепровье 100
А. Р. Магомедов (Москва). Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры 110
С. Н. Орлов (Новгород). Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода 127
А. Ф. Дубынин (Москва). Из истории изучения Суздальского собора . . . 139
В. Д. Леньков, Н. В. Овсянников (Владивосток). О результатах анализов кирпичей и формовочной глины из плавильных мастерских Шайгинского городища 149

Заметки

Н. И. Бурчак-Абрамович, В. П. Любин (Ленинград). Орнитофауна пещеры Кударо I (Закавказье) 159
Л. Л. Карапетян (Ереван). Раскопки Кармирбердской (Тазакендской) крепости 164
А. Ц. Геворкян (Москва). Химическая характеристика металла из Лчашенских курганов 171
Е. К. Максимов (Саратов). Перелюбский клад медных серпов 178
К. А. Смирнов (Москва). Роговой псалий с городища «Графская гора» . . 182
Г. И. Соколов (Москва). Фанагорийский известняковый шлем 184
В. П. Шилов (Ленинград). Бронзовая чаша Андреевского кургана . . . 192
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Новые находки на городищах железного века у г. Подольска 194
Р. В. Николаев (Москва). Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск 193
В. П. Даркевич, А. Л. Монгайт (Москва). Старорязанские клады 1967 г. . 206

Критика и библиография

Ю. С. Свеженцев (Ленинград). Nikolaas J. van der Nerwe. The Carbon 14 Dating of Iron 213
М. Г. Гаджиев, В. Г. Котович, В. М. Котович (Махачкала). К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа 215
А. П. Смирнов (Москва). В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы 220
М. М. Кобылина (Москва). Обзор исследований скульптуры Боспора за 10 лет 221
И. А. Антонова, В. Н. Даниленко (Севастополь). Археологические исследования средневекового Крыма 228

Хроника

В. В. Дворниченко (Москва). Вопросы археологии на пленуме Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры Министерства культуры СССР 232

253

Письмо в редакцию 235
А. Э. Гессен (Ленинград). В редакцию журнала «Советская археология» Академии наук СССР 236
Решение Расширенного заседания секции изучения и охраны памятников архитектуры Московской организации Союза архитекторов СССР по обсуждению статьи И. В. Трофимова «О принципах реставрации памятников Троице-Сергиевой лавры» 237
Заключение о направленности работ по реставрации памятников архитектуры Троице-Сергиевой лавры 242
Лазарь Моисеевич Славин 247
О. А. Артамонова-Полтавцева 250

SOMMAIRE

Articles

N. F. Bogoslovskaïa (Moscou). Sur le problème de la formation de la culture de Halaf 3
E. V. Antonova (Moscou). Des figurines anthropomorphes de l'Ancienne Mesopotamie 17
M. D. Khlobystina (Leningrad). Les problèmes paléosociologiques de l'Eneolithique de la Sibéria méridionale 32
B. Ya. Stavisky (Moscou). Les chapiteaux de l'ancienne Bactriane 41
Y. F. Bouriakov (Samarkand). A propos de la topographie des villes de l'Ilak du Moyen âge 51
A. G. Moukhamadièv (Oufa). Les monnaies, la terminologie s'y rapportant et le système monétaire de l'Etat des Bulgares sur la Volga à l'époque antérieure à l'invasion des Mongols 63
M. N. Fiodorov (Tachkent). Sur le pouvoir d'achat du dirhem et celui du dinar en Asie Centrale et aux pays limitrophes 73
M. F. Kossarev (Moscou). Certains problèmes de l'histoire éthnique de la Sibérie occidentale à l'âge du bronze 81
S. N. Orlov (Novgorod). A propos de l'article par M. Kh. Aléchkovsky et L. E. Krasnorétchiev 96

Publications

V. P. Trétiakov (Léningrad). Les gisements de l'âge de la pierre découverte dans le bassin de la rivière de Katyn' (la partie de la région de Smolensk située dans le cours du Dniéper) 100
A. R. Magomédov (Moscou). Le site dit Bamoutskoïé, un nouveau monument de la culture de Koban 110
S. N. Orlov (Novgorod). Un site slave aux bords de la rivière de Prost' au voisinage de Novgorod 127
A. F. Doubynine (Moscou). Sur l'historique des recherches de la cathédrale de Souzdal 139
V. D. Lénkov, N. V. Ovsiannikov (Vladivostok). Sur les résultats des analyses des briques et des argiles à mouler provenant des ateliers de fonderie de la gorodichtché Chaïghinskoïé 149

Notices

N. I. Bourtchak-Abramovitch, V. P. Lioubine (Léningrad). La faune ornithologique de la caverne Koudaro I (la Transcaucasie) 159
L. L. Karapétian (Erévan). Les fouilles de la forteresse de Karmirberd (Tazakend) 164
A. Ts. Ghévoskian (Moscou). Les propriétés chimiques du métal provenant des kourganes de Ltchachen 171
E. K. Maksimov (Saratov). Le trésor des faucilles en cuivre découvert à Pérélioubino 178
K. A. Smirnov (Moscou). Une tige verticales en corne, retenant le mors de bride, trouvée sur la gorodichtché dite «Grafskaïa gora» («Mont de comte») 182
G. I. Sokolov (Moscou). Une «casque» en calcaire mise au jour à Phanagoréia 184
V. P. Chilov (Léningrad). Une coupe en bronze retrouvée dans le kourgane dit Andréevsky 192
R. L. Rosenfeldt (Moscou). De nouvelles trouvailles sur les gorodichtchés de l'âge du fer au voisinage de la ville de Podolsk 194
R. V. Nikolaév (Moscou). Les kourganes rattachés au Moyen âge et découverts à proximité de la station de chemin de fer Minoussinsk 198
V. P. Darkévitch, A. L. Mongaïte (Moscou). Les trésors de la vieille Riazan découverts en 1967 206

Bibliographie

Yu. S. Svéjentsev (Léningrad). Nikolas J. van der Nerwe. The Carbon 14 Dating of Iron 213

M. G. Gadjiyev, V. G. Kotovitch, V. M. Kotovitch (Makhatchkala). K. Kh. Kouchnariova, T. N. Tchoubinichvili. Des cultures anciennes du Caucase du sud 215

A. P. Smirnov (Moscou). V. P. Alexéev. L'origine des peuples de l'Europe Orientale 220

M. M. Kobylina (Moscou). La revue des études consacrées aux sculptures du Bosphore, parues au cours de la dernière dizaine d'années 221

I. A. Antonova, V. N. Danilenko (Sébastopol). Des recherches archéologiques de la Crimée du Moyen âge 228

Chroniques

V. V. Dvornitchenko (Moscou). Les problèmes d'archéologie et leur étude à l'assemblée plénière du Conseil scientifique et méthodique de la défense des monuments historiques et culturelles près du Ministère de la culture de l'URSS 232

La lettre envoyée dans le rédaction de la revue «Soviétskaïa arkhéologhiia» (par un groupe des peintres de Zagorsk) 235

A. E. Ghessen. A. la rédaction de la revue «Sovétskaïa arkhéologhiia» 236

Une discussion publique des principes de restauration du couvent de la Trinité-Saint-Serge à la section de Moscou de l'Union des architectes de l'URSS . 242

La conclusion sur les tendances des travaux de restauration des monuments architecturaux du couvent de la Trinité-Saint-Serge dans la ville de Zagorsk 247

L. M. Slavine 250

O. A. Artamonova-Poltavtséva 250

ОПЕЧАТКИ № 1, 1972

Страница	строка	напечатано	следует читать
317	12 сверху	в Овруге	в Овруче
317	22 сверху	Саран-Бату	Сарай-Бату
317	29 снизу	Р. В. Катингаров	Р. В. Катинчаров

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I-1972 г. Т.-05034 Подписано к печати 31/III-1972 г. Тираж 2 970 экз.
Зак. 61 Формат бумаги 70×108 1/16 Усл.-печ. л. 22,4 Бум. л. 8,0 Уч.-изд. л. 24,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10